Р. М. Хинъ.

Силуэты.

Р. М. Хинъ.

Силуэты.

МОСКВА.
Высочайше утвержденное Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Петровка, д. Левенсонъ.
1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Нина Александровна Высогорская серьезно и сосредоточенно сидѣла за мольбертомъ. Она писала портретъ хорошенькой дочки своей хозяйки, толстой, разбогатѣвшей „mercière“. Портретъ былъ заказанъ къ сроку, и она торопилась кончить. Въ раскрытое окно виднѣлись старые каштаны Булонскаго лѣса, душистыя цвѣтущія вѣтки акацій врывались въ комнату, наполняя воздухъ сладкимъ раздражающимъ запахомъ. Заходящее солнце золотило висѣвшія по стѣнамъ картины, шкафъ съ книгами, бронзовыя статуетки, гипсовые торсы, руки, ноги и цѣлый ворохъ бездѣлушекъ, разсыпанныхъ по столамъ и на каминѣ.

Изъ нижняго этажа неслись звуки испанской серенады Массенэ.

— Viens!—страстно взывалъ чей-то голосъ.

Car l'heure est brève,
Un jour effeuille les fleurs du printemps.

Сумерки быстро надвигались. Въ комнатѣ становилось темно. Художница встала, расправила утомленные члены, убрала краски и, разстегнувъ воротъ своей длин-

ной рабочей блузы, прошла въ неизбѣжный при каждомъ парижскомъ „appartement“ cabinet de toilette, напѣвая вполголоса:

Viens, car l'heure est brève.

Нина Александровна была высокая, стройная дѣвушка, по виду лѣтъ двадцати-двухъ-трехъ, съ блѣдноматовымъ подвижнымъ лицомъ и сѣрыми глазами съ зеленоватыми искрами. Небольшая голова, покрытая длинными, мягкими, почти черными волосами, переходившими на вискахъ и затылкѣ въ золотистые завитки, красиво сидѣла на тонкой шеѣ. Ее нельзя было назвать красавицей, ни даже очень хорошенькой, но все въ ней изобличало породу, изящныя формы сухощаваго стана, длинныя узкія руки, нѣсколько крупный носъ, тонкій рисунокъ рта съ измѣнчивою улыбкой, то разсѣянною и загадочною, то нѣжною и ясною. Она была круглая сирота. Матери она не помнила совсѣмъ. Отецъ ея провелъ всю жизнь, придумывая разные планы, долженствовавшіе обогатить человѣчество, и кончилъ тѣмъ, что застрѣлился въ припадкѣ хандры послѣ цѣлаго года неистоваго пьянства.

Дѣвочку, которой тогда было пять лѣтъ, взяла на воспитаніе бабушка, Прасковья Михайловна Высогорская, безвыѣздно проживавшая въ своей полуразвалившейся усадьбѣ въ О—й губерніи. Въ молодости Прасковья Михайловна слыла красавицей и львицей; объѣхала всю Европу, въ Римѣ съ умиленіемъ цѣловала туфлю папы, а въ Парижѣ, тоже съ умиленіемъ, плакала колѣнопреклоненная, передъ статуей Вольтера. Но послѣ объявленія воли всѣ эти увлеченія отошли въ область воспоминаній. Она поселилася въ уцѣлѣвшемъ у нея сельцѣ Ключахъ, гдѣ предоставила себя въ безграничную власть ключницы Домнушки, умной, ворчливой старухи, пропитанной колотьями и ревматизмами.

Жила Прасковья Михайловна очень уединенно. Единственный человѣкъ, ее навѣщавшій, былъ Левъ Никанорович Рѣдкинъ, ея дальній родственникъ, мелкій помѣщикъ, про котораго ходили цѣлыя легенды, а на самомъ дѣлѣ безобидный чудакъ и добрѣйшее существо. Его такъ называемыя оригинальности сводились къ тому, что онъ ходилъ всегда безъ шапки, питалъ странную слабость къ сѣрымъ сюртукамъ, которыхъ у него была цѣлая коллекція, самыхъ удивительныхъ фасоновъ, круглый годъ купался въ грязномъ, а по его увѣреніямъ, чудодѣйственномъ ключѣ и всею душой ненавидѣлъ лошадей и докторовъ, которыхъ называлъ „зловредными тварями". Левъ Никанорович былъ лучшій другъ маленькой Нины. Онъ пичкалъ ее пастилой, игралъ ей на флейтѣ свою любимую пьесу „*Полонезъ Огинскаго*"; когда она подросла, бралъ ее по праздникамъ къ себѣ въ Липовку и читалъ ей тамъ выдержки изъ своего сочиненія „*Ошибки прогресса*", нисколько не обижаясь ея замѣчаніями, что это ужасно скучно. Впрочемъ, чтобъ утѣшить его, она всегда прибавляла, что это все-таки не скучнѣе уроковъ о. Николая, который, по желанію бабушки, долженъ былъ внушать ей, разъ въ недѣлю, „principes de religion". Эти уроки были сущимъ испытаніемъ для дѣвочки. Всѣ объясненія о. Николая, начинавшіяся обыкновенно со слова „аще", она пропускала мимо ушей въ полномъ убѣжденіи, что она все равно ничего не пойметъ. За то она не спускала глазъ съ его желтой косицы, недоумѣвая, отчего она всегда въ пуху, и рѣшила про себя, что, вѣрно, о. Николай, въ искупленіе своихъ грѣховъ, далъ обѣтъ никогда не чесаться. Кромѣ Льва Никаноровича, у Нины была еще и подруга, дочь скотницы, по прозванью—рябая Машка, шустрая дѣвочка, съ которою Домнушка не позволяла ей „водиться" въ

виду того, что она „холопка“ и для барышни „не канпанія“. Но запретный плодъ оказывалъ на барышню такое-же дѣйствіе, какъ и на большинство грѣшныхъ людей: онъ ее соблазнялъ. Она видалась съ Машкой тайкомъ и разъ даже пропала куда-то съ нею и деревенскими мальчишками на цѣлый день, чѣмъ привела въ несказанный переполохъ весь домъ. Но вообще Нина пользовалась обширною свободой. Никто ее особенно не ласкалъ, никто и не бранилъ. У Домнушки вѣчно что-нибудь ломило, да ей было и некогда. Прасковья Михайловна больше витала въ прошломъ, сокращая тоску и однообразіе деревенскаго житья чтеніемъ романовъ. Она и внучкѣ не мѣшала читать, что ей вздумается, сама даже отдала ей ключъ отъ двухъ дряхлыхъ шкафовъ, носившихъ громкое названіе библіотеки, сказавъ въ видѣ назиданія: „Les livres n'ont jamais gâtés personne“. Однажды Нина, прочитавшая „*Отцовъ и дѣтей*“, обратилась къ ней съ вопросомъ: „Bonne maman, что такое нигилистъ?“, и Прасковья Михайловна совершенно спокойно отвѣтила: „Это дрянь,—ma chère“,—не полюбопытствовавъ даже узнать, откуда внучка почерпнула такое слово.

Нинѣ минуло тринадцать лѣтъ, когда Прасковья Михайловна отвезла ее въ одинъ изъ лучшихъ дрезденскихъ пансіоновъ. Каждый годъ, во время каникулъ, она ѣздила ее навѣщать, и онѣ проводили вакаціонные мѣсяцы въ Швейцаріи или Италіи, вдвоемъ, ни съ кѣмъ не знакомясь. Прасковья Михайловна, какъ и въ деревнѣ, всегда читала какой-нибудь романъ, а Нина не разставалась съ большимъ альбомомъ, въ который она списывала нравившіеся ей виды. Она знала наизусть всѣ картины Дрезденской галлереи, иллюстрировала все, что читала, покрывала рисунками каждый клочокъ бумаги, столы, стѣны, подоконники, за что ей подчасъ

жестоко доставалось отъ классныхъ дамъ. Въ пансіонѣ былъ превосходный учитель рисованія. Онъ находилъ, что «die kleine Russin“ обладаетъ большими способностями, поощрялъ и баловалъ ее.

Черезъ три года Нина кончила пансіонскій курсъ. Пріѣхавшая за нею, по обыкновенію, Прасковья Михайловна не узнала внучки, въ нѣсколько мѣсяцевъ превратившейся изъ ребенка въ дѣвушку.

— Mais tu es énorme, ma chère, — повторяла она безпрестанно.—Ты такъ скоро выросла, что я не успѣю оглянуться, какъ у меня будетъ une vieille fille sur les bras.

— Что же ты думаешь со мной дѣлать? — смѣясь, спрашивала Нина.

— Право, не знаю: о тебѣ надо серьезно позаботиться. Ѣхать въ Петербургъ дорого. Supposons qu'en sacrifiant mes bijoux,—а у меня ихъ осталось очень мало—можно будетъ продержаться двѣ зимы... и все-таки на блестящую партію тебѣ разсчитывать трудно. Tu es bien gentille, ma petite, mais pas du tout belle, а теперь безъ приданаго и красавицы сидятъ до сѣдыхъ волосъ или выходятъ Богъ знаетъ за кого. Всѣмъ нужны деньги, деньги, деньги... Я думаю, что въ Москвѣ у тебя будетъ больше шансовъ,—прибавила она, помолчавъ.—Тамъ у меня еще сохранились связи... la princesse Tata, mon amie de Смольный... Нужно будетъ только пошлифовать тебя немного. Да, придется остановиться на Москвѣ.

— А я, bonne maman, не желаю даже туда заглядывать къ твоей princesse Tata.

— Куда же ты хочешь, ma chère? — растерянно воскликнула Прасковья Михайловна.

— Никуда... Ты сама понимаешь,—заговорила вдругъ уторопленнымъ голосомъ дѣвушка,—что ѣхать при на-

шихъ средствахъ въ Петербургъ или Москву въ надеждѣ, что кто-нибудь сжалится и женится на мнѣ, унизительно. Оставь меня въ Дрезденѣ или, еще лучше отвези меня въ Мюнхенъ. Мнѣ кажется, что у меня есть талантъ къ живописи; я буду тамъ учиться въ академіи. Это будетъ стоить дешевле самаго скромнаго приданаго et c'est plus digne,—докончила она.

Прасковья Михайловна долго молчала.

— Я не могу этого рѣшить сразу,—сказала она, наконецъ,—я должна подумать.—А если у тебя нѣтъ таланта... une artiste manquée! Это очень горько, Нина.

Она обратилась за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній къ извѣстному мюнхенскому профессору Штерну. Тотъ выразилъ мнѣніе, что у Нины несомнѣнное дарованіе, и Прасковья Михайловна рѣшилась оставить внучку въ Мюнхенѣ, предварительно устроивъ ее въ одномъ почтенномъ нѣмецкомъ семействѣ.

Après tout, — подумала она, уѣзжая въ Россію, — это лучше чѣмъ выскочить за богатаго лавочника—quelque canaille de marchand".

Это было послѣднее свиданіе Нины съ бабушкой. Зимой она получила письмо отъ Льва Никаноровича, извѣщавшее, что Прасковья Михайловна скончалась, назначивъ его, Льва Никаноровича, опекуномъ внучки. Далѣе онъ писалъ, что Ключи она продала, незадолго до смерти, что денегъ осталось до пяти тысячъ, кромѣ того, двѣ нитки жемчуга съ брилліантовымъ фермуаромъ и пара изумрудныхъ серегъ. Посланіе свое Левъ Никаноровичъ кончалъ совѣтомъ вернуться домой. „А, впрочемъ,—прибавлялъ онъ, — если вы находите, что дальнѣйшее пребываніе за границей можетъ принести вамъ пользу, то я васъ, Ниночка, не неволю. Деньги въ приличномъ размѣрѣ буду высылать вамъ аккуратно".

II.

Нина усердно проработала въ Мюнхенѣ еще два года. Въ ней признавали выдающійся талантъ и предсказывали ей будущность. Въ средѣ художниковъ ее полюбили; всѣхъ привлекалъ ея живой нравъ, отсутствіе мелочности и зависти. Товарищи по искусству пламенно и на разныхъ языкахъ объяснялись ей въ любви; молодой профессоръ пластической анатоміи, голубоокій, свѣтлокудрый нѣмецъ съ шиллеровскимъ профилемъ, предложилъ ей даже руку и сердце, но она отклонила эту честь. Самымъ выдающимся событіемъ ея мюнхенской жизни было полученіе медали за первую самостоятельную картину „*Старая дѣва*“. Картина была небольшая и незамысловатая. Длинная аккуратная комната съ чинно разставленною незатѣйливою мебелью. Изъ-за темнаго полога виднѣется уголокъ кровати, три высоко взбитыхъ подушки, двѣ большихъ и одна маленькая, въ бѣлыхъ наволочкахъ съ кружевными прошивками. Среди комнаты обитый ситцемъ диванъ, на который въ изнеможеніи опустилась худенькая старушка, въ лиловомъ платьѣ, коричневой шали, съ жиденькими прядями гладко зачесанныхъ полусѣдыхъ волосъ. На колѣняхъ у нея клѣтка, изъ которой она только что вынула бездыханную канарейку. Горькая судорога искривила ея губы, по морщинистой щекѣ медленно скатывается слеза... Черная собаченка и жирная пестрая кошка, какъ бы понимая всю важность событія, пристально смотрятъ на хозяйку. Чувствуется, что въ этомъ узенькомъ существованіи смерть птички—реальное горе, реальная утрата. И кошка ужъ стара, и собака тоже... Картину купилъ какой-то богатый англичанинъ, а вско-

рѣ послѣ этого Нина, которой надоѣлъ Мюнхенъ, уѣхала въ Парижъ.

III.

Тамъ она попала въ кружокъ русскихъ эмигрантовъ. Ихъ безотрадная нищенская жизнь произвела на нее удручающее впечатлѣніе. Она видѣла воочію, какъ это призрачное безцѣльное мельканіе, порождавшее уныніе и злобу, тоску и разочарованіе, затягивало самыхъ даровитыхъ, придавало всему какой-то однотонный сѣрый колоритъ.

Надломленные, оторванные отъ родной почвы, кровныхъ связей, полные сомнѣній и тоскливыхъ воспоминаній, они чувствовали себя приниженными, какъ-бы виноватыми въ этой чужой, занятой своими интересами и дѣлами толпѣ, изъ которой они могли уйти только въ другую чужую толпу. Умные молчали или злились въ одиночку и острили надъ наивными, вѣчно юными энтузіастами, которые, чтобы убить время и заглушить невыносимое чувство пустоты устраивали, то и дѣло, разныя общества съ мудреными названіями, предсѣдателями, подпредсѣдателями, секретарями, членами и уставами съ безчисленнымъ количествомъ параграфовъ и пунктовъ.

Любовь давала здѣсь лишь мимолетное забвеніе. При ней еще настойчивѣе стучался въ дверь голодъ, еще страшнѣе напрягался мозгъ, придумывая различныя комбинаціи найти хоть какую-нибудь работу, еще озлобленнѣе сжималось сердце при видѣ любимой женщины дрогнущей чуть не въ лохмотьяхъ.

Бѣлыя нѣжныя ручки грубѣли отъ стирки и стряпни, блестящіе глаза потухали, поблекшія губы произносили

жестокіе укоры. Взаимныя обиды, уязвленное самолюбіе, огорченія, несбывшіяся надежды, интимныя отношенія — все это дѣлалось общимъ достояніемъ, все сливалось въ бѣличьемъ колесѣ кружковой жизни.

Между своими парижскими знакомыми Нина особенно отличала Владиміра Васильевича Цвиленева. Ей нравилась его рѣчь, то насмѣшливая и злая, то простая и задушевная, блескъ его горячихъ глазъ, вся его подвижная нервная фигура въ поношенномъ платьѣ, на которомъ странно выдѣлялись безукоризненною бѣлизной воротникъ и рукава тонкой сорочки. Нина звала его въ шутку „нищимъ принцемъ“. Отъ остального общества онъ держался нѣсколько въ сторонѣ; его тамъ не долюбливали и замѣтно побаивались, особенно энтузіасты,—онъ такъ обидно относился къ ихъ радужнымъ проектамъ! Цвиленевъ часто и охотно ходилъ къ Нинѣ. Она всегда узнавала его быстрые шаги по лѣстницѣ и, не дожидаясь обычнаго стука, сама открывала ему дверь со словами:

— Здравствуйте, Владиміръ Васильичъ, я такъ и думала, что это вы.

— Да, это я, моя милая барышня, — говорилъ онъ, снимая свою мягкую широкополую шляпу.—Спасаться пришелъ въ вашъ музей: хандра одолѣла.

— Какъ, и васъ?

— И меня, и меня, Нина Александровна, „уязвилъ бѣсъ благородный скуки тайной“...

— Это вамъ въ наказаніе за то, что вы надъ всѣми смѣетесь.

— Можетъ быть... хотя, по совѣсти говоря, это величайшая несправедливость. Вѣдь, намъ только и остается, что смѣяться, хныкать или мечтать на благодарную тему: „хорошо было-бы, кабы“. . и т. д. Впро-

чемъ, все это чепуха. Скажите лучше, здоровы-ли вы? Вы сегодня совсѣмъ прозрачная.

Онъ пытливо посмотрѣлъ на нее своими лучистыми глазами.

Она немного покраснѣла.

— Мнѣ что-то не по себѣ послѣднее время, — сказала она,—и сама не знаю съ чего. Чтобы развлечься, я вздумала отдѣлывать портретъ моей бабушки и еще больше раскисла. Хотите посмотрѣть мою бабушку? Она была красавица и на своемъ вѣку не мало вскружила головъ и разбила сердецъ.

— Любопытно, покажите.

Они подошли къ мольберту. Величественная старуха, съ грустнымъ выраженіемъ тонкаго правильнаго лица, сидѣла, откинувшись въ глубокомъ креслѣ и устремивъ вдаль задумчивый взглядъ.

— Прекрасный портретъ,—похвалилъ Цвиленевъ,— видно, что похоже... и поза хорошая, изящная, и техника превосходная. А это что?—и онъ указалъ на небольшую картину. — Славная какая усадьба! Такъ и вѣетъ стихами Фета:

Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья...

Это наши Ключи, т.-е. теперь уже не наши.

— Отлично написано,—еще разъ похвалилъ Цвиленевъ и усѣлся на диванъ. — Недюжиное у васъ дарованіе, Нина Александровна, вездѣ видѣнъ огонекъ, во всемъ сказывается что-то свое. Но одного таланта мало: нужно еще образованіе, а этимъ охъ какъ грѣшатъ русскіе художники; между тѣмъ, только образованіе спасаетъ отъ односторонности, всегда ведущей къ фальши. У васъ, напримѣръ, много вдумчивости, пожалуй, слишкомъ много для вашихъ лѣтъ, но у васъ есть наклонность къ сантиментальности. Это очень

опасная штука и легко можетъ перейти въ приторную слащавость... Да вы, кажется, меня не слушаете, сударыня, а я-то стараюсь...

Нина, засовывавшая въ каминъ огромный чайникъ, разсмѣялась.

— Слушаю, слушаю,—сказала она,—и даже хочу наградить васъ чаемъ за умныя рѣчи. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, Владиміръ Васильичъ, я съ вами вполнѣ согласна, и вы не повѣрите, до чего меня огорчаетъ мое невѣжество. Я, вѣдь, совсѣмъ, совсѣмъ ничего не знаю.

Она даже вздохнула, проговоривъ это.

— Вамъ-то, положимъ, нечего особенно печалиться,—утѣшалъ ее Цвиленевъ,—въ сравненіи со многими отечественными Рафаэлями вы еще Аристотель. У васъ вонъ въ библіотекѣ Шекспиръ стоитъ, Байронъ, Гете, и Жоржъ Зандъ, и Альфредъ де-Мюссе, и всѣ наши. Вы все это читали?

— Много разъ, это мои давнишніе любимцы...

— Вотъ видите...

— Ничего я не вижу... Всѣ мои знанія какъ-то безъ начала и безъ конца. У нашей ключницы Домнушки былъ сундукъ, въ который она запихивала рѣшительно все, а когда что-нибудь понадобится, ни за что бывало не отыщетъ. Вотъ моя голова точь въ точь Домнушкинъ сундукъ: чего нужно, того и нѣтъ.

— Оригинальное сравненіе, — замѣтилъ, усмѣхаясь, Цвиленевъ,—надо сообщить его Грибкову; онъ запишетъ и всунетъ его въ поэму. Вѣдь, онъ все записываетъ.

Вода вскипѣла. Нина накрыла на столъ и принялась разливать чай. Цвиленевъ молча глядѣлъ на нее, перебирая пальцами свою густую черную съ замѣтною уже просѣдью бороду.

— Знаете, о чемъ я часто думаю? — начала она, подавая ему стаканъ.

— Прелестный вопросъ, почемъ же мнѣ знать?

— Не перебивайте, я сейчасъ скажу. Я все думаю, отчего это мнѣ не удавалось до сихъ поръ сталкиваться съ настоящими умными русскими.

— Вѣроятно потому, что ихъ нѣтъ.

— Не шутите, Владиміръ Васильичъ, я говорю серьезно. Судя по книгамъ, они гораздо интереснѣе другихъ умныхъ людей,

— Развѣ въ Дрезденѣ, Мюнхенѣ, или гдѣ вы тамъ были, вы не встрѣчали русскихъ?

— Встрѣчала художниковъ и художницъ, но...

— Но что?

— Это совсѣмъ не то, что я себѣ представляла. Правда, они не такъ мелочны, не такъ разсчетливы, какъ нѣмцы, но они грубы, лѣнивы, обо всѣмъ судятъ съ плеча, самаго высокаго мнѣнія о своихъ талантахъ, а отъ малѣйшей неудачи приходятъ въ отчаяніе. Притомъ, ни въ одной колоніи тамошнихъ учащихся столько не сплетничали, какъ въ русской.

— Быть можетъ, Нина Александровна, вамъ тамъ лично чѣмъ-нибудь досадили?—спросилъ онъ.

О, нѣтъ, увѣряю васъ, меня тамъ всѣ любили и даже баловали, хотя я ни съ кѣмъ не была дружна.

— И вы не нашли ни одной симпатичной черты въ вашихъ русскихъ товарищахъ?

— Напротивъ, цѣлую гибель. Они добры, чрезвычайно отзывчивы на чужое горе, не только дѣлятся, но прямо отдаютъ послѣднее, и за это я ихъ очень любила. На нихъ только нельзя положиться: пока они съ вами хороши—вы совершенство, а поссорились—и хуже васъ человѣка въ мірѣ не найдется. Тамъ были двѣ барышни-подруги; вмѣстѣ изъ петербургской академіи пріѣхали и въ Мюнхенѣ вмѣстѣ жили, ихъ даже считали сестрами. И вотъ онѣ за что-то разссорились. То-есть

вы себѣ представить не можете, что онѣ другъ про друга послѣ разсказывали. Это возмутительно...

Цвиленевъ улыбнулся, глядя на возбужденное лицо Нины.

— Да,—сказалъ онъ,—некрасиво, но вы не думайте, что это спеціально русская черта: она свойственна всѣмъ людямъ. Цѣнить врага умѣютъ лишь очень немногіе. Въ художникѣ, если хотите, эта страстность еще простительнѣе. Онъ исключительно живетъ въ сферѣ чувства и образовъ, его натура воспріимчивѣе, впечатлительнѣе, чѣмъ у насъ, простыхъ смертныхъ. Потому-то художники бываютъ сплошь да рядомъ не выносимы въ частной жизни и при близкомъ знакомствѣ разочаровываютъ своихъ пламенныхъ поклонниковъ... Ну, а здѣшніе русскіе вамъ тоже не по душѣ? — спросилъ онъ.

— Здѣшніе меня ужасно подавляютъ. Всѣ какіе-то растерянные. Васъ я больше всѣхъ люблю, но, вѣдь, вы тоже больной... Вы только умнѣе другихъ, и потому это не такъ замѣтно.

— Ай, да скромница, всѣхъ отчитала, хорошо, очень хорошо!

— Нѣтъ, Владиміръ Васильичъ, зачѣмъ вы такъ принимаете? Не надо иронизировать; вѣдь, это совсѣмъ не смѣшно,—заговорила она, чуть не плача,—Я хочу знать, вы должны мнѣ разсказать, отчего здѣсь всѣ такіе искалѣченные.

— Долго разсказывать, Нина Александровна,—промолвилъ онъ, кусая губы,—да и не особенно легко разгребать свою же могилу. Поживёте, и сами умудритесь. А что до умныхъ или, какъ вы выразились, „настоящихъ“ русскихъ людей, то врядъ-ли вы ихъ и на родинѣ встрѣтите въ данный моментъ.

IV.

Въ дверь громко постучались и затѣмъ въ нее чуть не разомъ вошли двое мужчинъ и двѣ барыни.

— А мы къ вамъ компаніей,—затрещала Дешенька Любимова (маленькая особа, бѣлокурая и стриженая, съ большимъ носомъ, какъ-то испуганно торчавшимъ на ея длинномъ лицѣ).—Батюшки, да они тутъ въ двоемъ съ Володей чай распиваютъ! Идиллія какая, скажите, пожалуйста.

— Перестаньте вы молоть, поздороваться не дастъ,— сказала вторая гостья, Марья Дмитріевна Огнева, смуглая, очень недурная собой барышня.

Изъ мужчинъ одного звали Грибковымъ, другой былъ извѣстенъ подъ уменьшительнымъ именемъ Костеньки.

Грибковъ былъ малый, средняго роста, широкій въ плечахъ, съ черною кудластою головой и лицомъ, напоминавшимъ бульдога. Стихи его, весьма недурные, печатались въ „толстыхъ“ журналахъ. Господинъ этотъ былъ воплощенное самомнѣніе; онъ благоговѣлъ передъ собой, малѣйшую критику принималъ за личное оскорбленіе о современныхъ поэтахъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ, говорилъ не иначе, какъ скосивъ ротъ на сторону, и вѣчно былъ съ кѣмъ-нибудь въ ссорѣ, чаще всего съ своею собственною сестрой.

Совсѣмъ другой человѣкъ былъ Костенька. Высокій, стройный, красивый, онъ постоянно находился въ ажитаціи, всегда что-нибудь устраивалъ, разстраивалъ, восторгался, возмущался, няньчился съ дѣтьми, ходилъ за больными, пріискивалъ квартиры для знакомыхъ. Въ юности онъ подавалъ блестящія надежды, которыхъ, какъ водится, не оправдалъ, Быть на виду, играть роль

было его завѣтною мечтой, но безконечная лѣнь мѣшала ему: онъ все собирался серьезно заняться какою-нибудь спеціальностью, а кончалъ тѣмъ, что только секретарствовалъ въ безпрерывно нарождавшихся и скоропостижно умиравшихъ обществахъ.

Костенька сообщилъ, что часъ тому назадъ пало министерство такимъ тономъ, словно поздравлялъ окружающихъ съ именинами. Новость никого особенно не тронула (только Дашенька пропищала: подлецы! оппортюнисты!), и онъ поспѣшилъ возвѣстить другую.

— А я съ Викторомъ Гюго познакомился.

— Какъ это васъ угораздило? — изумился Цвиленевъ.

— Да очень просто! зашелъ къ нему и отрекомендовался: такъ и такъ, молъ, русскій, поклонникъ вашего высокаго гуманнаго таланта. Ну, разговорились... толковалъ я ему битыхъ три часа про наше молодое поколѣніе. Онъ просто уши развѣсилъ.

— Еще бы!—вставилъ Цвиленевъ.

— Какой вы, право, Костенька, — начала Нина, укоризненно покачавъ головой, и не докончила.

Ее энергически поддержала Марья Дмитріевна.

— И въ самомъ дѣлѣ, когда вамъ, наконецъ, надоѣстъ ломать изъ себя шута?—воскликнула она.—Жить не можетъ, чтобы не выкинуть какой-нибудь глупости. А все отъ бездѣлья! Гранитъ, гранитъ мостовую, поневолѣ всякая дурь въ голову полѣзетъ; ну, и прорветъ его: пойду, молъ, покажу Виктору Гюго, какіе между нами недоросли изъ дворянъ водятся... Эхъ, право, сидѣлъ бы ужъ лучше дома.

Бѣдный Костенька, совсѣмъ сконфуженный отъ внезапнаго натиска, хлѣбнулъ большой глотокъ горячаго чая, обжегъ весь ротъ и обиженно отвернулся въ сторону.

— Мнѣ, главное, что досадно, — продолжала неумолимая Марья Дмитріевна,—что вотъ *эти* (она кивнула на Цвиленева и Грибкова) тоже надъ нимъ потѣшаются, хотя сами въ милліонъ разъ хуже его и нисколько не умнѣе.

Цвиленевъ улыбнулся, а поэтъ хотѣлъ было оскорбиться, да раздумалъ и замѣтилъ только:

— У Марьи Дмитріевны вѣчно парадоксы. Костинькѣ пришла фантазія идти на поклоненіе къ выдохшейся бездарной муміи, а я виноватъ.

Чтобы разсѣять собиравшіяся тучки, Нина обратилась къ Грибкову съ вопросомъ, не пишетъ-ли онъ чего-нибудь новаго.

— Я занятъ теперь большой поэмой „*Самоубійцы*",— сказалъ онъ мрачно.

— Что же, вы описываете вообще самоубійство или какіе-нибудь особенно поразившіе васъ факты?

— Нѣтъ, меня больше интересовала тутъ психологическая сторона, причины, толкающія человѣка порѣшить съ собою. Вѣдь, по этому поводу существуетъ масса разногласій: одни говорятъ, что это легко, другіе—что трудно, третьи утверждаютъ, что всѣ самоубійцы сумасшедшіе, четвертые, напротивъ, считаютъ ихъ мудрецами.

— Эка важность: самоубійство! — прервала Дашенька. — Всунулъ голову въ петлю, спустилъ ноги, — и готово.

— Не правда-ли, какъ просто? — сказалъ Цвиленевъ и взглянулъ на Нину.

— Нѣтъ, разстаться съ жизнью не легко, — убѣжденно промолвила Марья Дмитріевна,—и скверна-то она, эта постылая жизнь, и не ждешь отъ нея ничего, а все тянешь... Въ молодости еще, мнѣ кажется, легче оборвать, не успѣлъ, по крайней мѣрѣ, такъ привыкнуть.

— А по моему это положительно вздоръ, — опять вмѣшалась Дашенька,—Не понимаю, какъ вамъ, Марья Дмитріевна, не стыдно такъ сантиментальничать, а еще докторъ математики! Вотъ, помяните мое слово, чуть только мнѣ приспичитъ, я сейчасъ...

— Заплачу,—докончилъ Цвиленевъ.

Всѣ засмѣялись. Дашенька вскочила и со всего розмаху стала колотить его по головѣ.

— Вотъ вамъ, вотъ, баричъ, аристократъ, реакціонеръ,—приговаривала она послѣ каждаго удара.

Онъ захватилъ одной рукой ея руки и сильно сжалъ.

— Ой, ой, больно,—завизжала Дашенька,—пустите!

— Не будете драться?

— Не буду, говорятъ вамъ—пустите.

— Сначала просите прощенія.

— Не хочу.

— А, не хотите?!

— Простите, простите, чортъ съ вами.

Цвиленевъ смиловался и разжалъ руку. Нинѣ не понравилась эта сцена, и она недовольно нахмурила брови.

— А все-таки вы баричъ, — прошептала опять Дашенька и спряталась за Марью Дмитріевну.

— Ладно, будетъ вамъ ругаться. Разскажите лучше, какъ вы съ посольскими чиновниками любезничали, чтобы они вамъ паспортъ дали.

— Какъ же, сейчасъ! Вамъ бы только ха-ха-ха да хи-хи-хи. Уродъ эдакій, эгоистъ, только бы ему наслаждаться; сама видѣла, какъ онъ намедни въ кондитерской мороженое ѣлъ. Никогда, небось, не подумаетъ о другихъ. Вотъ Иванова несчастная вчера родила, такъ ребенка обернуть не во что было.

— Помилуйте, чѣмъ же я виноватъ? — защищался Цвиленевъ.

— Костенька своихъ двѣ рубашки отдалъ,—продолжала, не слушая, Дашенька.

— Я готовъ отдать цѣлыхъ три,—началъ Цвиленевъ, но его прервалъ вдругъ встрепенувшійся Костенька.

— Не смѣйтесь, Цвиленевъ,—заговорилъ онъ,—если бы вы видѣли эту бѣдную Иванову. Одна, по-французски ни слова, въ монсардѣ, изъ всѣхъ щелей вѣтеръ дуетъ, въ каминѣ ни уголька. Она, вѣдь, скрытная, никогда не жалуется, а тутъ какъ увидала насъ съ Дашенькой, разрыдалась до истерики. Ребенокъ хилый, того и гляди, умретъ, да и она, пожалуй, не выдержитъ.

Бесѣда какъ-то сразу оборвалась. Грибковъ, дувшійся, что на него мало обращаютъ вниманія, поднялся первый и сталъ прощаться съ Ниной. За нимъ поднялись остальные. Въ прихожей Нина остановила Дашеньку и, сунувъ ей въ руку скомканную бумажку, застѣнчиво прошептала:

— Пожалуйста, передайте это Ивановой отъ себя, мнѣ неловко, я ее совсѣмъ не знаю.

— Хорошо, хорошо,—громко отвѣтила Дашенька,—вы славная барынька (она потрепала ее по плечу), только ужъ больно цирлихъ-манирлихъ. Ну, чего вы стѣсняетесь? что тутъ за секреты? Вы отдаете свой излишекъ. Это естественно и раціонально. Это не пошлая филантропія, не милостыня, чтобы лѣвая или тамъ правая не знала...

— Будетъ вамъ ораторствовать, Дашенька,—остановила ее Марья Дмитріевна,—пойдемте, договорите въ другой разъ.

V.

Нина познакомилась съ нѣсколькими французскими семействами. Сначала ее привлекала ихъ дѣятельная, энергическая жизнь, въ которой, казалось, не было мѣста русскому безалаберному метанію изъ угла въ уголъ. Но она скоро разочаровалась, и самодовольные, французскіе буржуа, съ ихъ отполированнымъ либерализмомъ, сквозь который нѣтъ-нѣтъ и проглянетъ жадный кулакъ, сдѣлались ей противны.

„Ужъ лучше мои полуголодныя, неуклюжія соотечественницы,—писала она въ своемъ дневникѣ, — чѣмъ эти крашеныя, перетянутыя, съ подведенными глазами куколки въ кудряшкахъ. Тѣ, если бросаются головою внизъ во имя невѣдомаго, то это невѣдомое, по крайней мѣрѣ, представляется имъ до того грандіознымъ, что не жаль изъ-за него расшибиться... А у этихъ невинныхъ птичекъ все ясно: богачъ мужъ — marchand en-gros—основа жизни, мелкій журналистъ, актеръ бульварнаго театра—ея украшеніе.

Она уходила въ Луврскій музей и тамъ забывала все бродя по безконечнымъ амфиладамъ залъ. Успокоенная обаяніемъ прекрасныхъ образовъ, она садилась у ногъ Венеры Милосской и подолгу, не отрывая глазъ, глядѣла въ дивное лицо богини, точно ждала, что мраморныя уста раскроются и съ нихъ польются чудныя рѣчи о томъ чудномъ далекомъ времени, когда у нея были руки, когда алтари ея благоухали ароматомъ цвѣтовъ, когда она наполняла міръ неисчерпаемою нѣгой красоты и любви. Ниной иногда овладѣвало неудержимое желаніе поцѣловать гордыя нѣмыя губы богини. Разъ она даже не утерпѣла и уже наклонилась было къ статуѣ, но въ дали показалась англійская чета въ „Бедеке-

ромъ“ въ рукахъ; она ясно услышала, какъ почтенная лэди, удостовѣрившись, что каждый номеръ дѣйствительно находится на своемъ мѣстѣ, произносила довольнымъ голосомъ: „oh yes“. Ей стало стыдно за свое ребячество и она проворно исчезла.

У дверей своей квартиры она столкнулась съ Цвиленевымъ.

— Здравствуйте, Владиміръ Васильичъ, вы были у меня?

— Да, и очень сожалѣлъ, что не засталъ: я собирался у васъ позаняться немножко, дома ужасная тоска, совсѣмъ не работается. Пустите, Нина Александровна, бѣднаго странника погрѣться у вашего огня, — произнесъ онъ жалобно.

— Сдѣлайте милость, бѣдный странникъ, — сказала она, входя въ комнату, — только огонь вамъ придется зажигать самому, я очень устала, за то обѣщаю вамъ не мѣшать, работайте сколько угодно.

— Вы мнѣ никогда не мѣшаете.

— Владиміръ Васильичъ, комплименты!.. стыдитесь!—воскликнула она, смѣясь, и ушла въ уборную перемѣнить платье.

Когда она вернулась, каминъ уже былъ растопленъ угли пылали съ легкимъ трескомъ, разливая въ комнатѣ пріятный свѣтъ и теплоту. Цвиленевъ сидѣлъ въ углу за столикомъ и быстро строчилъ перомъ по бумагѣ.

Нина вынула изъ шкафа маленькій томикъ «*Фауста*» и, усѣвшись поближе къ камину, стала читать.

— Какая, однако, отвратительная погода стоитъ, и не скажешь, что весна,—замѣтилъ Цвиленевъ, не переставая писать.

Нина ничего не отвѣтила.

Видѣли, Нина Александровна, новую картину Мункаччи?—спросилъ онъ, немного погодя.

— Видѣла.

— А что, хороша?

— Хороша, т. е. даже не такъ хороша, какъ оригинальна. Его Христосъ совсѣмъ не то, что, напримѣръ, Тиціановскій: это болѣе осязательный, если хотите, болѣе вульгарный Христосъ. Вотъ посмотрите, у меня есть копія съ головы Тиціановскаго Христа.

Она незамѣтно увлеклась, заговоривъ о любимой картинѣ, стала объяснять мельчайшія детали. Цвиленевъ отвѣчалъ на ея замѣчанія, отрываясь на мгновенье отъ бумаги, и, когда она умолкала, предлагалъ новый вопросъ.

— А въ Салонѣ были?

— Какъ же... А вы были?

— Нѣтъ еще, все собираюсь. Есть что-нибудь интересное?

— Немного; впрочемъ, импрессіонисты выставили нѣсколько прелестныхъ картинъ. Знаете, эту школу положительно ждетъ будущность...

И она начала перечислять.

— Вотъ и спасибо, Нина Александровна,—говорилъ Цвиленевъ, складывая бумагу,—съ вами всегда соединяешь полезное съ пріятнымъ.

— Это какимъ образомъ?

— Да я подъ вашу диктовку корреспонденцію о Салонѣ написалъ, теперь и бѣгать самому не нужно: стало быть, экономія времени.

— Владиміръ Васильевичъ, это безсовѣстно, такое іезуитство. Я думала, вы и въ самомъ дѣлѣ интересуетесь, а вы съ корыстной цѣлью выпытывали.

— Ну, вотъ, сейчасъ и страшныя слова: корыстная цѣль! Какая тутъ корысть? Самая невинная хитрость.

— Но развѣ можно писать о томъ, чего не знаешь?

— Младенецъ милый! А вы думали, что пишутъ только о томъ, что знаютъ? Вѣдь, эдакъ бы всѣ газетчики

по міру пошли. Въ сравненіи съ другими я еще паймальчикъ въ этомъ отношеніи, потому что черпаю свои свѣдѣнія у спеціалистовъ: по художественному, отдѣлу, напримѣръ, у васъ, а въ политикѣ и всемъ прочемъ выручаетъ Костенька. Когда съ нимъ поговоришь часокъ-другой, можно ужъ ни одной газеты въ руки не брать,—онъ всѣ прочелъ,—садись и смѣло пиши о чемъ угодно: о депутатскихъ преніяхъ, скандальномъ процессѣ, костюмѣ королевы Изабеллы, новой куклѣ въ витринѣ куафера, о митингѣ Луизы Мишель, капризахъ Сарры Бернаръ... о чемъ хочешь.

— Какъ это мило, еще онъ же издѣвается! но меня вы больше не поймаете, а чтобы вылечить васъ отъ лѣни, я скажу Костенькѣ про ваши невинныя хитрости.

— Чѣмъ замышлять козни, лучше напоите меня чаемъ изъ вашей bouilloté, а я вамъ буду новости разсказывать.

— Веселыя?

— Это какъ смотрѣть. Если поэту, напримѣръ погруженному въ мечты о прекрасномъ и высокомъ, вылить на голову тазъ съ грязною водой,—не въ фигуральномъ, а въ прямомъ смыслѣ, — что это, по вашему, весело?

— Во всякомъ случаѣ назидательно. Это вы про кого же, про Грибкова?

— Какъ вы догадливы! Да, про него. Нищета у нихъ, какъ вамъ извѣстно, страшная, сестра совсѣмъ надорвалась съ дѣтишками. Стираетъ, стряпаетъ, чинитъ, ну и пристала къ нему: пиши да пиши, а онъ ей: я, молъ, не ремесленникъ. А у ней, надо вамъ сказать, въ придачу ко всѣмъ прелестямъ, уже два мѣсяца зубы болятъ, нервы-то и расходились. Схватила она, не говоря худого слова, тазъ, да и бацъ на голову „пѣвцу любви и грусти нѣжной"... Эхъ, чортъ, кажется, переврал! Впрочемъ, вы поняли.

— Несчастный Цвиленевъ! — воскликнула Нина, —

какъ вы можете говорить подобнымъ тономъ о такихъ ужасныхъ вещахъ?

— Привыкъ я очень къ такимъ сценамъ; вѣдь, это *вамъ* все вновѣ... Ну, что вы затуманились, моя дѣточка.

Онъ взялъ ее за руку и ласково заглянулъ ей въ лицо.

— Я задумалась о Грибковѣ. Очень его жаль. У него, вѣдь, дѣйствительно есть талантъ и ничего-то ничего изъ него не выйдетъ, его затянетъ здѣшняя жизнь.

— Да, его положеніе печальное. Онъ чувствуетъ, что могъ-бы что-нибудь сдѣлать, и весь уходитъ на безплодныя потуги. Этимъ объясняется его мелочность, невыносимая обидчивость, болѣзненное самомнѣніе. Онъ или запьетъ, или опошлится до мерзости... чѣмъ мы всѣ обыкновенно кончаемъ.

— Развѣ это такъ неизбѣжно, Владиміръ Васильевичъ?

— Для насъ неизбѣжно, моя ласточка, вѣдь, мы не герои... А я вчера Кедрова за ухо выдралъ,—сказалъ онъ, помолчавъ и, очевидно, желая перемѣнить разговоръ.

Нина вопросительно посмотрѣла на него.

— За любопытство, — пояснилъ онъ, — вытащилъ у меня изъ ящика, вмѣсто папиросы, письмо и сталъ читать. Прелестный юноша! По младости и глупости согрѣшилъ и не знаетъ, бѣдняга, какъ ему выбраться на природный путь—въ товарищи прокурора... Теперь онъ на побѣгушкахъ у очаровательной Глафиры Павловны. Вы ее еще не знаете? Стоитъ познакомиться. Глупа, доложу вамъ, одна какъ двадцать коровъ, а мужемъ умнымъ и чрезвычайно ученымъ человѣкомъ, помыкаетъ, какъ тряпкой. *Мы*, говоритъ, съ Мишей, когда *нашу* книгу писали... а на самомъ дѣлѣ она, кромѣ какъ „милые родители, присылайте денегъ“, ничего въ свою жизнь не писала.

— Вотъ вамъ-бы такую жену, Владиміръ Васильевичъ,—она бы вамъ живо язычекъ подрѣзала,—замѣтила Нина.

Мм... это еще бабушка на двое ворожила, — возразилъ онъ, — меня не такъ легко осѣдлать. Вѣрнѣе всего, что я никогда не женюсь. Такъ хоть ублажаешь себя—Гамлетъ не Гамлетъ, а все же не кострюлька съ молокомъ и не сырыя пеленки... Простите, виноватъ... со всѣмъ забылъ, что возлѣ меня милая, скромная барышня, которая лишь въ качествѣ любопытной туристки заглянула въ наше болото... А знаете, Нина Александровна, — сказалъ онъ вдругъ совершенно серьезно,—вамъ въ самомъ дѣлѣ лучше уѣхать отсюда и поскорѣй.

— Почему?—спросила она.

— Не для васъ здѣшній воздухъ; вы тутъ зачахнете. Вы и такъ уже начали хирѣть. Признайтесь, вѣдь, плохо работаете?

— Плохо, Владиміръ Васильевичъ, все мысли разныя въ голову лѣзутъ.

— Скверный признакъ, скоро резонерствовать начнете, а это первый шагъ въ лагерь неудачниковъ, въ нашъ лагерь.

— Да куда ѣхать-то?—задумчиво промолвила она.

— Въ Россію, непремѣнно въ Россію, домой,—заговорилъ онъ взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ.—Тамъ тяжко, тамъ душно, но потому-то и не слѣдуетъ оттуда уходить. Что мы тутъ всѣ? Вѣчные праздноболтающіе... Уѣзжайте, голубка! Хоть и больно васъ отпускать... очень больно... а все-таки уѣзжайте.

Онъ нагнулся къ ней близко, близко. Она почувствовала на своей щекѣ его жаркое дыханіе, тихонько оттолкнула его и встала.

— Не надо, Ниночка?—сказалъ онъ, усмѣхаясь своею нервною усмѣшкой.

— Не надо,—отвѣтила она, вспыхивая.

VI.

Наступалъ канунъ русскаго Новаго года, который положено было ознаменовать баломъ, За нѣсколько дней до бала все какъ будто оживилось. Присяжные распорядители, съ Костенькой во главѣ, бѣгали собирать деньги, суетились, закупали, хлопотали, стараясь изъ всѣхъ силъ не ударить въ грязь лицомъ. Помѣщеніе наняли надъ какою-то харчевней въ quartier Latin и, чтобы придать ему приличный случаю видъ, поставили вдоль ободерганныхъ стѣнъ десятка два полузасохшихъ фикусовъ въ большущихъ кадкахъ. Эффектъ вышелъ довольно печальный, но распорядителямъ нравилось.

Нина пріѣхала поздно. Ей пришлось пробираться наверхъ между двумя рядами любопытныхъ гарсоновъ, выстроившихся на лѣстницѣ, чтобы посмотрѣть, какъ веселятся „les nihilistes russes“. Большая зала, скудно освѣщенная масляными лампами и свѣчами, была полна народу. Тутъ были и „легальные“: присланные изъ разныхъ университетовъ молодые люди, будущіе профессора, студентки, музыканты, пѣвцы и пѣвицы, съѣхавшіеся со всѣхъ сторонъ учиться къ парижскимъ знаменитостямъ. Но главный фонъ составляли эмигранты. Всѣ почистились, пріободрились, принарядились, даже Дашенька пришила кружевной воротничекъ къ платью и повязала взъерошенную голову ленточкой.

Среди залы красовалось потертое піанино, на которомъ добровольный таперъ безуспѣшно выколачивалъ жиденькую польку. Гости еще не обошлись, не оглядѣлись и робко жались по темнымъ угламъ. Распоряди-

тели были въ отчаяніи: они такъ мечтали, чтобы все было непринужденно и весело. Больше всѣхъ огорчался Костенька. Онъ перебѣгалъ отъ одной дамы къ другой, представляя имъ по нѣскольку разъ однихъ и тѣхъ-же лицъ, угощалъ всѣхъ фруктовой водой, хотя никому еще не было жарко, метался безъ всякой надобности изъ залы въ уборную, оттуда на лѣстницу, оттуда опять въ залу и старался не думать объ узкихъ лакированныхъ сапожкахъ, немилосердно жавшихъ ему ноги и за которые онъ сегодня утромъ заплатилъ въ „Bon Marché“ 7 франковъ 95 сантимовъ.

— Черти проклятые, 95 сантимовъ! — шепталъ онъ укоризненно.—Вѣдь, это чистѣйшій подвохъ, дескать, олухъ - покупатель не сообразитъ, что 95 сантимовъ тотъ-же франкъ.

У боковой стѣны возвышалось нѣсколько столовъ съ закуской, скромнымъ дессертомъ и бутылками „petit Bordeaux“ (Костенька заикнулся было о шампанскомъ, но его осмѣяли и онъ тутъ-же устыдился своей дерзости). У одного изъ столовъ сидѣлъ мужчина лѣтъ шестидесяти, сѣдой, съ тонкими, изящными чертами лица, и декламировалъ задушевнѣйшимъ, нѣсколько разбитымъ и нѣсколько уже пьянымъ голосомъ:

— „А если сонъ видѣнья посѣтятъ, о!“....

Это былъ всеобщій любимецъ Иванъ Иванычъ. Возлѣ него стоялъ Цвиленевъ и усердно съ нимъ чокался. Нина сѣла рядомъ съ Марьей Дмитріевной, смотрѣвшей въ этотъ вечеръ какъ-то особенно серьезно.

— Какъ вы поживаете?—спросила она, пожимая ей руку.

— Такъ себѣ; вчера, наконецъ, защитила свою злополучную диссертацію.

— И теперь вы докторъ математики? — воскликнула Нина.—Какая вы ученая! Просто страшно.

— Еще бы не страшно! Я скоро кусаться начну, — отвѣтила Марья Дмитріевна.

— Но вы все-таки довольны, что добились цѣли?

Марья Дмитріевна сощурила близорукіе, черные глаза.

— Какъ вамъ сказать?—промолвила она.—Послѣдній годъ мои занятія стали мнѣ казаться большою нелѣпостью, и я продолжала ихъ только по привычкѣ. Ну, скажите сами, кому будетъ легче оттого, что я знаю „небесную механику“ или „ряды“ Гауса? Науки я впередъ не подвину, да и самой мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно... Ужасно глупо!

Къ нимъ подлетѣлъ Костенька.

— Позвольте васъ пригласить на кадриль, Марья Дмитріевна, Нина Александровна, — проговорилъ онъ, запыхавшись и приглаживая свои безъ того прилипшіе ко лбу вихры.

— Обѣихъ вмѣстѣ?—спросила, смѣясь, Марья Дмитріевна.

— Ну вотъ! Всегда вы надо мной труните. Я ангажирую Нину Александровну, а вамъ сейчасъ представлю кавалеровъ.

Общество оживилось. Послышались смѣхъ, шутки. Двое косматыхъ юношей подхватили подъ мышки Ивана Иваныча и кружились съ нимъ по комнатѣ, поминутно наскакивая на танцующихъ. Цвиленевъ вертѣлъ Нину, нашептывая полунасмѣшливо, полусерьезно:

— О, вальсъ, культурный метаморфозъ пляски дикаря! Вальсъ и русскія уѣздныя барышни, это перлъ поэзіи. Посмотрите, какъ все мелькаетъ, несется, сливается... Какъ близко отъ меня теперь ваше блѣдное личико съ горящими глазами. Я чувствую на своей груди каждое біеніе вашего сердца....

Одинъ только Грибковъ, угрюмо стоя въ дверяхъ, съ такимъ презрѣніемъ глядѣлъ на кружившую публику,

словно тутъ-же собирался заклеймить ее безпощаднымъ стихомъ. Приближалось двѣнадцать часовъ. Танцы прекратились. Всѣ гости, человѣкъ, сто, образовали полукругъ въ центрѣ комнаты. Въ бокалы разливали дешевенькое вино. Когда послышался первый ударъ дребезжащихъ стѣнныхъ часовъ, всѣ замолки въ какомъ-то торжественномъ ожиданіи. Тишину прервалъ Иванъ Ивановичъ. Онъ поднялъ свой бокалъ и произнесъ взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ:

— Съ Новымъ годомъ, господа. Пожелаемъ, чтобы для всѣхъ нашихъ близкихъ, гдѣ-бы они ни были, наступившій годъ былъ годомъ облегченія.

— Ура! Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Пѣть, пѣть, непремѣнно пѣть! „*Дубинушку*“! Нѣтъ, „*Полоску*“!..—разсыпалось по залѣ.

Къ піанино подошла высокая круглолицая дѣвушка и затянула свѣжимъ сочнымъ голосомъ извѣстную „*Полоску*“:

...Все полоски своей ему жаль,
Все полоску свою вспоминаетъ,—

уныло подтягивалъ хоръ.

Нина заглядѣлась на эту группу. Трепетный свѣтъ догарающихъ лампъ и свѣчей падалъ на молодыя, уже измученныя лица, впалыя щеки, впалыя груди, изношенную, заплатанную одежду. На всемъ какъ-бы разлита печать безнадежности.

„И все это погибшіе,—подумала она,—некуда голову приклонить: ни впередъ, ни назадъ. Вотъ этотъ, въ сѣромъ пальтишкѣ, совсѣмъ ребенокъ... ему не болѣе восемнадцати лѣтъ, и все ужъ для него покончено. А та бѣдная, что кутается въ платокъ! Черезъ нѣсколько дней она будетъ матерью. Костенька опять изорветъ на пеленки свою рубашку; прибавится еще ни за что, ни про что надорванная жизнь“.

У неяя захватило дыханіе, слезы сжали горло, сердце замерло отъ наплыва жалости и любви. Она вышла въ уборную и, уткнувшись головой въ спинку дивана, горько зарыдала.

— Что съ вами, Высогорская?—спрашивала ее Марья Дмитріевна, силясь разнять ея судорожно сжатыя руки.

— Жалко, жалко, жалко всѣхъ,—твердила Нина. — Боже мой, неужели вамъ не жалко?

— У меня ужъ давно все перегорѣло,—отвѣтила та, подавая ей воду.

Изъ залы доносился шумъ голосовъ; нападали, очевидно, на Ивана Ивановича.

— Вы постепеновецъ,—взывалъ кто-то отчаянною фистулой, — романтикъ воображаете, что голодъ можно утолить чувствительными стишками.

— Ничего подобнаго я не воображаю; я говорю только, что наука...

Старая пѣсня! Этимъ еще въ сороковые годы прекрасные юноши пробавлялись: поклонялись идеалу и драли мужиковъ на конюшнѣ.

— Плевать намъ...

— Господа,—унимали распорядители, — что тутъ за ссоры, за споры? Мы сегодня веселимся.

— Къ чорту политику!—вмѣшались благоразумные.— Давайте лучше пить:

Выпьемъ, что-ли, Ваня,
Съ холоду да съ горя, —
Говорятъ, что пьянымъ
По колѣно море.

— И то дóбре,—согласился Иванъ Ивановичъ.

— Одѣвайтесь, Высогорская, и поѣдемъ домой, — сказала Марья Дмитріевна.—Ночуйте у меня,—я, вѣдь, тутъ близко.

На лѣстницѣ онѣ столкнулись съ Цвиленевымъ.

Онъ былъ страшно блѣденъ, на губахъ блуждала злая усмѣшка, пальцы быстро дергали бѣлый галстухъ. Увидѣвъ Нину, онъ захохоталъ:

— Ага, моя красавица, убѣгаете отъ страдальцевъ за идею... Н-да, букетъ-то ужъ больно пахучій, а у дамъ нервы тонкіе, нѣжные... Что вы такъ на меня уставились? Что я пьянъ? Эка важность! Умному человѣку да разъ въ годъ не напиться... Ниночка, прелесть моя,—заговорилъ онъ вдругъ жалобно, со слезами въ голосѣ, — не сердитесь, дайте ручку, ну, хоть одинъ па-а-льчикъ.

Было совсѣмъ рано. Нина и Марья Дмитріевна спали еще крепкимъ сномъ послѣ вчерашняго бала. Ихъ разбудилъ сильный стукъ въ дверь и охрипшій голосъ, кричавшій по-русски: „отворите, отворите скорѣй!" Первая очнулась Марья Дмитріевна. Она накинула попавшееся ей подъ руку пальто и бросилась открывать дверь.

Вошелъ Костенька, растрепанный, съ искаженнымъ лицомъ.

— Цвиленевъ застрѣлился,—объявилъ онъ, грузно опускаясь на стулъ.

Крикъ ужаса разомъ вырвался изъ груди Марьи Дмитріевны и выходившей въ эту минуты изъ-за ширмъ Нины.

— Когда? почему?—заикаясь, спрашивала Марья Дмитріевна.

— Часа два тому назадъ. А почему — неизвѣстно Только и написалъ французскую записку на имя комиссара, чтобы никого въ его смерти не винить. И какъ только я, оселъ, ничего не слышалъ? Вѣдь, я

ночевалъ у него, нельзя было никакъ догадаться... такой былъ веселый.

— И... наповалъ?—говорила Нина.

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ: рана безусловно смертельная, и онъ страшно мучится. Когда я къ вамъ пошелъ, онъ еще хрипѣлъ, даже въ сознаніе пришелъ. Доктора тамъ — одинъ нашъ, другой французъ; говорятъ, пуля прошибла легкое. Пойдемъ къ нему; онъ Нину Александровну велѣлъ привезти.

Обѣ дѣвушки торопливо одѣлись. Костенька позвалъ стоявшій у газетнаго кіоска фіакръ, и они отправились.

Всѣ молчали. Нина, стиснувъ зубы, пристально смотрѣла въ окошко кареты; ей казалось, что никогда дорога еще не тянулась такъ долго, что они никогда не доѣдутъ. Фіакръ подкатилъ къ огромному грязному дому въ узенькомъ, грязномъ переулкѣ. Они быстро зашагали по лѣстницѣ. Костенька остановился у мансарды надъ пятымъ этажемъ и осторожно постучалъ.

Дверь раскрыла Дашенька, вся красная и опухшая отъ слезъ.

— Живъ?—спросилъ шепотомъ Костенька.

— Живъ... сейчасъ говорилъ.

Они вступили въ низенькую, темную, мрачную комнату. Во всѣхъ углахъ валялись груды всевозможнаго формата книгъ. Противъ единственнаго, полукруглаго, приходившагося вровень съ поломъ, окна стоялъ диванъ и на немъ полулежалъ Цвиленевъ, поддерживаемый подушкой, подъ которую напихали книгъ, чтобъ она не опадала. Его трудно было узнать. Лицо, какъ-то потемнѣло, вытянулось, приняло зеленоватый отливъ; носъ и подбородокъ заострились, руки базпомощно лежали вдоль тѣла. Визгливое стенаніе вылетало изъ его обнаженной волосатой груди, которую широкою полосой перерѣзывалъ бинтъ.

Увидавъ вошедшихъ, онъ остановилъ свой потухающій взглядъ на Нинѣ и улыбнулся ей. Она подошла къ нему и, молча сѣвъ подлѣ дивана, взяла его руку.

Онъ сдѣлалъ усиліе и сказалъ:

— Конченъ балъ, Ниночка.

Его громкое, то хриплое, то свистящее дыханіе жутко раздавалось по комнатѣ. Онъ опять улыбнулся и показалъ на свою грудь:

— Похоронный маршъ во всѣхъ тонахъ, господа,—и что-то похожее на прежнее насмѣшливое выраженіе промелькнуло въ его глазахъ и мгновенно пропало.

У Нины вырвалось рыданіе.

Онъ повернулъ къ ней голову и произнесъ съ неудовольствіемъ:

— Зачѣмъ? Не надо... Вѣдь, сами знаете, что не о чемъ. Наклонитесь поближе, я хочу говорить.

Она почти приникла ухомъ къ его губамъ.

— Мнѣ надоѣло толкаться,—зашепталъ онъ тяжело,—я, вѣдь, не вѣрю ни въ революцію, ни въ динамитъ, не вѣрю, что отъ нихъ пойдетъ миръ и любовь на землѣ... А вы, голубка, уѣзжайте на родину... не хочется мнѣ, чтобы вы кончили при такой декораціи. Уѣдете?

— Непремѣнно, даю вамъ слово.

— Спасибо, моя славная.

Онъ прислонился головой къ подушкѣ, закрылъ глаза и умолкъ.

Всѣ удерживали дыханіе, только Дашенька отъ времени до времени нарушала тишину внезапнымъ всхлипываніемъ.

Умирающій вдругъ раскрылъ глаза.

— Прощайте, друзья,—выговорилъ онъ слабо.—Нина, поцѣлуйте меня... теперь, вѣдь, можно.

Она прижалась къ нему и долго не отрывалась, точно

хотѣла вдохнуть въ его холодѣющую грудь свое горячее живое дыханіе.

— Вотъ такъ... — промолвилъ онъ.

Больше онъ ничего не сказалъ.

Наступила продолжительная, мучительная, агонія. Онъ скончался только чрезъ два дня. Сначала хотѣли его похоронить на средства кружка, но Нина изъявила желаніе принять на себя эту обязанность, и всѣ безмолвно преклонились предъ ея желаніемъ.

Она цѣлый день провела около тѣла, срисовывая портретъ съ усопшаго.

Зимнее солнце бросало чрезъ окно короткіе лучи на блѣдную, спокойную голову, придавая ей видъ старой бронзовой медали, и по мѣрѣ того, какъ на бумагѣ оживало красивое, умное лицо съ нервною усмѣшкой, въ душѣ Нины становилось все холоднѣе и тоскливѣе.

Черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Цвиленева она уѣхала въ Россію.

VII.

Нѣкоторое время по возвращеніи изъ-за границы Нина провела въ Липовкѣ, имѣньицѣ своего стараго друга и опекуна, Льва Никаноровича. Старикъ и пріютившаяся у него, разбитая параличемъ, Домнушка встрѣтили ее очень радушно. Левъ Никаноровичъ все упрашивалъ ее остаться совсѣмъ у него.

— Довольно вы, Ниночка, покатались, поживите-ка дома,—говорилъ онъ.

Но сонная жизнь въ заброшенной деревенькѣ наводила на нее тоску. Она взяла у опекуна послѣднюю, остававшуюся у него тысячу рублей и уѣхала въ Петербургъ.

— Не горюйте, дѣдушка, — утѣшала она его, прощаясь съ нимъ, —дайте мнѣ угомониться. Еще немножко и я вернусь въ вашу мирную Липовку навсегда, и будемъ мы съ вами вмѣстѣ грибы собирать.

Въ Петербургѣ ее на первыхъ-же порахъ встрѣтилъ рядъ неудачъ. Картина ея *„Уличные музыканты“*, написанная ею еще въ Парижѣ, не попала на выставку. Она обратилась къ одному изъ главныхъ распорядителей, модному художнику. Онъ принялъ ее съ тою надменной учтивостью, какую проявляютъ администраторы изъ молодыхъ въ разговорахъ съ подчиненными, снисходительно процѣдилъ, что въ ея картинѣ дѣйствительно *что-то есть*, но что они, къ сожалѣнію, въ настоящее время завалены, положительно завалены произведеніями художниковъ, уже составившихъ себѣ имя.

Нина была оскорблена, возмущена, но духомъ не упала и дѣятельно принялась за новыя работы. Вторая и третья ея картины потерпѣли ту-же участь. Она растерялась, недоумѣвала. На нее стали нападать сомнѣнія.

„Вообразила, что у меня талантъ, и лѣзу... „Une artiste manquée“, — мучительно вспоминала она предостереженіе покойной бабушки.

Она проводила цѣлые часы на художественныхъ выставкахъ, безсознательно задаваясь мыслью доканать себя сравненіями, задавить въ себѣ всякую надежду на успѣхъ.

Но шаблонныя, безсмысленныя, претенціозныя по содержанію, жалкія по исполненію картины, попадавшіяся ей на каждомъ шагу, ставили ее втупикъ.

„Неужели *мое* хуже *этого* или *этого*? — невольно думала она. — Что-же это значитъ?“

Магическое слово *протекція* впервые представилось ей во всемъ своемъ могуществѣ. Она поминутно слышала что такую-то выдвинулъ такой-то, того провелъ тотъ-то.

— Вы не знаете NN? Вотъ вамъ-бы къ нему обратиться. Ему стоитъ только захотѣть, ему никто не посмѣетъ отказать, — говорилъ одинъ.

— Что NN! Вамъ-бы пробраться къ Z, — совѣтовалъ другой.—Раздобудьте къ нему рекомендацію, полюбезничайте съ нимъ; онъ это любитъ. Если вы сумѣете ему понравиться, онъ ужъ васъ за уши вытащитъ...

„Раздобыть, пробраться, если захочетъ, за уши вытащитъ"... Нина перебирала въ умѣ весь этотъ темный для нея словарь житейской мудрости,

„Фи, какая гадость, точно на рынкѣ",—думала она, и щемящая боль обиды захватывала ее.

Она, все-таки, крѣпилась и продолжала заниматься: не хотѣлось признать такъ скоро себя побѣжденной. Время шло. У ней явились знакомые. Нина чувствовала себя среди нихъ одинокою и чужою, болѣе чужою, чѣмъ даже въ Парижѣ. Съ одной стороны—хандра, бездѣлье и какое-то унылое ожиданіе, что вотъ-де не сегодня-завтра явится магъ и волшебникъ и, по щучьему велѣнью, по его хотѣнью, все разомъ измѣнится и процвѣтетъ. Съ другой — дикая, алчная, ничѣмъ не сдерживаемая погоня за карьерой и безпечальнымъ житіемъ,—вотъ что нашла Нина на родинѣ. Совершенно случайно по публикаціи, она получила урокъ въ семействѣ генерала Носкова. Это было очень кстати: отъ денегъ, взятыхъ у Льва Никаноровича, почти ничего не оставалось. Въ генеральскомъ домѣ бывало разнокалиберное общество. Царившій въ немъ безцеремонный, вялый, халатный тонъ не понравился Нинѣ, а больше всѣхъ въ этомъ обществѣ не нравился ей самый частый гость Носковыхъ, ихъ домошній врачъ Иванъ Петровичъ Бадаевъ, который почему-то обратилъ на нее свое благосклонное вниманіе и съ которымъ ей поневолѣ приходилось сталкиваться. Это былъ крѣпкій, средняго роста,

человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, съ рябоватымъ умнымъ лицомъ, густыми бѣлокурыми волосами, рыжею козлиною бородкой и темными глазами. Иванъ Петровичъ отличался положительностью; онъ терпѣть не могъ праздной болтовни и лишнихъ словъ. Никогда, даже въ университетѣ, не принималъ онъ участія въ жаркихъ, трескучихъ, возвышенныхъ, часто наивныхъ, но безконечно милыхъ спорахъ, на которые такъ падка безкорыстная, не считающая силъ юность.

— Доказываютъ двадцать часовъ сряду на триста ладовъ, что дважды два четыре,—отзывался Иванъ Петровичъ про эти споры.

Впечатлительная, чуткая Нина совсѣмъ не подходила подъ тотъ идеалъ благоразумной жены, о которомъ мечталъ Иванъ Петровичъ (онъ иногда позволялъ себѣ тратить время на столь непроизводительное занятіе), и, тѣмъ не менѣе, онъ влюбился въ нее, влюбился до безумія на зло себѣ, какъ только могутъ влюбляться холодныя, угрюмыя, упрямыя натуры. Природа иногда любитъ играть такія злыя шутки надъ человѣкомъ, опрокидывая вверхъ дномъ всю его мудрость.

Когда Иванъ Петровичъ сдѣлалъ предложеніе Нинѣ, она изумилась и отказала рѣзко, почти обиженно, словно хотѣла сказать: и можетъ-же человѣку придти въ голову такая нелѣпость!

Вскорѣ послѣ этого Петербургъ угостилъ ее однимъ изъ тѣхъ сюрпризовъ, на которые онъ такъ тароватъ. Она схватила тифъ во время весенняго ледохода. Иванъ Петровичъ свезъ ее въ больницу, къ которой состоялъ ординаторомъ. Болѣзнь затянулась. Консиліумъ больничныхъ докторовъ единогласно изрекъ Нинѣ смертный приговоръ. Она лежала истощенная, худая, какъ скелетъ, не оживая и не умирая.

— Только мѣсто занимаетъ,—говорили измучившіяся съ ней сидѣлки.

Иванъ Петровичъ проводилъ цѣлые часы у ея койки. Когда она приходила въ себя и раскрывала глаза, ея взглядъ всегда падалъ на его красивую, молчаливую фигуру, и она слабымъ, еле слышнымъ голосомъ благодарила его за незаслуженное участіе.

— Художница умерла? — спрашивалъ каждое утро дежурный врачъ, входя въ палату, и удивленно пожималъ плечами, получая отрицательный отвѣтъ.

Нина выздоровѣла, какъ-бы въ насмѣшку надъ медицинскою проницательностью.

Иванъ Петровичъ долго былъ въ нерѣшительности. Онъ находился въ положеніи человѣка, готоваго сознательно совершить непоправимую глупость, и чувствовалъ, что онъ безсиленъ противъ этой глупости.

„Ну, какая она мнѣ пара? Развѣ мнѣ такая жена нужна?"—убѣждалъ онъ самого себя и кончилъ тѣмъ, что вторично сдѣлалъ предложеніе Нинѣ, какъ только она вышла изъ больницы.

Одиночество, странствованія съ мѣста на мѣсто, неудачи, болѣзнь утомили ее. Она чистосердечно думала, что, кромѣ успокоенія и тишины, ей ничего не нужно.

— Я согласна, Иванъ Петровичъ,—сказала она,—но вы знайте, что я васъ совсѣмъ не люблю и выхожу за васъ только потому, что мнѣ теперь все равно, и потому еще, что я вамъ благодарна за вашу доброту ко мнѣ.

Иванъ Петровичъ утѣшилъ себя мыслью, что Нина, въ сущности, ребенокъ, изъ котораго человѣку съ характеромъ, какимъ онъ несомнѣнно считалъ себя, легко будетъ сдѣлать, что угодно. Онъ только просилъ ее не заводить ссоръ съ жившими у него матерью и сестрой.

— Вы понимаете, мать — старуха, придется иногда ей уступать.

— Хорошо, я, вѣдь, вамъ сказала, что мнѣ все равно,—промолвила Нина, невольно усмѣхаясь своей прозаической бесѣдѣ съ женихомъ.

VIII.

Минуло пять лѣтъ.

Обиліе дифтеритовъ, тифовъ и всякихъ воспаленій возвѣщало, что въ Петербургѣ наступила весна. Въ большой вылощенной залѣ, симметрично уставленной столами, жардиньерками, стульями, изъ которыхъ каждый кричалъ о своемъ происхожденіи прямо изъ Гостиннаго двора, сидѣла за роялью барышня и съ увлеченіемъ пѣла:

Voyez par ci,
Voyez par là...

— Саша, перестань барабанить,—прервалъ ее громкій голосъ, — голова кругомъ идетъ.

Саша надула губы, вскочила изъ-за рояля и стремительно бросилась въ слѣдующую комнату, гдѣ сидѣла высокая, худая старуха и чинила бѣлье.

— Слышишь, мама, мнѣ ужъ играть нельзя, у Ивана Петровича отъ моей музыки голова кружится, онъ заниматься не можетъ, — проговорила она, не переводя духа.

Но мать, повидимому, не расположена была ее поддержать и сказала только:

— Отвяжись, пожалуйста, и въ самомъ дѣлѣ надоѣла, — съ утра до ночи колотитъ. Не хочешь-ли и ты въ *артистки* записаться? Будетъ ужъ съ насъ одной... Ишь художница наша ходитъ, словно въ воду опущенная;

должно быть, опять картину забраковали. Ты ничего не слыхала? — спросила она, понизивъ голосъ до шепота.

— Нѣтъ, мама, ничего; развѣ она намъ скажетъ? Вѣдь, она себя передъ нами какой-то герцогиней считаетъ. Мы должны благословлять судьбу, что дышемъ однимъ воздухомъ съ такимъ совершенствомъ. А какая она лицемѣрка, эта неприступная Нина Александровна! На той недѣлѣ я сама видѣла, какъ она шепталась съ Воробьевымъ и какъ онъ ей руку цѣловалъ. Вѣдь, онъ въ нее влюбленъ, этотъ лекаришка, и только для отвода глазъ волочится за мной. То-есть, до чего глупъ мой братецъ Иванъ Петровичъ! Даже не замѣчаетъ, какъ она его третируетъ; закопался весь въ свою медицину и не видитъ, что подъ носомъ дѣлается.

— Видитъ-то онъ не хуже насъ съ тобой, да прикрикнуть на такую принцессу боится; неровенъ часъ, сбѣжитъ. Вотъ онъ и зыкаетъ на насъ, знаетъ, что мы не сбѣжимъ. Эхъ, Ваня, Ваня, говорила, не женись! не послушался... ну, и возись теперь.

Въ дѣйствительности Варвара Григорьевна Бадаева была далеко не такимъ смиреннымъ существомъ, на которое можно было безнаказанно „зыкать". Постоянно стремившаяся завоевать себѣ уголокъ потеплѣй, она инстинктивно презирала слабость, была неумолима и безжалостна ко всему, что не представляло несомнѣнныхъ и осязательныхъ результатовъ, — свойство, присущее практическимъ и преуспѣвшимъ людямъ. Дѣтей своихъ она очень любила, особенно дочь.

Сашенька была хорошенькая дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, черноволосая и голубоглазая, съ красными, какъ вишня, губами, пышнымъ бюстомъ и тоненькой таліей, которой она гордилась, какъ однимъ изъ своихъ главныхъ преимуществъ. Въ институтѣ ее считали красавицей, учителя глядѣли сквозь пальцы на ея лѣнь, подруги

ей завидовали, и Сашенька мало-по-малу сама привыкла смотрѣть на себя, какъ на дорогое украшеніе, которое всѣ должны холить, беречь и ставить на видное мѣсто. Точно такими-же глазами глядѣла на нее Варвара Григорьевна. Она считала не только естественнымъ, но какъ-бы законнымъ, что дочь цѣлые дни ничего не дѣлаетъ, сама ее причесывала и одѣвала и съ ненавистью глядѣла на приходившихъ къ сыну товарищей, съ которыми Сашенька кокетничала на всѣхъ парахъ. Разъ Варвара Григорьевна пришла даже прямо въ ярость. Зайдя въ гостинную, она увидала, что передъ Сашенькой стоитъ на колѣнахъ и горько рыдаетъ часто бывавшій у нихъ гость, аптекарь Порфирьевъ. Въ одно мгновенье она поставила его на ноги, сунула ему въ руки шапку и такъ краснорѣчиво указала на дверь, что ей могла-бы позавидовать любая трагическая актриса.

Оставшись съ дочерью, она начала строгимъ тономъ:

— Стыдно, сударыня...—но была прервана звонкимъ смѣхомъ Сашеньки.

— Ха,-ха,-ха, мама, ха-ха-ха, какая ты умница, что вошла! Когда онъ упалъ и разревѣлся, какъ теленокъ, я ужасно испугалась, какъ-бы онъ чего не сломалъ, а потомъ, когда ты его схватила за шиворотъ, онъ такъ смѣшно заковылялъ пятками... Ха-ха-ха! Да чего ты боишься, мама?—сказала она вдругъ, переставая смѣяться —Развѣ я могу влюбиться въ этотъ липкій пластырь? Это просто болванчикъ, на которомъ я учусь.

Варвара Григорьевна даже ротъ разинула отъ удивленія и съ тѣхъ поръ непоколебимо увѣровала въ здравый смыслъ дочери.

О сынѣ своемъ Варвара Григорьевна была не такого возвышеннаго мнѣнія, а послѣ его „дурацкой“ выходки (такъ она называла женитьбу Ивана Петровича) онъ окончательно упалъ въ ея глазахъ. Нину она вознена-

видѣла сразу: „ни рожи, ни кожи, вѣха—вѣхой“,—отзывалась она про нее и стала донимать ее тою неуловимою массой мелкихъ преслѣдованій и оскорбленій, на которыя способна только женщина. Даже рожденіе внука ее не смягчило. Ребенокъ, напротивъ, явился для Варвары Григорьевны какъ-бы новымъ источникомъ нападеній на невѣстку.

— Гдѣ ужъ вамъ съ дѣтьми возиться,—говорила она ей,—ваше дѣло только на диванѣ лежать, да цвѣточки рисовать.

Однажды она сожгла утюгомъ прелестный, только что оконченный Ниной ландшафтъ. Та, еле сдерживая слезы, глядѣла на опаленное, продыравленное полотно.

— Ахъ, матушка, извините,—униженнымъ тономъ говорила Варвара Григорьевна,—вашему-же сыну пеленки гладила.

Иванъ Петровичъ держался въ сторонѣ отъ „бабьихъ дрязгъ“, да и Нина никогда не обращалась къ нему съ жалобами. Въ началѣ она относилась къ Ивану Петровичу очень тепло: его вниманіе къ ней во время ея болѣзни смягчило ея прежнюю антипатію къ нему. Онъ казался ей добрымъ, обыкновеннымъ человѣкомъ, съ которымъ, во всякомъ случаѣ, можно ужиться.

„Да что-же я и сама-то, — думала она, — чтобы претендовать на необыкновенное?“

Но обстоятельства не замедлили разубѣдить ее въ добродушіи Ивана Петровича.

Отдохнувъ отъ болѣзни, она опять принялась за живопись. Ее тянуло къ мольберту, какъ страстнаго игрока тянетъ къ картамъ, пьяницу — къ вину. Запасъ ея красокъ истощился, она пріобрѣла свѣжій и раскладывала свои покупки съ тѣмъ чувствомъ радости, которое испытываешь при видѣ предметовъ, напоминающихъ излюбленное, дорогое дѣло. Вошелъ Иванъ Петровичъ и, уви-

давъ жену, улыбающуюся передъ грудой оловяныхъ трубочекъ, стклянокъ, бумажныхъ пакетиковъ, спросилъ:

— Чему это ты радуешься?

— Да вотъ я новыхъ красокъ накупила и очень довольна.

— Гм... А дорого стоитъ это удовольствіе?

— О, нѣтъ, ужасно дешево! Представь, что съ мольбертами,—мои старые сломались,—всего сорокъ рублей.

Иванъ Петровичъ поблѣднѣлъ.

— И это ты называешь дешево?!—воскликнулъ онъ— Сорокъ рублей! Да знаешь-ли ты, сколько мнѣ нужно визитовъ сдѣлать, чтобы заработать сорокъ рублей?

Нина стояла ошеломленная, опустивъ руки.

— Я долженъ тебѣ сказать разъ навсегда, — продолжалъ Иванъ Петровичъ, — что на глупые расходы я не люблю, да и не могу тратить денегъ, онѣ у меня не краденыя, а твою живопись я считаю баловствомъ. Прежде, когда у тебя не было серьезныхъ обязанностей, это еще имѣло смыслъ, но не теперь. Впрочемъ, на первый разъ такъ и быть, я не сержусь, но впредь прошу быть благоразумнѣе. Ну, поцѣлуй меня, — и онъ взялъ ее за подбородокъ.

Она почти съ ужасомъ отъ него отвернулась.

Въ другой разъ онъ привезъ ей мантилью.

— Вотъ тебѣ,—сказалъ онъ ей,—купилъ по случаю у знакомаго купца. Видишь, что значитъ выйти замужъ за солиднаго человѣка: въ шелку да кружевахъ ходишь, а когда я съ тобой познакомился, у тебя только и было нарядовъ, что вѣтромъ подбитый ватерпруфъ.

Нина отстранила рукой подарокъ.

— Благодарю,—сказала она,—мнѣ не нравится эта мантилья, и я прошу тебя вообще никогда мнѣ ничего не покупать. Съ меня совершенно достаточно того, что у меня есть.

Иванъ Петровичъ обидѣлся и рѣшился наказать жену.

— Маменька, сказалъ онъ громко,—возьмите себѣ эту вещицу.

Варвара Григорьевна руками всплеснула.

— Что ты, Ваня, Господь съ тобою,—изумилась она, куда мнѣ, старухѣ, такую роскошь! Я это Сашенькѣ въ приданое спрячу.

Нина скоро поняла, какъ необдуманно, непростительно поступила, выйдя замужъ, но, сознавая, что въ этомъ кромѣ нея самой никто не виноватъ, рѣшилась терпѣть и молчать, пока силъ хватитъ.

Ничто такъ не выводило изъ себя Варвару Григорьевну, какъ молчаніе невѣстки.

Сидятъ, напримѣръ, всѣ, кромѣ Ивана Петровича, уѣхавшаго на практику, за вечернимъ чаемъ. Сашенька безбожнымъ образомъ дѣлаетъ глазки толстому, румяному купчику Стручкову, милліоны котораго она бы очень не прочь присвоить... на законномъ, конечно, основаніи.

— Митрофанъ Семенычъ,—говоритъ она,—покатайте меня на вашей новой тройкѣ, только непремѣнно сами, безъ кучера; съ вами я ничего не боюсь.

— Почту за счастье,—блаженно ухмыляется Стручковъ.

— Саша, что ты говоришь? Митрофанъ Семенычъ Богъ знаетъ что можетъ о тебѣ подумать,—вмѣшивается Варвара Григорьевна.—Ахъ, вы себѣ представить не можете, какое она еще дитя.

— Мамочка, да что-же тутъ дурнаго, что я хочу покататься?—наивно восклицаетъ «дитя».

— Пойми,—вразумляетъ мать,—ты хочешь ѣхать одна съ молодымъ человѣкомъ! Вѣдь, не всѣ такъ невинны, какъ ты.

— А знаете что, —предлагаетъ докторъ Воробьевъ,

красивый брюнетъ, лѣтъ тридцати, — поручите Александру Петровну моимъ попеченіямъ. На мою солидность вы можете вполнѣ положиться.

— Не хочу, не хочу съ вами!—капризно топая ножкой, крикнула Сашенька. — Вы оставайтесь съ Ниной, любуйтесь на звѣзды и рѣшайте міровые вопросы.

Нина на минуту подняла глаза на Сашеньку, неопредѣленная усмѣшка скользнула по ея гордымъ губамъ, но она ничего не сказала.

— Да, Сергѣй Степанычъ, моя невѣстка только съ вами и бесѣдуетъ,—язвительно замѣтила Варвара Григорьевна,—насъ она не удостоиваетъ этой чести. Гдѣже намъ ее понять! Мы люди простые, за-границей не живали.

— Ну, Варвара Григорьевна, не скромничайте, вы всякаго заграничнаго за поясъ заткнете, — возразилъ докторъ.

— Ужъ извѣстно, вы съ Ниной Александровной всегда за-одно,—съехидничала Варвара Григорьевна.—Вотъ погодите, я Ванѣ скажу... Впрочемъ и я хороша! Все забываю, что теперь только глупыя женщины любятъ и уважаютъ своихъ мужей... Не знаю, право, что будетъ съ моею Сашенькой; больно не по модному она у меня воспитана.

— За Александру Петровну не бойтесь, — успокоительно замѣтилъ докторъ,—она себя въ обиду не дастъ.

— Конечно, не дамъ такому, какъ вы!

— Помилуйте, я и не надѣялся. Гдѣ ужъ намъ, дуракамъ!

— Если мужъ будетъ меня баловать, я его буду очень любить, — сказала Сашенька, — но если онъ вздумаетъ командовать...

Она не докончила и шаловливо погрозила пальчикомъ.

— Да какъ васъ не баловать-съ?—изумился Струч-

ковъ. — Такую жену, какъ вы-съ... да ее только подъ стекло и любоваться.

Нина встала изъ-за стола и, поблагодаривъ свекровь, направилась къ двери.

Варвара Григорьевна ее остановила.

— Куда-жъ вы? Посидѣли-бы съ нами.

— Надо Володю купать,—сказала Нина.

— Позвольте мнѣ помочь вамъ, Нина Александровна,— вызвался докторъ Воробьевъ.

— Merci, я всегда сама.

— А не помѣшаю я вамъ, если зайду немного погодя?—спросилъ опять Воробьевъ.—Я у васъ одну любопытную книжку намѣтилъ.

— Нѣтъ, не помѣшаете.

IX.

Нина выкупала ребенка и прошла къ себѣ, зажгла лампу, вынула изъ камода переплетенную тетрадь и, усѣвшись на кожаный диванъ стала ее перелистывать.

Узкая комната въ одно окно глядѣла холодно и неуютно. Столъ, диванъ, неуклюжее трюмо подъ орѣхъ, нѣсколько стульевъ, кровать за ширмой составляли всю меблировку. Мольбертъ прятался въ углу. На стѣнахъ ни одной картины, ни одного портрета. Чувствовалось, что хозяйка этой комнаты въ загонѣ или совершенно равнодушна ко всему.

Нина задумчиво перебирала пальцами страницы.

... „Сегодня, — читала она, — Иванъ Петровичъ заявилъ мнѣ о своемъ сожалѣніи, что женился на такой нищей дворянкѣ, какъ я. Варвара Григорьевна подслушивала, по обыкновенію, у дверей и послѣ этого была со мною весь день очень любезна. За обѣдомъ всѣ по-

ругались. Иванъ Петровичъ никакъ не могъ досчитаться десяти рублей въ расходной книжкѣ. Варвара Григорьевна ихъ истратила Сашенькѣ на шляпку, но не успѣла придумать какъ это замаскировать, и сказала, что деньги взяла я. Онъ уставился на меня своими свинцовыми глазами и началъ: „Мнѣ кажется, ты бы могла попросить“, но я его перебила, сказавъ, что ничего не брала, и ушла. Господи, что тамъ поднялось!“...

Она перевернула нѣсколько страницъ.

„Картину мою „*Богомольцы*“ не приняли. Расхвалили и не приняли. Я впрочемъ этого ждала: неудача, такъ ужъ во всемъ. Какъ грубъ, пошлъ и скупъ Иванъ Петровичъ! Я его ненавижу, ненавижу... И подумать, что онъ имѣетъ надо мною власть. За это, кажется, я его больше всего ненавижу. Сама, сама виновата, во всемъ сама. И по дѣломъ теперь. Расплачивайся“.

Она вздохнула и, пропустивъ нѣсколько страницъ, опять остановилась.

„... Здоровье мое съ каждымъ днемъ уходитъ. На душѣ тоска и холодъ. Вѣчно одна среди постылыхъ, гадкихъ людей. Здѣсь все пошло: и брань, и слезы, и ликованіе. Право, я скоро совсѣмъ въ идіотку обращусь. Когда я гляжу на Володю, я забываюсь на мгновеніе, а потомъ меня вдругъ, какъ змѣя, ужалитъ мысль, что ему предстоитъ та-же лямка, то-же надрываніе, то-же дрожаніе надъ грошемъ. И я сама не знаю, чего желать... Того-ли, чтобы онъ, какъ Иванъ Петровичъ, съ чувствомъ кушалъ, дѣлалъ карьеру, и гладилъ себя за эти доблести по головкѣ или, натворивши рядъ глупостей, какъ *тѣ* въ Парижѣ, провозился-бы всю жизнь съ неотступною думой удавиться на первой веревкѣ... Въ послѣднее время у насъ чуть не каждый день бываетъ Воробьевъ, товарищъ Ивана Петровича по больницѣ, неглупый малый (изъ ноющихъ). Онъ лѣчилъ Володю отъ

скарлатины. Я съ нимъ иногда разговариваю, что очень безпокоитъ Варвару Григорьевну и Сашеньку"...

Она открыла ящикъ, взяла лежавшій тамъ портретъ Цвиленева и долго смотрѣла на него.

— И зачѣмъ только ты погналъ меня сюда?—проговорила она.—Ужъ лучше-бы мнѣ сгинуть при твоей декораціи, чѣмъ изсохнуть здѣсь...

— Можно къ вамъ, Нина Александровна?—спросилъ за дверью голосъ.

Она быстро спрятала тетрадь и портретъ и отвѣтила „можно".

Вошелъ Воробьевъ и сѣлъ на стулъ.

— Вы, Сергѣй Степанычъ, какую-то книжку хотѣли взять у меня?—сказала она.

Онъ засмѣялся.

— Нѣтъ, Нина Александровна, книжка только предлогъ. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, что вы дѣлаете.

Нина пожала плечами.

— Ради этого не стоило придумывать предлоговъ. Я теперь никогда ничего не дѣлаю.

— Развѣ вы не работаете?—спросилъ онъ.

— Будто тутъ можно работать!—вырвалось у нея.

— И то правда,—согласился докторъ,—здѣсь только можно кокетничать и жантильничать, какъ Сашенька.

Нина презрительно засмѣялась.

— Въ Россіи даже кокетничать не умѣютъ какъ слѣдуетъ,—произнесла она.—Никакая французская швея не станетъ такъ грубо кривляться, какъ здѣшнія свѣтскія барышни.

— Вотъ вы бы поучили Александру Петровну заморскимъ манерамъ, то-то бы она была благодарна.

— Зачѣмъ? Для Митрофана Семеныча и для васъ и россійскія хороши.

— Утѣшили, спасибо. Ужъ я и Митрофанъ Семенычъ

выходимъ одно и то-же. Впрочемъ, свою обиду я по христіанскому чувству вамъ прощаю, а вотъ что вы живопись запустили, это скверно. Мнѣ недавно одинъ знающій человѣкъ говорилъ, что вы напрасно такъ отчаялись въ успѣхѣ.

— Я и сама знаю, что теперь мнѣ-бы легче было пробиться. Но что-же дѣлать? Не работается.

Они помолчали.

— Однако, идите, Сергѣй Степанычъ, а то Варвара Григорьевна меня съѣстъ

— Сохрани меня Богъ быть причиной такого бѣдстія,—сказалъ онъ съ комическимъ ужасомъ.—До свиданія, Нина Александровна, позвольте ручку. А когда-же вы ко мнѣ? Помните, вы обѣщали?

— Никогда я ничего подобнаго не обѣщала.

X.

Семейная жизнь все больше и больше подтачивала Нину. Мысль избавиться отъ нея какимъ бы то ни было путемъ не давала ей покоя, преслѣдовала ее каждую минуту, во снѣ и на яву, сводила ее съ ума. Исхудалая, съ лихорадочнымъ блескомъ глазъ, въ которыхъ какъ бы застыло неподвижное выраженіе печали, съ неровными пятнами румянца на опавшихъ щекахъ, она производила впечатлѣніе чахоточной. Бродившее въ ней чуть не съ первыхъ дней замужества инстинктивное чувство непріязни къ семьѣ Ивана Петровича переходило на него самого и съ годами все росло, превращаясь въ неудержимое, мучительное отвращеніе. Когда родился ребенокъ, она страстно ему обрадовалась, но постоянное вмѣшательство, крики, сплетни и наушничанье свекрови, не позволявшей ей свободно распоряжаться даже

въ дѣтской, отравляли эту радость. Она сдѣлала разъ надъ собой усиліе, попыталась обратиться за помощью къ мужу, но получила въ отвѣтъ:

— Маменька гораздо опытнѣе тебя; ты должа быть ей благодарна за совѣты.

Мало-по-малу она не то чтобы охладѣла, а какъ-то отстранилась отъ мальчика. Порой ей даже казалось, что это не ея сынъ, а внукъ Варвары Григорьевны, будущій дѣлецъ или ловкій чиновникъ, активный членъ того мѣщанскаго сѣренькаго житья изо дня въ день, которое было ей такъ невыносимо противно. Заграничная жизнь представлялась ей теперь въ подернутомъ нѣжною дымкой мягкомъ свѣтѣ, въ какомъ часто рисуется прошлое, когда оно становится далекимъ воспоминаніемъ. Образы Костеньки, Маріи Дмитріевны, Дашеньки, всѣхъ этихъ вышибленныхъ изъ колеи скитальцевъ-мечтателей мелькали передъ ней, какъ живые, и сердце ея такъ горячо рвалось къ нимъ. Она представляла себѣ, какъ бы она обрадовалась, если бы вдругъ къ ней явилась хоть Дашенька, добрая, сумасбродная, изрекающая мудреныя слова, смѣшная, жалкая, бѣдная, оборванная Дашенька.

Нина не утерпѣла и написала какъ-то Марьѣ Дмитріевнѣ письмо, грустное и нѣжное, въ каждомъ словѣ котораго слышались накипѣвшія слезы. Письмо перехватила Варвара Григорьевна и передала Ивану Петровичу. Тотъ вошелъ въ настоящій ражъ, кричалъ на жену, что она хочетъ всѣхъ погубить, что она, должно быть, сама хороша, если переписывается съ нигилистами.

Послѣ этого эпизода Нина еще больше ушла въ себя. Брань Варвары Григорьевны съ кухаркой по поводу украденнаго фунта мыла, негодованіе Ивана Петровича на „нищихъ“ паціентовъ, которыхъ онъ приказывалъ „гонять въ шею“, наивничанье Сашеньки, ея замани-

ванье жениховъ,—все это причиняло Нинѣ ощущеніе физической боли. Она дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобы заставить себя работать, и съ отчаяніемъ чувствовала, что не можетъ.

Въ головѣ боль, смутная, тяжелая, руки машинально и безсмысленно двигаются, чертя длинный рядъ точекъ и линій, а уши невольно прислушиваются къ долетающему изъ залы голосу Сашеньки.

— Я думаю,—говоритъ это свѣжій голосъ,—велѣть m-me Josephine вырѣзать пониже лифъ у розоваго платья и чтобы совсѣмъ безъ рукавовъ, на плечи узенькую полоску изъ ленты, длинныя перчатки и сверху браслетъ, такъ, чтобы между браслетомъ и лентой рука виднѣлась вотъ на сколько. Да, мама? Несчастный Стручковъ совсѣмъ пропадетъ.

— Господи,—молила Нина,—нашли на меня какую-нибудь болѣзнь, параличъ, горячку, глухоту, только бы не видѣть, не думать.

Въ дверяхъ показывается разъяренное лицо Варвары Григорьевны.

— Полюбуйтесь, сударыня, на своего ребенка,—закричала она,—онъ чуть до смерти не убился, пока маменька тутъ мечтаетъ, да картинки мажетъ.

Нина вскочила и побѣжала изъ комнаты.

Въ кухнѣ, передъ рукомойникомъ, стоялъ Володя, придерживая носъ мокрымъ окровавленнымъ полотенцемъ. Увидавъ блѣдное лицо матери, онъ швырнулъ полотенце и залился неистовымъ плачемъ.

— Что для насъ сынъ,—пилила Варвара Григорьевна,—пустяки! Мужъ въ рваныхъноской ходитъ, а женѣ и горюшка мало. Гдѣ-же ей штопать да чинить? Это хорошо для обыкновенныхъ женщинъ, а она *артистка!* Пусть другіе за нее спину гнутъ.

Нина взяла на руки Володю и, не отвѣтивъ ни слова, вошла своею медленною походкой. Варвара Григорьевна крикнула ей вслѣдъ:

— Жалко, матушка, что вы и артистка-то неудачная, картинки-то ваши все бракуютъ.

Володя заснулъ и проснулся совершенно здоровымъ. Нина передала его нянькѣ, торопливо одѣлась и почти выбѣжала изъ дома. Она шла прямо, безъ цѣли, глядя подъ ноги, машинально поворачивая направо и налѣво, когда кончалась улица.

Въ бѣлесоватыхъ облакахъ точно украдкой проглядывало солнце. Въ воздухѣ чуялась сырая, свѣжая влага. Сквозь таявшій снѣгъ чернѣли грязные камни мостовой. Дворники скалывали ледъ, накидывая его лопатами въ тачки.

На поворотѣ одной улицы Нина почти столкнулась съ Воробьевымъ.

Докторъ изумился.

— Нина Александровна, здравствуйте, куда это вы?

— Да никуда,—какъ-то безсвязно отвѣтила она.

Онъ прищурилъ свои хитрые, тусклые глаза и осклабился.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ быть вашимъ кавалеромъ, я тоже никуда. Мои паціенты, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи, славный народъ: никогда меня не безпокоятъ. А всего лучше, зайдемте ко мнѣ, Нина Александровна, тутъ недалеко. Ну, чего вы боитесь? Вѣдь, не съѣмъ-же я васъ.

Нина не отвѣчала. Докторъ взялъ ее подъ руку и, пройдя нѣсколько улицъ, вошелъ съ ней въ подъѣздъ большого каменнаго дома, поднялся во второй этажъ и, остановившись передъ обитой сукномъ дверью, на ко-

торой красовалась мѣдная дощечка съ его именемъ, придавилъ бѣленькую пуговку электрическаго звонка.

Дверь открыла грязноватая круглолицая дѣвушка, горничная, которая, увидавъ барина съ дамой, глупо ухмыльнулась и мгновенно исчезла.

— Милости просимъ въ убогую хижину холостяка,— съ сладкой улыбкой, пропуская впередъ Нину, проговорилъ докторъ.—Рекомендую, это мой кабинетъ, пріемная, гостинная,—все что угодно, а въ той конуркѣ,— онъ кивнулъ головой на темный корридорчикъ, — я почиваю.

Нина вошла и молча опустилась на стоявшую у письменнаго стола кушетку.

Воробьевъ осторожно разстегнулъ пряжку ея ротонды и, нагнувшись, хотѣлъ снять съ нея шляпку.

Она вспыхнула и вдругъ пришла въ себя.

— Что вы, Сергѣй Степанычъ, пожалуйста не надо, да и вообще, къ чему вы меня сюда привели?

— Чтобы васъ немного успокоить, вѣдь, на васъ лица нѣтъ, до того вы взволнованы. Сидите и отдыхайте; я вамъ не буду мѣшать.

Онъ взялъ газету и сѣлъ въ дальній уголъ.

Нина прислонилась спиной къ кушеткѣ, скрестила на груди руки и стала осматриваться. Пріемная, кабинетъ и „все, что угодно" доктора представляли самую обыкновенную меблированную комнату, изъ тѣхъ, что охотно сдаютъ одинокимъ благороднымъ жильцамъ вдовы-чиновницы. Дешевенькія олеографіи, вычурные прессъ-папье, неуклюжія лампы, рамки съ зелеными разводами, украшавшія подзеркальникъ, заявляли претензію на щегольство. Нинѣ становилось все болѣе и болѣе неловко. Ей хотѣлось придать случившемуся видъ шутки, но она была слишкомъ подавлена и не знала, какъ это сдѣлать.

Воробьевъ замѣтилъ ея смущеніе и пересѣлъ на стулъ противъ нея.

— Ну, что съ вами?—сказалъ онъ и, взявъ ея руку, тихо поцѣловалъ.

„Надо уйти“,—шепталъ Нинѣ внутренній голосъ, но ее словно что-то привинчивало къ мѣсту.

— Сергѣй Степанычъ, мнѣ ужасно нехорошо все это время,—промолвила она,—говорить мнѣ не хочется, говорите вы, разсѣйте меня, если можете, разсмѣшите, если умѣете, или хоть покажите тѣ альбомы, что лежатъ тамъ, на столѣ; это, кажется, будетъ всего легче.

Онъ подалъ ей плюшевый альбомъ.

— Богъ мой, — воскликнула Нина, — все женщины и все хорошенькія! Неужели это все ваши знакомыя?

— Какже-съ! Здѣсь ровно восемьдесятъ штукъ. Если вамъ угодно, буду вамъ разсказывать подрядъ характеристики, не называя именъ, конечно. Можетъ быть, это васъ заинтересуетъ. Ну-съ, начнемъ хоть съ сей барыни. Собой она, какъ видите, не то что красавица, а такъ, миленькая. Съ ней у меня былъ романъ самаго, можно сказать, идиллическаго свойства. Я тогда еще былъ студентомъ Московскаго университета, и мы назначали другъ другу свиданія въ зимнемъ саду кремлевскаго дворца. Очень была поэтическая особа, что не помѣшало ей оставить меня съ носомъ и выйти замужъ за толстаго помѣщика. Дальше рекомендую № 2. Вѣдь, недурна? Съ ней тоже былъ романъ, только не совсѣмъ идиллическій, а съ № 3 объ идилліи и помину не было; тамъ прямо началось съ точки кипѣнія. Я ее все убѣждалъ, что у нея африканская натура, и это ей очень нравилось.

— Да неужели-же у васъ было весемьдесятъ романовъ?—изумленно прервала Нина.

— Почти.

Она покачала головой.

— Однако... Но, вѣдь, говорятъ, что любить настоящимъ образомъ можно одинъ разъ.

— Мало-ли говорятъ вздору! По моему, наоборотъ, это только доказываетъ крайнюю ограниченность. Все равно, какъ если-бы мальчишка, опьянѣвшій отъ двухъ бутылокъ пива, порѣшилъ, что онъ уже извѣдалъ всю горечь и сладость бѣшеныхъ кутежей. Нѣтъ-съ, у меня аппетиты пошире... Впрочемъ, слово „любить" весьма условный и растяжимый терминъ, который каждый понимаетъ по своему. Я, напримѣръ, совсѣмъ не вѣрю въ такъ называемую возвышенную любовь и вамъ. Нина Александровна, не совѣтую вѣрить: пріятнѣе и легче проживете.

— Легкая и пріятная жизнь никогда не представляла для меня идеала,—сказала она.

— Въ такомъ случаѣ, вы исключеніе изъ числа людей и особенно изъ числа женщинъ. Впрочемъ, я уже давно замѣтилъ, что вы ненормальны. Вы обратите на себя вниманіе, Нина Александровна; такія, какъ вы, очень легко съ ума сходятъ, ужъ это повѣрьте мнѣ, какъ медику.

— Вѣрю, вѣрю. Однако, вы оргинальный утѣшитель, Сергѣй Степанычъ.

— Что мнѣ васъ утѣшать, вы не маленькая, хотя, извините, ведете себя хуже ребенка. Возмутительно видѣть, какъ вы себя поставили въ своемъ-же домѣ. Варвара Григорьевна чуть не кричитъ на васъ при постороннихъ, Сашенька надъ вами измывается, о супругѣ... умалчиваю... стало быть, и бровей нечего хмурить. Изъ окружающаго васъ милаго звѣринца я еще больше всѣхъ похожъ на человѣка, правда, неважнаго, ну, да что-жъ дѣлать: на безрыбьи... А вы боитесь да-

же со мной поговорить. Сколько разъ я васъ просилъ пріѣзжать ко мнѣ, когда вамъ тяжело; вѣдь, въ вашемъ добродѣтельномъ храмѣ слова сказать нельзя, сейчасъ подслушаютъ. Скажите сами, Нина Александровна, какой грѣхъ въ томъ, если-бы вы иногда меня посѣщали?

— Грѣха никакого, но это пришлось-бы дѣлать потихоньку, т.-е. лгать, а мнѣ противна ложь. Къ тому-же, я вамъ скажу откровенно, я дѣйствительно разговариваю съ вами охотнѣе, чѣмъ съ другими, но... вы мнѣ не нравитесь, я чувствую, что въ васъ мало правды, и меня часто злитъ эта странная близость, которая образовалась между нами, точно на зло мнѣ. Общаго у насъ только то, что мы оба хандримъ, и то моя хандра хоть имѣетъ основаніе, ну, а вы чего скучаете?

— Оттого, что практики нѣтъ, Нина Александровна.

Она нетерпѣливо передернула плечами.

— Если вы желаете продолжать въ такомъ тонѣ, лучше молчать, да мнѣ кстати пора идти.

— Ну, ну, не буду, не гнѣвайтесь, посидите еще немножко,—проговорилъ докторъ, удерживая ее. — Но согласитесь, что на такой категорическій вопросъ очень трудно отвѣчать категорически. Отчего я скучаю?.. Да отчего у насъ все скучаетъ... „вся тварь разумная“? Включаю сюда и себя, хотя я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, что святости во мнѣ мало. Вы долго жили заграницей... Что тамъ хандрятъ, какъ у насъ?

— Нѣтъ, не замѣчала; тамъ всѣ заняты.

— То-то вотъ и есть.

— Но кто-же вамъ мѣшаетъ тутъ заниматься? При чемъ тутъ Россія? У васъ въ рукахъ ясное и опредѣленное дѣло. Вы—докторъ, вы можете непосредственно служить обществу.

— Нашему обществу непосредственно могутъ служить только шарлатаны. Ему нужны обстановка, ковры, бронза, резиновыя шины на колесахъ. Да вотъ вамъ примѣръ. Я три мѣсяца пользовалъ одну даму отъ тяжелой болѣзни, по нѣскольку разъ въ день къ ней ѣздилъ, сколько ночей не спалъ, и вылечилъ. Собралась она заграницу и деликатно такъ попросила меня позвать, ради вѣрности, на консиліумъ знаменитость, и отвалила знаменитости сто рублей за визитъ, а мнѣ за три мѣсяца шишъ. Добро-бы еще хорошенькая, все не такъ обидно, а то морда.

— Во-первыхъ, этотъ случай ровно ничего не доказываетъ, а, во-вторыхъ, неужели дѣло можно только въ Петербургѣ дѣлать? Поѣзжайте въ земство, — сказала Нина.

— Это въ рѣшетѣ воду носить, нажить себѣ въ годъ болѣзнь печени, вилять хвостомъ передъ земскими заправилами, ѣсть щи съ тараканами, утѣшаясь мыслью, что я-де живу одною жизнью съ народомъ, и наслаждаться, въ видѣ награды, любовью рябыхъ, весноватыхъ и гнусавыхъ акушерокъ? Благодарствуйте, слуга покорный! Неспособенъ я на такое геройство, слишкомъ старъ. Ужъ лучше лежать на диванѣ и плевать въ потолокъ.

— Ужъ не знаю, чѣмъ это лучше, — отозвалась Нина.—Наконецъ, если вамъ не по душѣ земская дѣятельность, вы можете отдаться наукѣ, сдѣлаться профессоромъ.

— Для этого, Нина Александровна, требуется много условій, которыми я не располагаю. Да меня и не соблазняетъ стезя славы. И безъ меня не мало самодовольныхъ олуховъ. Высидитъ, оселъ эдакій, книжечку, въ которой его собственнаго на грошъ мѣдный не на-

берется, и воображаетъ, что осчастливилъ вселенную. Вотъ я чрезъ годикъ-другой пить начну.

— Богъ съ вами! —воскликнула Нина.

— Я и теперь люблю выпить; нѣтъ-нѣтъ и запущу,— продолжалъ докторъ и засмѣялся, взглянувъ на испуганное лицо Нины. — Чего вы? Думаете, я и сейчасъ пьянъ? Не бойтесь.

Онъ взялъ ея руки и, повернувъ ихъ ладонями вверхъ, сталъ попеременно цѣловать.

— Послушайте, что у васъ за привычка безпрестанно цѣловать руки? Я этого терпѣть не могу,—сказала она, силясь высвободить свои пальцы.

— Что-же, вамъ жалко? Славныя у васъ ручки, тонкія, нѣжныя, съ розовыми ногтями, оттого и цѣлую.

— Вы меня совсѣмъ не уважаете!

Въ голосѣ ея послышались слезы, а внутри что-то еще настойчивѣе зашептало, что ей совсѣмъ не слѣдуетъ тутъ сидѣть.

Докторъ выпустилъ ея руки.

— Будетъ вамъ бабушкины прописи вспоминать, — проговорилъ онъ.—Эхъ, не умѣете вы жить, Нина Александровна. Да полно-же, перестаньте, не кусайте губъ и слушайте, что я вамъ скажу. Вы единственная женщина, которую я не только уважаю, но передъ которой просто благоговѣю. Мнѣ кажется, что полюбить я бы васъ никогда не могъ,—васъ страшно полюбить, а я эгоистъ и дорожу своимъ покоемъ. Видите, какъ я добросовѣстенъ, а потому не извольте тревожиться и не сердитесь изъ-за пустяковъ.

Нина внимательно посмотрѣла на его красивое, заостренное, какъ у лисицы, лицо, на его красныя чувственныя губы, вздрагивающія ноздри, подумала: „какой онъ противный“ и рѣшительно встала. Она безучастно принимала услуги доктора, заботливо ее уку-

тывавшаго. Онъ усадилъ ее на извозчика и прощаясь, спросилъ:

— Такъ будете заѣзжать иногда?

— Не хочу, не хочу,—быстро произнесла она.

Воробьевъ лукаво усмѣхнулся.

— Значитъ, будетъ,—рѣшилъ онъ про себя.

XI.

Нина отказалась даже отъ всякой попытки работать, до такой степени ей стало ясно, что *теперь* у нея ничего не выйдетъ. Она по цѣлымъ днямъ лежала, уткнувъ голову въ подушки, стараясь не внимать шипѣнью Варвары Григорьевны, отвѣчая молчаньемъ на выговоры и упреки Ивана Петровича. Когда ей дѣлалось особенно невыносимо, она уходила къ Воробьеву. Это ее мучило, раздражало, и она все-таки шла къ нему, точно непреодолимая, злая сила толкала и влекла ее туда. Она обыкновенно подолгу простаивала на лѣстницѣ, не рѣшаясь дотронуться до звонка. Ей живо представлялось, какъ щелкнетъ ключъ въ замкѣ (и у ней при этомъ такъ холодно и такъ жутко покатится сердце), въ дверяхъ покажется ухмыляющееся лицо грязноватой горничной, потомъ проглянетъ чей-то мигающій въ щелку глазъ, послышится сдержанный шепотъ: вѣрно хозяйка любопытствуетъ... и она, низко опустивъ голову, точно виноватая входила, сконфуженная и сердитая, въ кабинетъ Воробьева. Онъ торопливо здоровался съ ней и тотчасъ-же выбѣгалъ къ горничной, приказывая ей быстрою скороговоркой:

— Маша, если кто меня будетъ спрашивать, скажи, что дома нѣтъ.

Нина ненавидѣла его въ эти минуты.

— Можно подумать, что мы тутъ съ вами преступленіе замышляемъ,—говорила она, натянуто улыбаясь.

— Вѣдь, это я для васъ-же, Нина Александровна,—возражалъ онъ.

— Да, да, конечно, все для меня,—подтверждала она, и ей становилось еще противнѣе.

Онъ подходилъ къ столу, на которомъ стоялъ тусклый кофейникъ, и принимался подогрѣвать его на спиртовой лампѣ, доставалъ изъ шкапчика графинъ водки, холодную закуску, хлѣбъ въ бумажномъ мѣшечкѣ и предлагалъ Нинѣ раздѣлить его „скудную трапезу“. Она брезгливо отказывалась. Тогда онъ просилъ у ней разрѣшенія самому подкрѣпиться, съ чувствомъ проглатывалъ рюмку-другую водки, закусывалъ ветчиной, пилъ кофе. Кончая ѣсть, онъ вытиралъ губы о скатерть, а иногда прямо о рукавъ засаленнаго пиджака, который обыкновенно носилъ дома.

Замѣтивъ сдвинутыя брови Нины, ея не то печальное, не то надменное выраженіе, онъ лукаво усмѣхался, садился на кушетку и, сжимая ея холодныя руки, цѣловалъ ихъ быстрыми мелкими поцѣлуями, повторяя:

— Признайтесь, Нина Александровна, я васъ очень шокирую? Вы ужъ не взыскивайте съ меня строго, вѣдь я бурсакъ; никакія душевныя волненія не лишаютъ меня сна и аппетита.

Разъ она сидѣла у него, грустная и молчаливая, послѣ какой-то особенно пылкой выходки Варвары Григорьевны. Въ комнатѣ было пасмурно. Дождь крупными, мѣрными каплями хлябалъ по оконнымъ стекламъ.

Онъ вдругъ нагнулся и прильнулъ губами къ ея ногамъ.

Нина вся встрепенулась и, поглядѣвъ на него съ невыразимымъ укоромъ, чуть слышно прошептала:

— Сергѣй Степанычъ!

— Сергѣй Степанычъ, Сергѣй Степанычъ!—сказалъ онъ, приходя въ волненіе.—Да что я, по вашему, бревно, въ самомъ дѣлѣ? Вотъ никогда не думалъ, чтобы взрослая женщина могла быть до такой степени наивна.

— Но, вѣдь, вы меня не любите?

— Т.-е., я этого не объяснялъ вамъ по всѣмъ правиламъ. Но развѣ это нужно, Нина?

Онъ привлекъ ее къ себѣ и шепнулъ ей на ухо:

— Я тебя люблю.

Въ груди ея поднялось что-то жгучее, сладкое и, вмѣстѣ, глубоко-обидное и глубоко-безотрадное.

....„Господи,—съ отчаяніемъ писала она въ своемъ дневникѣ нѣсколько дней спустя,—только этого не хватало. Я, кажется, влюбилась въ этого тоскующаго россіянина. Вѣдь, это безуміе, навожденіе, этого не можетъ быть. Я не могу любить жалкаго эгоиста, вѣчно копающагося въ своей душенкѣ, вѣчно любующагося и размазывающаго свои маленькія страданьица, лѣнивца, который смотритъ свысока на другихъ, а самъ палецъ о палецъ не ударитъ и злится на весь міръ за свои неудачи. Вѣдь, онъ даже необразованъ, пробавляется дешевымъ остроуміемъ, общими мѣстами... Ахъ, это все не то, не то. Онъ не воспитанъ, вульгаренъ, грубъ, но въ немъ есть страсть, онъ не сдѣлаетъ подлости ради практической выгоды, онъ не склонитъ своей лѣнивой головы передъ золотымъ мѣшкомъ. Онъ живой человѣкъ, а не изрекающій истины манекенъ, вродѣ моего супруга, не алчное и хищное животное, какъ Варвара Григорьевна и Сашенька, которыя готовы обобрать и раздавить нищаго на улицѣ... Но развѣ это резонъ, чтобы любить человѣка, который по-своему тоже очень гадокъ? Ахъ, да нѣтъ же, нѣтъ, я его не люблю. Просто меня одолѣла эта пошлая, мѣщанская яма; я и сама не знаю, чего хочу. Стыдно, стыдно“...

Слезы помѣшали ей продолжать. Она бросила тетрадь. Въ комнату вошелъ Иванъ Петровичъ и, облокотившись на столъ, впился въ жену своими холодными глазами.

Она молчала и ждала, что будетъ дальше.

— Позвольте васъ спросить,—началъ онъ, наконецъ,— вы долго еще намѣрены ломать эти комедіи? Моему терпѣнію тоже есть границы.

— О какихъ комедіяхъ вы говорите, Иванъ Петровичъ? Я васъ не понимаю...

— Какая невинность угнетенная! „Не понимаю!“ — передразнилъ онъ.—Извольте, сударыня, я вамъ объясню. Я желаю, чтобы вы весь этотъ хламъ,—онъ ткнулъ пальцемъ въ мольбертъ, и наваленныя на окнѣ папки съ рисунками,—выкинули къ чорту не только изъ комнаты, но и изъ вашей сумасбродной головы. Я не желаю входить въ разборъ вашихъ личныхъ чувствъ ко мнѣ, но я считаю себя въ правѣ требовать, чтобы вы исполняли свои обязанности жены и матери такъ, какъ я это понимаю. Васъ никто не заставлялъ насильно выходить замужъ.

— Я дѣйствительно виновата передъ вами, Иванъ Петровичъ, но мнѣ кажется, я достаточно искупила свою вину пятилѣтней каторгой въ вашемъ домѣ.

— Ваши фразы меня не интересуютъ,—прервалъ онъ ее,—я желаю говорить о дѣлѣ. Повторяю еще разъ: мнѣ нужна жена, а не скучающая художница, жена, которая бы довольствовалась тихою семейной жизнью и заботилась о моемъ благосостояніи. Вотъ мои требованія, и если вы ихъ не исполните добровольно, то...

— То Иванъ Петровичъ?

— То я тебя заставлю,—прохрипѣлъ онъ.

— Не заставишь; я тебя слишкомъ ненавижу.

Злоба на лицѣ Ивана Петровича замѣнилась выраженіемъ ужаса. Онъ кинулся къ женѣ и схватилъ ея руки.

— Нина,—прошепталъ онъ, задыхаясь,—не говори этого. Нина, все что хочешь, только не это; я не перенесу твоей ненависти, вѣдь, я тебя люблю, обожаю.

— Лучше говорите прежнимъ языкомъ,—онъ мнѣ все-таки не такъ противенъ, какъ ваша любовь,—крикнула она захлебывающимся голосомъ, вырываясь изъ его рукъ и бросаясь къ дверямъ, гдѣ чуть не сшибла съ ногъ притаившуюся тамъ Варвару Григорьевну.

— Ага! Подслушивали, достойная маменька!

И она залилась истерическимъ хохотомъ.

XII.

Сергѣй Степановичъ ходилъ взадъ и впередъ по своимъ двумъ комнатамъ, не зажигая огня, хотя сумерки уже давно прошли и наступилъ вечеръ. Только уголъ стѣны да часть письменнаго стола освѣщались косыми яркими полосками, падавшими черезъ стеклянный верхъ двери отъ горѣвшей въ прихожей лампы. Сергѣй Степановичъ думалъ о Нинѣ и о томъ, что онъ слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ отношеніяхъ къ ней, что это глупо, непріятно и что нужно какъ можно скорѣе выйти изъ этого положенія, но какъ? Жениться онъ на ней все равно не можетъ, да если бы даже и могъ, то, вѣдь, онъ ее не любитъ. Она только минутами возбуждаетъ въ немъ вспышки страсти, но не больше, чѣмъ всякая другая хорошенькая женщина, даже меньше. Съ ней вѣчно нужно быть на-сторожѣ: плюнешь не такъ, а ее ужъ всю передергиваетъ. И чудная она: всякое лыко въ строку. Воображаетъ, что поцѣлуй обозначаетъ навѣки нерушимую любовь. И какъ на грѣхъ точно дер-

нуло его тогда поцѣловать ей ножки (удивительная у ней нога, маленькая, узкая, стройная). Чортъ знаетъ какъ это случилось, должно быть, закружилась голова... Какой у ней былъ тогда взглядъ! Совѣстно стало, ну, и сказалъ, что люблю... А какой чортъ люблю...

— Однако я порядочная скотина, — громко проговорилъ Воробьевъ, какъ бы подводя итогъ своимъ размышленіямъ, и мысленно присовокупилъ:—нѣтъ, это надо покончить.

Въ прихожей дрогнулъ звонокъ, послышался слабый стукъ въ дверь, и напорогѣ показалась Нина. Она откинула черный платокъ и открыла блѣдное лицо, казавшееся еще блѣднѣе отъ окружающей темноты.

Воробьевъ подбѣжалъ къ ней.

— Нина, такъ поздно? Это слишкомъ не благоразумно... васъ могутъ хватиться дома... выйдетъ скандалъ.

— Мнѣ все равно, я не могу дольше.

— Да что случилось?

Она передала сцену съ мужемъ. Ему стало жаль ее; онъ усадилъ ее на диванъ, сѣлъ рядомъ и, обнявъ одною рукой, сталъ другой гладить ея волосы, приговаривая:

— Бѣдная моя, милая, ну, будетъ успокойся.

— Не могу, не могу я успокоиться,—рыдала Нина. — Одинъ видъ его наводитъ на меня ужасъ... я вся холодѣю, когда онъ нечаянно дотронется до моей руки. Вчера ночью прокрался ко мнѣ въ комнату, плачетъ, а меня одинъ взглядъ этихъ оловянныхъ глазъ, одинъ звукъ его шлепающихъ туфель приводитъ въ содроганіе... Спасите меня, я убью и его, и себя, я чувствую, что убью... Ахъ, если бы вы знали, какъ горитъ моя голова!

Она сжала обѣими руками лобъ.

— Что съ вами? Какъ вы холодно глядите на меня! вы боитесь меня, не любите... О, не гляди на меня такъ... Вѣдь, ты не оставишь меня, вѣдь, я тебя люблю, со всѣми твоими гадкими недостатками люблю...

Она схватила его руки и прильнула къ нимъ жаркими губами. Сильно и жутко колотилось сердце Сергѣя Степановича, но онъ все-таки овладѣлъ собою и произнесъ почти спокойно:

— Нина Александровна!

Ей показалось, что она ослышалась; она подняла голову и устремила на него взглядъ своихъ заплаканныхъ глазъ.

— Нина Александровна,—повторилъ онъ,—я васъ не узнаю. Неужели вы можете быть на столько жестоки, на столько несправедливы? Вы можете сердиться на меня, но я все-таки скажу: ваше обращеніе съ мужемъ варварство. Вы издѣваетесь надъ мученіями человѣка, который васъ боготворитъ. Подумайте, у васъ есть ребенокъ, священный долгъ, а вы все забываете и хотите дѣлать только то, что вамъ угодно и пріятно... Это страшный эгоизмъ.

Нина сидѣла, сдерживая дыханіе, не отрывая взгляда отъ лица Воробьева. Ей казалось, что полъ начинаетъ куда-то уплывать изъ-подъ ея ногъ и что-то темное, страшное и неизбѣжное вотъ сейчасъ-сейчасъ упадетъ на ея голову, и она напрягала всѣ свои силы, чтобы слышать, слышать до конца, что говоритъ отчетливый размѣренный голосъ.

— Я понимаю, что ваше положеніе тяжелое, — продолжалъ этотъ голосъ,—весьма тяжелое; я всегда вамъ сочувствовалъ, старался облегчить... Видя ваше чувство ко мнѣ, я изъ гуманности, зная ваше одиночество, не сказалъ вамъ: иди, я тебя не люблю... напротивъ...

Нина вдругъ вся вздрогнула и выпрямилась, словно ее ударили кнутомъ по лицу. Она встала и, смѣривъ съ ногъ до головы сжавшагося Сергѣя Степановича, медленно произнесла:

— Довольно, вы правы, я все заслужила. Благодарю васъ за вашу *гуманность*.

Она низко поклонилась ему и направилась къ двери.

Онъ бросился къ ней, охватилъ ее руками и, припавъ головой къ ея колѣнамъ, зарыдалъ.

— Нина, не уходите такъ, выслушайте, не карайте... Я, вѣдь, знаю, что вы чистая, прекрасная... Я потому и не любилъ васъ, что вы слишкомъ чисты...

„Какъ это пошло, какъ это стыдно, мучительно!"— пронеслось въ головѣ Нины.

Она оттолкнула Воробьева и вышла.

— Какъ я гадокъ!—воскликнулъ Сергѣй Степановичъ, оставшись одинъ, и закрылъ лицо руками, не стараясь даже удерживать струившихся сквозь пальцы слезъ.

XIII.

Нина очнулась только у подъѣзда своей квартиры и при мысли, что ее сейчасъ станутъ осыпать вопросами, гдѣ она была, она выпустила ручку звонка и нѣсколько минутъ стояла передъ дверью. Наконецъ, она рѣшилась позвонить. Ей отперла кухарка и доложила, что господъ дома нѣтъ, а Володя спитъ. Она прошла къ себѣ въ комнату, заперлась на ключъ и, не раздѣваясь, бросилась на кровать. Обрывки мыслей, словъ, тяжелыхъ воспоминаний толпились и прыгали въ ея головѣ въ какомъ-то дикомъ миражѣ, изъ котораго ярко, непреодолимо выступало одно: „изъ гуманности не сказалъ: иди, я не люблю тебя".. Изъ гуманности! Эти два

слова жгли ее, давили клещами, безпрестанно звучали въ ея ушахъ, хлестали, какъ нагайкой ея тѣло, отравляли ея дыханіе, каждое біеніе ея сердца. Она ихъ безпрестанно, безжалостно, безпощадно повторяла, точно хотѣла упиться своимъ униженіемъ, точно наслаждалась нестерпимою болью, которую ей это причиняло...

— И чего я жду, чего мнѣ еще нужно?.. Вѣдь, ужъ все было... Вѣдь, господинъ Воробьевъ только изъ гуманности не сдѣлалъ меня своею любовницей. Что мнѣ остается? Наслаждаться семейнымъ счастьемъ съ Иваномъ Петровичемъ, считать гроши съ Варварой Григорьевной и чинить старыя рубашки... Нѣтъ, лучше прекратить... „Даръ случайный, даръ прекрасный"... Ну, и вотъ тебѣ этотъ даръ, возьми его себѣ назадъ и не требуй благодарности... И кто выдумалъ, что человѣкъ не имѣетъ права распоряжаться своей жизнью?... Да она только тѣмъ и хороша, что отъ нея можно во всякое время отвязаться. А Володя?... Бѣдный мальчикъ, безъ вины виноватый!... Онъ проклянетъ мою память. И пусть!.. Въ сущности, для него будетъ гораздо лучше, если я исчезну. Варвара Григорьевна права: какая я мать? Чему я могу его научить? Вѣрить, любить? Я сама ни во что не вѣрю и ничего не люблю.

Она встала, подошла къ коммоду, вынула оттуда граненый флаконъ и, зажавъ его въ рукѣ, стала медленно ходить по комнатѣ.

— Въ этомъ освобожденіе и успокоеніе,—проговорила она.—Прочь всѣ цѣпи, всѣ эти долги и обязанности, подъ видомъ которыхъ люди законнымъ образомъ другъ друга живьемъ съѣдаютъ! Воображаю, какой тутъ поднимется завтра гвалтъ... Варвара Григорьевна только изъ приличія не скажетъ, что собакѣ собачья смерть; Иванъ Петровичъ поплачетъ, потомъ утѣшится, пожалуй, еще благословитъ судьбу, что избавился отъ та-

кого сокровища, а *гуманный* докторъ будетъ разсказывать, какъ изъ-за него отравилась одна очаровательная женщина, художница, но онъ остался неуязвимъ, ибо много разъ видѣлъ на своемъ вѣку яды и револьверы. Не послать-ли ему для полноты коллекціи свою карточку?... Восемьдесятъ первый номеръ... Ха-ха-ха...

Въ дѣтской заплакалъ Володя. У нея сжалось сердце.

— Пойти къ нему? Нѣтъ, лучше не итти .. Да вотъ онъ и замолкъ.

Она сняла платье, вынула изъ косы гребень, подошла къ зеркалу и стала глядѣть на себя. Горѣвшая у образа лампада освѣщала ее слабымъ полусвѣтомъ. Густая, темная коса упала ей на спину тяжелымъ жгутомъ, золотистые упрямые завитки выбились на лобъ и расползлись змѣйками по тонкой шеѣ. Сорочка спустилась съ плечъ, обнаживъ стройный станъ и дѣвственную грудь съ просвѣчивающими подъ нѣжною кожей синими жилками.

— И все это завтра начнетъ гнить,—промолвила она,—а я буду безучастна къ этому гніенію и ко всему. ко всему... Зароютъ подальше отъ другихъ добродѣтельныхъ покойниковъ и завалятъ камнемъ. А на землѣ будутъ, по-прежнему, мучиться и наслаждаться, любить и ненавидѣть, бороться и падать. Что значитъ въ этомъ безконечномъ движеніи уничтоженіе одной крошечной козявки... безсильной, жалкой? А, вѣдь, у меня былъ талантъ,—подумала она.—Былъ?!.. Но кто сказалъ, что его у меня теперь нѣтъ, кто? Варвара Григорьевна? Иванъ Петровичъ? Чиновники, не пустившіе меня на выставку?...

Она вскочила, зажгла лампу, свѣчи. Комната вдругъ вся озарилась яркимъ свѣтомъ. Она схватила папки съ этюдами и эскизами и стала ихъ перелистывать съ нервною быстротой. Передъ ней замелькали голубые италья-

нскіе ландшафты, швейцарскія горныя озера, прирейнскія долины, жанровыя картины, полныя чарующей прелести, неподдѣльнаго юмора, хватающей за душу грусти. Кровь прилила къ ея щекамъ. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— У меня есть талантъ, есть, есть...—повторяла она.—Мнѣ нужна только свобода. Ложь, будто я ни во что не вѣрю, ничего не люблю. Я ненавижу только этотъ хлѣвъ, гдѣ Сергѣй Степанычи герои. Прочь, не хочу умирать!

Она швырнула объ полъ граненый флаконъ, и онъ разлетѣлся въ дребезги. Потомъ бросилась въ дѣтскую и, опустившись на колѣна передъ кроваткой, зашептала горячимъ, задыхающимся шопотомъ:

— Милый мой, прости меня, я все заглажу, я на своихъ рукахъ унесу тебя изъ этой ямы, чтобы на тебѣ не осталось и слѣда ея отвратительной, заѣдающей грязи,—а слезы такъ и капали крупными, жаркими каплями на голыя, исцарапанныя ножки мальчика.

Черезъ недѣлю Нина послала Льву Никаноровичу въ Липовку письмо, что она ѣдетъ къ нему съ сыномъ.

XIV.

Былъ ясный іюньскій день. По мягкой проселочной дорогѣ катился, запряженный тройкой, старый, неуклюжій тарантасъ, поднимая за собою столбъ черноватой пыли. Въ тарантасѣ сидѣла Нина; на колѣнахъ у нея, весь раскраснѣвшись, спалъ Володя!

Дорога шла почти все полемъ, только на окраинахъ чернѣли лѣса, да у овраговъ виднѣлись тамъ и сямъ купы сросшихся плакучихъ березъ. Изрѣдка промелькнетъ въ зелени церковь съ краснымъ или голубымъ

куполомъ, усѣяннымъ золотыми звѣздами, проглянетъ барскій домъ на горѣ, выскочитъ, точно куча грибовъ, десятокъ избъ, а тамъ опять зеленѣющіе всходы, отдыхающія подъ паромъ поля, бѣлые стволы березокъ—и надъ всѣмъ, словно море звуковъ, носится сладкая, согрѣвающая пѣсня весны. Солнце лилось золотыми струйками сквозь тонкіе стебли ржи, еще зеленой и жидкой. По голубому небу медленно ползли рѣдкія, ясныя облачка.

Нина глядѣла на растилавшійся передъ ней просторъ, вдыхала его своею больною, усталою грудью. Все ей казалось роднымъ, милымъ: и тряска тарантаса, и однозвучное гудѣніе колокольчика, и длинныя, лохматыя гривы лошадей, даже спина ямщика, въ пестрядинной рубахѣ. Она высунула голову изъ тарантаса и оглянулась назадъ. За облакомъ пыли вьется утоптанная, уѣзжанная дорожка, то взбѣгая на косогоръ, то пропадая во ржи, то опять выбѣгая. Земля выдалась впередъ выпуклымъ полукругомъ, на которомъ лишь кое-гдѣ торчатъ, какъ щетинки, деревья.

„Какъ я далеко отъ *нихъ!*"—думаетъ Нина и съ облегченіемъ вздыхаетъ.

Проснулся Володя и потребовалъ ѣсть. Нина остановилась въ ближайшей деревнѣ, гдѣ у ямщика оказалась кума. Накормили Володю, дали вздохнуть лошадямъ и опять пустились въ путь.

Къ вечеру пріѣхали въ Липовку.

Усталыя лошаденки, напряженно вытягивая худыя шеи и отмахиваясь хвостами отъ оводовъ и слѣпней, съ усиліемъ втащили тарантасъ въ гору. На самомъ юру торчалъ двухъ-этажный съ мезониномъ домикъ Льва Никаноровича, обшитый тесомъ, съ черепичатою красной крышей. Къ дому примыкалъ густой садъ, отдѣ-

ленный маленькимъ рвомъ отъ липовой рощицы. Левъ Никаноровичъ, заслышавъ колокольчики, стремглавъ выбѣжалъ на встрѣчу гостьѣ, прикрывая рукой глаза отъ солнца.

Нина выпрыгнула изъ тарантаса и протянула ему обѣ руки. Онъ бросился ихъ цѣловать, бормоча:

— Ниночка, то-есть Нина Александровна, а я васъ вчера ждалъ, по письму выходило вчера,—и, вглядѣвшись ближе въ ея лицо, вдругъ воскликнулъ:—Господи, да какъ-же это, да что-же это?—и заплакалъ старческимъ плачемъ со всхлипываніемъ.

— Левъ Никанорычъ, полноте, что вы?..

— Какъ что! Извели васъ тамъ совсѣмъ,—проговорилъ онъ сквозь слезы.—Развѣ такую отпускали?

Нина усмѣхнулась и сощурила глаза.

— Вѣдь, съ тѣхъ поръ сколько воды утекло, милый Левъ Никанорычъ. Тогда я только жить собиралась, а теперь вотъ ужъ сына надо воспитывать,—промолвила она. Вы хоть взгляните на моего Володю; мы съ нимъ къ вамъ отдыхать пріѣхали.

Володя, уцѣпившись руками за передокъ тарантаса, глядѣлъ широко раскрытыми глазами на мать и незнакомаго старика.

Левъ Никаноровичъ поднялъ его на руки.

— Здравствуй, голубчикъ. Это мнѣ Богъ внучка послалъ. Будешь меня любить?—сказалъ онъ, цѣлуя мальчика.

— А не будешь шлепать, какъ бабушка?—произнесъ, вмѣсто отвѣта, Володя.

— Христосъ съ тобой, милый, ты только меня не шлепай, а ужъ я ни-ни,—совершенно серьезно завѣрилъ Левъ Никаноровичъ.

— Видите, какой у меня практическій сынъ: прежде всего, условія ставитъ,—замѣтила Нина.

Они вошли въ прохладныя сѣни, изъ которыхъ винтовая лѣстница вела наверхъ.

Левъ Никаноровичъ суетился во всѣ стороны, хватаясь за мѣшки, чемоданы, ремни; все валилось изъ его дрожащихъ рукъ. Онъ безнанежно кричалъ:

— Кузьма, Николашка, вносите скорѣе вещи! Идолы эдакіе, куда вы всѣ провалились? Уморить вы меня хотите, дьяволы!.. Гостья дорогая, простите за безпорядокъ.

Нина взяла его подъ руку.

— Пойдемте, дѣдушка, наверхъ; они тутъ безъ насъ отлично разберутся, а то мы ихъ только съ толку сбиваемъ.

Пройдя невысокую залу, уставленную старомодными стульями и столами, Левъ Никаноровичъ повернулъ въ длинный темный корридоръ, нащупалъ дверь, толкнулъ ее и торжественно произнесъ:

— Милости просимъ въ ваши аппартаменты.

Аппартаменты состояли изъ трехъ комнатъ, расположенныхъ линейкой. Видно было, что хозяинъ сосредоточилъ все свое вниманіе на ихъ убранствѣ. Спальня Нины была загромождена самою разнообразною мебелью. Огромное бюро съ почернѣвшею бронзовою отдѣлкой, широчайшая кровать подъ выцвѣтшимъ шелковымъ балдахиномъ, обтянутые полинявшимъ бархатомъ диваны, горка съ фарфоровыми бездѣлушками.

— Я велѣлъ собрать сюда все, что осталось послѣ матушки,—наивно докладывалъ Левъ Никаноровичъ,—а ужъ вы, Ниночка, прикажите разставить эту благодать по своему вкусу. Это вотъ дѣтская,—продолжалъ онъ,—тутъ и лежаночка теплая... Я въ чуланѣ кое-какія

игрушки откопалъ, только ужъ больно стары, нужно будетъ въ городѣ новыхъ прикупить... А эту комнату я предполагалъ вамъ подъ мастерскую: она посвѣтлѣе всѣхъ.

Комната была большая, почти пустая. Желтенькое, унылое фортепіано робко прижалось между двумя окошками, а надъ нимъ висѣла, нѣсколько склонившись на бокъ, картина въ облупленной рамѣ съ надписью *„Пожаръ въ Испаніи“*, въ которой, впрочемъ, кромѣ оранжевыхъ и черныхъ полосъ, трудно было что-нибудь разобрать. Направо, вдоль стѣны, стояли два шкафа съ книгами. Нина подошла къ нимъ.

— Левъ Никаноровичъ, вѣдь это наша ключевская библіотека? Какъ это попало къ вамъ?

— Да это я послѣ вашего отъѣзда пріобрѣлъ за безцѣнокъ у новаго хозяина. Собирался все сюрпризъ вамъ сдѣлать: въ Питеръ переслать. Вѣдь, только у васъ и радости было, у маленькой, что эти книги, да вотъ вы, слава Богу, сами къ намъ пожаловали. Ужъ какъ я радъ, Ниночка. Я просто одурѣлъ, когда получилъ ваше письмо. Сколько времени ни словечка и вдругъ: „ѣду“. Я глазамъ не вѣрилъ.

— Добрый, милый Левъ Никанорычъ, спасибо вамъ,— говорила Нина, тронутая до слезъ, — только вы одни и баловали меня всегда.

Она обняла его за худую шею и поцѣловала въ сѣдую голову.

Стеклянная дверь вела изъ большой комнаты на балконъ. Тамъ за накрытымъ столомъ хлопотала старуха, въ темномъ платьѣ и бѣломъ чепчикѣ.

— Егоровна, все-ли готово? обратился къ ней Левъ Никаноровичъ.

— Сейчасъ, батюшка,—отвѣтила она, степенно кла-

пяясь Нинѣ и, перегнувшись чрезъ перила, крикнула тягучимъ голосомъ въ пространство:—Парашка-а, самоваръ!

Босоногая толстая дѣвка, въ подоткнутомъ платьѣ, втащила, пыхтя, пузатый самоваръ.

Старуха заварила чай, потомъ стала намазывать на хлѣбъ масло, разставляла блюдечки съ вареньемъ.

Нина глядѣла съ улыбкой на эти хлопоты. Ей пріятно было сознаніе, что вся эта возня для нея; ей казалось, что она послѣ долгихъ и тяжелыхъ скитаній возвратилась, наконецъ, *домой*.

Володя, оробѣвшій вначалѣ, успѣлъ оглядѣться и и даже рѣшился заговорить.

— Мама, я хочу кушать.

— Сейчасъ, мой мальчикъ, мы тебя накормимъ, а потомъ бай-бай.

— Подь ко мнѣ, батюшка, я тебѣ вареньица дамъ,—сказала Егоровна.

— А ты кто?—полюбопытствовалъ Володя.

— Я клюшница,—отрекомендовалась она.

— Ты ключи дѣлаешь?—удивился мальчикъ.

Егоровна засмѣялась.

— Нѣтъ, родимый, не дѣлаю я ключей, а прячу ихъ, а подъ ключами-то у меня гостинцы сладкіе-пресладкіе. Не будешь баловаться—дамъ.

— Не буду,—отвѣтилъ Володя,—а бѣгать можно?

— Можно, милый, только не шибко, а то носъ расквасишь... Вотъ мы и покушали, а теперь спать съ Богомъ пойдемъ; я тебѣ постельку постелю.

— А мама?

— И мама придетъ.

— Не хочу безъ мамы, — возразилъ Володя и уже приготовился заревѣть, но Нина его предупредила, отправившись сама его укладывать.

XV.

Что, уснулъ?—спросилъ ее Левъ Никаноровичъ, когда она вернулась на балконъ.

— Уснулъ,—отвѣтила Нина.

Она сѣла въ глубокое мягкое кресло, опрокинулась головою на спинку и задумалась. Старикъ пододвинулъ ей подъ ноги скамеечку; она поблагодарила его улыбкой.

Солнце медленно потухало, погружаясь въ красныя и темно-лиловыя облака; огнистые лучи пробивались сквозь листву, обливая все мягкимъ розовымъ сіяніемъ. Надъ сѣдою головой громаднаго серебристаго тополя чуть замѣтно вырѣзался блѣдный серпъ луны. Безконечная даль и ширь полей терялись въ набѣгающей вечерней мглѣ. Кругомъ тишина, та особенная, полная неопредѣленныхъ, смутныхъ шумовъ, деревенская тишина, отъ которой затихаютъ мысли въ головѣ и сердце въ груди, отъ которой, въ одно и то-же время, и хорошо на душѣ, и немножко больно, и немножко грустно.

— Какъ здѣсь славно,—сказала Нина и вздохнула.

— Неужто нравится? Я думалъ, вы послѣ заграничныхъ да столичныхъ чудесъ на нашу природу и глядѣть не захотите. Чего-чего вы тамъ, поди, не насмотрѣлись, Ниночка.

— Много, много, Левъ Никанорычъ, и все - таки нигдѣ мнѣ не было такъ уютно, какъ теперь здѣсь.

— Это значитъ: въ гостяхъ хорошо, а дома лучше-съ.

— Да, да, дома... всѣ эти годы я, въ самомъ дѣлѣ, точно изъ гостиницы въ гостиницу переѣзжала. Разсказывайте, Левъ Никанорычъ, какъ вы тутъ безъ меня жили. Когда я все узнаю, вы забудете, что меня такъ

долго не было съ вами, и опять станете глядѣть на меня, какъ на прежнюю Нину.

— Да я на васъ и не гляжу иначе. Это я въ первую минуту разнюнился. А что касается нашего житья, то оно, можно сказать, ничего интереснаго не представляетъ: день за день, завтра, какъ сегодня, послѣ весны лѣто, а за лѣтомъ осень... Пока была жива покойница Прасковья Михайловна, — царство ей небесное! — часто къ ней навѣдывался, а съ тѣхъ поръ, какъ она померла, совсѣмъ одичалъ. Жаль покойницу!.. Какъ сейчасъ помню, позвала она меня къ себѣ передъ смертью самой,—ужъ пріобщили ее, — и сказала: „Дай, говоритъ, мнѣ слово, Левъ Никанорычъ, что Ниночку не оставишь“. Ну, я ее, конечно, успокоилъ, а самъ, старый дуракъ, вмѣсто того, чтобы беречь васъ пуще глазу, ни разу даже не заглянулъ къ вамъ.

— Бѣдная бабушка, — проговорила Нина,—хорошо она сдѣлала, что умерла...

Левъ Никанорычъ удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Что-жъ тутъ хорошаго, матушка? Жила-бы себѣ да радовалась, на васъ глядя.

— Ужъ навѣрное-бы радовалась,—замѣтила Нина и засмѣялась горькимъ смѣхомъ.

Левъ Никаноровичъ еще удивленнѣе взглянулъ на нее и въ недоумѣніи замолчалъ.

— А Домнушка-то,—началъ онъ, погодя немного,— и мѣсяца послѣ васъ не прожила. Какъ она, старая, убивалась, когда продавали Ключи! „Барское, говоритъ, родовое гнѣздо, и вдругъ во владѣніе мужику сиволапому, арендателю“.

— Бѣдная Домнушка! Тоже послѣдняя изъ могиканъ,—сказала Нина.

— Да-съ, теперь ужъ не найдете такихъ вѣрныхъ слугъ. Вотъ все на крѣпостное право нападаютъ...— заговорилъ онъ, но Нина прервала его вопросомъ.

— Ну, а мою подругу, рябую Машку, не встрѣчали? Когда я у васъ была послѣдній разъ, она тутъ недалеко жила

— Померла она, бѣдная, въ позапрошломъ еще году отъ фершела проклятаго. Одышка у ней послѣ родовъ сдѣлалась, а онъ взялъ, да и впустилъ къ ней подъ одѣяло двадцать піявокъ: чортъ его знаетъ, пьянъ онъ былъ, что-ли. Ну, конечно, баба истекла кровью. Сталъ я его ругать, а онъ уперся, какъ столбъ, и все одно твердитъ: піявка сама знаетъ, гдѣ кусать.

Нина всплеснула руками:

— Да неужели это правда?

— Какъ-же не правда? Онъ, негодяй, сколко народу такимъ манеромъ переморилъ; только послѣ Марьи его догадались прогнать.

— И отецъ Николай, вашъ законоучитель, тоже скончался,—сказалъ опять Левъ Никаноровичъ,—его въ полѣ громомъ убило.

— Всѣ умерли,—промолвила Нина.

Оба помолчали.

— И я хорошъ,—воскликнулъ старикъ,—въ первый-же день и все про печальное!... Разскажите, Ниночка, лучше про себя: съ чего вы такъ похудали? Али мужъ не добрый попался?

— Послѣ, послѣ,—произнесла она торопливо,—а теперь говорите о себѣ, что вы дѣлаете, чѣмъ занимаетесь,—однимъ словомъ, все.

— Да ничѣмъ я особенно не занимаюсь. Вѣдь, Липовка на арендѣ. Только вотъ развѣ садъ. Это, можно сказать, мое дѣтище. Какіе у меня розаны!... Въ ку-

лакъ!... Крымскимъ не уступятъ... Вотъ вы посмотрите. Питомникъ тоже въ грунтовомъ сараѣ устроилъ... груши тамъ, яблоки, шпанская вишня. Варенье самъ варю. А зимой ко мнѣ ребятишки таскаются, грамотѣ ихъ учу... такъ и проходитъ время.

— А въ ключѣ купаетесь по-прежнему: и зиму, и лѣто?

— По-прежнему-съ. И какой, я вамъ доложу, у меня этотъ ключъ необыкновенный! Полагаю, что въ немъ скрыты какіе-нибудь цѣлебные минералы. Вотъ бы вамъ, Ниночка, тамъ покупаться, живо бы поправились.

— Хорошо, я попробую. Ну, и на флейтѣ, Левъ Никанорычъ, продолжаете играть?

— Играю-съ.

— И все „*Полонезъ Огинскаго?*"...

— Ишь, насмѣшница, помнитъ! — усмѣхнулся Левъ Никаноровичъ.—А чѣмъ не хорошъ Огинскій?.. Только что старъ... Вотъ пріѣзжалъ тоже въ третьемъ году къ сосѣдкѣ моей племянникъ, отставной поручикъ. Навезъ онъ сюда разныхъ романсовъ да серенадъ. Взялъ я у него разобрать ихъ. Складно-то оно складно, да все какъ-то не то... души такой нѣтъ, благородства. Ну, я и опять за Огинскаго. Заиграешь его... такъ трогательно, самого себя даже жалко станетъ... экою, подумаешь, я горькою сиротой вѣкъ прожилъ.

Левъ Никаноровичъ подперъ кулакомъ щеку и задумался.

— А сочиненіе свое „*Ошибки прогресса*" вы кончили?— спросила опять Нина.

Старикъ оживился; глаза его усиленно заморгали.

— Гдѣ же кончить! Нѣтъ... его только вмѣстѣ съ жизнью можно кончить!—воскликнулъ онъ.—Вѣдь, вы подумайте: туда должно войти *все*, вѣдь, это великое

дѣло... *О-ш-и-б-к-и прогресса*!.. Вѣдь, съ каждымъ днемъ прибавляется какая-нибудь новая ошибка. Я, какъ нѣкій древній лѣтописецъ, самъ въ водоворотѣ жизни не участвую, стою въ сторонѣ, но за всѣмъ слѣжу и все отмѣчаю. Всѣ эти кражи, да крахи, да разбои, — все это, вѣдь, что?.. Ошибки!.. Чего?.. Прогресса!.. Это... это тяжелый трудъ. Сразу не сдѣлаешь: дунулъ, плюнулъ,—и готово.

Нина хотѣла что-то сказать, но, взглянувъ на взволнованное лицо старика, ей жаль стало разрушать его иллюзію и промолчала.

Левъ Никаноровичъ опять задумался.

Теплый вѣтерокъ покачивалъ съ легкимъ шумомъ верхушки старыхъ липъ. Запахъ отцвѣтающей сирени подымался къ балкону. Звѣздочка огненною ниткой сверкнула по небу и скрылась. Мотыльки кружились около мерцающихъ свѣчъ и трепетно бились объ окна. Свѣтъ луны прямо падалъ на лицо Нины; оно казалось мертвенно-блѣднымъ.

Левъ Никаноровичъ вдругъ вышелъ изъ своего раздумья, взялъ ея худую, тонкую руку и сталъ ласково гладить.

— Что пригорюнилась, моя пташечка?—сказалъ онъ тихо.—Заклевали тебя тамъ, видно, злые коршуны.

Она попробовала улыбнуться, но губы ея искривились. Она закрыла лицо руками, пригнула голову къ колѣнамъ и глухо зарыдала.

Она плакала долго неудержимо, отчаянно. Старикъ вздыхалъ и только поводилъ рукой по ея вздрагивающимъ плечамъ. Наконецъ, она смолкла, сама налила себѣ воды, приложила мокрый платокъ къ своему пылающему лицу и, наклонившись къ самому уху Льва Никаноровича, выговорила залпомъ, словно боясь, что ей помѣшаютъ все высказать:

— Я убѣжала отъ мужа... обманула его... выпросилась къ знакомымъ на дачу... продала бабушкинъ жемчугъ и пріѣхала сюда. Не распрашивайте меня ни о чемъ, послѣ я сама вамъ все разскажу. Я не знаю,—сколько у васъ проживу, знаю только, что *туда* не вернусь никогда, ни за что...

— И не надо, родная,—промолвилъ старикъ,—а тутъ живите, пока не надоѣстъ.

XVI.

Дни шли за днями.

Нина вся отдалась убаюкивающему теченію деревенской жизни и всею душой желала лишь одного, чтобы никакое внѣшнее событіе пе всколыхало ея мирнаго существованія. Володя былъ здоровъ, потолстѣлъ и загорѣлъ. Онъ очень привязался къ Льву Никаноровичу, который со времени пріѣзда мальчика совсѣмъ, казалось, забылъ объ „*Отибкахъ прогресса*“. Всѣ его умственныя способности устремлены были на выдумываніе и вспоминаніе всевозможныхъ сказокъ. Краснорѣчивыя повѣствованія о дѣяніяхъ сѣрыхъ волковъ, хитрыхъ лисицъ, счастливыхъ дураковъ и несчастныхъ умниковъ, злыхъ вѣдьмъ и прекрасныхъ царевенъ, лились съ его устъ неизсякаемымъ потокомъ.

— У тебя хорошія сказки,—одобрялъ его рвеніе Володя,—не то, что у бабушки: та все про гадкихъ мальчиковъ разсказывала.

Нина совершала одинокія и длинныя прогулки.

Разъ она даже заглянула въ Ключи. Старый домъ былъ на половину сломанъ и обнесенъ лѣсами. На томъ мѣстѣ, гдѣ была оранжерея, красовалась яркая вывѣска кабака. Гора кирпичей, обструганныя доски, куча опи-

локъ, ямы съ известкой, вспотѣвшія лица плотниковъ,— все это такъ мало походило на прежнее. Нина невольно вздохнула и, опустивъ голову, точно ей было больно глядѣть на эту новую жизнь, водворившуюся съ грубостью силы и права иа развалинахъ ея родного гнѣзда, проскользнула незамѣтно отъ рабочихъ въ паркъ.

Тамъ не было особенныхъ перемѣнъ. Липовыя аллеи, темныя и длинныя, тянулись крестами вплоть до ручья, какъ въ былое время тихо журчавшаго между ивами. Старый дубъ, про который Домнушка разсказывала, будто подъ нимъ кладъ зарытъ, еще больше разросся. Корни его расползлись по дорожкамъ толстыми, корявыми сучьями, весь онъ важенъ и неподвиженъ, только въ вершинѣ чуть слышно ропщутъ листья. А вотъ и зеленая скамейка. Нинѣ живо вспомнилось, какъ она разъ прибѣжала сюда на свиданіе съ рябою Машкой. Она только что прочла „*Нибелунговъ*“ и дѣлилась съ Машкой мечтами о томъ, какъ бы это было хорошо, если бы хоть часть ихъ сокровищъ очутилась вдругъ въ ихъ рѣченкѣ Песочницѣ.

— Мы бы ихъ достали,—говорила она,—и я бы построила большой-большой домъ, гдѣ бы много было всего-всего и гдѣ бы всѣ бѣдные могли жить даромъ.

— Лучше бы хоромы свои починила,—не безъ ироніи вставила практическая Маша, — того и гляди, повалятся. Выдумаетъ тоже... нищихъ прикармливать!.. Такъ бы Домна Өедоровна тебѣ и дала зря деньги транжирить,

Нина съ грустною усмѣшкой глядѣла на скамейку.

„Она покосилась, разбухла, обросла мхомъ... и все таки стоитъ, — подумала она, — а отъ бѣдной Машки только кости въ землѣ остались“.

Изъ парка она прошла на кладбище. Заброшенное, унылое, огороженное лишь рвомъ отъ проѣзжей доро-

ги, въ немъ только и было новаго, что свѣжіе бугры, на которыхъ еще не обсохла глина. Большая часть могилъ были крестьянскія, на иныхъ торчали криво и косо убогіе деревянные кресты, на другихъ совсѣмъ ничего не было. Могила Прасковьи Михайловны, обнесенная чугунною рѣшеткой, стояла у самой часовни, жалкой, низенькой лачужки съ вибитымъ окномъ. На сломанной дверной скобкѣ болтался замокъ.

Нина присѣла отдохнуть на дряхлую степеньку часовни. Ноги ея упирались на заплѣсневѣвшую плиту, испещренную полустертыми буквами. Она нагнулась и стала медленно разбирать надписи.

„Гдѣ теперь ты,—прочла она,—
Тамъ былъ и я,
Гдѣ теперь я,
Тамъ будешь и ты...
Прохожій, остановись!“..

„Однако... où la philosophie va-t-elle se nicher“—подумала она.

Солнце уже садилось, когда Нина возвращалась домой чрезъ синѣвшую васильками рожь. Пахло скошеннымъ сѣномъ. Изъ сосѣдней деревни тянулся дымокъ. Гдѣ-то неподалеку мычала корова. На полдорогѣ Нина встрѣтила Льва Никонорыча. Онъ шелъ, по обыкновенію, безъ шапки.

— Куда вы пропали? Давно чай пить пора,—сказалъ онъ.

— Иду, иду, дѣдушка, не бранитесь; я старыя мѣста ходила провѣдать.

— Ну, вотъ, очень нужно! Опять разстроитесь и будете плакать.

— Нѣтъ, дѣдушка, больше плакать не буду. Я даже... знаете что? Я скоро за работу примусь: буду съ васъ портретъ писать.

— Какъ не написать съ этакаго красавца! — пошутилъ старикъ.

На дворѣ сидѣлъ Володя, весь измазанный въ пескѣ, который онъ наваливалъ изъ маленькой тачки нянькѣ въ колѣна. Увидѣвъ Нину, онъ бросился къ ней. Она схватила его на руки и стала съ нимъ кружиться, повторяя:

— Володька, ты мой?

— Твой, — отвѣчалъ онъ, дергая носомъ и любовно хлопая ее грязными рученками по щекамъ.

Пришла осень. Дни стояли пасмурные, съ перепадающими дождями. Темнѣло рано. Холодныя ночи смѣнили прелестные лѣтніе вечера.

Левъ Никаноровичъ тоскливо выжидалъ, что вотъ-вотъ Нина прикажетъ укладывать свои вещи и онъ опять останется одинъ.

„Хоть-бы Володю она мнѣ оставила“ — думалъ старикъ и, не смѣя спросить прямо о ея намѣреніяхъ, заводилъ рѣчь обинякомъ, что вотъ надо-бы на зиму каминъ въ мастерской приладить.

Она отвѣчала односложно и неопредѣленно. Старикъ вздыхалъ и уходилъ къ себѣ. Нина совершенно оправилась и усердно занималась. Стѣны мастерской покрылись новыми этюдами и эскизами. Въ головѣ бродили неясные замыслы большой картины. Страстное желаніе работать, совсѣмъ было заглохшее въ ней въ послѣдній годъ петербургской жизни, пробудилось и все сильнѣе охватывало ее дорогимъ, знакомымъ волненіемъ.

„Стало быть, не все они во мнѣ заглушили“, — думала она.

Ее томила только непрочность ея положенія. Она знала, что возвращеніе назадъ немыслимо, но знала,

вмѣстѣ съ тѣмъ, что ее могутъ потребовать назадъ силой. Она писала нѣсколько разъ Ивану Петровичу, прося его добровольно освободить себя и ее отъ невозможной совмѣстной жизни, но отвѣта не получалось. Это ее мучило и пугало. Наконецъ, отъ него пришло письмо, сухое, холодное и сѣрое, какъ казенная повѣстка.

„Вы говорите,—писалъ онъ, между прочимъ,—что для насъ совмѣстная жизнь невозможна. По моимъ отсталымъ понятіямъ, бракъ—такой священный союзъ, который никто разбивать не смѣетъ. Жена, покидающая мужа и семейный очагъ для того, чтобы поселиться, Богъ вѣсть на какихъ правахъ, у какого-то полоумнаго, — такая жена, по моимъ, повторяю, отсталымъ понатіямъ, не заслуживаетъ имени честной женщины. Согласиться на ваши требованія мнѣ не позволяютъ ни долгъ, ни совѣсть. Это значило-бы помочь вамъ вступить на путь легкомыслія, неминуемо ведущій къ безнравственности, особенно принимая во вниманіе ваше необузданное воображеніе. Все, что я могу для васъ сдѣлать, это дать вамъ время одуматься. Даю вамъ годъ сроку“...

Далѣе Нина не читала.

— *Годъ свободы!* Ну, и слава Богу, а тамъ видно будетъ,—произнесла она вслухъ и пошла отыскивать Льва Никаноровича.

Онъ сидѣлъ у себя въ каморкѣ и печально наигрывалъ свой любимый полонезъ. Нина протянула ему письмо. Онъ надѣлъ круглыя серебряныя очки и сталъ читать, вытянувъ губы. Дойдя до того мѣста, гдѣ Иванъ Петровичъ называлъ его полоумнымъ, онъ сердито проворчалъ:

— Самъ онъ полоумный, а я еще, слава тебѣ Господи, въ здравомъ умѣ... Ишь нагородилъ: долгъ да со-

вѣсть! Просто ему выпускать васъ не хочется. Ну, Богъ съ нимъ, спасибо и за годъ.

Нѣкоторое время послѣ полученія письма отъ мужа Нина хаидрила. Грустно бродила она по обнаженнымъ аллеямъ сада. Желтые и красные листья, вздымаемые осеннимъ вѣтромъ, цѣлою тучей заносили сырыя дорожки. На оголенныхъ сучьяхъ каркали вороны.

Нинѣ вспоминались русскіе знакомые въ Парижѣ, вспоминалась семейная жизнь со всѣми подробностями вспоминалась и жалкая, глупая исторія съ Воробьевымъ, При этомъ краска стыда заливалала ей щеки.

— Да неужели все это было со мной, могло быть со мной?

Но она скоро овладѣла собой и опять вошла въ колею своей новой, ясной жизни: возилась съ Володей, читала, разыскивала натурщиковъ и натурщицъ. Она скоро пріобрѣла многочисленныхъ знакомыхъ въ сосѣднихъ съ Липовкой деревняхъ. Дѣвушки и парни позировали у нея довольно охотно, мужики и бабы немного ломались, но она умѣла ихъ приручить болтовней, чаемъ и деньгами.

Зимой она часто каталась съ Володей въ маленькихъ санкахъ, запряженныхъ парой пѣгихъ лошадокъ. Левъ Никаноровичъ, съ годами еще болѣе утвердившійся въ своей ненависти къ лошадямъ и докторамъ, никогда не принималъ участія вѣ этихъ прогулкахъ. Онъ съ безпокойствомъ встрѣчалъ ихъ у воротъ, тревожно спрашивая каждый разъ: не вывалили, не разнесли? и сердился, когда Нина смѣялась на его упреки, зачѣмъ она такъ легкомысленно подвергаетъ свою жизнь опасности.

Длинные вечера проходили тихо и монотонно. Левъ Никаноровичъ сидитъ, согнувшись надъ своими „*Ошибками прогресса*“, Егоровна дремлетъ надъ чулкомъ у по-

тухшаго самовара. Изъ дѣтской слышится обнообразный напѣвъ няньки:

Приди, котикъ, ночевать,
Мово Воличку качать...
Бай-бай-бай-бай.
Свои глазки закрывай...

Нина, лежа на кушеткѣ, задумчиво перелистываетъ „*Фауста*“,—послѣдніе годы это ея настольная книга,—но завываніе няньки мѣшаетъ ей читать. Она подходитъ къ фортепіано и опускаетъ руки на дряблые клавиши; раздается такой жалобный, дребезжащій звукъ, что она, словно устыдившись, что потревожила покой почтеннаго инвалида, возвращается на кушетку и снова принимается за „*Фауста*“.

Entbehren sollst du.—говорятъ черныя строчки,—
Sollst entbehren,—
Das ist der ewige Gesang,
Der jedem an die Ohren klingt.

Няня затихла. Въ шкапу, точно на смѣну ей затрещалъ сверчокъ, длинный маятникъ стѣнныхъ часовъ безучастно, какъ состарѣвшійся на службѣ чиновникъ, выводилъ свое мѣрное „тикъ-такъ“.

— А не пора-ли на покой? — провозглашаетъ Левъ Никоноровичъ, отрываясь отъ „*Ошибокъ прогресса*“.

Егоровна просыпается.

— Сейчасъ, батюшка, сберу поужинать.

XVII.

Прошелъ еще годъ. Въ Петербургѣ открылась очередная художественная выставка. На красныхъ стѣнахъ одной изъ залъ висѣли двѣ картины, передъ которыми стояло нѣсколько человѣкъ. Одна называлась „*Некогда*

горевать" и изображала залитое солнцемъ поле ржи, наполовину сжатое. Загорѣлыя отъ зноя. утомленныя лица жнецовъ и жницъ мелькали между колосьями. Нѣсколько парней и дѣвокъ складывали снопы въ крестецъ. Отдѣлившись немного отъ другихъ, стояла, опустивъ серпъ, дряхлая старуха и напряженно глядѣла вслѣдъ катившейся мимо телѣгѣ, въ которой сидѣла молодая еще баба съ серьезнымъ, скорбнымъ лицомъ. Одною рукой она правила, другой придерживала небольшой гробъ. Холщовый платокъ былъ надвинутъ на самыя брови, изъ-подъ которыхъ сурово смотрѣли глаза.

Другая, носившая названіе „*Въ морозъ*", представляла довольно просторную, невысокую комнату, съ бревенчатыми законопаченными стѣнами. За учебнымъ столомъ сидитъ человѣкъ пятнадцать крестьянскихъ ребятишекъ. Всѣ взоры устремлены на миловидную бѣлокурую дѣвушку, въ черномъ платьѣ и голубой вязаной косынкѣ, которая тихо вертитъ большой глобусъ. Курносый мальчикъ, въ накинутомъ на плечи зипунишкѣ, оперся подбородкомъ на сжатые кулачки и не спускаетъ удивленныхъ глазъ съ полуоткрытыхъ губъ учительницы. Въ раскрытой желѣзной печкѣ ярко горятъ дрова, бросая отблескъ на дѣтскія лица. Двѣ дѣвочки украдкой сползли съ лавки и протянули свои, обутыя въ огромныя башмаки, ноги почти къ самому огню: онѣ равнодушны къ вращенію земли. Въ низенькія окна, затканыя тонкимъ ледянымъ узоромъ, виднѣется сѣрое небо и снѣжные сугробы.

Обѣ картины были помѣчены именемъ Нины Высогорской и на обѣихъ болтались билетики, гласившіе, что онѣ проданы господину Н., извѣстному богачу и любителю.

— Прелесть, чудо!—говорили въ публикѣ.

— Слишкомъ уже безотрадно! Напиваться до чортиковъ можно, а о своемъ ребенкѣ будто и погорѣвать некогда... Помилуйте, это тенденція.

— Да вы всмотритесь въ тонкость отдѣлки, изящества деталей: что за плутовскія мордочки у этихъ двухъ лѣнтяекъ!

— Всѣ газеты прокричали, что это талантъ. Она въ Мюнхенѣ или гдѣ-то тамъ еще за-границей медаль получила.

— Кумовство и протекція, больше ничего,—сердито промолвилъ какой-то солидный старикъ.

— Нѣтъ, — проговорилъ молодой человѣкъ въ очкахъ,—это славныя вещи! Здѣсь во всемъ правда и жизнь: и въ этой несчастной бабѣ, которая прямо съ похоронъ своего ребенка вернется на поле жать, и въ этой красивой, свѣжей барышнѣ, окруженной чумазыми дѣтишками. Видно, что ей хорошо и спокойно въ этой избѣ.

— Да,—подтвердилъ другой молодой человѣкъ,—милое лицо у этой учительницы, такое простое и умное; глядя на нее, самому какъ-то яснѣе становится.

— Зелены вы больно, государи мои, оттого вамъ все такъ и ясно,—иронически замѣтилъ солидный старикъ.

Въ углу залы, на бархатномъ диванчикѣ, сидѣла стройная дама, въ длинной черной тальмѣ и скромной шляпѣ. Ея блѣдное лицо было совершенно спокойно, только вспыхивающіе глаза да полуоткрытыя губы указывали на волненіе. Это была Нина, чутко прислушивавшаяся къ толкамъ публики.

Благодаря продажѣ своихъ картинъ, ей представилась возможность ѣхать за-границу. Но для этого, понятно, необходимъ былъ паспортъ. Она рѣшилась сама просить объ этомъ Ивана Петровича и съ этой цѣлью

пріѣхала въ Петербургъ. Сначала онъ и слышать не хотѣлъ ни о чемъ подобномъ, но ей, паче чаянія, помогла Варвара Григорьевна.

— Плюнь ты на нее, подлую,—сказала она сыну,—пускай ее на свои денежки по свѣту порыщетъ, будетъ и на твоей улицѣ праздникъ, станетъ она у тебя ножки цѣловать, тогда и потѣшишься, только пусть она намъ Володю отдастъ.

Иванъ петровичъ отмахнулся.

— Не надо, не надо мнѣ ни ее, ни ея ребенка,—сказалъ онъ,—пусть всѣ уходятъ...

Нина пробыла у мужа часа два. Чувство сожалѣнія къ нему шевельнулось въ ея груди, и она протянула ему на прощаніе руку, но Иванъ Петровичъ повернулся къ ней спиной и быстро ушелъ въ другую комнату.

Нина перебирала въ умѣ подробности этого свиданія, когда мимо нея, почти касаясь ея платья, прошелъ плотный господинъ, средняго роста. Онъ взглянулъ на нее и остановился въ смущеніи. Она также поглядѣла на него, наклонила голову и промолвила:

— Здравствуйте, Сергѣй Степанычъ, развѣ вы меня не узнаете?

— Конечно, узналъ! Очень, очень радъ,—бормоталъ все еще смущенный Воробьевъ,—но какъ вы перемѣнились, Нина Александровна,—похорошѣли, поздоровѣли. Впрочемъ, и не мудрено. Такой успѣхъ... вполнѣ заслуженный, прибавлю. Я въ восторгѣ отъ вашихъ картинъ.

Нина поглядѣла на его раздобрѣвшее лицо и сама удивлялась, что можетъ глядѣть на него такъ спокойно. Сердце ее забилось нѣсколько сильнѣе въ первую минуту, но то было не отъ любви и не отъ ненависти, а просто отъ неожиданности.

Воробьевъ почувствовалъ это.

— Вы... не сердитесь на меня, Нина Александровна?— сказалъ онъ тихо.

— За что?—спросила она усмѣхаясь.

— Вѣрьте,—горячо заговорилъ онъ,—что, поступая *тогда* такъ безобразно, я казнилъ себя и спасалъ васъ.

— Полно, Сергѣй Степанычъ, все это было и быльемъ поросло,—произнесла она.—Вы собственно и тогда были почти ни при чемъ въ нашемъ... въ нашемъ, ну-хоть скажемъ, романѣ, чтобы долго не подыскивать слова. Мнѣ кажется,—продолжала она послѣ небольшого молчанія, — что просто мое положеніе омрачило мой умъ. Я, какъ слѣпая, нащупывала выходъ и впотьмахъ наткнулась на васъ. Быть можетъ, это былъ безсознательный протестъ, нѣчто вродѣ мести давившей меня обстановкѣ... Во всякомъ случаѣ, любви настоящей у меня къ вамъ не было. Развѣ бы я могла такъ скоро успокоиться, если-бъ это была любовь? Вы пожалуй, подумаете, что, говоря такимъ образомъ, я стараюсь утѣшить себя и огорчить васъ. Право, нѣтъ! если бы вы знали, какъ все это недалекое прошлое далеко отъ меня. Я потому только не могу назвать его тяжелымъ сномъ, что очень ужъ оно сильные слѣды на мнѣ оставило. А вамъ я даже благодарна, — вы ускорили развязку.

Докторъ слушалъ ее, опустивъ голову.

— Да, — сказалъ онъ, когда она умолкла, — иначе и быть не могло...

— Знаете что, Сергѣй Степанычъ? Перестанемте говорить о мертвомъ. Оно похоронено и никогда не воскреснетъ. Скажите лучше, какъ вамъ теперь живется, каковы ваши дѣла?

— Благодарю васъ, Нина Александровна, помаленьку обставляюсь. Практика идетъ недурно, у меня теперь

своя квартира. Звѣздой я, конечно, не буду, а въ благополучные буржуазы, вѣроятно, попаду.

— Что-жъ? Вы будете интересный буржуа... съ грустнолиберальною начинкой. Барынямъ это нравится.

— Издѣвайтесь, издѣвайтесь, Нина Александровна, передъ вами я безмолвствую.

— Ну, а какже вы съ Иваномъ Петровичемъ покончили?—сказалъ онъ помолчавъ.—Я спрашиваю не изъ лыбопытства, но мы съ нимъ близки, и если я могу вамъ быть полезенъ...

— Нѣтъ. merci, теперь ужъ все улажено. Я уѣзжаю за-границу.

— И скоро?—освѣдомился Воробьевъ.

— Вотъ, теперь въ деревню отправлюсь за Володей и дѣдушкой, а ужъ оттуда и въ путь.

— Да, я слышалъ, что вы поселились у какого-то таинственнаго старика.

— Во-первыхъ, онъ не „какой-то", а, во-вторыхъ, въ немъ нѣтъ ничего таинственнаго,—сказала она.—Это мой бывшій опекунъ, лучшій другъ моей покойной бабушки, я выросла на его рукахъ. Онъ тридцать лѣтъ безвыѣздно живетъ въ деревнѣ, а теперь вотъ ѣдетъ со мной: не можетъ съ Володей разстаться.

— Въ самомъ дѣлѣ? А Варвара Григорьевна и Сашенька (она, вѣдь, вышла за Стручкова и, говорятъ, бьетъ его), тутъ Богъ знаетъ что наплели.

Они помолчали. Публика почти вся разошлась, только однѣ картины глядѣли на нихъ со стѣнъ.

— Куда вы именно направляетесь, Нина Александровна?—спросилъ опять Воробьевъ.

— Сначала въ Швейцарію, въ горы, а на зиму работать въ Римъ.

— И надолго вы?

— Думаю, года на два, а впрочемъ, это зависитъ отъ обстоятельствъ. Однако, мнѣ пора. Прощайте Сергѣй Степанычъ, желаю вамъ всякихъ благъ.

— Постойте минутку,—сказалъ онъ, удерживая ее за руку,—скажите правду, Нина Александровна: и вы совершенно хладнокровно въ ваши годы отказываетесь отъ счастья личной жизни?

Она выпрямилась. Въ глазахъ ея забѣгали огоньки.

— Да съ чего вы взяли, — заговорила она своимъ глубокимъ груднымъ голосомъ,—что у меня нѣтъ личной жизни? А это,—она указала на свои картины,—развѣ не жизнь? А сынъ? А всѣ люди съ ихъ горестями и радостями, слезами и смѣхомъ? Развѣ я отдѣлена отъ нихъ?

— И больше вамъ ничего не нужно?—повторилъ онъ настойчиво, подчеркивая каждое слово.

Она пожала плечами и встала.

Онъ тоже всталъ и пошелъ съ ней рядомъ.

Къ подъѣзду подкатила небольшая извозчичья карета. Нина открыла дверцу и, опустившись на сидѣнье, протянула доктору чрезъ окошко свою руку.

— Я, пожалуй, отвѣчу на вашъ вопросъ, — произнесла она медленно и слегка покраснѣла. — При томъ бóльшемъ, на которое намекали вы, слишкомъ часто приходится жертвовать тѣмъ многимъ, о которомъ говорила я... и потомъ... пробужденіе „nach der holden Liebesnoth“ сплошь да рядомъ бываетъ очень противно...

Воробьевъ крѣпко пожалъ ей руку. Карета покатилась. Нина еще разъ кивнула головой, а докторъ стоялъ въ раздумьѣ и все еще, казалось, глядѣлъ на промелькнувшій передъ нимъ блѣдный профиль.

— Ее талантъ выручитъ,—проговорилъ онъ громко и, вскочивъ въ проходившую мимо конку, отправился въ ресторанъ обѣдать.

НА СТАРУЮ ТЕМУ.

(ПОВѢСТЬ.)

I.

Надъ селомъ Покровскимъ стояло раннее майское утро. Собственно „селомъ“ Покровское величалось только по старой памяти.

Лѣтъ тридцать тому назадъ это была богатая вотчина, въ которой съ деревнями насчитывали до десяти тысячъ душъ. Владѣльцы Покровскаго, господа Обуховы, производившіе свой родъ чуть не отъ Рюрика, славились на всю Х—скую губернію своей широкой, не знавшей удержу, барской жизнью. Теперь отъ прежняго великолѣпія осталась лишь усадьба. Распростертые на осыпающихся колоннахъ мраморные львы меланхолически сторожили въѣздъ въ господскій домъ, длинное, двухъэтажное, неуклюжее строеніе съ флигелями по бокамъ, бельведеромъ, въ которомъ не было ни одного цѣлаго стекла, и вычурнымъ балкономъ, безпомощно опустившимся на головы трехъ улыбающихся полногрудыхъ, но безносыхъ и безрукихъ нимфъ. Къ дому примыкалъ запущенный, заросшій паркъ съ павильономъ въ мавританскомъ вкусѣ. Когда-то въ немъ помѣщали излишекъ гостей, съѣзжавшихся на празднества и тезоименитства къ радушнымъ хозяевамъ; теперь его на лѣто сдавали подъ дачу. Возлѣ самой ограды парка скромно приткнулась старая бѣлая церковь съ фамильнымъ склепомъ дворянъ Обуховыхъ.

Въ извѣстные дни, когда роковыя слова „вторая закладная“, „банковскій долгъ“, „съ молотка“, особенно назойливо жужжали въ ушахъ и головѣ, этотъ склепъ становился чистымъ мученіемъ для настоящаго владѣльца Покровскаго, Дмитрія Гавриловича Обухова.

— Съ молотка... les cendres de mes pères... твердилъ онъ въ отчаяніи и отправлялся взывать по-русски и по-французски къ благороднымъ сердцамъ и фамильнымъ чувствамъ разныхъ кузинъ, двоюродныхъ тетушекъ и внучатныхъ племянницъ.

Невдалекѣ отъ церкви виднѣлся изъ-за палисадника крѣпкій бревенчатый, подъ красной крышей, домикъ священника, а черезъ дорогу, уходя въ оврагъ, торчало десятка полтора ободранныхъ почернѣлыхъ избъ. Это-то и было село.

Въ описываемое утро Дмитрій Гаврилычъ сидѣлъ въ своей огромной, почти пустой залѣ за чайнымъ столомъ и нервно перебиралъ засаленныя страницы толстой книги. Дмитрій Гаврилычъ былъ замѣчательно красивъ. Его стройная худощавая фигура и особенно сѣдая голова, съ тонкими, изысканно правильными чертами лица, напоминали маркизовъ Watteau.

Жена его—ее звали Катерина Андреевна,—была маленькая, толстая женщина, съ руками, какъ у карлицы, и краснымъ обрюзглымъ лицомъ, на которомъ удивительно странно блестѣли большіе, прелестные, черные глаза съ такимъ наивнымъ безпомощнымъ выраженіемъ, какое бываетъ у испуганныхъ дѣтей. Черное платье съ длиннѣйшимъ шлейфомъ облекало мѣшкомъ ея грузное тѣло. На жидкихъ бѣлыхъ волосахъ, завернутыхъ на макушкѣ въ маленькую косичку, красовалась кружевная тряпочка.

Супруги молча пили чай, видимо избѣгая глядѣть другъ на друга.

Дверь распахнулась, и въ залу вошла дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, въ ситцевомъ голубомъ платьѣ, младшая дочь Обуховыхъ, Маруся. По тому, какъ отецъ держалъ въ рукахъ книгу, а мать крошила хлѣбъ на скатерть, она сейчасъ-же догадалась, что между ними была сцена. „Должно быть, опять изъ-за денегъ"—подумала она и обратилась сначала къ матери.

— Здравствуй, мамочка, я думаю сегодня Таня ужъ навѣрно прiѣдетъ.

Катерина Андреевна пожевала беззубымъ ртомъ и ничего не сказала.

— Bonjour, papa, ты здоровъ? (она поцѣловала его руку).

Дмитрiй Гаврилычъ отложилъ книгу.

— Прiѣдетъ... на радость,—пробормоталъ онъ, не отвѣчая на вопросъ Маруси,— не на что обѣда сварить. Говорю, чтобъ у дачниковъ взяли денегъ, такъ нѣтъ!.. какъ можно! Мы слишкомъ горды!..

— Но, папа, вѣдь они ужъ заплатили за дачу.

— За дачу... за дачу!.. Можно попросить впередъ за молочные продукты.

— Что ты, папа! какiе-же молочные продукты, когда у насъ нѣтъ ни масла, ни сыра, ни сметаны.

— Прекрасно, продолжайте,—произнесъ Дмитрiй Гаврилычъ, задыхаясь, — до чего я дожилъ! Родная дочь упрекаетъ меня въ нищенствѣ...

— Папочка, да когда-же я...—начала дѣвушка.

— Всѣ, всѣ на меня,—произнесъ Дмитрiй Гаврилычъ, размахивая руками.

Въ эту минуту на порогѣ показался человѣкъ, небольшого роста, худой, черноволосый, смуглый, съ острымъ и подвижнымъ, какъ у обезьяны, лицомъ. Одѣтъ онъ былъ въ какое-то отрепанное коротенькое

пальто, изъ-подъ котораго сверху торчалъ измятый воротникъ ночной сорочки, снизу высовывались заткнутыя въ сапоги брюки.

Это былъ единственный сынъ и наслѣдникъ имени Обуховыхъ—Андрей Дмитріевичъ, или André, какъ его обыкновенно звали въ семьѣ. Возрастъ его по наружности было опредѣлить довольно мудрено. Ему могло быть 40, могло быть и 20; на самомъ дѣлѣ было 25 лѣтъ.

Увидавъ отца въ патетической позѣ, онъ остановился и, прищуривъ свои колючіе черные глазки, проговорилъ съ ехидной усмѣшкой на тонкихъ губахъ:

— Что это вы сегодня такъ рано вдохновились, mon père?

Дмитрій Гаврилычъ моментально опустилъ руки, схватилъ книгу и вышелъ изъ комнаты, сильно хлопнувъ дверью.

— André, какъ тебѣ не совѣстно!—воскликнула Маруся.

Она была сильно взволнована и, казалось, вотъ-вотъ расплачется.

— Ты чего вмѣшиваешься! твое дѣло молчать, отвѣтилъ онъ.

— Mon Dieu, — застонала Катерина Андреевна, хоть вы то не ссорьтесь. Господи взмолилась она по-русски, прибери ты меня поскорѣй.

Маруся подбѣжала къ ней, обвила ее руками и стала цѣловать.

— Не огорчайся,—уговаривала она старуху, ужъ я какъ-нибудь достану денегъ—папа успокоится... Таня пріѣдетъ съ дѣтьми...

— Ахъ, Маруся, гдѣ ты достанешь! ты добрая дочь! ты хочешь меня утѣшить... et moi je suis une faible creature...

— Сударыня, плотникъ Ефремъ пришелъ,—доложилъ Никита, старикъ лѣтъ шестидесяти, исполнявшій въ домѣ самыя разнообразныя обязанности. André, называлъ его „вѣрный Личарда“.

— Что ему? проговорила Катерина Андреевна, Скажи, Никитушка, чтобы въ другое время зашелъ, мнѣ теперь некогда.

— Говорилъ, матушка, да онъ ждать не согласенъ, безпремѣнно, говоритъ, нужно мнѣ съ барыней перетолковать.

Катерина Андреевна покорно вздохнула.

— Ну, зови его.

Явился бѣлобрысый мужикъ и, поклонившись господамъ, сталъ у косяка, зажавши въ рукахъ шапку.

— Что тебѣ, Ефремъ?—спросила барыня.

— Да деньжонокъ, сударыня, домой надо уходить, старикъ у меня померъ.

— Отецъ твой? какъ жаль! Сколько-же тебѣ?

— Сами изволите знать, матушка, сорокъ пять рублевъ.

— У меня теперь нѣтъ денегъ, Ефремъ, подожди.

— Ужъ годъ ждемъ вашу милость. Оченно нужно...

Катерина Андреевна бросила взглядъ на сына, какъ-бы ища въ немъ поддержки, но тотъ пилъ чай съ такимъ невозмутимымъ видомъ, точно онъ былъ глухъ и слѣпъ.

— Такъ какъ-же, сударыня, началъ Ефремъ послѣ небольшого молчанія.

— Столько я не могу, Ефремъ.

— Ну, сколько можете.

Она покусала губы.

— Я тебѣ дамъ... рубль, Ефремъ, а остальныя ты подожди.

Мужикъ вытаращилъ глаза.

— Чтой-то, сударыня посмѣяться надъ нами задумала, — сказалъ онъ, — Такъ нѣтъ, шалишь! Не на таковскаго напала! Рупь! рупь-то я самъ тебѣ на гробъ пожертвую, бѣдность твою жалѣючи. А ты мои заработанныя денежки подай, вотъ что! Даромъ на васъ тоже работать не приходится.

Онъ подошелъ близко къ столу и тяжело дыша, послѣ каждой фразы, тыкалъ пальцемъ въ воздухѣ.

— Ступай вонъ грубіянъ! — крикнула Катерина Андреевна.

— А ты погоди гонять, — возразилъ плотникъ, — отдай деньги, сами уйдемъ. Невидаль какая! думаетъ барыня, такъ кочергой до носу не достанешь! Такихъ-то барынь...

— Andrè, ce paysan ose m'insulter, dis lui...

— Я въ ваши дѣла не мѣшаюсь, le mélodrame n'est pas mon fort, отозвался сынъ.

— Oh, le lâche, процѣдила Маруся сквозь зубы и подошла къ мужику.

— Сегодня пріѣдетъ моя старшая сестра, — сказала она—и вечеромъ ты получишь всѣ деньги. А теперь сейчасъ-же уходи отсюда,—маменькѣ дурно.

Мужикъ помялся немножко, вздохнулъ, повернулся и молча удалился.

Катерина Андреевна, опустивъ голову на руки, всхлипывала. Andrè барабанилъ пальцами по столу и съ злобной насмѣшкой глядѣлъ на Марусю.

Она поймала этотъ взглядъ.

— Бабушкинъ воспитанникъ, — промолвила она, — дрожа всѣмъ тѣломъ, je te repète, que tu es un lâche!

— А ты дура,—отвѣтилъ братъ.

II.

Бабушка, о которой съ такой горечью упоминала Маруся, уже больше двухъ лѣтъ покоилась въ могилѣ, но память о ней была жива въ семьѣ Обуховыхъ. Про нее разсказывали самые невѣроятные анекдоты, ей приписывались всѣ бѣды, неудачи и напасти.

Дарья Борисовна Обухова приходилась Дмитрію Гаврилычу теткой; она была богатая старая дѣва, взбалмошная, хитрая и властолюбивая до жестокости. Воспитанная отцомъ-эпикурейцемъ и матерью-ханжей и лицемѣркой, не стѣснявшейся, впрочемъ, собственноручно бить по щекамъ горничныхъ—Дарья Борисовна представляла удивительную смѣсь суевѣрія и какого-то закоренѣлаго безбожія. Она боялась тринадцати за столомъ, боялась трехъ свѣчей въ комнатѣ, боялась покойниковъ до того, что разъ, купивъ шляпку и встрѣтивъ по дорогѣ похороны, она тутъ-же на улицѣ изорвала въ клочья свою покупку. Поповъ, монаховъ и всякихъ божьихъ людей она презирала отъ всего сердца, а между тѣмъ въ положенные дни ѣздила въ церковь, постилась, говѣла, хвастаясь въ то же время, что на исповѣди она однажды отрѣзала священнику на какой-то вопросъ: „это, батюшка, не твоего ума дѣло". Приживалокъ и воспитанницъ, которыя у ней не переводились, она тиранила безъ мѣры и корила каждымъ кускомъ. Но стоило какой-нибудь изъ нихъ сбѣжать отъ ея благодѣяній, какъ она немедленно отправляла за ней въ погоню. Въ случаѣ поимки, Дарья Борисовна осыпала несчастную цѣлымъ градомъ обвиненій въ черной неблагодарности, низости, развращенности и т. д. Облегчивъ такимъ образомъ душу, она вручала бѣглянкѣ черезъ дворецкаго Филипыча двадцать пять цѣлковыхъ,

приговаривая: „пускай убирается на всѣ четыре стороны, по крайней мѣрѣ, не *она* отъ меня ушла, а *я* ее прогнала“.

Заѣхавъ какъ-то по дорогѣ въ Х*** къ Обуховымъ, она, какъ говорится, ни съ того ни съ сего, страстно привязалась къ André, тогда десятилѣтнему мальчику, и недолго думая, порѣшила пріобрѣсти его въ собственность. Дмитрій Гаврилычъ, находившійся тогда въ припадкѣ мрачнаго отчаянія—ему не на что было ѣхать на выборы—очень обрадовался пріѣзду тетушки. Она заплатила за него долги и немедленно перевезла всю семью на жительство къ себѣ въ имѣніе, въ Воронежскую губернію, пообѣщавъ даже назначить Дмитрія Гаврилыча единственнымъ наслѣдникомъ—подъ условіемъ, однако, что ни онъ, ни мать не станутъ вмѣшиваться въ воспитаніе André. Въ домѣ, конечно, не преминулъ водвориться адъ. Дарья Борисовна, желавшая привязать мальчика исключительно къ себѣ, всѣми силами стремилась отдалить его отъ семьи, бранила при немъ родителей, не позволяла ему играть съ сестрами, выгоняя ихъ, когда онѣ приходили къ нему, и только въ видѣ особаго снисхожденія, допускала старшую, Таню, присутствовать при его урокахъ. Бѣдныя дѣвочки, которыхъ бабушка тѣмъ больше ненавидѣла, чѣмъ больше любила André, ютились съ матерью, нянькой и отцомъ въ крошечныхъ комнатахъ, въ мезонинѣ. André съ гувернанткой и учителемъ жилъ на половинѣ бабушки. Катерина Андреевна, по своей робости, скоро совсѣмъ стушевалась. Она боялась Дарьи Борисовны, какъ огня, и только украдкой, у себя въ комнатѣ, плакала, молилась, писала стихи и мечтала, какъ было-бы хорошо, если-бы неизвѣстный родственникъ вдругъ оставилъ ей громадное-громадное наслѣдство, милліоновъ двадцать, напримѣръ. Она бы предстала тогда

передъ Дарьей Борисовной и сказала: „ma tante, rendez-moi mon fils, je vous pardonne tout le mal, que vous m'avez fait“, и Дарья Борисовна увидѣла бы, что она, Катерина Андреевна, вовсе не мокрая курица, что у нея тоже есть самолюбіе и т. п.

Дмитрій Гаврилычъ былъ построптивѣе жены и доходилъ даже до открытыхъ возмущеній противъ тетки. Это случалось, когда его сильно одолѣвала тоска. Тогда между нимъ и Дарьей Борисовной происходили, въ присутствіи дѣтей, сцены въ родѣ слѣдующей.

— Ma tante, я получилъ письмо отъ Павла Григорьева,—заявлялъ Дмитрій Гаврилычъ.

— Что онъ тебѣ пишетъ батюшка?—спрашивала тетка.

— Пишетъ, что хозяйство плохо, денегъ не посылаемъ. Я думаю съѣздить туда.

— Поѣзжай, батюшка.

— И для дѣтей лучше; я ихъ въ Х*** буду воспитывать. Танѣ уже четырнадцыть лѣтъ, Andrè одиннадцать! Пора о нихъ подумать... и къ имѣнію ближе.

— Объ Andrè не безпокойся, безъ тебя воспитаютъ.

— Но я не согласенъ, чтобы посторонніе разлучали отца съ сыномъ и желаю это прекратить.

— Какихъ ты тутъ нашелъ постороннихъ! Это я, что-ли? Дуракъ ты что и говоришь это.

— Я хоть и дуракъ, а желаю самъ воспитывать своихъ дѣтей! Будетъ! благодарю васъ! не нужны мнѣ ваши милости...

Начиналась комедія укладыванья сундуковъ. Иногда доходило до отъѣзда. Тогда Дарья Борисовна, въ видѣ raison majeure объявляла, что, если кто тронется изъ дому, она откажетъ имѣніе и все состояніе монастырю. Поднимался крикъ, слезы, вопли... Дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что Дарья Борисовна обращалась за совѣтомъ къ старику Филиппычу.

— Какъ ты думаешь, Филиппычъ, сколько ему дать?

— Ничего вы ему не давайте, балуете только.

Послѣ долгихъ совѣщаній и торговли, Дмитрію Гавриловичу давали отступного, и онъ отправлялся въ Х***, откуда возвращался мѣсяца черезъ два-три желтый какъ лимонъ, съ мутнымъ взоромъ и укрощеннымъ духомъ при Дарьѣ Борисовнѣ говорилъ не иначе, какъ шепотомъ, и вообще велъ себя тише воды, ниже травы, пока, по его собственнымъ словамъ, ему не становилось тошно отъ одного ея вида.

Время шло. При André состояли учителя и гувернантки, но такъ какъ они мѣнялись чуть не каждый мѣсяцъ, то Дарья Борисовна задумала везти своего питомца въ городъ. Ее сильно тянуло въ Петербургъ или, по крайней мѣрѣ, въ Москву, но тащить съ собой всю „ораву“ (этотъ деликатный эпитетъ относился къ остальнымъ членамъ семейства) она считала невозможнымъ и, волей-неволей, остановилась на Х***:—все-же тамъ университетъ, почему-то утѣшала она себя. Устроившись въ Х***, Дарья Борисовна бросила жребій куда отдать André,— въ гимназію или аристократическій пансіонъ. Жребій палъ на пансіонъ. Вскорѣ André на столько эмансипировался, что весь домъ, начиная съ самой бабушки, ходилъ передъ нимъ по стрункѣ. Бабушка срывала сердце на Катеринѣ Андреевнѣ и дѣвочкахъ (Дмитрій Гавриловичъ почти всегда находился въ бѣгахъ). Въ домѣ постоянно кипѣла глухая, ожесточенная борьба. Старшая дочь Обуховыхъ, Таня, живая, умная дѣвушка, два раза бѣгала топиться отъ бабушки. Послѣ второго „спасенія“, Таня долго хворала. Оправившись, она повидимому смирилась, но въ одинъ прекрасный день тайкомъ обвѣнчалась съ смертельнымъ врагомъ бабушки, Александромъ Алексѣевичемъ Ширяевымъ. Это былъ вдовецъ, лѣтъ сорока, рѣчистый и ловкій господинъ. Онъ приходился

Дарьѣ Борисовнѣ кузеномъ, но она это упорно отрицала, называя его разбойникомъ и продажной душой. И вдругъ такой пассажъ!.. Дарья Борисовна металась по комнатамъ, какъ ураганъ, сжимая кулаки въ безсильной злобѣ. Въ поступкѣ внучки она видѣла только личное оскорбленіе себѣ и не могла постигнуть, чтобъ ее... ее! такъ провели. Ей необходимо было найти виноватаго, наказать его, раздавить, уничтожить. Но главная виновница ускользнула изъ рукъ, и гнѣвъ ея, какъ бѣшеная лава, обрушился на головы Дмитрія Гавриловича и Катерины Андреевны. Она обвиняла ихъ въ мошенничествѣ, дармоѣдствѣ, покушеніи на ея жизнь, соучастіи и потакательствѣ „безстыдной Танькѣ“—и кончила повелѣніемъ сію секунду убираться вонъ изъ ея дому. Обуховы хоть и не „сію секунду“, но все-же довольно скоро послѣ знаменательнаго событія переселились въ Покровское, оставивъ Марусю у сестры. Дарья Борисовна и André уѣхали въ Петербургъ. Въ Петербургѣ Дарья Борисовна зажила открыто. André поступилъ въ одно изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній и въ два года надѣлалъ тысячъ на сорокъ долговъ. Бабушка заплатила, но затѣмъ въ свою очередь преподнесла внуку сюрпризъ, увлекшись финансовымъ предпріятіемъ какого-то заѣзжаго итальянскаго графа. Графъ основалъ акціонерное общество, долженствовавшее въ самое короткое время обратить всѣхъ пайщиковъ въ милліонеровъ. Дарья Борисовна вложила въ это дѣло все, что оставалось отъ ея разстроеннаго состоянія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ графъ внезапно скрылся, обобравъ своихъ довѣрчивыхъ компаніоновъ, въ томъ числѣ и ее. Ходившіе еще до того слухи о сомнительности его графства подтвердились. Дарья Борисовна не выдержала. Какъ на грѣхъ въ это-же время кто-то умеръ въ домѣ, гдѣ она жила. Она слегла и черезъ недѣлю скончалась, окруженная

попами, монахами и монашенками, которыхъ, по настоятельному ея требованію, доставила ей еще привезенная изъ Х*** приживалка. Умирая, она не сводила глазъ съ лица André, лепеча коснѣющимъ языкомъ—„прости меня, Андрюша“.

Имѣнія Дарьи Борисовны едва хватило на покрытіе ея долговъ. André послѣ ея смерти еще нѣкоторое время мелькалъ въ Петербургѣ, но, попавшись въ неблаговидной исторіи съ подложнымъ векселемъ, вернулся къ роднымъ пенатамъ, въ Покровское. Больше всего, конечно, досталось отъ него родителямъ. На первыхъ порахъ, онъ просто навелъ на нихъ паническій ужасъ. Они трепетали при одномъ его появленіи. Съ пріѣздомъ Маруси, окончившей гимназію, положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось. Ея появленіе всѣхъ оживило, точно солнечный лучъ проскользнулъ въ щель темнаго заплѣснѣвѣлаго подвала. Маруся была очень хороша собой. Золотистые волосы, падавшіе мягкими прядями на чистый высокій лобъ, оттѣненный бархатными, словно кистью проведенными, бровями и темные задумчивые глаза придавали ея лицу сходство съ кроткой мадонной Карло Дольче. Эта стройная, цвѣтущая дѣвушка, казалось, говорила окружающимъ: „пожалуйста, берите мои силы у меня ихъ такъ много, такъ много“...

И окружающіе не заставили себя просить. Все, впрочемъ, совершилось какъ-то само собой. Маруся незамѣтно сдѣлалась хозяйкой, отвѣтственнымъ лицомъ. Мать донимала ее слезами, отецъ грандіозными проектами, которые лопались одинъ за другимъ, послѣ чего слѣдовало негодованіе на судьбу, коварство людей и попытки на самоубійство. Но больше всего страдала Маруся отъ André. Ея молодую, честную душу возмущало полное бездѣйствіе брата, его цинизмъ и холодная злоба ко всему и ко всѣмъ.

III.

Маруся забралась въ густую сиреневую бесѣдку и, приладивъ пяльцы къ старому, размытому дождями, столу, усѣлась вышивать. Но работа шла вяло. Дѣвушка поминутно задумывалась и глубоко вздыхала. Она перебирала въ умѣ сегодняшнее утро, и много такихъ дней, вечеровъ и утръ воскресало въ ея памяти. Съ тѣхъ поръ, какъ она начала себя сознавать, она только и видѣла вокругъ что безалаберную суету, безпомощность матери, фанфаронство отца. И всѣ-то у нихъ всегда злятся. Папа на маму, мама на покойную бабушку André на всѣхъ. Только Таня одна не такая. Она какая-то особенная, тоже печальная, но не злая...

На террасу павильона, который занимали дачники, вышелъ молодой человѣкъ, въ легкой шелковой парѣ, улегся на кушетку и сталъ читать. Маруся посмотрѣла на него изъ-за пышныхъ вѣтокъ сирени, почти закрывавшихъ входъ въ бесѣдку. Онъ былъ ни красивъ, ни дуренъ—спокойное лицо, русые волосы надъ широкимъ бѣлымъ лбомъ, темная бородка... „Небось ему не такъ живется, какъ намъ",—замѣтила про себя дѣвушка... Пожилая, полная дама тоже вышла на террасу.

— Гриша,—сказала она, слегка шепелявя, — надѣнь шляпу, у тебя голова заболитъ, и она подала ему соломенную шляпу.

„Какъ она о немъ заботится",—подумала Маруся.— „André-бы сейчасъ сказалъ—grande dame изъ дьяконскихъ дочерей, мѣщанскія нѣжности... Точно дворянская грубость лучше"... И Марусѣ невольно вспомнились такъ надоѣдавшія ей въ дѣтствѣ разсужденія о знатности и древности рода Обуховыхъ, о томъ, что благород-

ство, храбрость, великодушіе составляютъ неотъемлемую привилегію „чистой крови, и если встрѣчаются иногда у людей обыкновенной породы, то лишь въ видѣ исключенія, принося этимъ „braves gens“ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы. Отецъ ея, впрочемъ, называлъ этихъ „braves gens“ въ минуты откровенности „cette canaille“, хотя не брезгалъ занимать у нихъ деньги. Вся эта путаница поневолѣ отражалась на дѣтяхъ. Таня, изъ ненависти къ Дарьѣ Борисовнѣ, по цѣлымъ часамъ не устававшей перечислять генеалогическія и геральдическія подробности, соединяющія Обуховыхъ съ разными знатными фамиліями,—еще ребенкомъ рѣшила, что все это „бабушкины глупости“. Чуткая, способная и, какъ это иногда бываетъ съ заброшенными дѣтьми, очень рано развившаяся. Таня имѣла большое вліяніе на младшую сестру, которая любила ее до обожанія. Въ глазахъ Маруси не было существа выше, прекраснѣе Тани. Разставшись съ ней, по окончаніи гимназіи, она сильно тосковала. Особенно томило ее одиночество, когда въ домѣ приключилась „экстра-ординарная исторія“.

— „Хоть бы Таня была тутъ“,—думала она грустно.

И теперь, глядя на „дачниковъ“, мирно сидѣвшихъ другъ подлѣ друга, Маруся готова была заплакать,— отчего сестра такъ долго не ѣдетъ, „Ужъ поскорѣй-бы“,— твердила она, и какъ-бы, въ отвѣтъ на ея призывъ, за мостикомъ вдругъ послышались звуки колокольчиковъ. Маруся вскочила и со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать. Звуки разомъ стихли, точно дразня дѣвушку, и сейчасъ-же опять торопливо задребезжали въ чистомъ воздухѣ. Маруся, не переводя духу, неслась черезъ пни и муравьиныя кочки и радостно вскрикнула, завидѣвъ въ облакѣ пыли тарантасъ, который тащили долгогривыя, долгохвостыя, почтенныя клячи. Ѣхавшіе узнали Марусю, закричали что-то невнятное, замахали платками. Ямщикъ подобралъ воз-

жи, стегнулъ клячъ и поровнялся съ Марусей. Изъ тарантаса выпрыгнула дама, вылѣзъ солидный господинъ и высадилъ хорошенькую дѣвочку, лѣтъ четырехъ; бѣлокуренькій блѣдный гимназистъ, въ сѣрой курткѣ и кэпи, соскочилъ самъ. Посыпался цѣлый градъ поцѣлуевъ. Маруся по очереди тискала въ своихъ объятіяхъ то сестру, то дѣтей,—beau frère'у она на скоро подставила щеку, повторяя: — „умницы, милые дорогіе, вотъ умницы!“—

Всѣ направились пѣшкомъ къ дому. Александръ Алексѣевичъ съ дѣтьми побѣжалъ впередъ: сестры остались позади. Онѣ были похожи другъ на друга, хотя черты старшей не отличались такой спокойной правильностью, какъ у Маруси. Она была выше ростомъ тоньше, черноволосая, блѣдная... Что-то особенное, свое, сказывалось въ изящномъ, нѣсколько высокомѣрномъ складѣ ея рта, въ озабоченномъ то загорающемся, то меркнувшемъ взглядѣ. Она была хороша той особенной духовной красотой, которую придаетъ лицу долгое, затаенное страданіе.

— Ну, что тутъ у васъ, по-прежнему?—спросила она.

— Хуже прежняго гораздо,—со вздохомъ промолвила Маруся.—Что у насъ сегодня было! Ужъ я тебя ждала, ждала. Есть у тебя деньги, Таня?

— Есть.

— Слава Богу! потому что...—и она передала исторію съ плотникомъ.

Татьяна выслушала исторію.

— Плотнику мы отдадимъ сегодня же, — сказала она, — но вотъ что, Маруся, я привезла съ собой триста рублей, которые еле-еле накопила за зиму переводами. Если папа узнаетъ, что у меня столько денегъ— ихъ въ недѣлю не станетъ. Пойдутъ всякія затѣи, гости

(Маруся одобрительно кивнула головой), а когда понадобится на дѣло, негдѣ будетъ взять. Самое лучшее не говорить, что у меня есть *свои* деньги. Скажи что для плотника я взяла у Александра Алексѣевича. Хоть лѣто проживемъ спокойно. Да?

— Конечно! только знаешь, Таня, мнѣ какъ-то жалко обманывать папу. Онъ такой несчастный! Всякій пустякъ его тѣшитъ.

Татьяна пожала плечами.

— Развѣ я это для себя? Для него же. Вспомни, что было прошлую осень. Бѣдная мама всѣ глаза выплакала. Ну а братъ какъ?—прибавила она, помолчавъ.

Маруся махнула рукой.

— Лучше не спрашивай. Пьетъ, злится, ругается, а то вдругъ замолчитъ—слова не добьешься, только глядитъ изъ-подлобья, точно собирается кого зарѣзать.

Сестры подошли къ дому.

Мать выбѣжала имъ на встрѣчу, спотыкаясь и путаясь въ своемъ длинномъ шлейфѣ. Явились Дмитрій Гавриловичъ и André. Опять раздались поцѣлуи. Татьяна, пожелавшая отдохнуть съ дороги, ушла на верхъ, Маруся завладѣла дѣтьми, а Александръ Алексѣевичъ усѣлся на широкія ступеньки крыльца и снисходительно вступилъ въ бесѣду съ тестемъ и тещей.

IV.

Всѣ, кромѣ дѣтей, убѣжавшихъ въ паркъ, сошлись опять на балконѣ за чаемъ. Дмитрій Гаврилычъ нѣсколько разъ поцѣловалъ Татьяну въ лобъ и подобострастно пододвинулъ зятю свое глубокое, мягкое кресло.

Александръ Алексѣевичъ Ширяевъ былъ человѣкъ, лѣтъ сорока пяти, небольшого роста, широкоплечій, съ откинутой назадъ, лысѣющей головой и умнымъ, смѣлымъ, почти нахальнымъ лицомъ. Онъ глубоко презиралъ родныхъ жены и обращался съ ними свысока, что ему не мѣшало, въ видахъ экономіи, каждое лѣто отправлять семейство въ Покровское. Въ юности онъ нѣсколько будировалъ и фрондировалъ, но, поступивъ на службу по учебному вѣдомству, обнаружилъ удивительно тонкую способность примѣняться ко всякаго рода вѣяніямъ: бывалъ, по обстоятельствамъ, и либераломъ, всегда, впрочемъ умѣреннымъ, и народникомъ, и славянофиломъ, и охранителемъ. Въ настоящее время, Александръ Алексѣевичъ служилъ въ какомъ-то крупномъ акціонерномъ обществѣ, состоя кромѣ того усерднымъ сотрудникомъ одной большой X—ской газеты неуловимаго направленія.

Старики Обуховы его замѣтно побаивались. André терпѣть его не могъ и не упускалъ случая вонзить въ него свое жало.

— А хорошо у васъ тутъ на чистомъ воздухѣ, если-бы не страхъ, что ваши хоромы обрушатся и погребутъ подъ своими развалинами недостойныхъ потомковъ знаменитыхъ предковъ,—произнесъ Александръ Алексѣевичъ, намазывая на хлѣбъ желтое масло.

— Поэтому, вѣроятно, вы оставляете здѣсь только жену и дѣтей, выбирая для собственной особы болѣе безопасное мѣстопребываніе,—замѣтилъ André, котораго бѣсилъ равнодушный видъ beau frère'a.

— Не считаю возможнымъ состязаться съ вами въ остроуміи,—отвѣтилъ Александръ Алексѣевичъ.

— Ну-съ, какъ вы тутъ живете-можете? Дачи сдали?—обратился онъ къ Катеринѣ Андреевнѣ.

Она вздохнула.

— Только павильонъ; флигель наняла было какая-то дама и задатокъ дала, да вотъ до сихъ поръ не переѣзжаетъ.

— Такъ! Кто-же у васъ въ павильонѣ?

— Мартынова какая-то, вдова съ сыномъ. Кажется, со средствами люди, только дикари страшные,—отрапортовала Катерина Андреевна.

— Мартынова... Софья Петровна, — произнесъ, какъ бы припоминая, Александръ Алексѣевичъ,—слышалъ... Старика я даже знавалъ,—очень умный человѣкъ былъ. Она съ придурью но сыну, говорятъ, дала хорошее воспитаніе. Совсѣмъ молодой человѣкъ, а ужъ магистръ. Книга его въ прошломъ году надѣлала шуму. Да ты, вѣдь, ихъ знаешь,—спросилъ онъ жену.

— Очень мало,—отозвалась Татьяна.—Я ихъ встрѣчала у Вальховскихъ—они родственники. Сынъ какой-то нелюдимъ... а мать! только и слышно: мой Гриша, ахъ, мой Гриша!..

— Посмотрите, какъ Маруся слушаетъ,—прервалъ André,—пари держу, что она уже влюбилась въ интереснаго дачника.

Всѣ засмѣялись Маруся вспыхнула.

— Вотъ и неправда, — сказала она, — совсѣмъ не влюбилась. Это только твои петербургскія барышни влюблялись въ тебя съ перваго взгляда.

— А скажите, пожалуйста, что это у васъ за судьбище съ любимовскимъ арендаторомъ,—перебилъ Марусю Александръ Алексѣевичъ и строго посмотрѣлъ на тестя.

Маруся и мать опустили глаза, а Дмитрій Гавриловичъ какъ-то неловко заерзалъ на стулѣ.

— Вамъ кто-же сказалъ?—спросилъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Да всѣ объ этомъ говорятъ, никуда показаться нельзя—тетки, кузины, oncle Ширяевъ.

André вдругъ ударилъ ложкой по столу.

— Oncle Ширяевъ, воскликнулъ онъ, нашли кѣмъ стращать! Ну я, я виноватъ! прогулялся спьяну въ одномъ бѣльѣ передъ арендаторшей и обругалъ ее, когда она завизжала — „mein Karl“. Нѣмцы вломились въ амбицію и, чортъ ихъ знаетъ, можетъ они правы,— но ужъ во всякомъ случаѣ не oncle'ю Ширяеву меня стыдить. Добродѣтель какая выискалась, подумаешь! Чужія имѣнья закладывалъ, якобы свои собственныя, изъ полка выгнали par ce qu'il aidait la fortune dans les cartes! вотъ онъ и принялся за добродѣтель, да за халдейскіе языки! Всю жизнь былъ благороднымъ россійскимъ дворяниномъ, собаку черезъ „ять“ писалъ и вдругъ не угодно-ли, клинообразныя надписи сталъ разбирать!.. А вы, небось, гордитесь такимъ родствомъ? шутка-ли— его пре-вос-хо-ди-тель-ство, oncle Ширяевъ!..—передразнилъ André.—Такъ вотъ что я вамъ доложу! ужъ лучше бы вы гордились родствомъ со мной. Я пьяница, дрянь, отпѣтый человѣкъ, а все же не такой бездушный развратникъ, какъ вашъ oncle...

— André, перестань, ну чего ты, останавливала его старшая сестра.

— Нѣтъ, постой, возразилъ онъ, все болѣе раздражаясь, у меня противъ твоего супруга давно накипѣло. Онъ вѣдь меня презираетъ, а передъ oncle'мъ и его дражайшей половиной мелкимъ бѣсомъ разсыпается. Такъ плевать мнѣ на его презрѣніе. Каковъ я ни на есть, а вотъ не стану лизать ручекъ у ma tante Ширяевъ, этой старой ханжи. Благотворительница! подъ Свѣтлый праздникъ размѣняетъ три рубля на мѣдные гроши и раздаетъ нищимъ, а у родной дочери жениха себѣ въ любовники отбила... André разсмѣялся сухимъ, желчнымъ смѣхомъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, Андрей Дмитріевичъ,

что я съ вами разговоривать не желаю, такъ какъ вашимъ языкомъ не владѣю, а иного вы не понимаете! произнесъ весь блѣдный Александръ Алексѣевичъ.— Прекрасная семейка, добавилъ онъ, ни къ кому въ частности не обращаясь, и ушелъ въ паркъ къ дѣтямъ.

Всѣ сидѣли, понуривъ головы, André пронзительно насвистывалъ и барабанилъ пальцами по столу. У Маруси текли по щекамъ слезы.

— Хорошій мы пріемъ тебѣ устроили, Таня, прошептала она, обнимая сестру.

Татьяна, смотрѣвшая до тѣхъ поръ куда-то въ сторону, перевела свой усталый взглядъ на заплаканное личико Маруси,—и сколько грусти было въ ея красивыхъ темныхъ глазахъ, когда, не находя словъ, она прижала къ себѣ головку дѣвушки и стала ее гладить своей тонкой, нѣжной рукой.

— Les soeurs modèles, воскликнулъ André. Сознаюсь, недостоинъ созерцать такую умилительную картину и удаляюсь въ болѣе подходящее для меня мѣсто, сирѣчь—въ кабакъ. Votre valet! и, повернувшись на каблукахъ, онъ убѣжалъ.

V.

Было уже довольно поздно. Жара начинала спадать. Татьяна сидѣла наверху, въ библіотекѣ—большой комнатѣ, уставленной шкафами съ разбитыми стеклами. Шкафы были на половину пусты, но, судя по остававшимся тамъ книгамъ, они когда-то заключали богатую и разнообразную библіотеку. Теперь здѣсь царило то же запустѣніе, что и во всемъ домѣ. Дорогія гравюры, засиженныя мухами, занесенныя слоемъ пыли, валялись въ безпорядкѣ, и широкія тонкія паутины, освѣщенныя

солнцемъ, тихо покачивались надъ ними, точно золотое кружево. Татьяна сѣла на подоконникъ и распахнула окно. Струя теплаго ароматнаго воздуха ворвалась въ унылую комнату, сладкій запахъ сирени и ландышей захватилъ грудь молодой женщины.

„Какъ запущенъ паркъ,—подумала она,—и церковь какая старая, точно она вросла въ землю. А тамъ... цѣлое поле голыхъ пней—это березовую рощу снесли... прошлое лѣто она еще стояла“...

— Таня, ты здѣсь?—послышался голосъ Александра Алексѣевича.

— Здѣсь.

Онъ вошелъ, поискалъ глазами стула и, не найдя его, сѣлъ на подоконникъ рядомъ съ женой. Та подвинулась. Александръ Алексѣевичъ замѣтилъ это движеніе и сдѣлалъ неопредѣленную гримасу губами и носомъ.

— Я боюсь,—началъ онъ,—что тебѣ невозможно будетъ тутъ остаться послѣ сегодняшней выходки твоего милаго братца. По крайней мѣрѣ, я бы не желалъ оставлять васъ въ этомъ сумасшедшемъ домѣ.

Татьяна отлично знала, что Александръ Алексѣевичъ не думаетъ того, что говоритъ, а говоритъ такъ, для самоуслажденія. И Александръ Алексѣевичъ зналъ, что жена его понимаетъ, и это его особенно злило и особенно подмывало сказать ей что-нибудь непріятное.

— Что-жъ ты молчишь? вѣдь это прежде всего касается тебя, — произнесъ онъ уже съ нѣкоторой досадой.

— Мнѣ все равно,—отвѣтила она,—могу тутъ остаться, могу въ городъ вернуться... какъ хочешь.

— Какая ангельская кротость,—возразилъ мужъ.

Жена промолчала.

— Въ такомъ случаѣ собирайся, мы сегодня ѣдемъ назадъ,—сказалъ онъ.

— Хорошо.

Александръ Алексѣевичъ струсилъ.

— Но ты должна знать, что эта проклятая поѣздка стоила пропасть денегъ,—замѣтилъ онъ,—это разстраиваетъ всѣ мои планы. Нанять кое-какую дачу я не могу. Это меня сейчасъ-же уронитъ въ просвѣщенныхъ глазахъ нашихъ коммерціи - совѣтниковъ. Придется прожить лѣто въ городѣ.

— Ну, что-жъ?....

— Ничего, только дѣтей жалко. Коля ужасно блѣденъ; эта гимназія его въ одинъ годъ свернула.

Александръ Алексѣевичъ попалъ мѣтко. Коля былъ его сынъ отъ перваго брака. Когда онъ женился на Татьянѣ, мальчику было уже пять лѣтъ. Это былъ хилый, слабый, нервный ребенокъ. Она страстно къ нему привязалась, и мальчикъ платилъ ей тѣмъ-же.

— О чемъ же тогда разговаривать,—промолвила она,— мы останемся здѣсь.

Александръ Алексѣевичъ вздохнулъ съ видимымъ облегченіемъ и перешелъ въ нѣжный тонъ.

— Пожалуй, это будетъ благоразумнѣе,—согласился онъ. — Только ты, ради Бога, Таня, не волнуйся и не принимай къ сердцу здѣшнихъ безобразій. *Ихъ* вѣдь не исправишь. Держись въ сторонѣ, благо мѣста много. Постарайся отдохнуть и вернуться ко мнѣ здоровой, славной женкой. Хорошенькая ты и теперь, только злая, какъ оса. Ты вѣдь подобрѣешь, а?

Онъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ шею. Она приняла ласку мужа совершенно равнодушно, какъ нѣчто неизбѣжное.

— Осенью, если мои разсчеты оправдаются,—а они должны оправдаться — меня выберутъ въ директоры и

тогда, братъ, мы съ тобой не такъ заживемъ,—заключилъ Александръ Алексѣевичъ.

Татьяна и эту вѣсть приняла равнодушно. Ей въ сущности хотѣлось только одного,—чтобы мужъ поскорѣй уѣхалъ.

Онъ словно угадалъ ея желаніе.

— Пойдемъ къ дѣтямъ,—предложилъ онъ,—я думаю еще сегодня вечеромъ убраться отсюда.

VI.

Дѣти сидѣли съ Марусей на круглой лужайкѣ въ концѣ липовой аллеи. Маруся плела вѣнокъ изъ колокольчиковъ и розовой кашки, а дѣти подавали ей цвѣты, цѣлымъ ворохомъ разсыпанные на ея колѣняхъ. Дѣвочка, черноглазая, румяная говорунья, подбѣжала къ отцу и повисла у него на шеѣ. Она была похожа на него и онъ ее очень любилъ.

— Что, Катя, напрыгалась?—спросилъ онъ, сажая ее къ себѣ на плечо.

— Папочка, меня комары закусали,—пожаловалась дѣвчурка.

— Ахъ, они разбойники! вотъ мы ихъ сейчасъ дымомъ прогонимъ, костеръ разведемъ. Коля, набери-ка хворосту, да сухихъ листьевъ.

Коля нехотя поднялся. Онъ замѣтилъ, что мать разстроена, но при отцѣ не хотѣлъ ее разспрашивать. Притащивъ сухихъ сучьевъ и листьевъ, онъ дальнѣйшаго участія въ разведеніи костра не принялъ, а подошелъ къ матери и шепнулъ:

— Мама, ты плакала?

— Нѣтъ, съ чего ты это взялъ?

— Ужъ я по глазамъ вижу, что плакала.

— Право-же нѣтъ,—сказала она,—просто у меня голова болитъ съ дороги. Не думай, пожалуйста, ни о чемъ непріятномъ. Бѣгай побольше, да отдыхай. Какой ты у меня худой,—она погладила его по щекѣ.—Нравится тебѣ здѣсь, Коля?

— Да, тутъ хорошо. И знаешь, мама, мы ужъ съ здѣшнимъ дачникомъ познакомились.

— Когда это вы успѣли?

— Да тетя Маруся зачѣмъ-то ушла въ домъ и велѣла мнѣ смотрѣть за Катей. Я сталъ съ ней бѣгать, а она шлепнулась и заревѣла. Дачникъ ее поднялъ, посадилъ къ себѣ на колѣни и сталъ уговаривать. Вотъ мы и познакомились. Его зовутъ Григорій Васильичъ. Онъ съ нами въ прятки игралъ и на лодкѣ обѣщался насъ покатать, если ты позволишь.

— Хорошо, только вы къ нему все-таки не очень приставайте.

Сучки разгорѣлись и затрещали. Изъ кучки повалилъ дымъ бѣловатымъ длиннымъ столбомъ. Комары и мошки завились и закружились надъ нимъ съ сердитымъ жужжаньемъ. Катя была въ восторгѣ. „Еще, еще!“—кричала она, хлопая въ ладоши.

— Посмотрѣлъ-бы кто на насъ со стороны, навѣрно-бы подумалъ,—какая идиллія... А, Маруся?—сказалъ Александръ Алексѣевичъ.

Маруся улыбнулась.

— И въ сущности,—продолжалъ Александръ Алексѣевичъ,—оно такъ и есть. Теперь идиллія, давеча была трагикомедія. Послѣ дождика—солнце, это законъ природы. Il faut prendre la vie comme elle est. У тебя я замѣчаю такую-же склонность, какъ у ней (онъ кивнулъ на жену) toujours broyer du noir. Къ чему это? къ чему создавать себѣ какіе-то неосуществимые идеалы, ставить себя на ходули, съ которыхъ навѣрно не сегодня, завтра

шлепнешься. Ходи по землѣ, гляди подъ ноги и не упадешь. Это старо, да здорово. Посмотри на меня: у моего дѣда было двѣнадцать тысячъ душъ, а мнѣ отецъ не оставилъ ничего. Что-же мнѣ? ныть о крѣпостномъ правѣ, какъ твой папа, или скрежетать зубами и безобразничать, какъ André?... Я человѣкъ практическій и за призраками не гонюсь. Понимаю, что другое время—другія и пѣсни. Теперь время желѣзныхъ дорогъ, телефоновъ, биржевыхъ спекуляцій, банковыхъ разсчетовъ (ты этого не понимаешь—ну, все равно!)... Словомъ, прошла псовая охота, крѣпостной балетъ и прочія затѣи. Теперь царь—деньги! А всѣ эти приторныя слезы о меньшей братіи, о свободѣ, парламентскомъ режимѣ—или ребячество, или комедія. Я и самъ болталъ эти пустяки, и Таня — она вѣдь ухъ какая красная—до сихъ поръ не можетъ мнѣ простить этой измѣны и презираетъ меня. Но когда я ей подарю виллу на Ривьерѣ, она, я думаю, помирится со мной... N'est ce pas, ma belle?

— Конечно, — отозвалась Татьяна, — но пока я всетаки считаю для дѣтей подобныя бесѣды слишкомъ философскими.

— Нисколько, ma chère,—возразилъ мужъ,—пусть поучаются. А то я боюсь, что Коля выйдетъ у тебя Донъ-Кихотомъ и будетъ разить деревяннымъ мечемъ вѣтряныя мельницы.

VII.

Ужъ совсѣмъ стемнѣло, когда Александръ Алексѣевичъ уѣхалъ. Дѣти, похлебавъ молока съ хлѣбомъ, улеглись спать. Остальная семья собралась въ залѣ. Дмитрій Гаврилычъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, упиваясь новымъ романомъ Зола, котораго онъ всегда порицалъ

за черезчуръ грубый реализмъ, потому что, après tout, l'homme n'est pas une brute, quoi!

Катерина Андреевна расположилась у круглаго стола съ цѣлой кипой тетрадей. То были — произведенія ея пера: романы, драмы, трагедіи, комедіи, водевили, стихотворенія. Все это перебывало въ разныхъ редакціяхъ и цензурныхъ комитетахъ и все возвращалось назадъ съ печальнымъ отзывомъ „не подходитъ". Но Катерина Андреевна не падала духомъ. Съ недоумѣніемъ, бывало, она получитъ свое дѣтище, съ недоумѣніемъ-же прочтетъ роковое слово „не подходитъ" и безпомощно поглядитъ кругомъ своими дѣтскими глазами. Потомъ начнетъ перелистывать тщательно исписанныя красивымъ стариннымъ почеркомъ страницы, остановится на какой-нибудь патетической сценѣ и прочтетъ ее вслухъ.

— Маруся, отчего-же *это* „не подходитъ",—обращалась она къ дочери чуть не со слезами. И Марусѣ такъ станетъ жаль свою бѣдную мать и такъ ей захочется ее утѣшить.

— Ты не огорчайся, мамочка,—говоритъ она, гладя ее по сѣдой головѣ, просто *они* (т. е. редакторы журналовъ) не понимаютъ тебя. Вотъ, погоди, мы съ Таней разбогатѣемъ и напечатаемъ всѣ твои сочиненія. А самое лучшее, не посылай ты больше никуда своихъ вещей. Видишь, мамочка, *теперь* такъ не пишутъ, какъ ты. Я не умѣю тебѣ этого хорошо объяснить, но мнѣ кажется, что твои герои черезчуръ торжественны... теперь все обыкновенныхъ людей описываютъ, а настоящіе герои ont perdu leur prestige...

— C'est vrai, c'est vrai,—печально промолвитъ Катерина Андреевна... и глядишь, черезъ нѣсколько дней она уже снова сидитъ надъ тетрадью, и образы великодушныхъ рыцарей, безпорочныхъ красавицъ, коварныхъ злодѣевъ и демоническихъ женщинъ опять мелькаютъ

волшебной чередой въ ея наивномъ воображенiи, волнуя ея наивное сердце. Было что-то глубоко трогательное въ этихъ безсильныхъ порывахъ Катерины Андреевны къ творчеству, словно она искала въ немъ отвѣта на стремленiе къ вѣчному идеалу, заложенное природой въ ея кроткую, любящую, ограниченную душу.

— Что ты теперь пишешь, мама?—спросила Татьяна.— Катерина Андреевна встрепенулась. Она немножко стѣснялась старшей дочери и была польщена ея вниманiемъ.

— Это, Таня,—„Дочь вельможи“, драма въ 5-ти дѣйствiяхъ, 8 картинахъ, съ прологомъ и эпилогомъ. Марусѣ нравится. Хочешь я тебѣ почитаю?

Дочь сдѣлала незамѣтную гримаску.

— Нѣтъ, я ужъ лучше сама, дай-ка посмотрѣть.

Она перевернула нѣсколько страницъ.—„Графъ даетъ лакею десять рублей на чай“, — прочла она. — „Графъ бросаетъ извозчику десять рублей“,—прочла она дальше и засмѣялась, говоря—„экiй счастливецъ этотъ графъ! онъ-бы и намъ красненькую пожаловалъ»...

— Не сердись, мама, я вѣдь шучу, прибавила она, увидавъ, что старуха огорчилась. Я увѣрена, что твоя драма—восторгъ, и завтра буду ее весь день читать. А теперь, Маруся, отыщи мнѣ какой-нибудь платокъ и пойдемъ вь липовую аллею. Я слышала тамъ соловей щелкнулъ.

— О, Таня, ихъ у насъ эту весну цѣлыхъ четыре прилетѣло, — воскликнула Маруся.

Онѣ быстрыми шагами шли по дорожкамъ парка. Ночь была тихая, теплая, лунная. Въ воздухѣ чуялась точно сладкая тревожная истома. Роса дымчатымъ пологомъ подернула большой лугъ и, медленно клубясь, сползала къ рѣчкѣ. Старая аллея была полна таинствен-

ныхъ просвѣтовъ. Сестры сѣли на деревянную скамейку. Темная фигура, скрытая густымъ кустомъ орѣшника, обернулась въ ихъ сторону. Это былъ „дачникъ", котораго тоже притянула въ паркъ благоухающая ночь Онѣ его не замѣтили. Прямо надъ ними щелкалъ и заливался страстными трелями соловей. Съ противоположнаго дерева трепетно и робко откликался другой.

— Какъ тутъ хорошо! — прошептала Маруся.

— Да,—тоже шепотомъ сказала Татьяна,—и главное хорошо, потому что никого нѣтъ. (Эти слова заставили улыбнуться фигуру за кустомъ).

— Какая ты нелюдимка стала,—замѣтила дѣвушка,— можно подумать, что ты въ лѣсу живешь.

— Насмотрѣлась я, голубушка, до-сыта на разныхъ милыхъ человѣковъ. А ты развѣ очень соскучилась тутъ, Маруся!

— Какъ тебѣ сказать! скучать мнѣ въ сущности некогда... то папа сердится—надо маму утѣшать, то Andre бушуетъ, то кто-нибудь захвораетъ. Оглянуться не успѣешь, какъ ночь подойдетъ, а на утро опять тоже самое. Вотъ, когда я подумаю, что, пожалуй, вся жизнь такъ пройдетъ—мнѣ и станетъ жутко. Сейчасъ-бы, кажется, взяла да убѣжала. Только, вѣдь, вездѣ должно быть одно и тоже... а, Таня?

Татьяна съ любопытствомъ посмотрѣла на сестру.

— Вотъ ты какая,—произнесла она послѣ небольшого молчанія, тоже задумываться стала... Ты спрашиваешь, вездѣ-ли также? Если не такъ, то въ томъ-же родѣ. Здѣсь по моему, даже лучше, притворства меньше. А у насъ!.. Ничего нѣтъ, а дѣлаешь видъ, что есть. Зачѣмъ это, для кого, для чего! Пріѣзжаютъ гости. Изволь ихъ занимать, угощать... Языкъ болтаетъ всякіе пустяки, одинаково для всѣхъ безразличные, а въ головѣ бро-

дятъ, положимъ, такія мысли „завтра придетъ прачка, которой должны за два мѣсяца, горничную нечѣмъ разсчитать, сегодня былъ срокъ квартирѣ". И ради чего только такъ мучить себя, къ чему эта вѣчная, безвыходная ложь, которою люди сами себя опутываютъ... Александръ Алексѣичъ говоритъ, будто это необходимо для карьеры. Онъ увѣряетъ, что стоитъ человѣку прямо объявить: господа, я бѣденъ, но способенъ, образованъ, честенъ, дайте мнѣ работу,—ему дадутъ грошъ за каторжный трудъ и почтутъ еще это за благодѣяніе. Успѣхъ, по его мнѣнію, льнетъ къ тому, кто глядитъ побѣдителемъ. У меня, молъ, всего по горло, но отъ скуки я не прочь послужить обществу. Такому сейчасъ и книги въ руки и поклонъ въ поясъ... Можетъ быть, это и такъ. Но если-бы ты знала, Маруся, до чего мнѣ противно это повальное шарлатанство! я готова вѣкъ ходить въ одномъ платьѣ, лишь-бы не одѣваться въ долгъ, готова ѣсть сухой хлѣбъ, лишь-бы не лгать мяснику, что меня дома нѣтъ, когда онъ приходитъ за деньгами. Вотъ почему мнѣ больше нравится здѣсь. Здѣсь тоже притворство, но въ меньшей степени, а я такъ утомлена, что не геройствую и изъ двухъ золъ предпочитаю меньшее.

— Неужели всѣ такъ живутъ?!—воскликнула Маруся.

— Въ нашемъ кругу почти всѣ, потому что у насъ надо всѣмъ царитъ одинъ идеалъ—жить въ свое удовольствіе, а тамъ хоть трава не рости. Женщины и мужчины приносятъ въ жертву этому идеалу все—красоту, молодость, семью, любовь, убѣжденія, совѣсть, таланты... Все становится предметомъ купли-продажи. Кто больше дастъ, тотъ и господинъ. Есть, конечно, и у насъ другіе люди. Я сама знаю двухъ-трехъ и даже ѣзжу къ нимъ, когда мнѣ становится не вмоготу. Но въ обществѣ на нихъ глядятъ такъ: если это бѣднякъ-

труженикъ, значитъ, онъ идіотъ: если богатъ и ни въ комъ не нуждается, стало быть—оригиналъ: отчего, дескать, ему не позволить себѣ и такой фантазіи...

„Дачникъ“ осторожно раздвинулъ вѣтки орѣшника. Сестры сидѣли, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Луна мягко освѣщала ихъ лица. Обѣ были очень красивы въ ея серебряномъ сіяніи.

— Вотъ она какая, — подумалъ молодой человѣкъ— эта холодная, чопорная дама, еле кивающая головой въ отвѣтъ на поклоны... Бѣдная женщина...

Тихо ступая по травѣ, чтобы не спугнуть сестеръ, онъ добрался до своей террасы, а черезъ мгновеніе по парку неслась и звенѣла прекрасная мелодія Crucifix'а:

...„Vous qui pleurez, venez à ce Dieu, car il pleure“ пѣлъ молодой, ласкающій голосъ.

„Vous qui souffrez, venez à Lui, car il guérit,
Vous qui tremblez, venez à Lui, car Il sourit,
Vous qui passez, venez à Lui, car Il demeure“.

— Какъ онъ славно поетъ,—сказала Маруся,—я люблю его слушать.

Татьяна слушала молча.

— Да, хорошо,—промолвила она наконецъ,—только странно, точно онъ намъ это въ утѣшеніе пропѣлъ.

VIII.

Лѣто шло. Погода въ этотъ годъ стояла жаркая. Жизнь въ Покровскомъ текла довольно однообразно съ мелкими и крупными непріятностями и постоянными денежными недочетами, составлявшими въ семействѣ Обуховыхъ родъ хроническаго недуга. Татьяна слегка загорѣла и вообще смотрѣла бодрѣе, чѣмъ въ началѣ своего

пріѣзда. Она аккуратно занималась съ Колей, стараясь, чтобы изъ его головы не окончательно испарилась гимназическая премудрость. Занятія обыкновенно происходили недалеко отъ дома подъ огромнымъ серебристымъ тополемъ, гдѣ всегда была тѣнь. Коля, съ помощью Никиты и „дачника", приладилъ здѣсь скамейки и столъ. Тутъ же возилась Катя съ своими игрушками и Маруся съ шитьемъ или книгой. Съ „дачникомъ" (мать его показывалась рѣдко) всѣ сошлись очень скоро. Этотъ молодой человѣкъ съ добрымъ лицомъ, задумчивымъ взглядомъ и мягкимъ задушевнымъ голосомъ, какъ-то само собою сдѣлался для всѣхъ старымъ знакомымъ. Дѣти и Маруся въ немъ души не чаяли. Дмитрій Гаврилычъ повѣрялъ ему свои проекты, Катерина Андреевна свои страданія и сны. Татьяна говорила ему съ ласковой усмѣшкой:

— Григорій Васильичъ, пожалуйста, спойте что-нибудь, или—пожалуйста, Григорій Васильичъ, просмотрите Колино латинское упражненіе, и еще ласковѣе усмѣхалась, видя, съ какой готовностью онъ бросался исполнять ея желаніе.

Татьяна цѣнила въ Мартыновѣ образованнаго собесѣдника, который никого не подавляетъ и не отпугиваетъ своимъ знаніемъ. Въ ея воображеніи мелькали знакомые силуэты молодыхъ людей, подающихъ блестящія надежды, самоувѣренное критиканство, споры ради того только, чтобы перещеголять или унизить противника, самообожаніе и фразы, фразы, фразы... И вдругъ такая простота... Человѣкъ говоритъ, а не экзаменуетъ, не кичится количествомъ прочитанныхъ книгъ, не уничтожаетъ презрительнымъ сожалѣніемъ бѣднаго профана, не понимающаго такой-то знаменитой картины... „Ахъ, какъ жаль,—думала иногда Татьяна,—какъ жаль будетъ, если и онъ одеревенѣетъ"...

Даже André (онъ хотя и пилъ, но довольно умѣренно), даже André его жаловалъ. Правда, онъ называлъ его „кисейной барышней“, любилъ подразнить и привести въ смущеніе какимъ-нибудь пикантнымъ анекдотомъ, особенно въ присутствіи сестеръ, но со стороны André это было только выраженіемъ явной благосклонности.

Иногда, по вечерамъ, Татьяна читала вслухъ. У ней былъ звучный голосъ и она мастерски имъ владѣла— большая рѣдкость между русскими женщинами. Разъ, среди лѣта, вдругъ выпалъ совершенно осенній, холодный, дождливый вечеръ. Всѣ сидѣли пасмурные, хмурые. Маруся сводила какіе-то счеты. Татьяна развернула Мюссе и стала читать сначала про себя, а потомъ громко „Nuit d'octobre“.

„C'est une dure loi, mais une loi suprême“, читала она, будто разсказывая повѣсть собственнаго сердца—

„Vieille comme le monde et la fatalité,
Qu'il nous faut du malheur reçevoir le bâpteme,
Et qu'à ce triste prix tout doit être acheté“...

Она давно кончила, а Мартыновъ все не сводилъ съ нея глазъ. André поймалъ этотъ полный нѣмого обожанія взглядъ и расхохотался.

— Чему ты?—удивилась Маруся.

— Да вотъ поглядѣлъ на Григорія Васильича и подумалъ: хорошо бы ему жениться.

— Почему это мнѣ,—возразилъ Мартыновъ,—я думаю скорѣе вамъ.

— Нѣтъ, батенька,—сказалъ André,—куда мнѣ? Я вѣдь изъ тѣхъ, которые, сколько ихъ ни корми—все въ лѣсъ норовятъ. Я на бракъ придерживаюсь воззрѣнія одной моей знакомой, говаривавшей, что это такой серьезный шагъ, о которомъ слѣдуетъ только думать, но никогда его не совершать. Будь женщина ангелъ во плоти, но

одного сознанія, что я къ ней прикованъ, какъ Прометей къ скалѣ, довольно, чтобъ она мнѣ опротивѣла хуже вѣдьмы... А вы—другое дѣло. У васъ вся повадка такая—дескать, голубушка, запряги меня поскорѣй!... Образцовымъ мужемъ будете!...

— Весьма вѣроятно, — отвѣтилъ нѣсколько сконфуженный Мартыновъ и сталъ прощаться.

Не смотря на свою видимую уступчивость, Мартыновъ былъ не безъ упорства. Застѣнчивость и молодое самолюбіе часто мѣшали ему высказываться. Но когда рѣчь заходила о предметѣ, особенно для него близкомъ, онъ отстаивалъ свои мнѣнія очень опредѣленно, и только краска, внезапно смѣнявшаяся на его щекахъ смертельной блѣдностью, указывала на степень его внутренняго волненія.

Однажды André, который ужъ нѣсколько дней на всѣхъ злился (его-таки приговорили къ недѣльному аресту по жалобѣ арендатора)—сталъ къ нему придираться. Мартыновъ сначала отшучивался, потомъ отмалчивался, но André не унимался. Добродушіе Мартынова точно подзадоривало его къ дальнѣйшимъ вылазкамъ. Между прочимъ, онъ самымъ серьезнымъ образомъ сталъ утверждать, что нѣтъ того человѣка, котораго бы нельзя было купить—разница только въ цѣнѣ—одинъ продаетъ себя за пятачокъ, другой за 25 цѣлковыхъ.

— Если это такъ, — возразилъ Мартыновъ, — то напрасно вы не заплатили арендатору вмѣсто того, чтобъ сидѣть въ кутузкѣ.

André свиснулъ.—Э, голубчикъ, пока меня посадятъ, я еще десять разъ успѣю ему насолить А купить всетаки всѣхъ можно, даже васъ, мой благородный рыцарь,—сказалъ онъ, посматривая на него съ какимъ-то злорадствомъ.

Мартыновъ принужденно улыбнулся.

— Что-жъ, попробуйте.

— Мнѣ-то изъ чего хлопотать,—замѣтилъ André, какая мнѣ въ васъ корысть! Душевное удовлетвореніе я все равно отъ васъ получу, когда, лѣтъ эдакъ черезъ десять, прочту въ газетахъ, что почтенный земскій дѣятель, имя-рекъ, внезапно скрылся за-границу, захвативъ по разсѣянности солидный кушъ изъ земскихъ суммъ...

— Вы сами не вѣрите тому, что говорите.

— Чему не вѣрю?—отозвался André,—что въ земствѣ крадутъ, что въ печати лгутъ, что въ адвокатурѣ лгутъ и дерутъ съ живого и мертваго... Вѣрю, мой ангелъ, какъ этому не вѣрить!

— Я совсѣмъ не такъ наивенъ, какъ вы предполагаете, Андрей Дмитріевичъ,—произнесъ Мартыновъ,— и отлично знаю, что въ земствѣ есть воры, а между газетчиками и адвокатами не мало пройдохъ и негодяевъ, но я знаю также, что земство, свободная печать, гласный судъ—великія силы, и не будь ихъ, тѣ-же ядовитые гады, только подъ другими кличками, въ милліонъ разъ безнаказаннѣе обдѣлывали бы свои темныя дѣлишки. Что касается меня, то ни черезъ десять, ни черезъ двадцать лѣтъ, я не доставлю вамъ наслажденія услышать, что я проворовался. Я вѣдь буду учителемъ, а эта сфера, слава Богу, ничего общаго съ хищничествомъ не имѣетъ.

— Надоѣстъ вамъ, миленькій, донъ-кихотствовать, охъ, какъ сейчасъ вижу, надоѣстъ.

— Нѣтъ, не надоѣстъ,—съ спокойной увѣренностью промолвилъ Мартыновъ,—не можетъ надоѣсть,—повторилъ онъ настойчиво,—школа единственная область, которая всегда остается чистой. Какъ бы ни были суровы внѣшнія условія—на школу они почти не производятъ пагубнаго вліянія. Она сама себя охраняетъ, И

если дѣйствительность уродуетъ ея питомцевъ, превращая ихъ въ хлыщей, аферистовъ, кулаковъ,—это все таки не умаляетъ ея величія. Я твердо убѣжденъ, что какой бы прочной корой не окутала пошлость преуспѣвающаго дѣльца,—онъ, встрѣтясь съ старымъ товарищемъ, вспомнитъ, что въ школѣ стоялъ за Чацкаго, а не за Молчалина и Чичикова.

— Непремѣнно вспомнитъ,—согласился André,—и при этомъ подумаетъ: какой-же я былъ шутъ гороховый.

— Одинъ подумаетъ, а другой нѣтъ, и хоть на минуту устыдится своей духовной нищеты,—отвѣтилъ Мартыновъ.

Его спокойный тонъ окончательно разозлилъ André.

— Вы, душенька, какъ будто на манеръ Рудина валяете,—проговорилъ онъ ехидно.

Мартыновъ покраснѣлъ; рѣзкій отвѣтъ чуть было не сорвался съ его губъ, но онъ сдержался.

— Нѣтъ,—промолвилъ онъ,—Рудинъ—художникъ по натурѣ, онъ вѣруетъ въ прекрасное, но для вдохновенія ему нуженъ блескъ, нужны яркія краски. А такіе, какъ я—простые труженики, преданные своему дѣлу на столько, что оно само по себѣ заслоняетъ для нихъ самую неприглядную декорацію.

— Пай-мальчикъ,—ухмыльнулся André,—но пока ваша храбрость напоминаетъ мнѣ извѣстную пѣсню о лордѣ Пальмерстонѣ, поражающемъ „Русь на картѣ указательнымъ перстомъ“. Послушаемъ, что вы запоете, хлебнувъ горькой водицы. А впрочемъ, мнѣ-то что,—прибавилъ онъ,—нравится человѣку изъ себя дурака ломать, ну и пусть себѣ ломаетъ...

Онъ вышелъ, сердито хлопнувъ дверью.

Мартыновъ тоже поднялся, чтобъ уйти. Татьяна, молча присутствовавшая при ихъ разговорѣ, отодвинула въ сторону пяльцы, подошла къ нему и протянула

ему руку. Ея выразительное, живое лицо безъ словъ говорило, что она понимаетъ его, что все, что онъ высказалъ, близко и ея душѣ.

— Вы удивительно искренни, — произнесла она, подавляя свое волненіе, — и этимъ вы меня привлекаете на свою сторону, даже когда я признаю, что другіе умнѣе васъ.

— Да? въ такомъ случаѣ я очень радъ своей глупости.

Татьяна взглянула на него и засмѣялась.

— Вотъ не ждала отъ васъ подобной любезности. Я принимаю это какъ дань моему почтенному возрасту. Avec les vieilles femmes ça ne tire pas à conseqnence.

Григорій Васильичъ покусалъ свою бородку.

— Для меня вы не vieille femme, — промолвилъ онъ очень тихо, — и я сказалъ вамъ правду, — для меня нѣтъ высшей отрады, какъ чувствовать, что вы со мною согласны.

Татьяна немного смутилась.

— Какой вы экзальтированный, — замѣтила она, покачавъ головой, — нельзя каждое слово принимать такъ... трагически. Ну, полно серьезничать. Позовите дѣтей и Марусю, и отправимся на мельницу.

Послѣ этого случая Татьяна нѣкоторое время ощущала какую-то неловкость, оставаясь съ Мартыновымъ, но онъ держался такъ просто, что это чувство неловкости скоро исчезло.

IX.

По праздникамъ пріѣзжалъ изрѣдка Александръ Алексѣевичъ, всегда оживленный, умный, насмѣшливый. Татьяна какъ-то сразу опускалась съ его пріѣздомъ. Она дѣлала надъ собой самыя добросовѣстныя

усилія, чтобы быть ласковой съ мужемъ, сама себѣ доказывала, что ни въ чемъ существенномъ не можетъ его упрекнуть, что онъ, по своему, все-же любитъ и ее, и дѣтей, и если у нихъ обо всемъ почти разныя мысли, то это во всѣхъ семьяхъ такъ, а между тѣмъ тысячи женщинъ живутъ и мирятся съ этимъ. И какое, наконецъ, она имѣетъ право предъявлять какія-то особенныя требованія на идеальное счастье, на гармонію душъ. Да и существуетъ-ли такое счастье, такая гармонія. Не значитъ-ли это создавать себѣ фантастическія страданія, когда на каждомъ шагу не оберешься настоящаго горя...

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, Татьяна улыбалась мужу блѣдными губами и проводила холодной, какъ ледъ, рукой по его сѣдѣющимъ волосамъ. Но не было свѣту въ этой улыбкѣ, не было тепла въ этой ласкѣ...

А Александръ Алексѣевичъ былъ со всѣми милъ и любезенъ. Марусѣ и дѣтямъ привозилъ конфектъ, съ тестемъ игралъ въ шахматы, тещѣ совалъ тайкомъ нѣсколько рублей. Онъ познакомился съ Мартыновымъ и, казалось, рѣшилъ очаровать и его мимоходомъ. Онъ разсуждалъ съ нимъ о философскихъ и политическихъ вопросахъ, литературѣ, музыкѣ, университетской наукѣ и нашей общественной нескладицѣ, о земствѣ и рабскомъ положеніи печати. Когда, на вопросъ о карьерѣ, Мартыновъ сообщилъ, что желаетъ быть учителемъ, Александръ Алексѣевичъ выразилъ полный восторгъ и съ такимъ краснорѣчіемъ и горячностью распространился о „благородномъ призваніи учителя", точно собирался посвятить этому призванію собственную особу.

André, молчаливо улыбавшійся ораторству beaufrère'а, не выдержалъ:

— И какой-же вы фигляръ, почтеннѣйшій Александръ Алексѣичъ,—ввернулъ онъ свое любимое словечко.

Тотъ поглядѣлъ на него съ-боку.

— Что это въ вашихъ устахъ комплиментъ или порицаніе?

— Комплиментъ-съ, комплиментъ-съ... — отвѣтилъ André, воодушевляясь.—Я самъ такой-же. Глядя на васъ, я всегда вспоминаю, какъ меня еще въ лицеѣ мать одного моего товарища донимала. Важная была княгиня, набожная, мужа—чтобъ не сбѣгалъ—на замокъ запирала. Вотъ и говоритъ она мнѣ. Скажите, молодой человѣкъ, я слышала, будто Дарвинъ утверждаетъ, что мы отъ обезьянъ произошли. Но развѣ это возможно! Вѣдь въ человѣкѣ есть искра. Не правда-ли? Конечно, говорю, княгиня, есть искра... (Мнѣ-то что, думаю, искра, такъ искра, не все-ли мнѣ равно). Вотъ и вы такъ съ Григоріемъ Васильичемъ. Будетъ онъ учителемъ, или частнымъ приставомъ, для васъ все единственно...

— Вашъ анекдотъ довольно подержанный, — нетерпѣливо прервалъ Александръ Алексѣевичъ.

— Что-жъ, я и самъ не съ иголочки, я самъ человѣкъ подержанный, — заявилъ André, точно радуясь.— Это даже любопытно. Со мной, кажется, ничего не случается въ первый разъ. Вотъ, говорятъ, первая любовь вдохновляетъ тамъ, что-ли. Не знаю, право, я въ первый разъ полюбилъ, точно прямо во второй...

— Ну, поѣхалъ,—замѣтилъ Мартыновъ,—просто удивительно, до чего Андрей Дмитріевичъ любитъ рисоваться цинизмомъ.

Татьяна, конечно, не раздѣляла мнѣнія брата, что Александръ Алексѣичъ „фигляръ“, но ей и самой было какъ будто стыдно при его бесѣдахъ съ Григоріемъ Васильевичемъ. „И къ чему онъ притворяется“, — думала она, глядя на холодные глаза мужа, устремленные на открытое лицо Мартынова, довѣрчиво излагав-

шаго свои мечты о необычайномъ интересѣ, который представляетъ дѣятельность учителя. Ей было обидно за его наивность, хотѣлось подойти къ нему, сказать: „перестаньте, онъ смѣется надъ вами". Она съ облегченіемъ вздыхала, когда Александръ Алексѣевичъ уѣзжалъ. Это чувство ее раздражало, точно ей было совѣстно самой себя. Нѣсколько дней она ходила блѣдная, капризная, на всѣхъ сердилась. Катерина Андреевна недоумѣвала, что такое съ ней и, съ свойственной ей догадливостью, дѣлала замѣчанія.

— Какая ты, Танюша, всегда нервная послѣ отъѣзда Александра. Скучно безъ мужа, милочка?

Татьяна вспыхивала, какъ спичка.

— До, скучно, — говорила она отрывисто, — оставь меня въ покоѣ, мама. Коля, пойдемъ заниматься.

Мартыновъ никогда не навязывался ей въ такихъ случаяхъ ни съ сочувстеіемъ, ни съ утѣшеніемъ, но лицо его дышало такой грустью, такимъ желаніемъ помочь ей, что это невольно трогало Татьяну. Онъ старался отвлечь отъ нея общее вниманіе, игралъ съ дѣтьми, пѣлъ ея любимыя вещи... и морщины, мало-по-малу, разглаживались на ея лбу. Она выходила на старый искривившійся балконъ и, облокотившись на перила, опускала голову на руки...

Сѣренькія сумерки дождливаго дня спускаются на деревенскія крыши. Убогая нищета скрадывающаяся при веселомъ солнечномъ сіяніи, печально глядитъ въ глаза, какъ безнадежно больная. Вотъ идетъ, согнувшись подъ коромысломъ, Анна, жена печника, беременная... (она всегда беременна). Мужъ ея самый отчаянный мужикъ въ околоткѣ,—воръ, пьяница, бьетъ ее нещадно, и всегда билъ, и всегда будетъ бить, а она все также будетъ изнывать подъ ярмомъ, голодать, носить, рожать... И не жалуется, не ноетъ, *не интересни-*

чаетъ... Слезы закапали изъ глазъ Татьяны. Она ихъ не удерживала.

— О чемъ вы плачете?—спросилъ Мартыновъ, садясь подлѣ нея.

Она не отвѣчала, а слезы еще сильнѣе полились изъ глазъ.

— Татьяна Дмитріевна, не плачьте, вѣдь всѣмъ скверно.

— Я оттого и плачу, что *всѣмъ* скверно.

Онъ взялъ ея свѣсившуюся руку и осторожно погладилъ.

— Надо работать, надо нести въ сердцѣ своемъ тяжесть со всѣми,—сказалъ онъ.

— Вы—ребенокъ. Что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ?

— Многое... гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Не нужно только приходить въ отчаяніе, что мы не увидимъ осуществленія конечной цѣли. Этого вѣдь никто никогда не увидитъ. Нужно отрѣшиться отъ чина героя,—это я себѣ уяснилъ, несмотря на свою молодость,—тогда, мнѣ кажется, и жить легче.

— Вы думаете, это такъ просто?

— Нѣтъ, я знаю, что это тяжело... тяжело, какъ всякая закулисная работа. Но вѣдь всѣ не могутъ дѣйствовать на сценѣ. Не умирать-же изъ-за этого. Возьмите вашего брата. Онъ вообразилъ, что рожденъ произносить монологи, а весь родъ человѣческій, чтобы подавать ему реплику. Вотъ онъ и точитъ всѣхъ... и себя, конечно. Онъ считаетъ себя умницей, куда умнѣе, напримѣръ, Маруси. А на самомъ дѣлѣ, Маруся умнѣе и лучше насъ всѣхъ. Она еще ребенокъ, но ее никакая среда не заѣстъ, никакія обстоятельства не испортятъ, потому что она вся—любовь къ людямъ. Она

изъ тѣхъ, что умираютъ съ улыбкой на устахъ, чтобы не огорчать другихъ.

Татьяна глядѣла на него съ изумленіемъ.

— Вотъ вы какой,—произнесла она,—я считала васъ чуть не младенцемъ, а вы въ это время занимались интересными наблюденіями. Продолжайте! Объ André и Марусѣ я слышала. Любопытно знать, какимъ ярлыкомъ надѣлили вы мою особу.

Онъ помолчалъ немного.

— О васъ я не могу судить безпристрастно,—промолвилъ онъ, вздохнувъ.

X.

Въ августѣ вдругъ стало холодно и каждый день пошли дожди. Въ кудрявой зелени березъ проглянули желтые листья. Это было похоже на первое предостереженіе. Въ Покровскомъ всѣ хандрили. André запилъ съ такимъ ожесточеніемъ, точно сразу хотѣлъ всѣмъ за что-то отомстить. Дмитрій Гаврилычъ продалъ на срубъ послѣднюю рощу и получивъ задатокъ, отправился въ X* подъ предлогомъ вносить проценты въ банкъ. Вернулся оттуда франтомъ, въ новой парѣ, подстриженный, раздушенный, и привезъ Катеринѣ Андреевнѣ въ подарокъ голубыя атласныя туфли. Поѣздка въ городъ совсѣмъ отуманила старика. Онъ только и говорилъ, что о необходимости для порядочнаго человѣка „встряхнуться" отъ времени до времени въ обществѣ себѣ подобныхъ, доказывалъ, что отъ этого „невозможнаго прозябанія" въ глуши какой хотите мудрецъ отупѣетъ, что онъ вовсе не намѣренъ себя за-живо погребать, что онъ еще не сказалъ son dernier mot, o non!—у него въ головѣ еще кипятъ мысли

и т. д. Въ заключеніе онъ торжественно возвѣстилъ, что никогда не былъ эгоистомъ и всегда думалъ о семьѣ, въ подтвержденіе чего онъ въ первый-же ясный праздничный день намѣренъ устроить пикникъ въ „Зеленую Поляну". Можно позвать сосѣдей и кое-кого изъ города (лукавый взглядъ въ сторону Татьяны). Дѣвушки и парни будутъ пѣть и плясать, онъ навезъ для нихъ изъ городу всякой дребедени. Это напомнитъ намъ старину. N'est-ce pas, ma vieille?—обратился онъ къ женѣ.

Катеринѣ Андреевнѣ очень понравилась затѣя мужа. Она глядѣла на его прилизанные височки и думала—comme il est encore beau! Дочери украдкой переглянулись между собой. Татьяна пожала плечами. Маруся тихонько вздохнула и потупилась. Обѣ отлично понимали, чего будетъ стоить этотъ „сюрпризъ", но зная по опыту, что малѣйшее возраженіе вызоветъ со стороны отца цѣлую бурю упрековъ—молчали. Только старикъ Никита, стоявшій у дверей, угрюмо проворчалъ:—„Одинъ у васъ характеръ съ Андрей Митричемъ. Нѣтъ у васъ денегъ,—и на васъ сто болѣстей, а завелась радужная въ карманѣ,—вы и здоровы, и пригожи. Вы съ деньгами и умереть не можете"... Дмитрій Гавриловичъ снисходительно пропустилъ мимо ушей философію „вѣрнаго Личарды". Онъ не хотѣлъ портить себѣ настроенія. Но кто дѣйствительно былъ въ восторгѣ отъ предстоящаго праздника, такъ это дѣти. Они поминутно выбѣгали на дворъ посмотрѣть, не измѣнилась-ли погода, и громко возвѣщали, что видятъ кусочекъ голубого неба...

А въ павильонѣ у „дачниковъ" ужъ давно собирались тучи. Мать явно дулась на сына. Она положительно не понимала, что съ нимъ сталось. Онъ, до сихъ поръ посвящавшій ей все свое свободное время, те-

перь цѣлые дни проводилъ въ обществѣ совершенно чужихъ людей. И какой онъ тамъ находитъ интересъ, недоумѣвала она.

Но еще больше барыни негодовала на Обуховыхъ ея горничная, Анисьюшка. Она считала глубочайшимъ оскорбленіемъ это вторженіе посторонняго элемента въ *ихъ* жизнь. И что всего возмутительнѣе, это, что *она* здѣсь--не причемъ. Прежде Григорій Васильевичъ всегда косвенно обращался къ ея содѣйствію. Придетъ-ли поздно изъ гостей, деньги-ли понадобятся,—сейчасъ: Анисьюшка, нѣтъ-ли у васъ—или,—Анисьюшка, я сегодня пирую у товарища, дайте мнѣ ключъ отъ двери, чтобъ маменьку не безпокоить. И ужъ она бывало сквозь замочную скважину пролѣзетъ, а его, голубчика, не выдастъ,—все шито-крыто. Къ стриженой барышнѣ цѣлую зиму отъ него записки таскала, сколько денегъ на извозчика проѣздила... И добро-бы она изъ корысти для него хлопотала, а то грошикомъ отъ него никогда не пользовалась... И вотъ—благодарность!

— Ну, погоди, соколикъ, молодъ еще ты надо мной куражиться,—мысленно погрозила Анисьюшка своему барину,—*все* разскажу Софьѣ Петровнѣ.

Софья Петровна вышла въ столовую къ завтраку. Столъ былъ накрытъ на два прибора. Она сѣла. Анисьюшка подала самоваръ и котлеты.

— Позови Григорія Васильевича,—сказала барыня.

— А гдѣ его звать-то? Его ужъ давно и слѣдъ простылъ.

— Неужели онъ гулять ушелъ въ такую погоду?

— Гу-лять!—иронически протянула горничная,—одно у него гулянье, *вонъ* (она ткнула пальцемъ по направленію къ большому дому). Точно панятый, и днюетъ, и ночуетъ... Люди ихніе, и тѣ смѣются, озорники.

Дайте, говорятъ, чего-нибудь поѣсть, а то наши „графы“ послѣднюю корку вашему кавалеру скормили...

— И что онъ тамъ дѣлаетъ, не постигаю!—воскликнула барыня.

— Мало-ли дѣла!—возразила Анисьюшка.—Старой чертовкѣ ручки цѣлуетъ, задабриваетъ, значитъ, мальчишку учитъ, дѣвчонку замѣсто няньки на рукахъ таскаетъ. Няньку нанять не по карману, ну а нашъ простой,—даромъ походитъ. А Маруська-то, Маруська! вылупитъ на него бѣльмы и грохочетъ... какъ есть деревенская дѣвка. И на барышню не похожа—рожа красная, сама—печь-печью.

Анисьюшка остановилась перевести духъ, но, видя, что барыня безмолствуетъ, продолжала съ возрастающимъ азартомъ:

— А ужъ пуще всѣхъ, матушка, властвуетъ надъ нимъ Татьяна Дмитріевна. И чѣмъ только она его обошла! Ни красы въ ней, ни радости, вся желтая,—суха, какъ щепка, никогда ни усмѣхнется, ровно сейчасъ съ погосту. Мужъ у нея, на что поганый, и то, говорятъ, на сторонѣ французинку держитъ. А нашъ-то несмышленокъ глядитъ на нее и млѣетъ. Намедни у нея голова болѣла, такъ онъ, сказываютъ, цѣлый часъ возлѣ нея на колѣнкахъ простоялъ—горячія тряпки ей къ головѣ прикладывалъ, инда всѣ руки ошпарилъ. Ну, конечно, ей лестно, что такой красавчикъ на нее зарится.

Софья Петровна молча кусала губы. На лицѣ ея выступили красныя пятна отъ Анисьюшкиныхъ сообщеній. А та, между тѣмъ, неслась во весь опоръ, какъ закусившая удила лошадь.

— Давно ужъ, сударыня, у меня языкъ чешется глаза вамъ открыть,—нашептывала она,—да все васъ жалѣла. И теперь-бы не сказала, да ноетъ мое сердце,

какъ-бы этотъ разбойникъ, Андрей Дмитричъ, Григорія Васильевича пить не пріучилъ. Вѣдь нашъ Григорій Васильевичъ точно дитё малое. Долго-ли его съ пути сбить...

— Что ты врешь, Гриша никогда не пьетъ,—прервала барыня.

— А я развѣ сказала „пьетъ“! Я говорю—не ровенъ часъ... Вѣдь этотъ Андрей Дмитричъ самый что ни на есть безстыжій безобразникъ.—Я-ста, говоритъ, могу ведро вина выпить.—Я ему и скажи на это: нашли чѣмъ хвалиться, сударь. Вы-бы сказали, что за невѣстой двѣсти тыщъ возьмете, это дѣло, а то, на-кося—ведро вина выпью. Мужикъ больше вылакаетъ, такъ вѣдь на то онъ мужикъ! росъ въ лѣсу, пнямъ богу молился, а на васъ, говорю, сколько денегъ убито... Такъ ужъ онъ меня за эти слова порочилъ, порочилъ...

— Ступай за Григорьемъ Васильичемъ и скажи ему, что я требую его *сію минуту* къ себѣ,—приказала барыня.

Минутъ черезъ десять Григорій Васильевичъ стоялъ передъ матерью и съ изумленіемъ смотрѣлъ на ея заплаканные глаза.

— Что съ тобой, мамаша?—тревожно спросилъ онъ.

— Скажи, пожалуйста, гдѣ ты пропадаешь?—воскликнула мать.

— Нигдѣ, я былъ въ саду.

— Одинъ?

— Это что-же, допросъ?

— Ага, вотъ какъ ты съ матерью разговариваешь! Я ужъ не имѣю право спросить....

— Имѣешь, имѣешь, только я не понимаю, за что ты сердишься...

Онъ взялъ ея руки и, несмотря на ея сопротивленіе, поцѣловалъ. Ласка сына ее смягчила.

— Съ кѣмъ-же ты гулялъ? — спросила она почти спокойно.

— Съ дѣтьми Татьяны Дмитріевны.

Она опять разсердилась.

— Что-жъ она, другого гувернера не нашла своимъ дѣтямъ?

— Она тутъ не причемъ. Я самъ очень люблю ея дѣтей и охотно съ ними вожусь.

— Скажите, какія нѣжныя чувства! Не собираешься-ли ты жениться?

— Нѣтъ, не собираюсь.

Софья Петровна закрыла лицо платкомъ и основательно расплакалась.

— И подумать,—говорила она, всхлипывая,—что пустая кокетка можетъ отнять у матери сына. Ты воображаешь вѣрно, что она отъ тебя безъ ума! Очень ей нужно! Ей только-бы лишній поклонникъ. Самъ разсказывалъ, что въ городѣ она на тебя никакого вниманія не обращала. А тутъ, въ деревнѣ, отъ скуки, и ты хорошъ... И ради такой дряни жертвуютъ матерью.

— Мамаша, перестань. Ты сама знаешь, что неправа. Я никогда тебя не приносилъ въ жертву и не принесу. Но я прошу тебя, серьезно прошу, не отзываться такъ о Татьянѣ Дмитріевнѣ. За что ты ненавидишь ее и всю ея семью! Ты ихъ совсѣмъ не знаешь...

— И знать не хочу...

— Я ихъ тебѣ не навязываю и не заставляю любить, но прошу еще разъ, не брани ихъ при мнѣ.

Онъ былъ такъ блѣденъ, что мать испугалась.

— Гриша,—сказала она,—я никогда о нихъ не заикнусь, только перестань туда ходить.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Не хочешь! не хочешь такого пустяка сдѣлать для матери.

— Зачѣмъ тебѣ это?

— Потому что она, эта женщина, тебя погубитъ, Гриша. Пожалѣй себя, не ходи туда. Если тебѣ неловко, мы можемъ завтра-же переѣхать въ городъ, и ты ее забудешь, пока еще не поздно.

— Да зачѣмъ мнѣ ее забывать?—чуть не со слезами произнесъ сынъ, — ты выдумала какіе-то небывалые ужасы и мучишь себя и меня. Увѣряю тебя, что Татьяна Дмитріевна не вампиръ и мнѣ не грозитъ ни малѣйшая опасность.

Въ отвѣтъ на это Софья Петровна истерически зарыдала.

Григорій Васильевичъ стиснулъ руки такъ, что пальцы хрустнули.

— Хорошо,—проговорилъ онъ глухо,—если ты ужъ непремѣнно этого хочешь, я перестану тамъ бывать, но позволь мнѣ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать это прилично.

И не дожидаясь возраженія, онъ быстро вышелъ изъ комнаты, не замѣтивъ притаившуюся за дверью Анисьюшку.

XI.

Наконецъ выдался ясный день. Дѣти, въ ожиданіи поѣздки, съ утра подняли возню и суматоху. Изъ приглашенныхъ никто не явился, даже Александръ Алексѣевичъ не пріѣхалъ. За отсутствіемъ болѣе важныхъ гостей пригласили батюшку съ молоденькой свояченицей да сына сосѣдняго помѣщика, золотушнаго юношу, лѣтъ восемнадцати, извѣстнаго подъ именемъ „бѣднаго Вовочки“ за неудачи, преслѣдовавшія его во всевозможныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ что въ концѣ

концовъ бѣдный Вовочка махнулъ рукой на науки. За то одѣвался онъ щегольски. На немъ и теперь былъ какой-то пестрый сюртукъ, необычайнаго покроя, и вязаная шапочка съ помпономъ, изъ-подъ которой онъ бросалъ молніеносные взгляды на Марусю, лихо насвистывая арію изъ „Корневильскихъ колоколовъ“. André сѣлъ съ батюшкой и свояченицей въ ихъ тарантасъ. Дмитрій Гавриловичъ и Катерина Андреевна плелись въ допотопномъ, немилосердно визжавшемъ шарабанѣ. Татьяна съ дѣтьми, Марусей и Мартыновымъ ѣхали въ большой телѣгѣ. Рядомъ съ ними на тощей лошаденкѣ, съ отвислымъ брюхомъ, гарцовалъ Вовочка. Изъ тарантаса поминутно слышались взрывы смѣха — это André потѣшалъ батюшкину свояченицу. Шарабанъ, то и дѣло, останавливался: то постромка лопалась, то Дмитрій Гаврилычъ ронялъ кнутъ, то просто лошадь упиралась мордой въ землю и ни за что не хотѣла двигаться впередъ. Въ телѣгѣ весело болтали дѣти и Маруся—ихъ очень забавлялъ Вовочкинъ помпонъ.

Татьяна пристально смотрѣла на убѣгающія вдаль оголенныя поля. Мартыновъ усердно понукалъ лошадей, передавая на ровномъ мѣстѣ возжи Колѣ, которому ужасно хотѣлось „поправить“. Изрѣдка онъ взглядывалъ на Татьяну, точно хотѣлъ допытаться, что таилось въ ея печальныхъ глазахъ, какія невысказанныя слова хранили ея плотно сжатыя губы. Но она упорно молчала и даже на вопросы дѣтей отвѣчала больше кивкомъ головы. Въ Зеленую Поляну пріѣхали часовъ въ шесть. Это была огромная луговина, врѣзавшаяся въ длинный заросшій прудъ, охваченный, какъ-бы кольцомъ, темнымъ сосновымъ лѣсомъ.

Господа выгрузились. Поляна была полна народу. Бабы и дѣвки, разодѣтыя въ пестрыя платья, чинно прогуливались кучкой. Парни держались въ сторонѣ.

Преобладали сапоги бутылками, шаровары на выпускѣ, жилетки и пиджаки поверхъ рубашекъ-косоворотокъ. Не мало, впрочемъ, было босоногихъ и простоволосыхъ. И въ манерахъ, и въ костюмахъ чуялась близость города. Вся почти молодежь была фабричная или мастеровая, являвшаяся въ деревню только на побывку. Господскіе гостинцы, въ видѣ бусъ, лентъ, орѣховъ, пряниковъ, леденцовъ и изюму, — не произвели особаго впечатлѣнія. Все принималось какъ-то снисходительно, иронически. Никто не былъ „осчастливленъ", никто не бросался къ „барской ручкѣ". И самимъ господамъ было не по себѣ, точно они вдругъ почувствовали что-то нескладное въ своемъ фестивалѣ. Изъ неловкаго положенія выручилъ общество André. По его командѣ притащили два ведра водки. По рукамъ замелькали чашки и кружки. Пили всѣ, даже дѣвушки, за немногими исключеніями. Не прошло часу, какъ смущеніе уступило мѣсто полному взаимному удовольствію. André со всѣми чокался. Его худыя щеки покраснѣли, въ глазахъ сверкнулъ недобрый огонекъ.

— Сліяніе сословій! Единеніе съ народомъ!—воскликнулъ онъ, размахивая стаканомъ.—Пей и пои водкой! вотъ тебѣ и единеніе. Доблестные граждане и очаровательныя гражданки,—крикнулъ онъ толпѣ, съеживъ въ какую-то уморительную гримасу свое обезьянье лицо,—не брезгайте барскимъ подношеніемъ, ибо оно взято изъ того-же цѣлебнаго источника, откуда и вы черпаете свою живительную влагу.

Мужики пересмѣивались.—Ужъ и Андрей Митричъ! ужъ и скажетъ! нарочно не придумаешь... „Гражданки!" Это онъ про васъ, дѣвки!—Дѣвки хихикали. Маруся съ поповной хозяйничали за самоваромъ, поочереди разливая чай, который важно разносили Коля и Вовочка. Дмитрій Гавриловичъ толковалъ съ батюшкой

и какимъ-то сѣдобородымъ мужикомъ. Катерина Андреевна ловила Катю, вертѣвшуюся, какъ волчокъ, подъ ногами, и трудно было рѣшить, утопаетъ она въ блаженствѣ, или изнемогаетъ отъ усталости. Татьяна присѣла на копну свѣжаго сѣна. Къ ней присоединился Мартыновъ.

Раздались залихватскіе звуки гармоники. Изъ толпы вышелъ совсѣмъ плохенькій мужичокъ и сталъ отплясывать трепака съ энергіей, которую трудно было предположить въ его тщедушномъ тѣлѣ. Противъ него сѣменила ногами дебелая баба. Когда они притомились, на смѣну имъ явилась другая парочка съ тѣмъ-же подрыгиваніемъ ногъ, классическимъ подергиваніемъ плечъ и жеманнымъ помахиваньемъ платочка.

Пляску смѣнило пѣніе. Пѣсни были все „благородныя“.

....„Ай, Ваня, Ваня, гдѣ ты былъ,
Да у портного Швета,
Заказалъ себѣ пальто
Малинава цвѣта“...

запѣвалъ жиденькій тенорокъ, а хоръ съ безпощаднымъ бабьимъ визгомъ подхватывалъ:

....„Ахъ, за то ты мнѣ хорошъ,
Что на франтика похожъ—
При манишечкѣ, въ часахъ,
Съ папиросочкой въ зубахъ“...

— Какая мерзость,—сказала Татьяна.

Мартыновъ засмѣялся.

— Помилуйте, цивилизація,—воскликнулъ онъ.

Она даже не улыбнулась. Ей не хотѣлось разговаривать. Тоска, чувство надвигающагося горя давили ей грудь. И она знала, что это за горе, она ощущала его

всѣмъ своимъ существомъ... ей только страшно было назвать его по имени.

— Татьяна Дмитріевна, отчего вы такая грустная, нездоровы?— спросилъ Мартыновъ.

Она повела плечами.

— Сама не знаю... такъ, хандра напала. Это со мной бываетъ... И въ городъ не хочется переѣзжать.

— А вы когда собираетесь?

— Дня черезъ два. Коля и такъ ужъ опоздалъ въ гимназію. Ахъ, какъ они визжатъ! (Она заткнула уши).

— Пройдемтесь немного,—предложилъ онъ,—тамъ не такъ шумно.

Они тихо пошли по лужайкѣ. У пруда они остановились. Солнца уже не было видно. Оно растопилось въ багровое зарево, отъ котораго во всѣ стороны ползли огневыя искры и полоски по быстро темнѣющему небу. Сосны, важныя и неподвижныя, лѣниво смотрѣлись въ зардѣвшійся прудъ, наполняя воздухъ своимъ смолистымъ запахомъ. Въ травѣ поквакивали лягушки...

— Посмотрите, сколько здѣсь водяныхъ лилій,—сказала Татьяна, достаньте мнѣ одну.

Онъ зацѣпилъ палкой цвѣтокъ и подалъ ей. Она стала разглаживать пальцами мокрые лепестки.

— Я очень люблю эти цвѣты, — проговорила она, будто извиняясь.

Онъ глядѣлъ на нее съ печальной улыбкой.

— Не могу себѣ представить, какъ это я буду жить, не видясь съ вами, я такъ къ вамъ привыкъ,—произнесъ онъ трепетнымъ голосомъ.

— Развѣ въ городѣ вы не будете у насъ бывать?

— Буду, конечно... но это все-таки не то...

— Ничего, привыкнете, — спокойно возразила Татьяна,—это еще не особенно большое горе. Однако, тутъ сыро...

Они медленно повернули назадъ. На полянѣ становилось все шумнѣе. Забористыя пѣсни, хохотъ и пискъ дѣвокъ смѣшивались съ куплетами изъ „Прекрасной Елены“, во весь голосъ распѣваемыми Вовочкой, и тяжеловѣсными тумаками, сыпавшимися на спины слишкомъ любезныхъ кавалеровъ. André громко хохоталъ, острилъ и кричалъ, поминутно врываясь въ хороводъ, откуда его безцеремонно выталкивали бабы съ укоризненнымъ замѣчаніемъ—„а еще баринъ“.

Григорій Васильевичъ подсѣлъ къ Марусѣ и шепнулъ ей что-то на ухо. Она отрицательно покачала головой, улыбаясь своей милой улыбкой.

Татьяна почти съ завистью посмотрѣла на нее.

„Этакая ясность,—подумала она,—этакое спокойствіе. Со всѣми ровна, со всѣми одинакова... Никого она не ждетъ... ни къ кому не стремится... А я! тѣнь проскользнетъ между деревьями, дверь стукнетъ... и я холодѣю... Вся жизнь плыветъ мимо... Время останавливается... біеніемъ сердца отсчитываешь минуты, которыя кажутся часами... часы, долгіе, какъ годы... Такъ вотъ что это значитъ!.. Боже мой, такъ поздно, такъ не кстати“...

Кровь прилила къ ея вискамъ. Ей хотѣлось крикнуть, заплакать, убѣжать... Она подошла къ матери, заговорила съ Марусей, взяла на руки Катю и крѣпко-крѣпко прижала ее къ своей груди, точно ей хотѣлось силой стряхнуть съ себя докучное бремя.

— О чемъ вы тутъ шепчетесь съ Марусей?—обратилась она къ Мартынову.

— Да я просилъ Марью Дмитріевну спѣть со мной, а она не соглашается.

— Отчего-же, Маруся? Пой, пой, милая, пока поется. А то... пройдетъ время, и захочется пѣть, да голосу

не будетъ,—проговорила Татьяна какимъ-то страннымъ тономъ.

— Таня, что съ тобой, ты нездорова? — съ тревогой спросила Маруся.

— Да... мнѣ не по себѣ,—отвѣчала она слабо,—поѣдемъ домой,—холодно... Какъ-бы еще дѣти не простудились...

Мартыновъ поспѣшно усадилъ ихъ въ телѣгу. Катя свернулась на колѣняхъ у матери и сейчасъ-же заснула. Коля дулся,—зачѣмъ его рано увезли,—и молчалъ. Ночь была темная, безлунная. Приходилось ѣхать шагомъ. Деревья мелькали по дорогѣ черными тѣнями, а поднявшійся вѣтерокъ доносилъ, выводимую тончайшимъ фальцетомъ, пѣсню.

....„Блеснулъ, какъ молнія, и скрылся,
На вѣкъ спокойствія рѣшился“...

долетѣло, какъ насмѣшка, до Татьяны.

XII.

Не успѣла Татьяна забыться тревожнымъ сномъ, какъ почувствовала, что ее толкаютъ. Она въ испугѣ раскрыла глаза и увидала передъ собой горничную.

— Что такое?

— Матушка, Андрей Дмитричъ опился,—торопливымъ шепотомъ объяснила горничная. — Бѣгаетъ по парку съ пистолетомъ... какъ-бы онъ чего не надѣлалъ...

— Дома никто не знаетъ?

— Нѣтъ-съ. Тамъ съ нимъ Никита и Григорій Васильевичъ. Прикажете разбудить стараго барина?

— Не надо. Я сейчасъ одѣнусь. Засвѣти лампу въ библіотекѣ, я пройду тамъ.

Она на-скоро одѣлась и въ сопровожденіи горничной, несшей фонарь, почти бѣгомъ направилась въ паркъ. Изъ липовой аллеи доносились голоса. Татьяна бросилась туда. Ей представилась странная сцена. André, растрепанный, весь въ грязи, стоялъ на холмикѣ, прижавшись къ дереву и грозилъ револьверомъ подступающимъ къ нему съ разныхъ сторонъ Мартынову и Никитѣ. Рубашка на немъ была вся въ клочьяхъ. Худая, обнаженная грудь тяжело вздымалась и опускалась, лицо судорожно подергивалось. Онъ задыхался и кричалъ: „не подходите, убью, не подходите!“. Увидавъ сестру, André яростно затопалъ ногами.

— Ты зачѣмъ притащилась?—съ ожесточеніемъ накинулся онъ на нее. — Кто тебя привелъ? Этотъ миндальный герой (онъ указалъ на блѣднаго, какъ полотно, Мартынова), ну, и цѣлуйся съ нимъ у себя въ комнатѣ. Вонъ, вонъ! тебѣ говорятъ — вонъ! чтобъ духу твоего здѣсь не было!

— Андрюша, — произнесла она умоляющимъ голосомъ,—отдай мнѣ револьверъ, и я даю тебѣ слово, что сдѣлаю все, что ты ни захочешь.

Онъ посмотрѣлъ на нее въ упоръ и нѣсколько секундъ молчалъ.

— Дашь водки?—проговорилъ онъ отрывисто.

— Дамъ, только отдай мнѣ револьверъ и пойдемъ домой.

— Не соврешь?—спросилъ онъ опять.

Она покачала головой.

Послѣ нѣкотораго колебанія онъ протянулъ ей револьверъ. Она, не глядя, передала его Мартынову и, взявъ André за руку, повлекла за собой.

— Ну, Танька,—сказалъ онъ,—если ты меня обманешь, я не посмотрю, что ты грандъ-дама и исколочу тебя, какъ самую послѣднюю дѣвку.

Она не отвѣчала и быстро шла, таща его за собой. У порога его флигеля она остановилась перевести духъ. Комната André представляла такой видъ, какъ будто въ ней только что хозяйничали разбойники. Опрокинутая мебель, разорванныя и разбросанныя по всѣмъ угламъ книги, груда пустыхъ бутылокъ, осколки посуды...

André присѣлъ на смятую постель и повелъ кругомъ блуждающимъ взоромъ.

— Водки,—прохрипѣлъ онъ.

— Никитушка, достань,—сказала Татьяна.

Черезъ нѣсколько минутъ полштофъ былъ на столѣ. André припалъ къ его горлышку... и долго не отрывался. Въ его мутныхъ, тоскующихъ глазахъ что-то просіяло.

— Понимаешь, — обратился онъ къ сестрѣ, — этотъ дуракъ (жестъ въ сторону Мартынова) „спасать“ меня вздумалъ. Спаситель тоже объявился. И кто васъ проситъ соваться въ мою душу?.. Кто! — закричалъ онъ гнѣвно. — Да и много вы смыслите въ чужой душѣ... Вамъ нравится болтать красивыя фразы? Ну, и Богъ васъ люби, болтайте себѣ на здоровье... Да меня то вы не трогайте!.. Чѣмъ удивить вздумалъ — словами! Эка невидаль! И я сколько хотите хорошихъ словъ наговорю. Что-жъ faites ce que je dis et non ce que je fais. Важность какая, хорошія слова! Да вамъ вѣкъ не придумать такихъ словъ, какія я придумаю, потому что умнѣе я васъ во сто разъ и плевать я хотѣлъ на то, что вы магистръ...

— Андрей Дмитричъ,—началъ Мартыновъ,—опомнитесь, вы на себя не похожи!

André злобно и принужденно захохоталъ:

— А очень мнѣ нужно на себя походить. Этакій, подумаешь, я душка, этакій красавецъ, что непремѣнно

мнѣ нужно въ своемъ образѣ быть... Только такіе птенчики, какъ вы, воображаютъ, что лучше ихъ физіономіи и на свѣтѣ быть не можетъ. Мы, молъ, призваны дѣйствовать на пользу человѣчества. А вся то и польза отъ васъ, что будете вдвоемъ съ какой-нибудь свихнувшейся барышней распѣвать: „грудью впередъ мы на смерть и на муки“. Двадцать балбесовъ провозгласятъ васъ апостоломъ свободы, за что ихъ въ надлежащее время выпорютъ гдѣ слѣдуетъ! Ха-ха-ха... Это называется — на грошъ амуниціи и на рубль амбиціи. Охъ, суета суетъ и всяческая суета...

Онъ остановился и опять хлебнулъ изъ полштофа. Татьяна сидѣла, закрывъ лицо руками. Мартыновъ помогалъ Никитѣ подбирать на полу черепки.

— Философъ!—презрительно продолжалъ André,—интересно, какъ-бы вы стали философствовать въ моей шкурѣ. Не угодно-ли выслушать краткую мою біографію, тогда и судите, если пороху хвàтитъ. Исторія, доложу вамъ, прелюбопытная. (Онъ плотнѣе усѣлся и закурилъ было папиросу, но тотчасъ-же сплюнулъ и затопталъ ее ногой). Начать хоть съ того, что мои прогорѣвшіе père и mére nobles продали меня бабушкѣ въ чаяніи, что она имъ за это наслѣдство оставитъ. А бабушка-то только пошутила. Знатная была лицемѣрка, наша бабуся, даже теперь смѣшно вспомнить. Чуть что бывало не по ней, сейчасъ начнетъ стращать, что умираетъ. Глаза заведетъ, ахъ, ахъ... Помнишь, Таня? Тутъ напускали на нее меня. Я подойду и строго такъ: „бабушка, если вы сію минуту не оживете, я пошлю за попомъ“. Ну, она и начинаетъ мгновенно оживать... Потѣха!.. Вы, чай, ежедневно молились о ниспосланіи всякихъ благъ вашимъ начальникамъ, родителямъ, учителямъ, а я дрался съ своими учителями и щипалъ своихъ гувернантокъ. То-то вотъ и есть!—наставительно прибавилъ André. —

Въ семнадцать лѣтъ, дружочекъ, я уже былъ похожъ на мочалку, и бабушкиному самолюбію втайнѣ льстило, что я такой mauvais sujet. Въ концѣ концовъ я ей опротивѣлъ. Она промѣняла меня на итальянскаго цырюльника, умерла и оставила насъ всѣхъ съ носомъ.

Татьяна встала съ своего мѣста и подошла къ нему.

— André, голубчикъ, ложись спать,—сказала она.

— Не мѣшай (онъ отстранилъ ее рукой), видишь, я разговариваю. Ну-съ, мой милый юнецъ, тогда, т. е. послѣ смерти бабуси, я началъ пожинать плоды моего блестящаго воспитанія. Нѣтъ того вертепа, гдѣ-бы я не побывалъ, нѣтъ той грязи, въ которой я бы не вымазался. И узналъ-же я жизнь, узналъ такъ, какъ никогда ее не узнать такому размалеванному купидончику, какъ вы. И вотъ я пьяница! что-же! всѣ порядочные люди на Руси были пьяницы. Вы, пожалуй, думаете, что я все это разсказываю, потому что мнѣ стыдно передъ вами? Нисколько! Чего мнѣ стыдиться! Вы всѣ такіе-же фигляры, какъ я... только вы свое фиглярство продѣлываете съ серьезными гримасами и драматическими жестами, а я умнѣе васъ, и знаю, что это бутафорскіе аттрибуты. Финалъ, душа моя, все равно одинъ...

Онъ смолкъ на минуту, опрокинулъ въ горло оставшуюся въ полштофѣ водку и мрачно продекламировалъ:

...„И схоронятъ въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты тяжелый свой путь,
Безполезно угасшую силу,
И *сивухой* разбитую грудь“.

При словѣ „сивуха“ онъ упалъ на кровать лицомъ въ подушку и застоналъ. Онъ рвалъ на себѣ волосы, билъ себя кулаками въ грудь, кричалъ, проклиналъ свою долю. Глухія рыданія смѣнялись пронзительнымъ надорваннымъ, пьянымъ плачемъ.

— Андрюша, голубчикъ, Андрюша, голубчикъ,—безсмысленно повторяла Татьяна, хватая его руки.

Вдругъ онъ повернулся къ стѣнѣ и затихъ. Всѣ моментально замерли. Мартыновъ, на цыпочкахъ, подошелъ къ кровати—André крѣпко спалъ.

— Идите, я васъ провожу, — шепотомъ сказалъ онъ Татьянѣ.

— Да вы теперь хоть на-крикъ кричите, не услышитъ,—совершенно громко заявилъ Никита.—Онъ завсегда такъ: набуянитъ, потомъ за бабушку примется и заснетъ.

Мартыновъ и Татьяна вздрогнули отъ громкаго голоса Никиты. Имъ стало душно и жутко въ этой комнатѣ, какъ въ жилищѣ бѣсноватаго.

— Уведите, сударь, Татьяну Дмитріевну. Ступайте, матушка, ишь, на васъ лица нѣтъ,—говорилъ Никита, запирая за ними дверь.

Ихъ охватилъ сырой холодный воздухъ. Они шли молча. Только у дома Татьяна сказала, что пройдетъ маленькимъ ходомъ, чтобы никого не будить. Онъ подалъ ей руку, и они ощупью стали взбираться по темной узкой лѣстницѣ. Въ библіотекѣ тускло мерцала оставленная горничной лампочка.

Татьяна почти упала на стоявшій у окна сундукъ. Въ ея широко раскрытыхъ глазахъ стояло такое выраженіе муки и такого безъисходнаго отчаянія, что у Мартынова сердце заныло отъ жалости. Она хотѣла что-то сказать, но губы ея безсильно шевелились, не издавая ни одного звука. Онъ сѣлъ съ ней рядомъ, положилъ ея голову къ себѣ на грудь и сталъ гладить дрожащей рукой ея волосы. Ея блѣдныя губы опять зашевелились.

— Молчите, молчите,—шепталъ онъ, привлекая ее къ себѣ,—я все знаю, все понимаю...

XIII.

Ширяевы давно переѣхали въ городъ. Григорій Васильевичъ не сдержалъ даннаго матери обѣщанія и ходилъ къ нимъ очень часто. Онъ такъ привыкъ къ Татьянѣ, что отсутствіе ея мучило его, какъ болѣзнь. Ему необходимо было сознаніе, что она тутъ, въ комнатѣ, двигается, улыбается, читаетъ, говоритъ съ другими, что онъ слышитъ ея голосъ, шелестъ платья, звукъ шаговъ. При одномъ бѣгломъ взглядѣ на нее, онъ угадывалъ, что она разстроена или огорчена. Обыкновенно блѣдное лицо становилось еще блѣднѣе. Она вся сжималась, умолкала, точно уходила внутрь. На вопросы отвѣчала разсѣянной улыбкой, иногда вспышкой гнѣва. Съ Мартыновымъ она говорила охотно, даже когда была не въ духѣ. Она жила очень уединенно. Александра Алексѣевича никогда почти дома не было, особенно съ тѣхъ поръ, какъ его выбрали въ директоры того общества, гдѣ онъ служилъ. Онъ вѣчно былъ въ хлопотахъ, вѣчно спѣшилъ на какое-нибудь засѣданіе или совѣщаніе, а вечера проводилъ въ клубѣ. Дамы-патронессы были безъ ума отъ его любезности и щедрости и наперерывъ ловили его въ свои комитеты и пріюты. За то дома Александръ Алексѣевичъ былъ не только экономенъ, но прямо скупъ, и благотворительныя дамы, вѣроятно, не мало-бы удивились, увидавъ жену своего кумира сгорбленную надъ счетами, волнующеюся изъ-за каждаго истраченнаго гроша. Татьяна не жаловалась, но видимо слабѣла и никуда не выѣзжала, ссылаясь на нездоровье. Иногда это очень сердило Александра Алексѣевича, и онъ начиналъ распространяться о прелести веселыхъ энер-

гическихъ женщинъ, противополагая имъ дряблыхъ и вялыхъ, которыя своимъ постояннымъ нытьемъ поневолѣ гонятъ мужей изъ дому, заставляя ихъ искать развлеченій на сторонѣ.

— Я сама завидую такимъ счастливымъ натурамъ,— отвѣчала Татьяна на эти филиппики, только, по правдѣ сказать, терпѣть ихъ не могу.

— Завидую и терпѣть не могу, коротко, но неясно,— замѣчалъ мужъ.

Всего ненавистнѣе были для нея парадные вечера и обѣды у „нужныхъ людей", на которыхъ Александръ Алексѣевичъ заставлялъ ее присутствовать. Послѣ одного такого обѣда, за которымъ ей пришлось три часа сряду слушать елейную рѣчь какого-то важнаго генерала о смягчающемъ вліяніи женщины, рѣчь, сопровождаемую краснорѣчивыми взглядами и подавленными вздохами. — Татьяна вернулась домой особенно утомленная, внутренно давая себѣ слово, что это „въ послѣдній разъ". Дома она застала Мартынова. Онъ сидѣлъ съ Колей и помогалъ ему приготовлять уроки. Катя ужъ спала. Татьяна прошла въ дѣтскую, перекрестила спящую дѣвочку и тутъ же стала сбрасывать съ себя парадное платье. Горничная подала ей широкую блузу и освѣдомилась, не желаетъ-ли она чаю.

— Непремѣнно, подай ко мнѣ въ комнату.

Коля, кончивъ уроки, пришелъ къ ней проститься. Она его благословила. Горничная внесла на подносѣ два дымящихся мельхіоровыхъ чайника, посуду и поставила все это на круглый столъ передъ кушеткой, на которой полулежала Татьяна.

— Что съ вами?—спросилъ Мартыновъ, когда горничная вышла,—у васъ совсѣмъ больной видъ.

— Ужасно устала.

— Прикажете удалиться?

— Напротивъ, сидите. Я рада видѣть, наконецъ, человѣческое лицо.

Онъ низко поклонился.

— Полно, пожалуйста, я совсѣмъ не расположена шутить. Господи! чего я только ни наслушалась! а пуще всего о семейномъ счастіи...

— Это очень интересная тема, сказалъ онъ серьезно.

— Конечно, согласилась она и задумалась.

— Татьяна Дмитріевна, началъ онъ, отчего вы всегда такъ иронически относитесь къ...

— Къ семейному счастію?—досказала она.—По очень простой причинѣ: мнѣ не приходилось встрѣчать ни одной счастливой семьи. Съ виду иной разъ все кажется мирно, гладко, но подъ этой гладкой поверхностью всегда скрыто глухое клокотанье. Чаще всего еще это хваленое счастье попадается у людей болѣе или менѣе ограниченныхъ, а такъ называемая культурная среда (по крайней мѣрѣ, та милая ея часть, къ которой я имѣю честь принадлежать) положительно не можетъ имъ похвастаться. И потому, какъ это ни удивительно, но самыя жалкія, больныя, изуродованныя дѣти выходятъ именно въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ отцы и матери донимаютъ ихъ своимъ педагогическимъ умничаньемъ.

Татьяна помѣшала ложечкой свой чай и отхлебнула нѣсколько глотковъ.

— А рядомъ,—продолжала она,—смотришь, здоровая, простенькая парочка вывела цѣлое гнѣздо цыплятъ. И ростутъ они себѣ, не мудрствуя лукаво, ядреные, румяные, среди родного насѣста. Тутъ и перебранки съ кухарками, перебранки и перемирія между родителями, сюрпризы ко дню ангела, подзатыльники и слезы по по воду дурныхъ отмѣтокъ; болѣзни, облегчаемыя нѣжнымъ

уходомъ, передѣлка стараго тряпья на новый ладъ, строгія внушенія—неразсуждать, потому что молоко еще на губахъ не обсохло... И такъ, неустанно, безостановочно кипитъ работа въ этомъ маленькомъ курятникѣ. Окрѣпшіе птенцы вылетаютъ изъ него съ умиленіемъ и благодарностью... Но имъ некогда долго умиляться. Ихъ зоветъ жизнь, процессъ жизни, имъ нужно вить новыя гнѣзда, чтобы продолжать ту же незамѣтную, необходимую работу... А тѣмъ временемъ нашъ худосочный отпрыскъ, изнервничавшійся, хилый, радъ бы душой обнять весь міръ,—и не можетъ доставить ни минуты покоя ни себѣ ни другимъ.

Она прошлась по комнатѣ и остановилась у окна. Луна освѣтила ея грустное лицо и влажные глаза, въ которыхъ стояли непролитыя слезы.

— Хотите послушаться моего совѣта, сказала она, улыбаясь, никогда не женитесь на умной дѣвушкѣ: слишкомъ много риску.

— Когда сильно, по настоящему, любишь, никакой рискъ не страшенъ, возразилъ онъ.

— А вы вѣрите въ такую всепоглощающую любовь?—спросила Татьяна.

— Вѣрю.

— А я нѣтъ. Т. е. я допускаю ее на короткое время, какъ тифъ, напримѣръ, или горячку, но какъ хроническое состояніе—мудрено. Я понимаю, что можно до самозабвенія любить дѣло, искусство, природу, но не человѣка. Человѣкъ непремѣнно натворитъ гадостей...

— Вы, вѣроятно, никогда не любили, Татьяна Дмитріевна,—сказалъ онъ.

Она засмѣялась.

— Вѣроятно.

— Нѣтъ, серьезно, Татьяна Дмитріевна, вы въ самомъ

дѣлѣ убѣждены, что счастливы могутъ быть только ограниченные люди?

— При чемъ тутъ убѣжденіе?—промолвила она.—Я не говорю—*могутъ быть*, я говорю—бываютъ, только такіе... простые, безъ затѣй, люди съ здравымъ смысломъ, со сметкой... такіе, словомъ, которые *не ищутъ*... midi à quatorze heures.

— А вамъ самой хотѣлось-бы такого счастья?

Она сильно покраснѣла.

— Тутъ дѣло не въ хотѣньи,—проговорила она нерѣшительно,—а въ возможности. Я не могу. Есть мастерицы, которыя умѣютъ обмануть не только публику, но даже себя. Публикѣ я тоже не прочь отвести глаза—пускай не жалѣютъ. Ну, а съ собой подруднѣй управиться. Все, кажется, перегорѣло, нигдѣ ни искорки,— и вдругъ подъ смиреннымъ пепломъ зашевелятся коварные, живучіе духи.—ну, и конецъ. Впрочемъ, что это мы съ вами какъ сойдемся—сейчасъ философствовать. Лучше спойте что-нибудь.

— Не хочется, Татьяна Дмитріевна.

Она помолчала.

— Что-то въ Покровскомъ дѣлается,—вздохнула Татьяна,—Маруся давно не пишетъ.

— Милое Покровское,—сказалъ онъ.—А знаете, мнѣ, кажется, выйдетъ, наконецъ, мѣсто въ N-ской гимназіи, о которомъ я давно хлопочу.

— Въ самомъ дѣлѣ!—воскликнула она.—Какъ это хорошо! Уѣзжайте, голубчикъ, это будетъ лучше для всѣхъ, а если нельзя уѣхать, то... ходите къ намъ порѣже,— прибавила она тихо и, подойдя къ нему, чуть-чуть провела рукой по его волосамъ, какъ-бы желая этой лаской смягчить жесткость своихъ словъ.

У него закружилась голова. Онъ схватилъ ея руки и прижалъ ихъ къ своей груди.

— Таня,—прошепталъ онъ, и въ его шепотѣ зазвучала беззавѣтная страсть,—Таня, вѣдь вы меня любите, скажите?

— Люблю,—отвѣтила она медленно,—но я давно рѣшила, что въ глаза своихъ дѣтей всегда буду смотрѣть съ спокойною совѣстью, чего-бы это мнѣ ни стоило.

XIV.

Прошло около года. На дворѣ стояла глубокая осень. Александръ Алексѣевичъ ходилъ взадъ и впередъ по своему большому кабинету, заложивъ руки за спину. Онъ былъ доволенъ. Ему удалось, наконецъ, стать во главѣ очень распространенной газеты, исповѣдывавшей самые „трезвые“ принципы. Правда, дѣло не обошлось безъ публичнаго покаянія въ нѣкоторыхъ заблужденіяхъ—Александръ Алексѣевичъ написалъ такую отважную статью о спасительномъ вліяніи невѣжества и страха на массу, которая должна была самыхъ отчаянныхъ скептиковъ убѣдить въ его солидности. Справедливость требуетъ сказать, что Александру Алексѣевичу было какъ-то не по себѣ первое время послѣ этого тріумфа. Онъ избѣгалъ встрѣчаться глазами съ женой, но потомъ это ему надоѣло, и онъ кончилъ тѣмъ, что разсердился на нее:—„И чего ей нужно,—разсуждалъ онъ,—развѣ это ея дѣло! Вѣдь ей же теперь будетъ лучше“... Послѣдній доводъ его совершенно успокоилъ. Въ кабинетъ постучались.

— Войдите.

Вошла Татьяна.

— Я къ тебѣ съ просьбой, Александръ Алексѣевичъ,—сказала она.

Онъ разсмѣялся и обнялъ ее за талію.

— Какъ это торжественно! Въ чемъ дѣло?

—Я получила письмо отъ Маруси,—проговорила она,—тихонько отстраняя его руки,—она зоветъ меня въ деревню. Пишетъ, что у André отнялись ноги. Папа тоже хвораетъ... Ей одной трудно. Если ты ничего противъ этого не имѣешь, я бы съѣздила туда.

— А какъ-же дѣти?—возразилъ онъ.

— Катю я бы взяла съ собой, а съ Колей останется m-lle Berthe; онъ все равно до трехъ часовъ въ гимназіи.

Александръ Алексѣевичъ призадумался.

— Что-жъ, поѣзжай съ Богомъ,—сказалъ онъ наконецъ,—не захворай только тамъ съ тоски.

Татьяна просидѣла нѣсколько минутъ молча и поднялась, чтобы уйти. Мужъ ее остановилъ.

— Скажи, кстати, я давно собирался тебя спросить, да все забывалъ,—отчего это Мартыновъ пересталъ къ намъ ходить? Или вы поссорились? —и онъ пытливо заглянулъ ей въ лицо.

— Да, поссорились,—отвѣчала она, вся зардѣвшись.

— Неужели! Вотъ и вѣрь послѣ этого женской дружбѣ,—иронически воскликнулъ Александръ Алексѣевичъ.

Дня черезъ три Татьяна, уѣхала въ Покровское. Тамъ было тихо какъ въ гробу. Дмитрій Гавриловичъ сильно постарѣлъ, опустился и почти совсѣмъ оглохъ. Онъ по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ комнаты, читая книги о спиритизмѣ и гипнотизмѣ. Это сдѣлалось его маніей. Катерина Андреевна вздыхала, жаловалась и попрежнему писала безконечныя драмы. Домъ держался одной Марусей. Она заботилась и объ обѣдѣ, и объ ужинѣ, и о теплѣ. Она отвлекала вниманіе отца отъ спиритическихъ книгъ, выслушивала безошибочные разсчеты матери о томъ, что послѣ смерти oncle'я Сержа они ужъ

навѣрно получатъ наслѣдство. Единственнымъ ея развлеченіемъ были деревенскіе ребятишки, ходившіе къ ней учиться. Ея импровизированная школа вскорѣ такъ прославилась, что къ ней стали посылать дѣтей и изъ другихъ деревень. Но мѣстный урядникъ, недовольный высокомѣрнымъ обращеніемъ Дмитрія Гаврилыча, донесъ куда слѣдуетъ, что Обуховская барышня безъ надлежащаго разрѣшенія занимается не своимъ дѣломъ,— и школа Маруси отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть. Дома ей тоже досталось.

— Не желаешь-ли ты въ соціалистки, — брюзжалъ Дмитрій Гавриловичъ, въ душѣ сильно задѣтый нанесеннымъ его дочери афронтомъ.

— Филантропка,—язвилъ André.

Катерина Андреевна, не знавшая, чѣмъ утѣшить огорченную Марусю, предложила ей соединенными усиліями нарисовать гербъ Обуховыхъ. Но дочь уклонилась, занявшись, вмѣсто этого, починкой семейнаго гардероба. Маруся очень измѣнилась, похудѣла, поблѣднѣла и смотрѣла совсѣмъ женщиной. Пріѣздъ Татьяны ее несказанно обрадовалъ. Но ее поразилъ видъ сестры. Она никогда не видала на ея лицѣ такого безжизненнаго выраженія. Понявъ своимъ чуткимъ сердцемъ, что не нужно разспрашивать Татьяну, Маруся старалась занять ее разсказами о домашней жизни.

— Ты себѣ представить не можешь, что у насъ происходитъ,—говорила она,—André допился до того, что ужъ ходить не можетъ. Онъ съ осени перебрался въ павильонъ и живетъ тамъ одинъ съ Никитой. Его комната до того пропахла водкой, что когда войдешь туда, дыханіе захватываетъ. Мама все о наслѣдствѣ гадаетъ, а папа духовъ вызываетъ. Вчера, вишь, духи ему сообщили, что у насъ въ болотѣ торфъ... Теперь будетъ торфъ искать...

— А ты, конечно, бѣгаешь отъ одного къ другому, уговариваешь, ублажаешь,—сказала Татьяна.

— Что дѣлать, голубка, у всякаго свой крестъ.

— Это правда,—промолвила Татьяна,—тяжело только отдавать свою свѣжую кровь... даромъ, ни за что. Ты вѣдь не виновата, что крѣпостное право уничтожено, не виновата, что Андрюшенька пьетъ водку со злости, отчего другой, а не онъ, пьетъ шампанское...

Потянулись однообразные осенніе дни. Татьяна читала, работала, играла съ Катей, помогала Марусѣ по хозяйству. А то просто сядетъ у окна и глядитъ. Мокрая земля усѣяна сплошь бурыми и желтыми листьями. Небо заслонили тяжелыя тучи. Деревья оголены, и только кое-гдѣ мелькаетъ на поникшей вѣткѣ березы ярко-красный листъ, точно пятно румянца на щекѣ бѣднаго чахоточнаго. Сыро, холодно, туманно... Босоногіе ребятишки шлепаютъ по грязи... Татьяна была почти довольна этой тоскливой осенней неурядицей, приходившейся подъ ладъ ея душевному настроенію.— „Все-таки тутъ спокойнѣе“,—думала она. И вдругъ вбѣгаетъ Маруся, блѣдная, съ помутившимся взоромъ.

— Что съ тобой?

— André,—лепечетъ она, — André чуть на смерть не убился. На четверенькахъ проползъ изъ угольной на балконъ и совсѣмъ было ужъ полетѣлъ внизъ головой... Никита его за ногу успѣлъ схватить...

— Пьянъ?

— Конечно. Господи, есть-ли еще гдѣ такой адъ, какъ у насъ!

Бѣдная дѣвушка схватилась за голову и отчаянно зарыдала.

— Маруся, милая, дитя мое... — говорила Татьяна, цѣлуя и лаская сестру, какъ ребенка.—Вѣдь я же съ

тобой, я тебя никогда не оставлю. Подумай о бѣдной мамѣ, ей вѣдь еще хуже, чѣмъ намъ. Пойдемъ къ ней...

XV.

Наступили и прошли Рождественскіе праздники. André ужъ съ мѣсяцъ не пилъ, притихъ, но кромѣ Никиты никого къ себѣ не пускалъ. Настало двѣнадцатое января—именины Татьяны. Она провела весь день одна. Маруся съ родителями отправилась въ уѣздъ, куда Дмитрій Гавриловичъ былъ вызванъ мировымъ судьей по дѣлу о какой-то давнишней неустойкѣ. Александръ Алексѣевичъ прислалъ письмо, въ которомъ поздравлялъ жену съ ангеломъ и выражалъ сожалѣніе, что дѣла мѣшаютъ ему пріѣхать. На дворѣ гудѣла метель. Ночь была темная. Татьяна прошла въ дѣтскую и, посадивъ на колѣни Катю, стала ей разсказывать сказку. Дѣвочка слушала-слушала и заснула. Татьяна осторожно раздѣла ее, уложила и вернулась къ себѣ въ комнату. Ей не хотѣлось зажигать огня и она сидѣла въ темнотѣ. Вдругъ ей почудилось точно далекое звяканье колокольчиковъ.—„Должно быть, Маруся,—подумала она и насторожилась. Колокольчики забренчали совсѣмъ близко. Она прильнула лбомъ къ окну, но за кружившейся вьюгой трудно было что-нибудь различить. Минутъ черезъ десять по лѣстницѣ заскрипѣли тяжелые шаги. Нѣтъ, это не Маруся... Дверь распахнулась. Съ фонаремъ въ рукѣ показался Никита, а за нимъ — занесенная снѣгомъ, фигура въ енотовой шубѣ.

— Къ вамъ, матушка, гость пріѣхалъ, — объявилъ Никита.

Гость снялъ мохнатую намокшую шапку, и передъ Татьяной очутился Мартыновъ.

— Вы?—еле проговорила она.

— Да, я. Не ждали? Здравствуйте, Татьяна Дмитріевна! Ну, ужъ и погода. Я думалъ, не доѣду.

Никита засвѣтилъ лампу и ушелъ, сообщивъ, что сейчасъ подастъ самоваръ.

Они остались вдвоемъ. Мартыновъ подошелъ къ Татьянѣ и, взявъ ея руки, поцѣловалъ.

— Я пріѣхалъ съ вами проститься,—сказалъ онъ,— я получилъ мѣсто въ N. Мы не скоро увидимся... можетъ быть, никогда. Подарите-же мнѣ нѣсколько часовъ, чтобъ было, по крайней мѣрѣ, чѣмъ жизнь помянуть. О чемъ-же вы плачете?

— Я... я рада—промолвила она.

Онъ сѣлъ съ ней рядомъ и, взявъ опять ея руки, сталъ глядѣть на нее. Ее смущалъ этотъ пристальный взглядъ, и она провела рукой по его глазамъ. Онъ улыбнулся.

— Думали вы обо мнѣ?—спросилъ онъ.

— Думала, я часто о васъ думаю.

Никита принесъ самоваръ. Татьяна сама накрыла небольшой столъ въ углу передъ диваномъ, перетерла шитымъ полотенцемъ посуду, сама придвинула Григорію Васильевичу кресло и налила ему чаю.

— Объясните мнѣ, отчего все что вы ни дѣлаете, даже самыя простыя движенія, все выходитъ такъ удивительно хорошо?—спросилъ онъ.

Она пожала плечами.

— Никогда не знала за собой такихъ качествъ, и думаю, что они существуютъ только въ вашемъ воображеніи.

— Я вовсе не такъ слѣпъ, а просто вы не такая, какъ другія.

— Ну, конечно, я самая необыкновенная женщина въ мірѣ,—пошутила она.

— Именно! вотъ съ этимъ я вполнѣ согласенъ.

Оба засмѣялись. Она налила ему еще стаканъ.

— Какая у васъ тишина, — проговорилъ онъ, оглядываясь, — право, здѣсь можно забыть, что гдѣ-то мучатся, любятъ, ненавидятъ и надрываются люди.

Татьяна вздохнула.

— Ошибаетесь, мой другъ, — сказала она печально. — И на этомъ ничтожномъ клочкѣ идетъ своимъ чередомъ вѣчная исторія нашей земной юдоли. Туты и отцы, и дѣти, и старческій эгоизмъ, и отжившее барство, и великій, ежедневный, ежечасный подвигъ любви и самоотверженія... А тамъ (она подвела его къ окну), видите, брезжитъ огонекъ, тамъ доигрывается послѣдній актъ безобразнаго и страшнаго фарса. Тамъ, среди батареи пустыхъ полуштофовъ, въ воздухѣ, пропитанномъ сивухой, умираетъ послѣдній отпрыскъ старинной дворянской фамиліи. Кто правъ, кто виноватъ, — Богъ вѣсть! Вѣрно, такъ этому и надо быть. Выросла-же на этой гнили такая чистая, любящая душа, какъ Маруся. Помните, *тогда*, лѣтомъ, вы говорили о ней. Я только теперь поняла, какая она. Я у нея жить учусь. Когда я пріѣхала сюда, мнѣ было такъ тяжко — ни на что глядѣть не хотѣлось, даже къ Катѣ чувствовала что-то враждебное, точно злилась, зачѣмъ она стоитъ мнѣ на дорогѣ... Но когда я присмотрѣлась къ Марусиной жизни, меня будто осѣнило — стыдно, совѣстно стало за свой эгоизмъ, за свое малодушіе... Теперь мнѣ легче... Я люблю васъ по-прежнему, Григорій, даже сильнѣе, но ужъ не боюсь... Я знаю, что изъ-за этого никто не пострадаетъ.

— А я, Таня?.. Обо мнѣ вы совсѣмъ не думаете? — произнесъ онъ съ упрекомъ.

— Нѣтъ, думаю. Но вы такъ молоды. У васъ еще

все впереди—и любимое дѣло, и надежды на личное счастье.

— Не надо, не надо мнѣ безъ тебя никакого счастья,— заговорилъ онъ прерывающимся голосомъ и приникъ головой къ ея колѣнамъ.—Такъ, какъ я тебя люблю, я ужъ больше никого любить не буду... не могу и не хочу.

Она погладила его наклоненную голову

— Заснуть-бы такъ лѣтъ на пятьдесятъ, — прошепталъ онъ.

— Развѣ можно желать сна, т. е. смерти, когда жизнь только начинается,—возразила она.—Вы молоды, здоровы, свободны.

— На что мнѣ моя свобода!

— Не говорите такихъ дѣтскихъ рѣчей, — замѣтила она строго.—На что свобода!.. Да вѣдь свободный человѣкъ и страдаетъ иначе, чѣмъ рабъ!

Въ ея голосѣ послышалось подавленное рыданіе. Она прислонилась къ спинкѣ дивана и закрыла глаза. На церковныхъ часахъ мѣрно и гулко пробило двѣнадцать ударовъ.

— Скоро мнѣ ѣхать,—сказалъ онъ.

Она встала съ своего мѣста, прошлась по комнатѣ и, приблизившись къ нему, вдругъ обвила его шею руками.

— Вотъ теперь,—заговорила она,—и слезы заструились одна за другой по ея щекамъ, теперь, когда нужно быть твердой—меня покидаетъ мужество. Чтобы ни говорилъ разсудокъ, я чувствую только одно, что ты уѣзжаешь, что тебя не будетъ со мной... и я останусь одна... хуже, чѣмъ одна. О, Господи, какое это счастье быть *одной*... Я сейчасъ говорила о Марусѣ, о томъ, что ей хуже, чѣмъ мнѣ... Неправда! Въ сравненіи съ моей, ея судьба—блаженство. Ее мучатъ отецъ, мать, братъ... Но она придетъ въ свою комнату и хоть въ грезахъ можетъ представить себѣ иную жизнь. Для меня нѣтъ

надежды. Я кругомъ запечатана... Эти мгновенья, которыя ты провелъ со мной... развѣ они мнѣ въ радость! Вѣдь они краденыя, милый мой, пойми, краденыя, ворованныя.

Она упала головой къ нему на плечо и зарыдала.

— Дорогая, успокойся,—просилъ онъ, осыпая поцѣлуями ея волосы, влажные глаза, щеки.—Твое отчаяніе отнимаетъ у меня силы, я ни о чемъ думать не могу.

— Быть на-вѣки прикованной къ человѣку, съ которымъ у тебя все чужое,—продолжала Татьяна, и суровое, почти жестокое выраженіе блеснуло въ ея обыкновенно мягкомъ взорѣ,—нѣтъ предмета, на которомъ-бы мы сошлись. Даже дѣти насъ не связываютъ, а разъединяютъ. Что по моему для нихъ полезно, по его—вредно, по моему необходимо, по его—совершенно не нужно. Всѣ эти ссоры, крики, дрязги, пошлыя примиренья, весь этотъ угаръ и чадъ жизни вдвоемъ... обязательныя нѣжности, законные поцѣлуи...

Онъ слушалъ ее блѣдный, дрожащій.

— Таня!.. но вѣдь это ужасно такъ жить,—воскликнулъ онъ,—вѣдь это безнравственно! Отчего вы не уходите!

— А дѣти?

— Возьмите ихъ съ собой.

— Кто-же мнѣ ихъ отдастъ. Да, наконецъ, какое я имѣю право лишать отца дѣтей. Онъ ихъ любитъ. Его жизнь тоже не особенно пріятна, а тутъ я еще дѣтей отниму. Удивительная справедливость.

Мартыновъ поглядѣлъ на ея исхудалыя, нѣжныя черты.

— Уйди одна, безъ дѣтей... Я тебя увезу съ собой, милая...—произнесъ онъ съ неудержимымъ порывомъ.

Она грустно покачала головой.

— Не могу,—прошептала она.—Я думала объ этомъ,

не разъ думала... Не могу .. Я не выдержу... Вы не знаете, что значитъ близость съ дѣтьми, постоянная забота о нихъ, сознаніе, что ты для нихъ *все*. До такой степени сливаешься съ ними, что внѣ ихъ прекращается собственное существованіе. Колѣ было пять лѣтъ, когда я вышла за Александра Алексѣича. Онъ былъ больной, нелюдимый мальчикъ, а ко мнѣ прильнулъ съ первой минуты. Скарлатину, тифъ, дифтеритъ—все это я перенесла съ нимъ. Сколько разъ онъ умиралъ на моихъ рукахъ... я своимъ дыханіемъ, своимъ тѣломъ согрѣвала его коченѣющіе члены... Я отнимала его у смерти. И теперь, ночью мнѣ иногда вдругъ почудится его кашель, и я ужъ не могу спать. Правда, иной разъ невольно подумаешь: эхъ, кабы не дѣти... А тутъ вдругъ придетъ Коля: мамочка, помоги мнѣ сдѣлать задачу... Или Катя прибѣжитъ, вся красная, обнимаетъ, лепечетъ: ты *моя*, ты *моя*... а я чувствую, что я—не *ея*... и такъ стыдно станетъ, такъ жалко... Бѣдныя дѣти! Да... самая страшная, мертвая петля, это—дѣтскія ручки, которыя обвиваются вокругъ вашей шеи... изъ нея ужъ не вырвешься.

Голосъ у нея пресѣкся. Она прижала къ губамъ платокъ.

— Но выходятъ-же другія женщины изъ подобныхъ положеній?—сказалъ Мартыновъ.

— Очень немногія: большинство терпитъ ради дѣтей.

— Это ужасно.

Она подняла на него заплаканные, прекрасные глаза.

— Да... не легко отдавать капля по каплѣ свою жизнь... когда въ сердцѣ кровь бьетъ ключомъ, когда рядомъ счастье... А вы сказали—„безнравственно",—промолвила она съ горечью.

— Прости меня, Таня, прости, моя милая, моя чи-

стая!.. Я тебя не стою,—произнесъ онъ, глубоко растроганный, и заплакалъ.

На дворѣ попрежнему выла метель. Вѣтеръ жалобно стучался въ окна. У крыльца затявкали собаки.

— Это—вашъ ямщикъ. Пора,—промолвила она беззвучно.

Онъ вытеръ глаза и подошелъ къ ней.

— Да, Таня, пора!—сказалъ онъ съ усиліемъ. — Но знай, куда-бы я ни уѣхалъ, гдѣ-бы я ни жилъ, что бы со мной ни произошло—память о тебѣ сохранитъ меня отъ всего нечистаго. Я буду честнымъ человѣкомъ, Таня. Прощай... Благослови меня.

Она перекрестила его и поцѣловала холодными, какъ у мертвой, губами.

Онъ на-скоро накинулъ шубу и, открывъ дверь, быстрыми шагами сбѣжалъ съ лѣстницы. Черезъ минуту раздался протяжный звонъ колокольчиковъ, еще минута,—и вмѣсто звона долеталъ лишь заунывный, замирающій звукъ... все тише... все дальше... наконецъ, и онъ смолкъ... А наверху, прижавшись лицомъ къ замерзшему стеклу, стояла Татьяна и, глядя въ мглу, повторяла:

— Кончено... кончено... кончено.

XVI.

Татьяна точно замерла. Она даже не хандрила, а какъ-то застыла въ своей печали. Каждое утро, когда она просыпалась, ей приходила въ голову одна и та же мысль: вотъ опять день наступилъ, и зачѣмъ только онъ наступилъ, поскорѣй-бы ночь... Она старалась скрыть свое состояніе отъ домашнихъ, но это ей плохо удавалось. Маруся замѣчала, какъ она сидитъ надъ книгой, и, машинально перевертывая страницы, дѣлаетъ видъ,

что читаетъ,—какъ безмолвно выслушиваетъ нескончаемыя родительскія сѣтованія, или разсказываетъ Катѣ сказки и вдругъ, забывшись, умолкаетъ на полусловѣ. Дѣвочка начинаетъ ее теребить:—мама, дальше...

— Дальше,—словно просыпаясь, повторяетъ мать,—да вѣдь ужъ я все сказала.

— Нѣтъ, не все! ты сказала — Иванушка вырвалъ у жаръ-птицы изъ хвоста перо!—и остановилась.

— Ну, тутъ и конецъ.

— Неправда, а какъ Иванушку къ царю повели, ты пропустила.

— Такъ вѣдь ты это знаешь, Катя.

— А ты все-таки разскажи!

— Поди ко мнѣ, Катя,—вмѣшивается Маруся,—мама устала.

— Не хочу, чтобы мама устала,—капризно заявляетъ дѣвочка и приготовляется заревѣть.

— Пожалуйста, не кричи,—говоритъ мать,—у меня голова болитъ... иди ужъ сюда.

Катя, довольная своей побѣдой, забирается къ ней на колѣни, и она опять принимается мѣрнымъ, равнодушнымъ голосомъ за прерванную сказку.

— Tu la gâtes,—замѣчаетъ Маруся.

— Не все-ли равно...

— Elle sera égoiste,—продолжаетъ Маруся.

— Tout le monde est égoiste, ma chère, elle sera comme tout le monde.

Маруся вздыхаетъ и прекращаетъ разговоръ.

Ночью Марусю, спавшую въ одной комнатѣ съ сестрой, разбудилъ какой-то неясный шумъ. Она раскрыла глаза и увидала Татьяну, сидящую на кровати и глухо, неудержимо рыдающую. Дѣвушка въ одинъ мигъ спрыгнула на полъ и подбѣжала къ ней.

— Милая, Господь съ тобой, чего ты?..

— Ничего, Маруся, просто нервы... это сейчасъ пройдетъ.

Маруся недовѣрчиво покачала головой.

— Развѣ я не вижу, какъ ты мучишься,—промолвила она грустно.—У тебя горе, Таня, ты несчастна... да?

— А ты счастлива? возразила Татьяна.—А мать наша счастлива! всѣ несчастны. Есть о чемъ разговаривать...

— Но у тебя особенное несчастіе... я знаю! Таня, прошептала она, обнимая ее,—Таня, ты не любишь мужа?

— Удивительное открытіе, — съ горечью промолвила Татьяна.

Маруся заплакала.

— Это ужасно, это самое ужасное, что только есть на свѣтѣ...

— Нѣтъ, есть еще болѣе ужасное, это — любить другого,—какимъ-то безучастнымъ тономъ проговорила Татьяна.

Маруся испуганно взглянула на сестру.

— Ты любишь другого, этого...—воскликнула она и не докончила.

Татьяна не отвѣчала.

— Это — грѣхъ, это — страшный грѣхъ,— говорила, волнуясь, Маруся.

— Ну, грѣхъ, и прекрасно. Оставь меня.

— Зачѣмъ ты сердишься?—кротко промолвила Маруся. Вѣдь я не съ тѣмъ говорю, чтобы укорять... Мнѣ тебя жалко, Таня... Ты вѣдь потому чахнешь, что это грѣхъ, тебя совѣсть мучитъ.

— Да я ничего такого преступнаго не совершила, —какъ бы защищаясь, прошептала Татьяна.

— Въ душѣ совершила—измѣнила мужу и дѣтямъ.

— Какъ ты сурова, Маруся, и какъ трудно знать, была-ли бы ты сама лучше въ моемъ положеніи.

— Можетъ быть, была бы гораздо хуже... Вѣдь не осуждаю я тебя, дорогая моя, пойми—я говорю только—надо взять себя въ руки.

— Я... я стараюсь,—произнесла Татьяна слабымъ, упавшимъ голосомъ.

— Уѣхать бы тебѣ куда-нибудь подальше, размышляла вслухъ Маруся, — отдохнуть среди незнакомыхъ лицъ... ты бы скорѣй пришла въ себя.

Татьяна усмѣхнулась.

— Куда я поѣду... Это только въ романахъ, герои, для излѣченія сердечныхъ ранъ, отправляются въ интересныя путешествія. Въ дѣйствительности дѣло обходится проще, потому что никому въ сущности дѣла нѣтъ до того, болитъ у тебя душа, или блаженствуетъ. Все кричитъ—ѣшь, пей, спи, когда мы ѣдимъ, пьемъ, спимъ; подавай лѣкарство, когда мы больны, смѣйся, когда намъ весело, развлекай, когда скучно,—словомъ, живи...

— Что дѣлать! — со вздохомъ возразила Маруся,—насильно ничего не возьмешь. Можетъ быть, есть такіе счастливцы, у которыхъ все течетъ, какъ по маслу, такъ вѣдь это исключенія. И, знаешь, если-бы мнѣ предложили попасть въ число этихъ счастливцевъ... я бы, кажется... отказалась. Таня!—воскликнула она,—и голосъ ея зазвенѣлъ, какъ натянутая струна, — милая, дорогая сестра, вспомни, вѣдь ты же меня учила, что нельзя наслаждаться, когда вездѣ, вездѣ, куда ни заглянешь, столько горя. Таня, одолѣй себя, ради дѣтей... ради меня... Если я потеряю вѣру въ тебя, — я пропаду.

Она протянула впередъ дрожащія руки. Изъ ея прекрасныхъ глазъ текли слезы, скатываясь крупными, свѣтлыми каплями на пылающія щеки, на плечи, на трепещущую молодую грудь...

Татьяна тяжело дышала.

— Перестань, Маруся,—тихо произнесла она,—не плачь такъ, не дѣлай мнѣ больно... Я тебѣ даю слово, что справлюсь съ собой. Такія вещи не даются сразу. Надо перетерпѣть... Ты мнѣ поможешь?

Вмѣсто отвѣта, Маруся схватила руки сестры и страстно прижала ихъ къ своимъ губамъ.

XVII.

Насталъ мартъ. Солнце весело засіяло съ помолодѣвшаго неба. Съ деревьевъ закапала вода. Сквозь талый бурый снѣгъ мѣстами выступила черная земля. Птицы цѣлыми стаями рѣяли въ воздухѣ. Татьяна съ виду почти оправилась. И она, и Маруся, точно по молчаливому обоюдному соглашенію, никогда не касались той ночи, когда Татьяна выдала сестрѣ свою тайну. Приближалась Пасха, и Маруся напрягала всѣ усилія своего ума, какъ бы получше ее справить. Къ празднику ждали Александра Алексѣича съ Колей. На Страстной Маруся собиралась говѣть.

— А ты будешь?—спросила она Татьяну.

— Нѣтъ,—односложно отвѣтила та.

Но Марусѣ тоже не пришлось говѣть.

На пятой недѣлѣ поста у André начались припадки удушья. Вызванный изъ уѣзднаго города докторъ объявилъ, что это смерть идетъ. André догадался о своемъ положеніи и упалъ духомъ, но старался это скрыть подъ усиленной грубостью. Катерина Андреевна стала его упрашивать принять священника. Онъ глянулъ на нее мелькомъ и пропѣлъ дребезжащимъ фальшивымъ голосомъ:

......„Въ могилѣ гробъ“,

но вдругъ остановился и насмѣшливо проговорилъ:

— А знаете, maman, пьяницы вѣдь долго не гніютъ... И вдругъ...

Катерину Андреевну объялъ настоящій ужасъ отъ словъ André, и она только съ большимъ трепетомъ рѣшалась приближаться къ нему. Но сестры не отходили отъ него. Онъ, казалось, не обращалъ никакого вниманія на ихъ присутствіе. Однажды, зайдя къ нему, онѣ услышали, какъ онъ поетъ: „Господи, упокой душу усопшаго раба твоего Андрея“. Онѣ подумали, что онъ бредитъ. Маруся подошла къ кровати. André поглядѣлъ на нее совершенно сознательно.—„Это, говоритъ, я маленькую репетицію произвожу. Ты, Маруся, будешь обо мнѣ плакать? Ну, конечно, будешь! Ты, вѣдь, моя милая, заячья душа, какъ же тебѣ не плакать?“

За нѣсколько часовъ до смерти онъ сказалъ ей:

— Вотъ тебѣ мой завѣтъ, Маруся! отдай ты нашихъ père и mère nobles въ богадѣльню и уходи изъ „Прогорѣлаго“, куда глаза глядятъ... хоть къ Танѣ, если тебѣ не очень претитъ ея милый супругъ.

Маруся присѣла къ нему на кровать и, приподнявъ съ подушекъ его высохшую, посѣдѣвшую голову, насильно прижала къ своей груди.

— Андрюша,—заговорила она, лаская и цѣлуя его,— милый, примирись, прости, не ожесточайся, прости...

Онъ отвернулся къ стѣнѣ и заплакалъ. Сердце его умилилось. Онъ велѣлъ позвать родителей и принялъ священника. Послѣ причастія онъ долго цѣловалъ руку матери. Никита опустился на колѣни у изголовья своего барина, слезы струились ручьемъ по его старымъ щекамъ, и онъ все твердилъ:

— Простите меня, батюшка, Андрей Дмитричъ.

— Былъ Андрей Дмитричъ, да весь вышелъ! Прощай, Личардушка, другъ единственный,—сказалъ ему André.

Онъ скончался ночью, прислонившись щекой къ плечу Маруси.

André опустили въ фамильный склепъ, надъ которымъ онъ столько острилъ при жизни, вычистили, вымыли и заперли павильонъ, въ которомъ онъ провелъ последнюю зиму, и какъ-то такъ скоро забыли о немъ, точно прошло не двѣ недѣли послѣ его смерти, а, по крайней мѣрѣ, два года. Всѣ испытывали какъ-бы смутное чувство облегченія, что его нѣтъ. Одинъ только Никита не могъ привыкнуть къ исчезновенію своего барина. Ему словно чего-то недоставало. Онъ осунулся и на всѣхъ посматривалъ съ укоризной—дескать обрадовались...

На праздники пріѣхали Александръ Алексѣевичъ и Коля. На Татьяну напалъ безотчетный страхъ. Она говорила, улыбалась, ласкала Колю, и въ то-же время ей казалось, что все это дѣлаетъ не она, а кто-то другой, посторонній, что она тутъ не при чемъ, и какъ удивительно, что никто этого не замѣчаетъ.

Александръ Алексѣевичъ былъ въ духѣ, острилъ, разсказывалъ новости, подшучивалъ надъ женой, что она молчалива и блѣдна, какъ Пушкинская Татьяна, и спрашивалъ, нѣтъ-ли тутъ гдѣ по близости Онѣгина. Татьяна не отвѣчала. Она въ эту минуту вспомнила, что на диванчикѣ, гдѣ теперь развалился Александръ Алексѣевичъ, сидѣлъ, понуривъ темно-волосую голову, Мартыновъ. Александръ Алексѣевичъ, обиженный молчаніемъ жены, всталъ, потянулся и хотѣлъ было уйти, но раздумалъ, подошелъ къ Татьянѣ и обнялъ ее. Она содрогнулась.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ.

— Ничего, просто холодно немножко.

— Право, можно подумать, что ты недовольна нашимъ пріѣздомъ, такая ты кислая.

— Нѣтъ, я довольна,—отвѣтила она, а въ груди томительно заныло сердце...—«Лжешь, лжешь», звучало ей въ каждомъ его замираніи, «и всегда будешь лгать, и сегодня, и завтра, и до могилы»...

Александръ Алексѣевичъ былъ раздраженъ.

„Вотъ житье,—думалъ онъ,—работаешь, не разгибая спины, въ кои-то вѣки узришь супругу, а она физіономію воротитъ. Охъ, эти серьезныя женщины! чортъ бы ихъ побралъ"...

Онъ сажалъ къ себѣ на спину Катю и бѣгалъ съ ней по комнатамъ, продѣлывая разныя акробатическія штуки. Разъ онъ повезъ ее кататься въ цѣломъ обществѣ деревенскихъ ребятишекъ. Пріѣхали домой поздно. Катя была необыкновенно оживлена, болтала, прыгала, такъ что ее съ трудомъ уложили.

Ночью Татьяну разбудилъ пронзительный крикъ дѣвочки. Она бросилась къ ея кроваткѣ и увидала, что она лежитъ, разметавшись, въ жару, и бредитъ. Въ головѣ Татьяны, какъ ударъ ножа, пронеслась мысль— „это мнѣ въ наказаніе"... У Кати открылась скарлатина. Татьяна не отходила отъ нея ни днемъ, ни ночью... Вся ея апатія разомъ исчезла. Исчезло все, что такъ терзало и грызло ее больше году; поблѣднѣлъ и стушевался образъ Мартынова. Все вдругъ показалось ей мелкимъ, ничтожнымъ передъ страданіями этой крошечной дѣвочки.

— Это мнѣ въ наказаніе, это мнѣ въ наказаніе,— безпрестанно повторяла она себѣ, глядя на воспаленное личико Кати, на ея пылающее, сплошь усѣянное красными пятнами, тѣло.—Господи, спаси ее, и я все забуду, все, кромѣ дѣтей, — страстно взывала она въ безконечныя, безсонныя ночи.

— Танюша, ты бы пошла отдохнуть, я вмѣсто тебя посижу,—ласково говорилъ ей мужъ.

Она только головой качала.

Одна Маруся понимала, что ей не слѣдуетъ мѣшать, что въ этомъ страданіи ея исцѣленіе.

— Таня,—говорила она своимъ кроткимъ голосомъ,— Таня, милая, не бойся, она выздоровѣетъ.

Татьяна сидѣла надъ дѣвочкой ужъ десятую ночь. Въ комнатѣ слабо теплилась лампадка. Катя спала, тяжело дыша. Усталые глаза Татьяны стали смыкаться. Вдругъ она заслышала у двери какой-то шорохъ... встрепенулась—и въ полумракѣ увидала Колю, босоногаго, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки.

— Коля, чего тебѣ, милый?

— Мамочка, мамочка,— прошепталъ мальчикъ и, обнявъ ея шею, горько заплакалъ.

— Что ты, голубчикъ, о чемъ?—спрашивала она, посадивъ его къ себѣ на колѣни и гладя по головѣ.

— Мамочка,—истерически всхлипывалъ онъ,—лучше-бы мнѣ быть больнымъ вмѣсто Кати. Ахъ, какъ я хочу умереть!..

— Что съ тобой, Коля, перестань. Развѣ можно говорить такія слова! Это грѣшно.

— Нѣтъ, нѣтъ! если-бы я умеръ, ты бы не такъ огорчалась.

— Съ чего это ты взялъ?

— Потому что я не настоящій твой сынъ, а Катя твоя родная дочь.

— И тебѣ не стыдно, Коля! Развѣ я тебя меньше люблю? Ты меня очень, очень обидѣлъ.

— Мама, прости меня, но что-жъ мнѣ дѣлать! Мнѣ показалось, что ты меня разлюбила. А я... а я... я вѣдь тебя больше всѣхъ люблю, больше папы, больше всѣхъ на свѣтѣ.

Коля совсѣмъ захлебывался отъ слезъ.

— Полно, мой мальчикъ, полно, успокойся. Вѣдь ты

ужъ не маленькій, ты долженъ понимать. Если я не была съ тобой такъ ласкова, какъ всегда, это не потому, что я тебя разлюбила... Я сама была больна, разстроена... Потомъ Катя захворала. Развѣ тебѣ ее не жаль! Посмотри, какъ она, бѣдная, страдаетъ! Ну что, ты успокоился?

— Да, мамочка, прости меня. Я гадкій мальчишка. Только знаешь, пріѣзжай назадъ въ городъ. Мнѣ безъ тебя такъ не хорошо... и учусь плохо. Скучно очень... Папы никогда дома нѣтъ, а когда и пріѣдетъ, то все съ m-elle Berthe сидитъ и ссорится съ ней.

— Теперь ужъ недолго, Коля. Къ экзамену ты постарайся, а лѣтомъ опять будемъ вмѣстѣ заниматься. Катя, Богъ дастъ, поправится... Но если ты меня любишь, никогда не поддавайся такимъ дурнымъ мыслямъ. Нельзя требовать, чтобы всегда были заняты только тобой. Нужно и о другихъ думать, мой мальчикъ... А теперь ступай спать, а то мы своимъ шушуканьемъ еще Катю разбудимъ.

— Позволь мнѣ посидѣть съ тобой?

— Нѣтъ, милый, иди; хоть у тебя и была скарлатина, а все-таки я боюсь...

Она нѣжно поцѣловала его и тихонько толкнула къ двери.

Оставшись одна, она крѣпко задумалась.

— „И этотъ мальчикъ почувствовалъ, что я ужъ не та... Дѣтямъ своимъ измѣнила, какъ говоритъ Маруся. Видно, нельзя служить двумъ богамъ .. Только-бы она выздоровѣла, только-бы выздоровѣла—и я уйду въ нее, въ Колю. Пусть они будутъ хорошіе, честные... Мнѣ ничего больше не нужно“...

Она опустилась на полъ и приникла головой къ ногамъ дѣвочки. Безмолвныя, горячія слезы падали изъ

ея глазъ на простыню и одѣяло. Вдругъ Катя повернулась, протянула свои исхудалые пальчики и коснулась ими лица матери.

— Мама, мнѣ лучше, — промолвила она слабымъ голоскомъ,—не плачь!—и, вздохнувъ, опять заснула.

XVIII.

Минуло шесть лѣтъ.

Почтовый поѣздъ съ визгомъ и свистомъ подкатилъ къ X-скому вокзалу. Носильщики бросились къ вагонамъ, наперерывъ предлагая свои услуги пассажирамъ. Изъ купэ второго класса выпрыгнулъ господинъ, лѣтъ тридцати двухъ-трехъ, передалъ носильщику сакъ и багажную квитанцію и отправился нанимать извозчика. Это былъ нашъ старый знакомый, Григорій Васильевичъ Мартыновъ. Онъ возмужалъ, пошнрѣлъ, окрѣпъ. Круглая, темнорусая борода солидно обрамляла его загорѣлое лицо. Но общее выраженіе мало измѣнилось; также мягко и задумчиво смотрѣли изъ-подъ тонкихъ бровей черные глаза, таже добродушная усмѣшка блуждала на полныхъ губахъ.

Всѣ эти годы Григорій Васильевичъ провелъ въ N*, одномъ изъ южныхъ приморскихъ городовъ, учителемъ словесности, сначала въ мужской, а впослѣдствіи и въ женской гимназіи. Вмѣстѣ съ нимъ туда поѣхала и мать его съ неизмѣнной Анисьюшкой. Софья Петровна была наверху блаженства. Въ N* ея Гриша снова и всецѣло принадлежалъ ей. Никуда онъ, кромѣ гимназіи, не ходилъ, ни съ кѣмъ не желалъ знакомиться. Конечно, отъ ея ревниваго взора не могла укрыться молчаливая грусть сына, блѣдность его щекъ, дрожащія капли слезъ, которыя нѣтъ-нѣтъ блеснутъ на его рѣс-

ницахъ и мгновенно высохнутъ, какъ-бы поглощенныя внутреннимъ огнемъ... Она ловила его долгіе вздохи и утѣшала себя мыслью, что главная опасность миновала, что рана не серьезна и скоро заживетъ. Дѣйствительно, мало-по-малу, здоровая натура Григорія Васильевича взяла верхъ. Образъ Татьяны еще царилъ въ его душѣ. Но этотъ милый, печальный образъ уже не простиралъ къ нему трепетныхъ рукъ въ безсонныя ночи, а кротко сіялъ, уходя глубже и глубже въ туманную и сладостную даль, которая зовется воспоминаніемъ.

Григорій Васильевичъ полюбилъ учениковъ, и ученики его полюбили. Онъ не блисталъ краснорѣчіемъ, не торопился навязывать свои симпатіи, но въ его простой рѣчи, задушевномъ голосѣ, мягкихъ глазахъ теплилась глубокая, продуманная любовь къ избранному дѣлу. Ему никогда не надоѣдало повторять одно и то-же; напротивъ, казалось, что, разбирая въ десятый разъ какое-нибудь произведеніе, онъ самъ находилъ въ немъ что-то такое, чего не замѣтилъ раньше. Ясный умъ, благоговѣніе передъ знаніемъ, откуда-бы оно ни шло, отсутствіе національныхъ и другихъ предубѣжденій влекло къ нему учениковъ, съ которыми онъ обращался совершенно свободно, нерѣдко выручая ихъ изъ бѣды. Онъ не останавливалъ своего вниманія исключительно на „звѣздахъ“ класса, а стремился, наоборотъ, пробудить мысль и въ слабыхъ ученикахъ, и они чувствовали, что они близки сердцу учителя не менѣе своихъ блестящихъ товарищей. Въ классѣ Мартынова слышались смѣхъ, шутки, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его манерѣ держаться чувствовалась деликатная осторожность, устраняющая всякую возможность фамильярничанья. Начальство и товарищи относились къ нему снисходительно: онъ не совался впередъ, не возбуждалъ ничьей зависти и не давалъ частныхъ уроковъ.

Такъ прошло пять лѣтъ. Въ это время, внезапно, прохворавъ всего нѣсколько дней, скончалась Софья Петровна. Эта потеря его ошеломила. Онъ остался одинъ, и его охватила гложущая тоска одинокаго человѣка, сознающаго, что до него никому нѣтъ дѣла.

Анисьюшка своимъ вѣчнымъ хныканьемъ и причитаньемъ только раздражала его. И вотъ изъ окутывавшей его мглы опять выплылъ образъ Татьяны, и ему неудержимо захотѣлось взглянуть на нее. Всѣ эти годы онъ не терялъ ее изъ виду. Изъ рѣдкихъ писемъ Маруси онъ зналъ, что она здорова. Объ Александрѣ Алексѣевичѣ Маруся никогда ничего не сообщала, но, по газетамъ и доходившимъ до него слухамъ, Мартынову было извѣстно, что мужъ Тани давно „особа", что мнѣнія его пользуются большимъ авторитетомъ въ вліятельныхъ сферахъ, что единомышленники передъ нимъ раболѣпствуютъ, а противники боятся, ибо Александръ Алексѣевичъ не стѣсняется въ выборѣ средствъ для борьбы. „Каково-то ей теперь живется съ этимъ современнымъ героемъ?" —думалъ Мартыновъ о Татьянѣ, и чѣмъ больше онъ объ этомъ думалъ, тѣмъ сильнѣе хотѣлось ему увидать ее. Это желаніе перешло наконецъ въ болѣзненную потребность и, воспользовавшись пасхальными каникулами, онъ уѣхалъ въ Х*. Мартыновъ остановился въ скромныхъ меблированныхъ комнатахъ, съ лихорадочной торопливостью привелъ въ порядокъ свой туалетъ и помчался въ адресный столъ справиться объ адресѣ Ширяевыхъ. Они жили на аристократической улицѣ, въ хорошенькомъ зеленомъ домикѣ съ колоннами. Съ сильно бьющимся сердцемъ дотронулся онъ до пуговки воздушнаго звонка. Дверь открылъ степенный лакей, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ.

— Дома Татьяна Дмитріевна?

— Дома-съ, только онѣ заняты. Какъ прикажете о васъ доложить?

— А вы совсѣмъ не докладывайте,—мнѣ не къ спѣху, я подожду, пока она кончитъ.

Лакей въ нерѣшительности посмотрѣлъ на него. Мартыновъ почувствовалъ, что краснѣетъ.

— Я старый знакомый Татьяны Дмитріевны,—пояснилъ онъ, и хочу ее удивить.

Лакей чуть-чуть осклабился.

— Слушаю-съ, пожалуйте, я проведу васъ въ ихній кабинетъ,—сказалъ онъ,—и снявъ съ гостя пальто, повелъ его, тихо ступая по коврамъ, черезъ анфиладу чопорно убранныхъ комнатъ. Въ кабинетѣ лакей оставилъ его одного. Это была небольшая, очень просто обставленная комната. Ситцевая свѣтлая мебель, ситцевыя драпировки на дверяхъ и окнахъ. Въ углу піанино. Надъ письменнымъ столомъ три большихъ портрета, въ плюшевыхъ рамахъ: Маруси, Коли и Кати. Единственную роскошь составляли цвѣты. Ихъ было множество на окнахъ, на полу, на подставкахъ. Въ глиняныхъ горшкахъ доцвѣтали голубые гіацинты, рядомъ бѣлѣли пышнымъ кустомъ азаліи. Надъ кушеткой, очень низко, такъ что до нея можно было достать рукой, висѣла полка съ книгами. Тутъ были шедевры европейской литературы. На самой кушеткѣ лежала раскрытая книжка. Мартыновъ узналъ небольшой томикъ стихотвореній Гюго, который когда-то подарилъ Татьянѣ. Онъ взялъ книжку и съ какою-то благоговѣйною нѣжностью поднесъ ее къ губамъ. Вдругъ до него донесся голосъ... Да, это—милый, грудной голосъ Тани, но какой-же онъ усталый.

— Кончила, Катя?

— Нѣтъ, мама, погоди немножко, сейчасъ допишу. Ахъ, мамочка, я все путаю эти противныя прилагатель-

ныя. Вотъ и тутъ не знаю, какъ написать: *бѣдныя дѣвочки* или *бѣдные дѣвочки*. Кажется, совсѣмъ твердо знаю и вдругъ запнусь.

— То-то и есть, что не совсѣмъ твердо. Ты вникни хорошенько въ правило. Прилагательное согласуется съ существительнымъ, къ которому относится, въ родѣ, числѣ и падежѣ. Ты вѣдь не скажешь—„бѣдный дѣвочка". Постарайся запомнить родовыя окончанія единственнаго и множественнаго числа, тогда не будешь путать. Къ слѣдующему разу напиши побольше склоненій.

— Хорошо, мамочка. А „Les hommes illustres" мы не будемъ сегодня читать?

— Нѣтъ.

— Мама, можно мнѣ съ Матрешей къ тетѣ Марусѣ поѣхать?—вкрадчиво попросила дѣвочка.

— Тетя сегодня пріѣдетъ къ намъ, а въ воскресенье я тебя отпущу къ ней. Собирай книги, Катя, одѣнься и побѣгай по двору.

— Татьяна Дмитріевна, васъ какой-то господинъ дожидается,—произнесъ голосъ лакея.

— Кто такой, не знаешь?

— Никакъ нѣтъ-съ! онъ фамиліи не сказываетъ. Я, молъ, барынинъ знакомый.

Татьяна удивилась. Она подумала: вѣрно, кто-нибудь проситъ занятій, и ей уже представилось, какъ она сейчасъ будетъ произносить банальную фразу, что она „постарается", хотя, конечно, это зависитъ отъ Александра Алексѣевича... Нельзя-же разсказывать первому встрѣчному, что она Александра Алексѣевича никогда ни о чемъ не проситъ, да если бы и попросила, изъ этого ровно ничего-бы не вышло.

Размышляя такимъ образомъ, она быстро открыла дверь кабинета и, вся вспыхнувъ, остановилась на по-

рогѣ. Передъ ней, протягивая руки, стоялъ Мартыновъ и глядѣлъ на нее влажными глазами. Первое изумленіе прошло. Она оправилась и дружески подала ему руку. Онъ такъ и припалъ къ ней.

— Какъ я радъ, какъ-же я радъ васъ видѣть! — говорилъ онъ восторженно. — Вѣдь я тутъ давно сижу, подслушивалъ, какъ вы Катѣ урокъ давали.

— Это вы въ N* пріобрѣли похвальную привычку подслушивать у дверей?—спросила она, смѣясь.

— Въ N*, тутъ, гдѣ хотите... Боже, до чего я счастливъ! Ну, какъ-же вы, милая, дорогая, родная! какъ здоровье? Все такая-же... прелестная, только похудѣла немножко.

Онъ окинулъ вглядомъ ея изящную, стройную фигуру, въ простомъ темномъ платьѣ.

— „Такая-же" — проговорила она, — это я принимаю прямо за комплиментъ. Посмотрите, хорошенько: пожелтѣла, постарѣла, посѣдѣла; вѣдь у меня ужъ сынъ съ васъ ростомъ. А вотъ вы такъ молодецъ! Боже мой, какъ все это давно было, т. е. наше знакомство. Право, даже не вѣрится, что это было,—точно старую сказку вспоминаешь, такъ все измѣнилось кругомъ.

— Я не измѣнился,—сказалъ онъ тихо.

— Полноте, полноте, и вы измѣнились, и я, и Маруся, и Катя, и всѣ, и все...

Она говорила необыкновенно быстро, точно заранѣе сердясь, что ей могутъ не повѣрить.

— Зачѣмъ вы такъ со мной говорите? — произнесъ онъ съ какимъ-то печальнымъ укоромъ.

— Какъ?

— Да такъ, неискренно. Вѣдь я другъ вашъ, вѣдь я люблю васъ, какъ самую милую, дорогую сестру. Всѣ эти годы я слѣдилъ за вами. То чувство, отъ котораго я бѣжалъ шесть лѣтъ тому назадъ, прошло. Если-бъ

оно не прошло, я бы не пріѣхалъ. Я сохранилъ его въ своей душѣ, какъ лучезарную грезу юности. А вы—вы какъ будто стыдитесь, какъ будто боитесь, чтобъ я не напомнилъ вамъ прошлаго.

Она поблѣднѣла и опустила голову. Онъ взялъ ея руку.

— Таня, хорошая моя, какъ вамъ живется?

— У меня дѣти,—промолвила она,—я вся въ нихъ, я прижилась къ своей жизни... А себя я какъ-то не чувствую. Иной разъ мнѣ кажется, что настоящая *я*—умерла. Право, иногда я даже себя во снѣ вижу такою, какою я была прежде. Другъ мой, не подумайте, что я притворяюсь. Ну да, сначала вы застали меня врасплохъ, я растерялась... но теперь я совершенно искренна. Тяжело было очень... Меня спасли любовь дѣтей и Маруся. Что это за дѣвушка! Отецъ и мать вѣдь умерли. Она до того привыкла няньчиться съ нашими бѣдными стариками, что послѣ смерти мамы, которая пережила отца на одинъ мѣсяцъ—бродила какъ въ воду опущенная. Наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ, ей удалось, благодаря протекціи Александра Алексѣича, получить мѣсто начальницы въ здѣшнемъ Сиротскомъ пріютѣ. Тутъ Маруся ожила. Она перенесла всю любовь своего сердца съ семьи на пріютскихъ дѣтей, и если-бъ вы видѣли, какъ они обожаютъ ее! Дѣло идетъ у нея превосходно. Она всегда весела, никогда не устаетъ... Старикъ Никита, вы помните его, у ней живетъ. Я тоже занимаюсь въ пріютѣ русскимъ языкомъ.

— И жалованье отдаете оканчивающимъ курсъ воспитанницамъ?

— Вы почемъ знаете?

— Мнѣ Марья Дмитріевна писала.

— Какъ?

— Да такъ! Мы съ ней изрѣдка переписываемся о васъ.

Татьяна раскрыла глаза.

— Какая скрытная, вотъ никогда-бы не подумала,— воскликнула она.

— Дѣлать-то было нечего. Какъ вы мнѣ не отвѣтили письма на три, я понялъ, что вы не хотите писать. Ничего не знать о васъ... съ этимъ было слишкомъ трудно помириться, и послѣ долгаго колебанія я обратился къ вашей сестрѣ. Меня очень пугало, какъ она отнесется къ моей просьбѣ, но отвѣтъ ея успокоилъ и очаровалъ меня—столько въ немъ было доброты и тонкаго женскаго пониманія. Года полтора она никогда не упоминала о себѣ, только вдругъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ нея ни слова. Я просто на стѣну лѣзъ. Наконецъ, коротенькая записка: „Спѣшу васъ успокоить. Таня здорова, но очень утомилась, ухаживая за мной. У меня былъ тифъ, отъ того я вамъ такъ долго не отвѣчала. Какъ только окрѣпну, буду писать попрежнему“. Не могу вамъ выразить, какъ глубоко меня тронула эта постоянная забота о другихъ. Мало-по-малу ея образъ слился у меня съ вашимъ, и теперь мы съ ней совсѣмъ друзья.

Татьяна внимательно слушала. Когда онъ кончилъ, она прошептала:—„милая Маруся“.

— Вѣдь я ее увижу, не правда-ли?

— Конечно. Я сегодня жду ее къ себѣ. Если она не пріѣдетъ, мы отправимся къ ней.

— Мама, можно къ тебѣ?—спросилъ за дверью юношескій голосъ.

— Можно, Коля.

Вошелъ высокій, худощавый, бѣлокурый молодой человѣкъ, въ гимназическомъ мундирѣ и, подозрительно

взглянувъ изъ подлобья на гостя, перевелъ свои большіе синіе глаза на мать.

— Ты развѣ не узналъ Григорія Васильевича,—сказала она,—онъ у насъ бывалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ?

Коля поклонился.

— Я васъ помню, но не узналъ,—промолвилъ онъ.

— А я васъ сейчасъ узналъ, хотя вы очень измѣнились,—сказалъ Мартыновъ.

— Вы, кажется, учительствуете гдѣ-то въ провинціи?—довольно пренебрежительно спросилъ Коля. (Татьяну передернуло отъ этого тона, она бросила на сына недоумѣвающій взглядъ).

— Да, я преподаю словесность въ N—ской гимназіи,—вѣжливо отвѣтилъ Мартыновъ.

— Вотъ у насъ учитель словесности ужасный іезуитъ,—развязно заявилъ Коля.—Передъ нами корчитъ либерала, а какъ увидитъ инспектора, сейчасъ и хвостъ поджалъ. Впрочемъ, всѣ наши учителя такіе.

— Вы, можетъ быть, черезчуръ строги,—замѣтилъ, слегка усмѣхаясь, Мартыновъ. — Быть по настоящему времени порядочнымъ учителемъ весьма не легко. Со стороны даже трудно себѣ представить, сколько бѣдный учитель себѣ предварительно крови испортитъ, разбирая какую-нибудь „Фелицу". А молодежъ требуетъ фейерверка, трескотни, хотя-бы и холостыми зарядами... Есть, конечно, и у насъ утѣшеніе,—это мысль, что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ ученики поймутъ и помянутъ добрымъ словомъ того, кто „хвостъ поджималъ". Однако я у васъ засидѣлся.

Онъ поднялся и сталъ раскланиваться. Татьяна протянула ему обѣ руки.

— Пріѣзжайте непремѣнно сегодня вечеромъ,—ска-

зала она.—Вы себѣ представить не можете, другъ мой, какъ я рада, что свидѣлась съ вами.

Онъ поцѣловалъ протянутыя руки, низко поклонился Колѣ и вышелъ.

Оставшись наединѣ съ сыномъ, Татьяна хотѣла было что-то сказать ему, но раздумала и, взявъ съ полки книгу, стала ее перелистывать. Коля, нахмурившись, постукивалъ пальцами по столу.

— Мама, ты мной недовольна, — сказалъ онъ, помолчавъ.

— Мнѣ было стыдно за тебя,—произнесла она грустно.—Я ушамъ своимъ не вѣрила. Скажи, за что ты обошелся грубо съ человѣкомъ, не подавшимъ тебѣ къ этому ни малѣйшаго повода и котораго ты знаешь, какъ моего друга?

— Я самъ понимаю, что кругомъ виноватъ,—сознался онъ,—но меня словно толкало наговорить ему дерзостей. Я его ужъ давно терпѣть не могу. Мнѣ всегда казалось, что онъ стоитъ между тобой и нами. У него видъ совершенно порядочнаго человѣка, и я даже увѣренъ, что онъ хорошій человѣкъ, но мнѣ трудно справиться съ чувствомъ безсознательной вражды, которую я къ нему питаю.

Коля выговорилъ эту тираду залпомъ, будто торопясь свалить съ себя давившую его тяжесть.

Татьяна взглянула прямо въ лицо сыну.

— Ты несправедливъ къ нему... и ко мнѣ,—промолвила она очень тихо.—Не будемъ объ этомъ говорить теперь. Если Катя отдохнула, — прибавила она — займись съ ней музыкой.

Долго просидѣла Татьяна неподвижно, не замѣчая бѣгущихъ изъ глазъ слезъ...

— И о чемъ это я,—проговорила она съ досадой,—точно сантиментальная институтка.

XIX.

Вечеромъ пріѣхала Маруся. Она почти не измѣнилась, немного пополнѣла и была хороша по-прежнему, только волосы уже не вились пышными волнами по плечамъ, а лежали золотистымъ вѣнцомъ вокругъ головы, придавая ей величавый, нѣсколько строгій видъ.

Когда вошелъ Мартыновъ, Маруся не могла удержаться отъ восклицанія. Онъ привѣтливо протянулъ ей руку.

— Развѣ Татьяна Дмитріевна вамъ не сказала, что я тутъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—съ улыбкой замѣтила Татьяна,—мнѣ то-же захотѣлось посекретничать и наказать Марусю, чтобы она не вела тайной переписки.

— Таня! Да развѣ ты знаешь?

— Какъ-же! Тебя выдалъ твой корреспондентъ.

— Вотъ это мило,—возмутилась Маруся,—какая черная неблагодарность, а еще говорятъ, будто женщины—болтушки.

Завязалась оживленная бесѣда. Говорили больше Мартыновъ и Маруся. Татьяна прислушивалась къ ихъ молодымъ радостнымъ голосамъ, изрѣдка вставляя какое-нибудь слово.

Она испытывала странное чувство. И хорошо ей было, и грустно. Прошлое, какъ долго сдерживаемая волна, хлынуло ей въ душу.—„Мелочи... мелочи... мелочи“...—думала она,—„вся жизнь ушла по мелочамъ... Дѣти! для нихъ было задавлено собственное сердце... А что изъ нихъ выйдетъ: Катя еще ребенокъ, но Коля... Коля эгоистъ... Нѣтъ, нѣтъ, онъ не эгоистъ, онъ славный, милый мальчикъ“.

Она такъ глубоко ушла въ свои думы, что ужъ не слышала, что кругомъ нея говорится. Мартыновъ не то съ жалостью, не то съ любопытствомъ взглядывалъ украдкой на ея поникшую красивую голову и переводилъ свои взоры на милое, ясное, улыбающееся личико Маруси.

Раздался оглушительный звонокъ.

Татьяна вздрогнула и замѣтно перемѣнилась въ лицѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ Александръ Алексѣевичъ. Онъ потолстѣлъ, постарѣлъ, обрюзгъ. Голова его болѣе чѣмъ когда-либо, была закинута назадъ. Вся его внѣшность, съ окладистой черной бороды до кончиковъ его лакированныхъ ботинокъ, имѣла какой-то особенно внушительный видъ. Даже сюртукъ, казалось, сидѣлъ на немъ солиднѣе, чѣмъ на плечахъ обыкновенныхъ смертныхъ.

Вмѣстѣ съ нимъ вошли дѣти.

Коля нерѣшительно подалъ руку Мартынову и сѣлъ поодаль у окна. Катя, хорошенькая и нескладная, какъ всѣ подростки, въ короткомъ платьѣ, изъ-подъ котораго выставлялись длинныя ноги, немедленно повисла на шеѣ у Маруси. Александръ Алексѣевичъ соблаговолилъ тотчасъ-же узнать гостя.

— Ба, ба, ба, сколько лѣтъ, сколько зимъ? Ну-ка, покажите себя,—говорилъ онъ густымъ басомъ, сильно раскачивая руку Мартынова.—Молодецъ, молодецъ,—повторялъ Александръ Алексѣевичъ,—оглядывая прiѣзжаго съ ногъ до головы,—похорошѣлъ-то какъ, а! Что значитъ молодость! Не то что мы со старухой... Bon soir, Marie, я тебя не замѣтилъ.

Онъ сѣлъ въ кресло и попросилъ у жены чаю.

— Да, да, — продолжалъ онъ,—время бѣжитъ, не справляясь съ нашимъ желанiемъ. Ну, что вы, какъ? все еще красный, россiйскаго монтаньяра изображаете?

— Сколько помнится, Александръ Алексѣичъ, я никогда ничего подобнаго изъ себя не изображалъ.

— Полно, полно отнѣкиваться,—какъ-бы съ участіемъ настаивалъ Александръ Алексѣевичъ.—Если не монтаньяра, то, по крайней мѣрѣ, жирондиста. И Татьяна Дмитріевна моя туда-же за вами вообразила себя m-me Roland. Ха-ха-ха!—захохоталъ онъ, откидываясь въ креслѣ, — какъ это все смѣшно, подумаешь... то есть, доморощенные наши либералы, радикалы, конституціоналисты... При одномъ появленіи урядника—геройская душа въ пятки, языкъ прильпе гортани: помяни-де, Господи, царя Давида и всю кротость его.

— Съ какихъ это поръ вы такъ *облагонамѣрились?*—полюбопытствовалъ гость.—Не дальше какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вы даже въ печати выражали мысли во всякомъ случаѣ далекія отъ вашихъ настоящихъ воззрѣній.

Александръ Алексѣевичъ изумился.

— Не знаю, на что вы собственно изволите намекать,—сказалъ онъ съ преувеличенною вѣжливостью.—Кромѣ научныхъ статей, я въ то время ничего, кажется, не писалъ, и положительно не помню, чтобы я когда-либо проливалъ гражданскія слезы за реалистовъ, семинаристовъ, возвышенность повивальныхъ бабокъ (pardon, mesdames), или за вашу пресловутую гласность...

— Вы и гласностью недовольны?—съ нескрываемой насмѣшкой, перебилъ Мартыновъ,—вотъ это ужъ чистая неблагодарность; положимъ, это „пресловутое", по вашему выраженію, начало отвоевано либералами, но воспользовались вѣдь имъ вы...

— Вотъ тебѣ разъ!—а нынѣшая литература,—произнесъ, возвысивъ голосъ, Александръ Алексѣевичъ,—развѣ она не порожденіе *вашей* гласности? Что вы сдѣ-

лали съ литературой!—(Онъ окинулъ Мартынова грознымъ взглядомъ).—Вмѣсто идеаловъ—худосочное, золотушное нытье, крѣпкія словца, слюнявое юродство, мѣщанскія претензіи, le tout пропитанное сивушнымъ смрадомъ, отъ котораго свѣту Божьяго не видать... наши люберальные салоны! О! эти салоны!... Соберется пятнадцать дураковъ и возведутъ на пьедесталъ Петра Иваныча: ахъ, Петръ Иванычъ!—Какую Петръ Иванычъ статью написалъ, кричитъ одинъ. А какъ Петръ Иванычъ того мерзавца NN отдѣлалъ, подхватываетъ другой.—У Петра Иваныча былъ обыскъ, докладываетъ третій, на него дворникъ донесъ—ну, и какъ-же онъ говорилъ съ этими жандармами, — ахъ, какъ онъ съ ними говорилъ... А весь-то Петръ Иванычъ взошелъ какъ на дрожжахъ. Сболтнулъ нелѣпость, пострадалъ и немедленно затрезвонилъ, „я-де мученикъ идеи", а свита возопила: „геній, ахъ, геній". Онъ и повѣрилъ: и въ самомъ дѣлѣ—вѣдь бываютъ-же другіе геніи, отчего-же мнѣ не быть... ну, и занесся. А тутъ еще барыни—извѣстно какія: все непонятыя натуры, несчастныя въ семейной жизни—составятъ такому господину хвостъ. Смотришь, черезъ годикъ-другой Петръ Иванычъ ужъ перестаетъ говорить, а *речетъ*, что твой пророкъ. И вдругъ сплетня, пущенная поклонниками новой восходящей звѣзды,—поклонниками, которымъ становится тяжеловато сносить ломанье зазнавшагося пророка. Начинается взаимное обливаніе помоями, попреки старыми благодѣяніями, интимныя разоблаченія, выгружается, словомъ, le fond du sac... И это называется *партіей*, и такіе господа требуютъ къ себѣ уваженія!—презрительно воскликнулъ Александръ Алексѣевичъ, всплеснувъ своими выхоленными руками.

— Точно такъ-же, какъ герои противоположнаго лагеря,—возразилъ Мартыновъ.—Все, что вы изволили

разсказывать про либераловъ, можно съ буквальною точностью примѣнить къ нашимъ охранителямъ, да и къ кому угодно, если вмѣсто людей выхватывать каррикатуры, какъ вы это сдѣлали. Смѣшное можно найти вездѣ и во всемъ. Вамъ не нравится названіе „партія“? Въ этомъ я съ вами, пожалуй, готовъ согласиться. Помилуйте, о какихъ партіяхъ можетъ быть у насъ рѣчь! Мы внезапно умнѣемъ, внезапно глупѣемъ... Покажутъ издали пряникъ, мы приходимъ сразу въ восторгъ. Щелкнутъ кнутомъ,— и вмѣсто вчерашнихъ восторговъ, моментально наступаетъ постъ и покаяніе. И философія нашихъ мудрецовъ примитивная: держи носъ по вѣтру, а въ минуту опасности прячься за чужую спину. Есть чудаки, которымъ это не нравится и они жмутся кое-какъ вмѣстѣ, вмѣстѣ втихомолку и поплачутъ, и помечтаютъ. Такихъ чудаковъ у насъ не мало, потому что тянуть лямку—наша спеціальность. На что другое, а на это русскіе—молодцы.

Мартыновъ замолчалъ. Онъ былъ блѣденъ и очень взволнованъ.

— Вы и своимъ ученикамъ внушаете такія отрадныя воззрѣнія на ихъ отечество?—насмѣшливо спросилъ Александръ Алексѣевичъ.

Татьяна испуганно взглянула на мужа. Маруся углубилась въ разсматриваніе альбома.

— Нѣтъ,—просто отвѣтилъ Мартыновъ,—такія внушенія дастъ имъ сама жизнь.

— Охъ, ужъ мнѣ эти деликатныя жертвы грубой дѣйствительности,—сказалъ Александръ Алексѣевичъ и зѣвнулъ.—Однако, заболтался я съ вами, батенька, а тутъ дѣло ждетъ. Надо посчитаться съ однимъ ученымъ финансистомъ, который бумажныхъ денегъ не признаетъ, а до радужныхъ ассигнацій большой охотникъ. Заходите, пожалуйста, мы еще съ вами подиспутируемъ.

Всѣмъ какъ-то легче стало съ уходомъ Александра Алексѣича. Маруся, все время молчавшая, обратилась къ Мартынову съ вопросомъ, занимается-ли онъ еще пѣніемъ.

— Не занимаюсь, но пою часто и съ удовольствіемъ.

— Спойте, пожалуйста, чтобъ отдохнуть, попросила она, намъ всѣмъ тяжело стало отъ вашихъ разговоровъ,—и, подойдя къ рояли, приподняла крышку.

Онъ взялъ нѣсколько аккордовъ и запѣлъ Шубертовскаго „Wanderer'а". Маруся, облокотившись на рояль, внимательно слушала, подавшись впередъ всѣмъ корпусомъ.

Онъ посмотрѣлъ на хорошенькую дѣвушку, и голосъ его точно окрѣпъ и согрѣлся подъ обаяніемъ ея лучистыхъ глазъ. Чудная пѣсня лилась скорбнымъ потокомъ, охватывая страстной тоской сердце Татьяны. Что-то старое, знакомое проникало вмѣстѣ съ этими звуками, какъ жгучая, сладкая струя, въ ея наболѣвшую грудь... и вдругъ ей стало ясно, что шести лѣтъ какъ не бывало, что она любитъ, любитъ, какъ въ ту незабвенную ночь въ Покровскомъ, когда онъ рыдалъ у ея ногъ...

Звуки оборвались.

— Марья Дмитріевна, вы позволите мнѣ проводить васъ,—спрашивалъ Мартыновъ.

— Пожалуйста.

Татьяна вышла съ ними въ прихожую. Григорій Васильичъ подалъ Марусѣ тальму и накинулъ ей на голову пушистый бѣлый платокъ.

— „Какая славная парочка", — подумала Татьяна и что-то больно кольнуло ее въ сердце.

XX.

Прошло почти четыре мѣсяца. Татьяна съ дѣтьми жила въ Покровскомъ. Старый домъ, за-ново оштукатуренный, окрашенный, подправленный, точно помолодѣлъ. Цѣльныя стекла привѣтливо блестѣли на солнцѣ. Паркъ былъ расчищенъ, подъ балкономъ разбитъ цвѣтникъ. На всемъ проглядывала властная рука Александра Алексѣича.

Передъ отъѣздомъ въ деревню Татьяна вдругъ расхворалась. Здоровье ея какъ-то сразу пошатнулось. Александръ Алексѣичъ испугался и, бросивъ свой обычный, холодно-оффиціальный тонъ съ женой, сталъ ее осаждать цѣлой арміей докторовъ.

— Освободи ты меня отъ нихъ, ради Христа,—просила она мужа,—они меня уморятъ. Да у меня и не болитъ ничего. Уѣду въ деревню и поправлюсь безъ всякихъ докторовъ.

Въ деревнѣ она въ самомъ дѣлѣ скоро оправилась. Дѣти нѣжно за ней ухаживали, особенно Коля, который уже кончилъ гимназію и отдыхалъ передъ поступленіемъ въ университетъ. Этотъ юноша словно угадывалъ своимъ пытливымъ умомъ происходившую въ душѣ матери борьбу и незамѣтно старался облегчить ея молчаливое страданіе. Онъ уговорилъ мать освободить Катю на лѣто отъ всякихъ уроковъ, кромѣ музыки, которою занимался съ нею самъ (онъ прекрасно игралъ на фортепіано), и вмѣстѣ съ дѣвочкой придумывалъ хитрые способы, какъ заставить маму пить молоко, гулять и т. д.

По праздникамъ пріѣзжала иногда Маруся, привозя каждый разъ партію пріютскихъ дѣвочекъ, Катиныхъ подругъ. Съ ней пріѣзжалъ иногда и Мартыновъ, который совсѣмъ перевелся въ X*.

Татьяна тогда необыкновенно оживлялась, безъ умолку говорила, шутила, возилась съ дѣтьми и своимъ безпечнымъ, беззаботнымъ видомъ обманывала даже Марусю, такъ что та искренно убѣждалась, что для сестры прошлое умерло. То-же, казалось, думалъ и Мартыновъ. Однажды онъ позвалъ ее гулять съ собой. Это было ужъ въ концѣ августа. День стоялъ ясный, не жаркій. Вѣтерокъ едва шевелилъ пожелтѣвшія верхушки липъ. Пчелы и бабочки жужжали и кружились въ прозрачномъ воздухѣ. Въ травѣ трещали кузнечики; птицы шумя крыльями, проносились цѣлыми вереницами на югъ.

Мартыновъ присѣлъ съ Татьяной на ступеньки заколоченнаго павильона, въ которомъ умеръ André.

— Таня, другъ мой,—заговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—скажите мнѣ, будете вы довольны, если я женюсь на Марусѣ? Я люблю ее не такъ, какъ любилъ васъ (такъ любятъ только разъ въ жизни), но все-же я чувствую, что съ ней—спокойное счастье... Таня, милая сестра, скажи мнѣ что-нибудь.

— Я рада... очень рада... дай вамъ Богъ счастья... милые,—выговорила Татьяна, улыбаясь поблѣднѣвшими губами и тихонько высвобождая изъ его рукъ свои помертвѣвшіе пальцы. — Только отчего-же Маруся мнѣ объ этомъ не сказала?

— Она не рѣшалась...

— Глупая дѣвочка! Позовите ее ко мнѣ, Григорій.

Пришла Маруся, вся розовая, со слезами на глазахъ, и, не говоря ни слова, обвилась вокругъ шеи сестры и заплакала.

— Будь счастлива... будь счастлива, — какъ-то безсознательно повторяла Татьяна.

День прошелъ очень шумно. Женихъ и невѣста строили планы будущаго, включая въ нихъ и Татьяну.

— Ты всегда будешь съ нами, будешь съ нами жить, отдыхать, успокоишься, глядя на наше счастье, говорилъ то одинъ, то другой.

Свадьба была назначена черезъ двѣ недѣли. Это время прошло для Татьяны въ какомъ-то бреду: ей ни минуты не давали очнуться. Она была посаженной матерью невѣсты, которой Александръ Алексѣевичъ преподнесъ роскошный брилліантовый съ чернымъ жемчугомъ браслетъ. Марусю вѣнчали въ старой Покровской церкви, тихо, просто. Она была очаровательна въ своемъ бѣломъ платьѣ, съ померанцами на золотистой головкѣ. За обѣдомъ Александръ Алексѣевичъ произнесъ торжественный спичъ. Послѣ обѣда — молодые уѣзжали ночью— всѣ отправились отдыхать. Татьяна ушла къ себѣ на верхъ и, облокотившись на подоконникъ, устремила свои померкшіе глаза вдаль. Въ сумракѣ промелькнула бѣлая фигура Маруси и опустилась на низенькую скамью подъ тополемъ. Къ ней подошелъ Мартыновъ. Онъ сѣлъ у ногъ жены, обвилъ ее руками и склонилъ голову къ ея колѣнамъ. А Татьяна все смотрѣла... смотрѣла... Холодъ сковалъ ея члены... Отчаяніе, ревность, мертвая тоска,—сжимали ей грудь. Рука ея соскользнула съ подоконника, и она упала на полъ, въ своемъ нарядномъ платьѣ, и долго лежала такъ, какъ покойница, съ цвѣтами на волосахъ и на груди. По временамъ она раскрывала глаза, обводила ими стѣны потолокъ и опять закрывала... Наконецъ она встала, расправила свои застывшіе члены.

— Что-же,—проговорила она вслухъ какимъ-то сдавленнымъ, чужимъ голосомъ,—въ сущности, ничего не случилось... Не Маруся, такъ другая... Глупо, конечно, что они воображаютъ, будто своей любовью мнѣ одолженіе оказываютъ, но глупость простительна счастливымъ...

Вдругъ Татьянѣ стало стыдно. Краска прилила къ ея щекамъ.

— Боже, что со мной,—прошептала она въ какомъ-то ужасѣ,—я завидую Марусѣ... Марусѣ, моей бѣдной милой дѣвочкѣ .. какъ будто она мало страдала... Да нѣтъже, нѣтъ, это невозможно, я съ ума сошла.

Что-то теплое, хорошее шевельнулось въ ея груди... Это *что-то* поднималось, росло, расширялось, подступило къ горлу,—и слезы неудержимо брызнули изъ ея сухихъ, напряженныхъ глазъ. То были добрыя, успокаивающія слезы, и чѣмъ больше она плакала, тѣмъ свѣтлѣе и тише становилось у нея на душѣ, точно въ этихъ слезахъ таяла ея долголѣтняя печаль.

— И чего я,—думала она,—вѣдь самое тяжелое пройдено, теперь только доживать осталось... Пора уступить мѣсто дѣтямъ... и пошли имъ Богъ больше счастья, чѣмъ намъ.

Она совсѣмъ пришла въ себя, какъ приходятъ въ себя люди послѣ тяжелой операціи. Въ тѣлѣ еще слабость и голова кружится, и рана еще ноетъ, но острая боль прошла, не страшно повернуться, по жиламъ заструилась кровь и жизненная волна ужъ подхватила тебя и понесла въ общій водоворотъ. Татьяна отколола цвѣты, сняла платье, надѣла бѣлый капотъ и, почти успокоенная, раскрыла дверь. Изъ Колиной комнаты доносились звуки рояли. Она прислушалась. Коля игралъ ея любимый Шумановскій концертъ, который онъ выучилъ нарочно для нея. Она подошла къ нему сзади и положила ему обѣ руки на плечи. Онъ обернулся.

— Это ты мама, я думалъ, ты еще спишь.

— Нѣтъ, голубчикъ, я не спала. Какъ ты славно играешь, мой мальчикъ, я такъ люблю тебя слушать.

Онъ посмотрѣлъ на нее въ недоумѣніи.

— Что съ тобой, мама?

— А что?

— Да ты совсѣмъ какая-то другая стала.

— Какая-же?

— Да совсѣмъ здоровая, даже потолстѣла какъ будто.

Она улыбнулась.

— Я въ самомъ дѣлѣ чувствую себя гораздо лучше. —сказала она.

— Ты рада, что тетя Маруся вышла замужъ?

— Очень.

— И я тоже. И знаешь, мама, я вѣдь совсѣмъ подружился съ нимъ... съ дядей Гришей.

— Давно пора.

— Мнѣ нравится, что тетя не бросаетъ пріюта. Оба будутъ заниматься дѣломъ... прелесть, восторгался Коля.

Они помолчали.

— Ахъ, мама, вѣдь у меня тоже есть мечта,—робко началъ онъ и запнулся.

— Какая, мой мальчикъ?

— Я хочу быть музыкантомъ, композиторомъ,—прошепталъ онъ, краснѣя. Кончу университетъ — раньше папа не пуститъ—и уѣду за-границу учиться музыкѣ. Ты мнѣ поможешь, моя мамочка, моя старая красавица.

Онъ обнялъ ее и сталъ цѣловать.

— Конечно, помогу, только ради Бога выпусти меня, ты меня задушишь,—произнесла она тронутымъ голосомъ.

— Какъ я радъ, какъ я радъ, что сказалъ тебѣ; про мою тайну знала только Катя. Она даромъ, что маленькая, а умная, и знаешь, мама, она будетъ отлично играть. У этой дѣвочки такая душа, — говорилъ онъ, увлекаясь.

— Интересно, что скажетъ на это папа.

Коля засмѣялся.

— Ну, ужъ это твое дѣло съ нимъ вѣдаться.

Дверь скрипнула, и въ комнату впрыгнула Катя, закутанная въ длиннѣйшую шаль.

— Какъ ты вырядилась,—замѣтила мать.

— Это мнѣ тетя свою шаль подарила на память,—серьезно произнесла дѣвочка, усаживаясь къ брату на колѣни.

— Такъ ты бы ее лучше убрала, а то гляди, она за тобой по полу тащится.

— Я уберу, я только сегодня хочу ее поносить. Позволь, мамочка,—и Катя просительно сжала свои пухлыя губки.

— Хорошо,—разрѣшила мать,—только я тебѣ сложу ее вдвое.

— Катя, я вѣдь разсказалъ мамѣ про наши планы. Она одобряетъ.

— Видишь! я тебѣ говорила,—торжествующе провозгласила дѣвочка.

Татьяна съ улыбкой глядѣла на ихъ прильнувшія другъ къ другу головы, и кроткая радость наполнила все ея существо.

„А я еще роптала,—подумала она,—считала себя одинокой, когда у меня столько, столько дѣла".

Вошелъ старикъ Никита, сгорбленный, съ бѣлой, какъ лунь, бородой, и объявилъ, что молодые собираются уѣзжать. У Татьяны сильно забилось сердце. Дѣти схватили ее за руки и увлекли внизъ.

Маруся, совсѣмъ одѣтая, стояла на крыльцѣ съ Александромъ Алексѣевичемъ. Ночь была свѣжая, звѣздная, лунная. Григорій Васильевичъ укладывалъ въ коляску вещи. Маруся, то и дѣло, обращала къ нему свое свѣтившееся счастьемъ лицо.

Александръ Алексѣевичъ взглянулъ на часы и велѣлъ подать шампанскаго.

— Пора, господа, а то не поспѣете къ поѣзду. Дай вамъ Богъ...—сказалъ онъ, поднимая бокалъ.

Всѣ чокнулись и присѣли.

Первая поднялась Татьяна.

Маруся бросилась въ ея широко раскрытыя объятія, и нѣсколько мгновеній ничего не было слышно, кромѣ прерывистаго рыданія обѣихъ сестеръ. Всѣ плакали. Александръ Алексѣевичъ сдвинулъ брови и отвернулся въ сторону, чтобы скрыть свое волненіе. Никита всхлипывалъ.

Григорій Васильевичъ подошелъ къ женѣ.

— Маруся, голубушка,—проговорилъ онъ, беря ее за руку.

Новобрачные уже сидѣли въ коляскѣ.

Татьяна подошла къ дверцѣ.

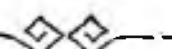
— Дитя мое, будь счастлива... Гриша, люби ее,—лепетала она, цѣлуя то того, то другого.

Экипажъ тронулся. Татьяна провожала его глазами, пока онъ не пропалъ въ ночной мглѣ, и когда она вернулась въ домъ, на ея заплаканномъ, вдругъ постарѣвшемъ лицѣ лежало лишь одно выраженіе нѣжной, спокойной грусти.

Она благословила дѣтей, простилась съ мужемъ и пошла къ себѣ наверхъ.

— Татьяна Дмитріевна, — спросила ее горничная, — сегодня будете принимать серебро?

— Нѣтъ, завтра, — тихо отвѣтила Татьяна и заперлась въ своей комнатѣ.

НЕ КО ДВОРУ.

(ПОВѢСТЬ.)

I.

Павелъ Абрамовичъ Бергъ сердито расхаживалъ по своему богатому кабинету, уставленному всевозможными предметами роскоши и почти похожему на галантерейную лавку. Наконецъ онъ остановился, заложилъ руки въ карманы брюкъ и, насупивъ брови, обратился къ женѣ:

— Что-жъ, ты и теперь не хочешь отдать *ее* въ пансіонъ?

Жена, блѣдная и красивая брюнетка, лѣтъ тридцати, вздохнула, опустила внизъ робкіе черные глаза и въ замѣшательствѣ стала перебирать бахрому на шелковой подушкѣ.

— Это ни на что не похоже, — кипятился Павелъ Абрамовичъ,—мало того, что я бѣгаю съ утра до ночи, хлопочу, наживаю, выбиваюсь изъ силъ, — мнѣ еще нужно заботиться, чтобы дѣти мои не выросли торговками. Неужели ты воображаешь, что любовь къ дѣтямъ заключается въ томъ, чтобы ихъ пичкать съ утра до ночи?! Такъ я тебѣ говорю, что ты не любишь своихъ дѣтей, ты ихъ ненавидишь, ты ихъ губишь, ты...

Видя, что жена всхлипываетъ, Павелъ Абрамовичъ совсѣмъ вышелъ изъ себя.

— Опять слезы,—закричалъ онъ,—это чортъ знаетъ что такое: я слова не могу сказать, точно я нищій, пришедшій съ улицы... Вы меня въ могилу сведете, я изъ дому убѣгу...

— Вѣдь я тебѣ ничего не говорю, — промолвила Берта Исаковна, на-скоро утирая слезы, — дѣлай какъ хочешь.

Поводомъ къ этой семейной сценѣ послужилъ очень небольшой человѣкъ, а именно—дочка супруговъ Бергъ, Сара, прелестная дѣвочка, лѣтъ одиннадцати, съ черными огненными глазами и смуглымъ, правильнымъ личикомъ. Дѣвочка была вспыльчивая, рѣзвая, впечатлительная и причиняла не мало непріятностей родителямъ, т. е. отцу (мать всегда умѣла побороть ее своей добротой). Но Павелъ Абрамовичъ!.. Онъ представлялъ яркое олицетвореніе народившагося на Руси лѣтъ тридцать тому назадъ типа еврея-самоучки и богача. Неглупый, самолюбивый и способный, онъ вынесъ смолоду тяжелую лямку бѣдности, даже нужды, сталкивался съ людьми самыхъ различныхъ характеровъ и общественныхъ положеній и со всѣми умѣлъ поладить, постепенно превращался изъ Пейсаха въ Herr Paul'a, а изъ этого послѣдняго въ Павла Абрамовича и, пройдя, какъ говорится, черезъ огонь, воду и мѣдныя трубы—достигъ того идеальнаго состоянія, когда уже не еврей умильно заглядываетъ въ глаза квартальному, а квартальный сладко лепечетъ еврею: „чего изволите?“ Но Павелъ Абрамовичъ не забылъ горькихъ дней юности и его мечтою, честолюбіемъ, idée fixe—стали дѣти. Онъ главнымъ образомъ стремился, чтобы ихъ никто не могъ „узнать“, и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускалъ даже и мысли о возможности ихъ формальнаго перехода въ христіанство. Вообще всѣми его дѣйствіями точно руководило затаенное мстительное желаніе—доказать *имъ*, т. е. русскимъ, что вотъ мы, дескать, какіе, не хуже васъ,— желаніе естественное и присущее освободившемуся невольнику. И что-жъ! ребенокъ, дѣвчонка—препятствуетъ его планамъ. Ей велятъ передъ гостями стихи

читать, — она молчитъ, какъ убитая, а въ дѣтской— декламируетъ нянькѣ съ такимъ паѳосомъ, что у той только голова трещитъ. Гувернантки смѣнялись у Сары чуть-ли не каждую недѣлю. Она ихъ обыкновенно закидывала вопросами — зачѣмъ, отчего, почему, и, не получая удовлетворительныхъ отвѣтовъ, забрасывала книжки и, вмѣсто того, чтобы учить уроки, возилась по цѣлымъ часамъ со своимъ любимымъ пуделемъ Валдаемъ. Единственное, чѣмъ можно было ее привлечь, это—музыкой. Ей попалась одна гувернантка, худенькая старушка изъ обрусѣлыхъ англичанокъ, почти безграмотная. Сара, по обыкновенію, не замедлила бѣжать отъ нея къ своему пуделю, но, услыхавъ разъ вечеромъ, какъ покинутая гувернантка играла какую-то страстно-задумчивую шотландскую балладу, она оставила собаку и тихо усѣлась возлѣ рояли.

— Что это вы играете, миссъ?—спросила она.

Гувернантка принялась объяснять.

— Сыграйте еще,—властно сказала дѣвочка.

Та повиновалась.

Когда она кончила, дѣвочка молчала и, казалось, продолжала слушать.

— Я тоже хочу такъ играть,—выучите меня,—объявила она наконецъ.

Благодаря своей музыкѣ, гувернантка продержалась у Берговъ съ годъ. Сара выучилась бѣгло болтать по-англійски, а старинныя баллады она играла и пѣла съ такимъ неизъяснимымъ, не дѣтскимъ чувствомъ, что у старой миссъ навертывались слезы, слушая ее. Любимцу своему Валдаю Сара все-таки не измѣнила, и онъ былъ невольнымъ виновникомъ ея удаленія изъ родительскаго дома. У Павла Абрамовича былъ лакей, хитрый, пронырливый парень, франтъ и наушникъ, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ барина. Во всемъ

домѣ не было человѣка, начиная съ хозяйки, которому-бы Алексѣй (такъ звали лакея) не надѣлалъ непріятностей. Сара ненавидѣла его до такой степени, что изъ его рукъ никогда ничего не принимала. Лакей мстилъ ей по своему. Однажды, онъ на ея глазахъ отдавилъ лапу Валдаю. Несчастный пудель завизжалъ, Сара расплакалась и подбѣжала къ нему. Нѣсколько дней собака хромала. Дѣвочка нѣжно за ней ухаживала перевязывала ей лапу, носила ей сама ѣсть, и вотъ разъ, когда она осторожно, чтобы не разлить тарелки съ супомъ, пробиралась къ Валдаю, она увидѣла въ полураскрытую дверь, какъ Алексѣй, привязавъ пуделя къ ножкѣ дивана, стегалъ его по больной ногѣ арапникомъ. Валдай только вылъ да безпомощно вскидывался кверху. У Сары потемнѣло въ глазахъ. Не помня себя, она уронила тарелку, въ одно мгновеніе очутилась въ комнатѣ, вырвала изъ рукъ остолбенѣвшаго лакея арапникъ и принялась имъ хлестать его по лицу съ какимъ-то изступленнымъ бѣшенствомъ... Черезъ недѣлю послѣ этого случая ее отвезли „для перемѣны характера“ въ аристократическій московскій пансіонъ m-me Roger.

Пансіонъ былъ не лучше и не хуже другихъ подобныхъ заведеній, но отличался отъ нихъ особенной замкнутостью, съ которою живая натура дѣвочки никакъ не могла помириться. Она страстно любила мать, скучала и томилась разлукой съ ней и только оживала по воскресеньямъ, когда та пріѣзжала въ пансіонъ. Чуть только она, бывало, завидитъ подъѣхавшій къ крыльцу экипажъ, какъ уже несется со всѣхъ ногъ въ пріемную, бросается ей на шею, цѣлуетъ ея блѣдныя руки, щеки, прекрасные, черные глаза, жалуется, что „Рожа“ ихъ совсѣмъ не кормитъ и на этой недѣлѣ ее, Сару, три раза безъ обѣда оставила.

— Пожадничала на свою „бурду", а я за то два ломтя хлѣба съ сыромъ украла,—повѣствуетъ она о своихъ подвигахъ.

Мать укоризненно качаетъ головой, она начинаетъ оправдыветься.

— Ахъ, мама, я и сама знаю, что это не хорошо, но отчего ты не хочешь, чтобъ я жила дома; отдала-бы меня въ гимназію, я бы отлично стала учиться, а тутъ мнѣ такъ все противно, не могу ничего дѣлать, только и думаю, какъ-бы кого позлить. Возьми меня домой.

— Нельзя, мой ангелъ,—отвѣчала обыкновенно мать на эти приставанья,—ты вѣдь знаешь, что папа этого не хочетъ.

За то на каникулахъ — какая радость! Въ Рождественскій сочельникъ m-me Rogər устраивала елку, дѣлала всѣмъ ученицамъ подарки: ученицы, въ свою очередь, обязаны были выражать ей вниманіе разными сюрпризами,—и какъ она, бывало, злится, если сюрпризъ оказывался не изъ дорогихъ. Занятія оканчивались дня за три до праздника. Съ самаго утра начиналось печенье пирожковъ изъ сладкаго тѣста, которое пансіонерки воровали изъ-подъ рукъ у m-me Roger и, притащивъ въ дортуаръ, съѣдали сырымъ. Но вотъ, слава Богу, послѣдняя свѣчка на елкѣ погасла... ученицы начинаютъ разъѣзжаться по домамъ. У Сары сердце падаетъ при мысли, что за ней могутъ пріѣхать не сегодня, а завтра.

Наконецъ появляется экономка, Амалія Карловна.

— On vient te chercher,—говоритъ m-me Roger Сарѣ,—mais il faut tard, veux tu pas aller demain, petite?

У Сары начинаетъ стучать въ вискахъ отъ такой заботливости.

Oh, madame, il ne m'arrivera rien, bien sûr,—бормочетъ она и, не дожидаясь отвѣта, убѣгаетъ; черезъ минуту она, уже совсѣмъ одѣтая, бѣжитъ по лѣстницѣ, второпяхъ спотыкается и летитъ съ нѣсколькихъ ступенекъ. Амалія Карловна ее удерживаетъ, но она успокоивается только въ саняхъ.—„Теперь ужъ не оставятъ",—думаетъ она вслухъ чуть не бросается на шею кучеру и умоляетъ его ѣхать „ради Бога, скорѣе".— „Еще четыре улицы осталось, еще три, двѣ", говоритъ она Амаліи Карловнѣ, довольно хладнокровно раздѣляющей ея нетерпѣніе.

Лошади останавливаются у сѣраго каменнаго дома съ внушительнымъ чугуннымъ подъѣздомъ. Сара чуть не опрокидываетъ лакея, мчится въ шубкѣ и сапогахъ прямо въ комнату матери, и такъ и повисаетъ у ней на шеѣ. Какъ-то странно звучатъ въ тихомъ, чинномъ домѣ смѣхъ и возня дѣвочки, которая стремится, какъ можно шире, насладиться своей свободой, тормоша и теребя все, что попадется ей подъ руку, начиная съ матери и кончая пятилѣтней сестренкой Лидочкой, которая отъ ея нѣжностей заливается громкимъ плачемъ. Двѣ недѣли каникулъ кажутся ей нескончаемымъ временемъ, пансіонъ исчезаетъ въ какой-то туманной дали, и потомъ, какъ знать, мало-ли что можетъ случиться въ двѣ недѣли: вдругъ совсѣмъ домой возьмутъ. Но часы летѣли за часами, наступалъ послѣдній вечеръ. Отецъ обыкновенно уѣзжавшій послѣ обѣда въ клубъ, оставался нарочно дома, чтобы побыть съ дочкой, но дочка, зная, что это *онъ* заставляетъ ее киснуть у „Рожи", принимаетъ его любезность довольно холодно. У ней даже является непреодолимое желаніе *позлить* его.

— Папа, вѣдь мы евреи?—говоритъ она.

— Конечно,—отвѣчаетъ отецъ,—точно ты этого не знаешь.

— А правда, что всѣ евреи такіе гадкіе обманщики, что они послѣ смерти всѣ до единаго въ аду горятъ?

— Кто это тебѣ сказалъ, Сара?—надѣюсь, не m-me Roger?

— Нѣтъ, не она; я отъ многихъ слышала.

— Это—чистѣйшая глупость, совѣтую тебѣ не повторять такого вздора,—говоритъ отецъ.

— Еще я слышала,—невозмутимо продолжаетъ Сара,—будто евреи съ мацой въ Пасху пьютъ человѣческую кровь.

— Ты пила ее когда-нибудь въ Пасху? — сердито спрашиваетъ отецъ.

— Ну, вотъ,—обиженно возражаетъ дѣвочка,—вѣдь мы не настоящіе евреи.

— А какіе-же?

— Да ужъ не знаю какіе, только не настоящіе; настоящіе всѣ грязные.

— Евреи, какъ и русскіе, грязны, когда они бѣдны и необразованы. Если не хочешь быть грязной—учись, я ничего не жалѣю для твоего образованія, ты должна это чувствовать.

— А я все-таки терпѣть не могу жидовъ и непремѣнно крещусь, когда выросту большая,—выпаливаетъ на это Сара, досадуя, что ей не удалось разозлить его.

— Ступай вонъ, дерзкая дѣвчонка, все лѣто просидишь въ пансіонѣ.

Она уходитъ, но въ коррпдорѣ останавливается. До нея доносится кроткій голосъ матери.

— Вотъ плоды воспитанія въ чужомъ домѣ,—говоритъ она,—иначе и быть не можетъ.

— Оставь, пожалуйста,—отвѣчаетъ отецъ,—я знаю, что дѣлаю. Она должна пробыть въ пансіонѣ, по край-

ней мѣрѣ, три года; я хочу, чтобы она свободно владѣла языками, чтобы у нея были свѣтскія манеры, дома она этого пріобрѣсти не можетъ. А на философію ея—я плюю. Надо только сказать m-me Roger, чтобы глядѣла за ней построже.

Услыша такой приговоръ, Сара бросилась на кроватку и плакала до тѣхъ поръ, пока не уснула.

II.

Прошло около четырехъ лѣтъ. Сара все еще была у m-me Roger. Многое измѣнилось для нея въ это время. Мать умерла отъ чахотки, черезъ два мѣсяца послѣ ея смерти скончался отъ удара отецъ, оставивъ дѣла крайне запутанными. Продали домъ, лошадей, мебель. Лидочку взяла къ себѣ сестра покойнаго Павла Абрамыча, Анна Абрамовна Позенъ, пріѣхавшая изъ О*. Она думала увезти и Сару, но потомъ рѣшила оставить ее еще на годъ въ пансіонѣ для приготовленія къ экзамену на учительницу. Изъ здороваго, веселаго ребенка, Сара обратилась въ блѣдную, худенькую, высокую, не полѣтамъ задумчивую дѣвушку. Смерть родителей сильно повліяла на нее. Она, бывшая душой пансіонскихъ проказъ, вдругъ отъ всѣхъ уединилась, стала прилежно учиться, много занималась музыкой. Но занятія не могли утишить ея горя, и когда ей становилось особенно тяжело, она забивалась въ темный уголокъ и принималась плакать. Потомъ въ ней произошелъ какой-то странный переломъ. Одна изъ пансіонерокъ дала ей Евангеліе и Четіи-Минеи. Она жадно принялась за чтеніе и скоро увлеклась имъ. Въ ея воображеніи постоянно носились образы мучениковъ

и мученицъ, умиравшихъ за вѣру среди пытокъ и костровъ, и она вздыхала, что не имѣла счастья родиться въ первыя времена христіанства. M-me Roger смотрѣла на увлеченіе Сары, какъ на „grâce“, не смотря на то, что въ душѣ относилась къ религіи довольно хладнокровно, подчасъ была даже не прочь повольнодумствовать, и хотя въ пріемной, на столѣ, у ней красовались „Génie du christianisme“, Шатобріана, и „Oraisons funébres „Flechier,“ въ роскошныхъ бархатныхъ переплетахъ, она въ глубинѣ души предпочитала имъ Бальзаковскую „Cousine Bethe“. Сара твердо рѣшилась принять христіанство и, чтобы испытать силу своей вѣры, налагала на себя добровольныя эпитиміи. Когда наступала ночь, все кругомъ засыпало и въ длинномъ дортуарѣ раздавалось лишь мѣрное дыханіе спящихъ дѣвочекъ, Сара осторожно откидывала одѣяло и въ одной рубашкѣ, босая, опускалась голыми колѣнами на холодный полъ и начинала отмѣривать по четкамъ земные поклоны. О чемъ она молилась—она и сама не знала, какъ не понимала печали, наполнявшей ея дѣтскую душу. Изъ благоговѣйно приподнятыхъ къ образу большихъ, чистыхъ глазъ градомъ катились слезы по влажнымъ, нѣжнымъ щечкамъ; пересохшія губы шептали: „Господи, просвѣти меня, наставь меня на путь истины“. И долго, часто цѣлые часы простаивала она на колѣнахъ, не чувствуя усталости, вздрагивая при малѣйшемъ шорохѣ. Когда, завернувшись въ одѣяло, она снова ложилась въ постель, ей казалось, что она испытываетъ какое-то неясное чувство блаженства и облегченія, и думала, засыпая, что это благодать Божія. Скоро она перестала довольствоваться ночными молитвами и начала поститься, отдавая потихоньку свой и безъ того скудный завтракъ Трезору, прекрасному черному водолазу, общему любимцу пансіонерокъ, говорившихъ,

что Трезоръ—лучшій членъ семейства m me Roger. За неимѣніемъ настоящихъ веригъ, Сара закручивала тесемкой руки, съ плеча до кисти, выкалывала булавкой на груди имена мучениковъ. Съ каждымъ днемъ она все болѣе худѣла. Ея лихорадочно блестѣвшіе глаза обратили на себя наконецъ вниманіе m-me Roger.

— Qu'as-tu, ma fille? es-tu malade?—ласково спрашивала она ее, зазвавъ къ себѣ въ комнату.

— Non, madame, je n'ai rien,—отвѣчала Сара, думая въ это время,—какая она добрая, какъ я была несправедлива къ ней, а она еще обо мнѣ заботится.

— Не слѣдуетъ такъ мучить себя, — продолжала m-me Roger,—Господь послалъ тебѣ тяжелое испытаніе, но мы должны покоряться Его святой волѣ.

— Мамочка, дорогая, милая,—начинала рыдать Сара послѣ причитаній наставницы.

— Calme-toi, ma pauvre enfant, — утѣшала ее m-me Roger, — vois comme tu es pâle. Va vite prendre une tasse de tisane, ça te rechauffera...

Но „tisane“ не помогала, и Сара все слабѣла; къ тому же она еще простудилась во время своихъ ночныхъ бдѣній, и ее перевели въ infirmerie—пансіонный лазаретъ. Дѣвочки приходили ее навѣщать, но она безучастно относилась къ ихъ вниманію и только жаловалась, что m-me Roger отняла у нея всѣ книги. Разъ вечеромъ пришелъ къ ней учитель французскаго языка, m-r Auber. Это былъ старикъ-швейцарецъ, лѣтъ шестидесяти, высокій, худой и сгорбленный, съ бѣлою, какъ лунь головой и ясными глазами. Онъ пользовался въ пансіонѣ большой популярностью за свой замѣчательно кроткій и справедливый нравъ, за умѣнье устраивать всевозможныя игры, которыми увлекался не менѣе своихъ ученицъ. Онъ превосходно читалъ Мольера, часто подъ

праздники являлся въ классную и, спросивъ ученицъ— „voulons nous rire ou méditer“, принимался, смотря по отвѣту, или за „Bourgeois gentilhomme“, или за „Misanthrope“. Особенною его любовью пользовались маленькія, только что поступившія въ пансіонъ дѣвочки. Усадивъ ихъ въ кружокъ, онъ по цѣлымъ часамъ разсказывалъ имъ сказки и, глядя на разгорѣвшіеся дѣтскіе глазенки, казалось, вмѣстѣ съ своей аудиторіей всецѣло уносился въ чудный поэтическій міръ Гофмана и Гримма (зная въ совершенствѣ нѣмецкій и англійскій языки, онъ рѣшительно отвергалъ французскую дѣтскую литературу). Въ пансіонѣ училась и дочка его, дѣвочка, лѣтъ тринадцати, которую онъ безумно любилъ. Дѣвочка была золотушная, болѣзненная и скоро умерла. M-r Auber горько плакалъ на ея похоронахъ. Печально бродилъ онъ по классамъ, и когда дѣвочки окружили его, особенно старательно отвѣчая уроки, онъ поглядѣлъ на нихъ своими ясными, полными слезъ глазами и, покачавъ головой, прошепталъ, какъ готовый расплакаться ребенокъ: „c'est bien, mes enfants“... Но его любящая натура не могла существовать безъ постоянной заботы о комъ-нибудь: онъ скоро усыновилъ какого-то юнкера и на всѣ доводы m-me Roger о безразсудствѣ подобнаго поступка только лукаво подмигивалъ и улыбался. Сара и удивилась, и обрадовалась, когда къ ней вошелъ m-r Auber. Въ infirmerie кромѣ ея никого не было. Сидѣлка дала ей лекарство, опустила на лампу зеленый колпакъ и ушла. Сара лежала въ средней кроваткѣ, какъ разъ противъ тлѣющаго камина, и ей какъ-то безотчетно-жутко становилось отъ ряда пустыхъ коекъ, освѣщенныхъ зеленоватымъ свѣтомъ лампы.

— Eh bien, mon petit chat, comment allons nous? — спросилъ старикъ, усаживаясь въ лоснящееся коричневое

кресло и, вытащивъ изъ кармана сюртука два огромныхъ апельсина, положилъ на кровать больной.

— Merci infiniment, m-r, et surtout merci d'être venu,—сказала Сара, чуть не плача.

M-r Auber сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ея волненія.

— А вѣдь я пришелъ къ вамъ, Сара, съ коварною цѣлью отбить практику у доктора Trofimoff. Ко мнѣ ночью прилетѣла маленькая птичка и разсказала мнѣ, что у васъ болитъ: vous savez, та самая птичка, которая мнѣ сообщаетъ, отчего вы уроковъ не выучиваете.

— Что-же она вамъ сказала, m-r Auber?

— Oh, elle m'a dit bien des choses et d'abord que vous êtes une malade imaginaire.

— Я?! M-r Auber, это несправедливо, ваша птичка—противная лгунья, и если-бъ она мнѣ попалась, я бы ее задушила.

— Voilà des sentiments tres peu chrétiens,—сказалъ улыбаясь старикъ; — и все-таки я увѣренъ, что птичка сказала правду. Ну, скажите откровенно, что у васъ болитъ?

— Все.

— Все—значитъ—ничего, или, еще хуже, это значитъ, что вы поддались чувству слабости и ничего не дѣлаете, чтобы побороть его.

—Болѣзни посылаетъ намъ Богъ, чтобы испытать насъ. Люди должны безропотно переносить страданія.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Господь посылаетъ людямъ страданія, чтобы они могли сподобиться вѣчнаго блаженства, — продолжала она, не отвѣчая на вопросъ.

— Неправда, Богъ создалъ людей для труда, для борьбы со зломъ; люди, для оправданія своего божественнаго начала, должны стремиться къ торжеству

идеала добра, а орудіями къ этой великой цѣли служатъ наука, свободная человѣческая мысль, мужественное, честное сердце, уваженіе чужихъ убѣжденій,—сказалъ m-r Auber.—Если бы всѣ склоняли, какъ вы, голову передъ горестными испытаніями и ограничивались только тѣмъ, что покорно укладывались въ постель,—люди бы ушли недалеко.

— Я вовсе не намѣрена всегда лежать, m-r Auber. Со всѣмъ, что вы говорите, я тоже согласна, только мнѣ кажется, что вы не назвали главнаго орудія спасенія—религію. Вы развѣ невѣрующій?

— Dieu m'en préserve, chère enfant! Я гляжу на чудеса природы, любуясь закатомъ солнца, а тамъ, на моей далекой, прекрасной родинѣ, просиживая цѣлые часы на берегу нашего чуднаго озера, я научился преклоняться предъ Творцомъ вселенной... Но тому, что въ общежитіи считаютъ религіей, (т. е. той) массѣ обрядовъ, внѣшнихъ пріемовъ и названій, которые всѣ, конечно имѣютъ свое историческое основаніе,—я придаю мало значенія.

— Нужно вѣровать, а не разсуждать.

— Нѣтъ, дитя мое, это ложно; Господь далъ человѣку разумъ именно для того, чтобы онъ не принималъ всего на вѣру.

Сара оперлась головкой на руку и нѣсколько минутъ пристально глядѣла на m-r Auber'a.

— Не думала я, что вы такой...—сказала она въ замѣшательствѣ.

— Какой?—спросилъ старикъ.

— Не знаю, какъ вамъ сказать: я считала васъ настоящимъ христіаниномъ и думала, что вы потому такъ кротко перенесли кончину маленькой Marie, что вѣрите, что она стала ангеломъ и что вы послѣ смерти съ ней свидитесь. Я вотъ никакъ не могу забыть maman. Я рѣ-

шилась принять христіанство, но меня мучитъ мысль, что maman умерла еврейкой.

— Отчего-же это васъ мучитъ?

— Оттого, что она не будетъ въ раю.

— Гм... Скажите, Сара, кто вамъ втолковалъ эту идею о принятіи христіанства?

— Никто, M-r Auber, я сама.

— Этого быть не можетъ. Постойте, года два тому назадъ здѣсь была короткое время одна ученица, Серафимова; une tète exaltée... Она, кажется, имѣла на васъ вліяніе.

Сара покраснѣла.

— Она мнѣ только дала Евангеліе и проповѣди и сказала, что евреи прокляты Богомъ, но что отъ этого проклятія можно избавиться крещеніемъ.

— Вы съ ней съ тѣхъ поръ не видались?

— Нѣтъ, но я знаю, что она поступила въ монастырь.

— Ну, не совсѣмъ въ монастырь,—я ее недавно слышалъ въ оперѣ. Она пѣла, и даже недурно, хотя по отзывамъ знатоковъ, изъ нея ничего особеннаго не выйдетъ,—спокойно сказалъ старикъ.

— Неужели это правда?—воскликнула Сара.

— Какъ-же! Можете сами убѣдиться. Выздоравливайте скорѣе, и я упрошу m-me Roger взять васъ въ театръ. Но отчего это васъ такъ удивляетъ? Я не нахожу въ этомъ ничего дурного.

— Это не хорошо, я этого отъ нея не ожидала,—проговорила Сара.—Впрочемъ, это не касается христіанства,—оно выше еврейства.

— А вы, Сара, хорошо знакомы съ іудействомъ?

— Нѣтъ, m-r Auber, я знаю только, что евреевъ всѣ презираютъ, знаю также, что они Христа распяли.

— Ça c'est encore un problème à résoudre, — усмѣхнулся старикъ.—А вотъ, ренегатство, по моему, очень некрасивая вещь. Вы говорите, что евреевъ всѣ презираютъ. Кто же это *всѣ*,—христіане?

— Конечно.

— А вѣдь по христіанскому ученію слѣдуетъ даже враговъ любить. Какъ-же это?

Сара молчала.

— Вѣдь христіанство — это религія мира и любви, правда?

— Да, да...

— А вы вотъ ужъ проходили среднюю и новую исторію. Вспомните-ка, сколько безчеловѣчнаго варварства было совершенно во имя этихъ пресловутыхъ мира и любви.

— Но вѣдь въ первыя времена христіанства язычники мучили христіанъ, а они выносили всѣ пытки и муку, оставаясь вѣрными ученію Спасителя,—возразила Сара.

— Это, положимъ, такъ. Но за то, когда христіане пріобрѣли силу, они въ свою очередь принялись убивать и жечь не только тѣхъ, кто исповѣдывалъ другое ученіе, но даже и своихъ единовѣрцевъ, осмѣливавшихся не соглашаться съ тѣмъ или другимъ отцомъ церкви. Костры инквизиціи, по моему, ужаснѣе костровъ Нерона: эти прямо зажигались во имя силы, а не принципа общечеловѣческой любви.

— Это въ самомъ дѣлѣ было ужасно, — прошептала Сара. — Такъ, по вашему, еврейство лучше? — продолжала она.

— Этого вопроса, мой другъ, я не берусь рѣшить, потому что его, по совѣсти, никто рѣшить не можетъ. Но я того мнѣнія, что если мы родились въ какой-нибудь религіи, то измѣнить ей мы можемъ лишь въ томъ

случаѣ, когда, по основательномъ изученіи ея, мы придемъ къ заключенію, что она не можетъ насъ удовлетворять. Вы, Сара, принадлежите къ великому народу. Ни одно племя не можетъ похвалиться такою грандіозною и вмѣстѣ трагическою исторіей, какъ іудейское, которое дало человѣчеству столько великихъ людей, независимыхъ, геніальныхъ мыслителей, пламенныхъ патріотовъ, несравненныхъ поэтовъ. Послушайтесь меня, милое дитя, выкиньте изъ вашей молодой головы всякія религіозныя крайности, познакомьтесь съ исторіей вашего народа, читайте не Четіи-Минеи, а великія общечеловѣческія произведенія, и прежде всего будьте человѣкомъ.

Дѣвушка слушала его, блѣдная, сосредоточенная, и, когда онъ всталъ, чтобы уйти, она схватила его за руку своей дрожащею рукой и спросила:

— M-r Auber, вы придете завтра?

— Приду и принесу вамъ кое-что.

На слѣдующій день онъ дѣйствительно пришелъ, принесъ старую, истрепанную книгу и сталъ читать. Книга была „Натанъ Мудрый“. Сара ни разу его не прервала. Когда онъ кончилъ, она, вся заплаканная, проговорила съ улыбкой:

— „Wohl uns, denn was mich euch zum Christen macht, macht euch mir zum Juden“ — и, горячо поцѣловавъ руку учителя, промолвила:

— M-r Auber, вы правы, — я постараюсь быть такой, какъ вы говорите.

— C'est bien, mon enfant, — отвѣтилъ m-r Auber, — будь же умница и выздоравливай скорѣе.

III.

Прошелъ еще годъ. Сара превратилась въ цвѣтущую, изящную красавицу. Она сдала экзаменъ при университетѣ, получила дипломъ учительницы и вся, казалось, кипѣла молодой жаждой начать скорѣе жить. Хотя тетка ей не особенно нравилась своими рѣзкими манерами, ничѣмъ несмущаемымъ апломбомъ, крикливымъ голосомъ,— тѣмъ не менѣе она обрадовалась ея пріѣзду, такъ какъ съ нимъ осуществлялась наконецъ ея мечта— покинуть пансіонъ. Къ тому-же ей очень хотѣлось видѣть сестру. Она строила воздушные замки о томъ, какъ она будетъ ее учить, какъ будетъ стараться замѣнить ей мать и просила m-r Auber'a указать ей всевозможные учебники.

Старикъ ей совѣтовалъ не увлекаться воображеніемъ, а лучше приготовиться къ неудачамъ.

— Да я вѣдь никакихъ особыхъ плановъ не строю, m-r Auber,—отвѣчала Сара.—Мои желанія такъ скромны: буду учиться сама, учить сестру, какія-же тутъ могутъ быть неудачи? Развѣ вотъ тетка... сказать откровенно, не нравится она мнѣ что-то. И все-таки я ужасно рада, что уѣзжаю отсюда. Господи, до чего надоѣлъ мнѣ пансіонъ! Пять лѣтъ безвыѣздно, да это хуже всякаго института. Иной разъ такъ хотѣлось раздвинуть эти стѣны и посмотрѣть, что тамъ дѣлается въ широкомъ, вольномъ мірѣ. Я часто задумывалась въ послѣднее время о такомъ воспитаніи, какъ наше, и мнѣ кажется, что оно никуда не годится. Ну, скажите, пожалуйста, что мы знаемъ о жизни! Я еще, благодаря вамъ, что-нибудь хоть читала и то вѣдь книга—одно, а живая жизнь— другое. Да вотъ вамъ примѣръ: недѣли двѣ тому назадъ,

какъ разъ возлѣ нашего сада открылась мелочная лавка. Мы стали потихоньку бѣгать къ рѣшеткѣ, чтобы посмотрѣть, какъ *покупаютъ*. M-me Roger узнала о нашихъ путешествіяхъ и строго-на-строго запретила ихъ. Но страхъ быть пойманной и наказанной ни на кого не подѣйствовалъ, и мы бѣгаемъ туда попрежнему. А что же мы тамъ видимъ особеннаго?... Входитъ какой-то человѣкъ: дайте мнѣ, говоритъ, огурцовъ на три копѣйки, да такихъ, которые не плюются. Мы хохочемъ. Кухарка соль разсыпала,—мы опять хохочемъ. Настоящія божьи коровки.

— Воспитаніе въ закрытомъ заведеніи, конечно, оставляетъ многаго желать и не можетъ сравниться съ воспитаніемъ въ родной семьѣ,—замѣчалъ старикъ на жалобы молодой дѣвушки,—но, къ несчастью, хорошую разумную семью можно встрѣтить очень рѣдко, а такихъ, которыя способны загубить въ молодой душѣ всѣ благородныя задачи—не оберешься. Берегитесь предъявлять жизни слишкомъ большія требованія, дитя мое, иначе васъ ждетъ много разочарованій.

Сара уѣхала съ Анной Абрамовной въ О*. Ей съ первыхъ-же дней не понравилось въ новомъ домѣ; не то, чтобы тетка была къ ней строга, напротивъ, она ничего не пожалѣла, чтобы доставить племянницѣ удовольствіе. Приготовила ей прехорошенькую комнату, надарила цѣлую кучу разныхъ цѣнныхъ бѣздѣлокъ и нарядовъ, но Сару какъ-то безотчетно леденилъ холодный блескъ ея свѣтлыхъ глазъ, ея сухой, недопускающій возраженія тонъ, ея высказывавшаяся на каждомъ шагу мелочность. Сестру свою Лидочку, которую Сара оставила избалованной шалуньей, она нашла спокойной, степенной дѣвочкой, очень мило и чисто одѣтой. Тетка, повидимому, любила ее, часто ласкала и даже баловала. Но чуть только она бывала не въ духѣ, или просто

стоило кому-нибудь разсердить ее, какъ она обрушивалась на Лидочку цѣлымъ потокомъ брани, упрекала ее въ неблагодарности, въ лѣни, непослушаніи, придиралась къ ея работѣ, заставляла двадцать разъ перепарывать какой-нибудь рубецъ. Лидочка довольно терпѣливо переносила эти вспышки, стараясь угодить теткѣ, но когда всѣ старанія ея ни къ чему не приводили, она запрятывалась въ дальнюю комнату и начинала тихо плакать, утирая глаза кулачкомъ. Эти тихія слезы мгновенно смиряли сварливую Анну Абрамовну. Не желая, однако, ронять свой авторитетъ открытымъ объясненіемъ, она начинала заговаривать съ дѣвочкой издалека, предлагала ей идти гулять, дарила ей игрушку. Лидочка охотно сдавалась на дипломатическіе подходы тетки и черезъ часъ забывала всѣ свои горести. Тѣмъ не менѣе, она чувствовала несправедливость подобныхъ нападокъ; не имѣя силъ защищаться, она ихъ молчаливо сносила, но за то, несмотря на баловство тетки, никогда къ ней сама не ласкалась, и было замѣтно, что она ее сильно побаивается.

Совсѣмъ другое дѣло было съ Сарой. Она не замедлила стать въ открытую оппозицію къ Аннѣ Абрамовнѣ. Предлогъ къ неудовольствію представился вскорѣ послѣ ея пріѣзда. Увидѣвъ, что Сара особенно старательно запечатываетъ какой-то конвертъ, Анна Абрамовна подошла къ ней и спросила своимъ отрывистымъ голосомъ:

— Кому ты пишешь?

— Я пишу m-r Auber'y, тетя,—вы его знаете.

— Покажи письмо.

— Не могу, тетя.

— Не можешь показать что ты пишешь этому старому болвану?

— Онъ не болванъ, а очень хорошій человѣкъ.

— Ты еще не можешь судить, кто хорошій человѣкъ, кто нѣтъ: молода слишкомъ. Такъ ты не дашь мнѣ письма?

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Оттого, что я не люблю, чтобы мои письма читались не тѣми, кому они адресованы.

Анна Абрамовна вся вспыхнула отъ этого отвѣта.

— Какъ вамъ это нравится?—обратилась она къ воображаемымъ слушателямъ: — *она не любитъ*... важная особа... *ей* не нравится! Да кто ты такая, а? — накинулась ужъ она прямо на Сару,—червякъ, дѣвчонка, которую я взяла изъ жалости. Ты, можетъ быть, думаешь, что отецъ оставилъ вамъ милліоны! Дай Богъ мнѣ столько тысячъ, сколько долговъ онъ оставилъ...

— Тетя!..

— Если-бъ не я, вы бы обѣ на улицѣ валялись,—кричала Анна Абрамовна, ничего не слушая.

— Тетя, вы упрекаете насъ своими благодѣяніями, это неблагородно,—въ свою очередь, крикнула Сара.

— Что? Благодѣяніе? Кто говоритъ о благодѣяніяхъ? Я исполняю свой долгъ!—еще громче закричала Анна Абрамовна, совершенно забывая, что сейчасъ только говорила о *жалости*.—Вы дѣти моего брата, я отвѣчаю за васъ передъ Богомъ и передъ людьми, я должна слѣдить за вашей нравственностью... А ты—дура, ты должна слушаться старшихъ, а не разсуждать, не говорить дерзости. Ты думаешь, тебѣ семнадцать лѣтъ, такъ ты ужъ большой человѣкъ! Меня еще въ эти годы сѣкли...—и выхвативъ у ошеломленной дѣвушки письмо, Анна Абрамовна быстро вышла изъ комнаты.

— Это гадко!—съ отчаяніемъ взвизгнула Сара.

Рыданія сдавили ей горло; она сердито хлопнула дверью и убѣжала.

Нѣсколько дней обѣ стороны дулись. Сара не выходила изъ своей комнаты. Анна Абрамовна, не найдя въ письмѣ ничего особеннаго, — Сара писала только, что никакъ не можетъ освоиться съ новымъ положеніемъ, что тетка добра, но очень вспыльчива, что сестру она нашла запуганной и т. д.,—сожалѣла, что слишкомъ погорячилась. Видя, что племянница не торопится приносить повинную, она отрядила къ ней парламентеромъ Лидочку. Когда Лидочка вошла къ сестрѣ, то нашла ее лежащею на постели съ красными щеками и красными опухшими глазами.

— Сара, — робко начала дѣвочка, — попроси у тети прощенія.

— Это за что?

— Да вѣдь она на тебя сердится.

— Я сама на нее сержусь.

— Ахъ, Сара...

— Ну, что ахъ, чего ты ко мнѣ пристала? Тебѣ, вѣрно, дали конфетку, чтобы ты меня усовѣстила...

Личико дѣвочки вспыхнуло, она съ упрекомъ взглянула на сестру и закусила губки, чтобы не расплакаться. Сарѣ сейчасъ же стало стыдно. Она вскочила съ кровати, притянула къ себѣ Лидочку и стала ее цѣловать.

— Прости меня, милочка, не сердись, я такъ разстроена, что сама не знаю, что говорю. Ахъ, Лидочка, бѣдныя мы съ тобой.

Лидочка разрыдалась.

— Не плачь, моя дорогая,—чего ты? Я вѣдь пошутила, ну, полно; вотъ увидишь, какъ мы славно заживемъ. Хочешь, я тебя буду учить? Ты у меня выростешь умницей, хочешь?

— Хочу, только помирись, пожалуйста, съ теткой, а то она тебѣ не позволитъ меня учить.

— Хорошо, Лидочка, я посмотрю; только, ради Бога, не реви.

Чтобы ввести племянницу въ общество, Анна Абрамовна дала балъ. Собрались такъ называемыя сливки. Сара была очень эфектна въ своемъ воздушномъ бѣломъ платьѣ. Роскошныя черныя косы, перевитыя пучками ландышей, падали ниже колѣнъ, оттягивая назадъ ея красивую маленькую головку. Въ большихъ глазахъ и то вспыхивавшемъ, то пропадавшемъ румянцѣ горѣло дѣтское любопытство и какой-то смутный страхъ. Ей казалось, что на нее всѣ глядятъ, что всѣ знаютъ, что она недавно вышла изъ пансіона и не умѣетъ себя держать,—и она совсѣмъ растерялась отъ этой мысли: не смѣла улыбнуться, не смѣла прислониться къ спинкѣ стула. Особенно мѣшали ей руки: она положительно не знала, куда ихъ дѣвать, ухватилась, наконецъ, за висѣвшій у ея пояса вѣеръ, стала его вертѣть и вертѣла, пока не сломала. Тутъ она совсѣмъ обмерла. Вѣеръ былъ теткинъ и очень дорогой. Она позабыла въ одну минуту и гостей, и балъ, и только думала о томъ, какъ бы выйти изъ бѣды. Это маленькое несчастіе обошлось, впрочемъ, безъ всякихъ прискорбныхъ послѣдствій. Анна Абрамовна, очень довольная удавшимся баломъ, почти не обратила вниманія на злополучный вѣеръ и только замѣтила, что въ другой разъ надо быть осторожнѣе. Послѣдующіе дебюты Сары были благополучнѣе. Она перестала бояться и съ увлеченіемъ отдавалась всѣмъ представлявшимся удовольствіямъ,—танцовала цѣлыя ночи напролетъ, каталась верхомъ, слушала комплименты, участвовала въ благотворительныхъ концертахъ и спектакляхъ и скоро заняла въ О* мѣсто первой красавицы. Тетка съ гордостью ее вывозила, сіяла при видѣ восторженнаго поклоненія, встрѣчавшаго повсюду племянницу, и таяла отъ наслажденія, под-

мѣчая злобно устремленные на нее взгляды маменекъ перезрѣвшихъ дочекъ. Одѣвала она Сару скромно (скромность эта стоила, впрочемъ, очень дорого), но увы, Сара все-таки не осуществляла ея тайныхъ надеждъ: она *только* веселилась, а о настоящей побѣдѣ въ смыслѣ выгодной партіи, повидимому, даже не помышляла.

Мало-по-малу, Сарѣ стали надоѣдать эти постоянные выѣзды. Первый чадъ прошелъ. Наступила скука, а вмѣстѣ съ ней наступили размышленія. Ей вдругъ опротивѣла эта постоянная выставка. Она вдругъ точно прозрѣла и увидала, сколько лжи, обмана и лицемѣрія, злобы и зависти, грубости и алчности скрывалось подъ масками добродушія, довѣрчивости, любви къ ближнему...

Вотъ, напримѣръ, m-me X. Она, кажется, слышать не можетъ равнодушно о голодныхъ, сирыхъ и убогихъ. Она извѣстная благотворительница, предсѣдательница разныхъ филантропическихъ обществъ и пріютовъ. Какъ она тонка, перетянута, прозрачна, какія у ней чудныя кружева — совсѣмъ неземное существо. Съ ея блѣдныхъ губъ, точно вздохъ, слетаютъ слова—„мой пріютъ", „въ засѣданіи нашего общества", „кройка", „мастерскія", „ремесленные классы". „Ахъ, какую дивную статью я прочла въ „Revue pédagogique", или „какую чудную рѣчь о женскомъ вопросѣ сказалъ Каро!" „Я, вѣдь, посѣщала его лекціи въ „College de France"..

Сарѣ очень нравилась эта дама, пока она не увидала какъ-то утромъ у тетки оборванную женщину, жестоко ее бранившую. Всего больше удивило Сару то, что тетка ея, всегда встрѣчавшая m-me X. съ нѣжными лобзаніями, теперь за одно съ гостьей честила ее на чемъ свѣтъ стоитъ. Оказалось, что оборванная женщина ни больше, ни меньше, какъ родная тетка аристократической m-me X., которая тщательно скрывала

это компрометирующее родство передъ свѣтомъ, отдѣлываясь отъ слишкомъ назойливой тетушки филантропическими подачками въ видѣ поношенныхъ платьевъ, старыхъ шляпокъ и т. д.

— Вѣрите-ли, — разсказывала тетушка, — у меня зимой Саша съ Анютой въ скарлатинѣ лежали, такъ *она* за все время дала мнѣ пять рублей и обтрепанную юбку...

А вотъ господинъ У., краснорѣчивый адвокатъ съ вѣчной улыбкой на румяныхъ устахъ. Въ голодные дни студенчества онъ былъ обрученъ съ прелестной дѣвушкой, надорвавшей всю грудь надъ шитьемъ, уроками и переводами, чтобы какъ-нибудь помочь возлюбленному окончить курсъ. Возлюбленный курсъ окончилъ, окрѣпъ, потолстѣлъ, обзавелся практикой и... женился на барышнѣ съ богатымъ приданымъ. И всѣ его одобрили. Анна Абрамовна, посвящая Сару въ О*—скую общественную хронику, замѣтила по поводу этого случая: „вольно-же ей, дурѣ (т. е. обманутой невѣстѣ), было вѣрить“.

А какъ милъ жирненькій подрядчикъ Z. съ своими масляными глазками, сь зачесанными à la Capoul лоснящимися волосами и цѣлой грудой брелоковъ на толстомъ брюхѣ; коротенькіе красные пальцы его унизаны перстнями; на пухломъ носѣ глубокомысленно торчитъ золотое пенсне. Онъ глупъ, пошлъ и необразованъ; но это не бѣда. Къ нему льнутъ хорошенькія женщины, почтенныя мамаши за нимъ ухаживаютъ, наперерывъ стараясь обратить его вниманіе на своихъ юныхъ цвѣтущихъ дочерей,—на, молъ, батюшка, выбирай. И все это обезьянничанье, это вѣчное стремленіе казаться русскимъ, французомъ, англичаниномъ и только изъ великодушія считаться евреемъ... Какъ это все вдругъ

опротивѣло Сарѣ. Она съ отчаяніемъ задавала себѣ вопросы:—неужели нѣтъ ничего лучшаго, неужели это *все*, и такъ оно должно быть?...

IV.

Сара стала придумывать всевозможные предлоги, чтобы какъ-нибудь избѣжать выѣздовъ. Она запиралась въ своей комнатѣ, сказывалась больной, проводила цѣлые часы за книгами, учила Лидочку. Анна Абрамовна изъ себя выходила, и то пилила ее съ утра до ночи, то смирялась и старалась донять ее ласками и уступками: но когда Сара перестала даже выходить къ гостямъ, Анна Абрамовна дала полную волю своему гнѣву и первымъ дѣломъ пригласила къ Лидочкѣ учителя, устранивъ такимъ образомъ Сару отъ ея любимаго занятія. Но мѣра эта привела къ совершенно неожиданнымъ результатамъ. Учитель, Адольфъ Леонтьевичъ Нордъ, филологъ безъ мѣста, высокій молодой человѣкъ съ длинными рыжеватыми кудрями и симпатичнымъ, нѣсколько болѣзненнымъ лицомъ—явился открытымъ и тайнымъ союзникомъ Сары. Онъ познакомилъ ее съ своей сестрой, немолодой уже, доброй и образованной дѣвушкой, и Сара стала бывать у нихъ, большей частью украдкой отъ Анны Абрамовны, очень косо глядѣвшей на это знакомство. Норды жили небогато, но въ ихъ маленькой квартиркѣ царила чистота и тотъ неуловимый отпечатокъ порядочности, которымъ комната располагаетъ къ хозяину даже въ его отсутствіе.

Сестра Норда, Розалія, содержала училище. Ученики (дѣти ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ-евре-

евъ)—человѣкъ тридцать мальчиковъ и дѣвочекъ—собирались въ школу съ девяти часовъ утра и просиживали до двухъ. Сара больше всего любила ходить къ Розаліи въ это время. Она перезнакомилась со всѣми дѣтьми, помогала m-elle Нордъ ихъ учить и только мечтала о томъ, какъ бы ей сдѣлаться постоянной помощницей въ школѣ. Къ Розаліи часто приходили родные учениковъ, то съ просьбой отстрочить плату, то потолковать о своихъ дѣлишкахъ, то просто пожаловаться на лѣность сорванца-сынка или озорницы-дочки. Сара никогда не видала такихъ людей. Приниженные, пришибленные, загнанные и въ то же время рабски наглые и увертливые словно собаки въ напряженномъ ожиданіи плети. И что за жизнь! трудъ съ утра до ночи, трудъ до кроваваго пота, а въ видѣ духовнаго наслажденія—ублаженіе начальства въ особѣ дворника или околоточнаго. Особенно часто приходилъ къ Нордамъ одинъ старикъ, отставной солдатъ, израненный еще подъ Севастополемъ. Онъ былъ очень словоохотливъ и, считая себя болѣе или менѣе образованнымъ, любилъ отводить душу въ обществѣ умныхъ людей. Семья у него, какъ и у всякаго добраго сына Израиля, была большая: своихъ дѣтей человѣкъ семь, да еще вдова сестра съ ребятишками у него пріютилась. Вернувшись съ войны, онъ долго не могъ придумать, какъ прокормить всю эту ораву. Добрые люди посовѣтывали ему торговать старьемъ, и вотъ ужъ лѣтъ двадцать, какъ онъ цѣлые дни ковыляетъ на своей деревяшкѣ, изогнувъ старую спину подъ огромнымъ узломъ. Сара особенно жаловала этого старика за его веселый нравъ и кроткій, незлобивый юморъ, и всегда что-нибудь у него покупала. Нордъ обыкновенно подсмѣивался надъ ними: „Филантропка и эксплуататоръ—что за назидательная картина!"—восклицалъ онъ шутливо.

Но всѣмъ сердцемъ Сара отдалась матерямъ. Она со всѣмъ пыломъ юности преклонилась передъ этимъ полнымъ отреченіемъ отъ себя, отъ всѣхъ радостей жизни, которымъ поражаетъ безпристрастнаго наблюдателя простая еврейская женщина. Когда мужъ оказывается неспособнымъ, праздношатающимся или просто больнымъ, жена энергически становится во главѣ дома, ѣздитъ, торгуетъ, служитъ, унижается, выноситъ обиды. Молодость, красота, любовь проходятъ и утрачиваются еврейской женщиной безсознательно, почти безъ сожалѣнія, среди грязи, копоти, за стойкой, у лотка на базарѣ, у люльки золотушнаго, укутаннаго въ жалкія лохмотья ребенка,—и все искалѣченное существованіе, всѣ ея надломленныя въ зародышѣ чувства перерождаются въ одно страстное, высокое, всепревозмогающее и всеискупающее чувство материнства.

Домашняя жизнь Сары становилась между тѣмъ все тяжелѣе. Она находилась постоянно въ ожиданіи нападенія, Маленькія и большія схватки происходили изъ-за каждаго пустяка, оставляя послѣ себя осадокъ желчи, горечи, озлобленія, къ которымъ прибавлялось еще мучительное ощущеніе пошлости и мизерности этой борьбы. То ей доставалось за то, что она не любезна, никому не умѣетъ понравиться, одѣвается какъ старуха: то оказывалось, что она слишкомъ громко смѣется, вмѣшивается въ разговоръ, несвойственный ея возрасту, сидитъ согнувшись, точно прачка надъ корытомъ; то громы обрушивались на ея книги:—„молоденькая дѣвушка читаетъ чортъ знаетъ что, — физіологію! о воспитаніи дѣтей! какъ будто прежде не воспитывали дѣтей въ милліонъ разъ лучше безъ всякихъ физіологій“.

Грустно было Сарѣ подъ это вѣчное, одуряющее шипенье; она старалась по возможности не поддаваться,

но подчасъ ей все-таки становилось невыносимо; она злилась на себя, на свою молодость, на свои способности.

— Къ чему все это,—думала она,—для того развѣ, чтобы сгнить въ этой проклятой трущобѣ?!..

А сцены за неблагодарность продолжались и становились съ каждымъ днемъ бурнѣй.

— Тетя,—заявила какъ-то Сара,—я вамъ буду очень благодарна, если вы исполните одно мое желаніе.

— Что еще?—удивилась Анна Абрамовна неожиданному обороту рѣчи.

— Позвольте мнѣ давать уроки.

— Какіе такіе уроки?

— Да какіе случатся, я хорошо знаю языки, музыку...

— Ага! по чужимъ домамъ бѣгать захотѣлось! и безъ тебя много дуръ шляется! Этимъ, голубушка, никого не удивишь.

— Ахъ, тетя, отчего вы не можете говорить, не обижая. Развѣ я у васъ прошу позволенія шляться или удивлять. Я здорова, молода, у меня нѣтъ состоянія, я хочу трудиться—что-жъ тутъ дурного!

— Кажется, я для тебя не жалѣю куска хлѣба?

— Тетя, милая, вы не жалѣете, но я-то не могу пользоваться вашей добротой; я вамъ не доставляю никакой радости, вы постоянно мной недовольны, я...

— Отчего-же ты не постараешься, чтобы я была тобой довольна?

— Я старалась, тетя, да мнѣ это никакъ не дается: у насъ слишкомъ противоположные характеры, слишкомъ различный взглядъ на вещи.

— Ну, что-жъ, ты помоложе меня, тебѣ легче перемѣниться,—замѣтила Анна Абрамовна,—а у тебя нѣтъ,

желанія чтобы уступить теткѣ... какъ-же! надо на своемъ поставить, гордость свою показать! что тетка! тетка—старая дура, мы умнѣй...

— Никогда мы съ вами, должно быть, другъ друга не поймемъ,—вздохнула Сара.

— Да что понимать-то! Чего тебѣ не хватаетъ? Слава Богу, сыта, одѣта, обута,—чего тебѣ больше? Другая, на твоемъ мѣстѣ, благодарила-бы Бога, а ты съ жиру бѣсишься. Хочешь послушаться моего совѣта?—Выходи скорѣе замужъ! Весь этотъ твой характеръ и взглядъ на вещи—какъ рукой сниметъ.

Сара даже засмѣялась отъ неожиданнаго совѣта.

— За кого-же мнѣ выходить, тетя, я никого не знаю,—сказала она.

— Какъ никого не знаешь! Другой подумалъ-бы, что она у тетки какъ въ лѣсу живетъ,—воскликнула Анна Абрамовна, но уже гораздо мягче: ей показалось, что разговоръ принимаетъ благопріятный для нея оборотъ.—Да хоть за молодого Розенберга, чѣмъ не женихъ! Онъ-же такъ за тобой ухаживаетъ.

— Я его не люблю.

— Выйдешь замужъ—полюбишь; а если ты будешь дожидаться романа, то, попомни мое слово, просидишь до сѣдыхъ волосъ, или выскочишь за голыша. И чѣмъ тебѣ не нравится Розенбергъ? молодецъ собой, образованъ, богатъ,—высчитывала тетка.

— Фразеръ и карьеристъ,—добавила племянница.

Анна Абрамовна даже руками развела.

— Вотъ нашла недостатокъ—карьеристъ! А тебѣ мужа нигилиста, что-ли, хочется?

— Оставьте, тетя, вы сами знаете, что я совсѣмъ не думаю о замужествѣ. Прошу васъ еще разъ, позвольте мнѣ давать уроки.

— Никогда, слышишь, никогда! Пока ты въ моемъ домѣ—думать объ этомъ не смѣй. Это негодяй этотъ Нордъ и его умная сестра тебя научили!

— Они честные люди, лучше насъ съ вами!—вспыльчиво вскричала Сара.

— А?! Что?! Лучше меня?! Я сегодня-же выгоню вонъ этого мерзавца, и если ты только посмѣешь къ нимъ пойти...

— Я уйду отъ васъ совсѣмъ,—перебила Сара, задыхаясь отъ волненія,—уйду въ гувернантки.

— Хоть на всѣ четыре стороны,—согласилась Анна Абрамовна,—только знай впередъ, что съ той минуты, какъ ты переступишь мой порогъ—мы чужія.

Такъ протянулось еще нѣсколько мѣсяцевъ. Отношенія между Анной Абрамовной и Сарой приняли, мало-по-малу, тотъ враждебный характеръ, когда малѣйшее, безъ всякаго умысла, сказанное слово принимается возбужденнымъ умомъ за преднамѣренное желаніе обидѣть, кольнуть, задѣть... Обѣимъ было тяжело. Анна Абрамовна возмущалась непонятнымъ ей явленіемъ непокорности со стороны молоденькой дѣвушки, всѣмъ ей обязанной и которой она вдобавокъ самымъ искреннимъ образомъ желала добра. Она считала для себя унизительнымъ уступить, какъ она выражалась, ,,глупымъ беднямъ сумасбродной дѣвчонки".—Да она сама на меня послѣ всю жизнь будетъ плакаться,—говорила она знакомымъ и рѣшила устроить судьбу племянницы наперекоръ ей самой.

А Сара проводила безсонныя ночи, придумывая какъ-бы ей ,,вырваться", и ничего не могла придумать. Она продолжала украдкой отъ тетки бывать у Нордовъ и печально жаловалась имъ на свою слабость и безпомощность. Разъ, въ отвѣтъ на горькія слезы Сары, прибѣжавшей къ своимъ друзьямъ послѣ крупной ссоры съ

теткой, Адольфъ Леонтьичъ (сестры его не было дома) произнесъ смущеннымъ голосомъ длинную-длинную сбивчивую тираду, изъ которой, однако, ясно, какъ день, выходило, что онъ давно ее любитъ, былъ-бы счастливъ, если-бъ она согласилась выйти за него замужъ, что стѣснять онъ ее никогда ни въ чемъ не будетъ и т. д.

Сара не была влюблена въ Норда, но онъ ей нравился, нравился, по крайней мѣрѣ, больше всѣхъ, кого она знала..

Съ одной стороны—невыносимая, зависимая жизнь у тетки, съ другой—возможность осуществить неясныя и тѣмъ болѣе сильныя стремленія къ труду, къ свободѣ... Она дала слово Норду.

Когда она сказала объ этомъ теткѣ, та, вмѣсто отвѣта, указала ей на дверь прибавивъ:

— Если даже будете издыхать съ голоду, ко мнѣ не обращайтесь.

V

Прошло два года. На дворѣ стояла глубокая осень. Погода была сырая, туманная, та спеціально петербургская погода, которая пронизываетъ до мозга костей укутанныхъ въ мѣха счастливцевъ и вызываетъ разлитіе желчи у обреченныхъ носить на спинѣ заплатки и защищать носъ дырявымъ вязанымъ шарфомъ. По Большому проспекту Васильевскаго острова быстро шагалъ высокій, нѣсколько сутуловатый господинъ. Лица его не было видно изъ-за приподнятаго воротника и нахлобученной на глаза шляпы. Господинъ повернулъ въ одну изъ безчисленныхъ линій, остановился у деревяннаго двухъ-этажнаго дома съ мезониномъ и нетерпѣливо

дернулъ за ручку звонка. Его впустила горничная, недовольно проворчавшая ему вслѣдъ: „Чего вы такъ шибко, словно пожаръ; хозяйка и то сердится: говоритъ—звонокъ оборвете“. Онъ ничего ей не отвѣтилъ; взбѣжалъ на узенькую лѣстницу, прошелъ, не останавливаясь, длинный корридоръ и, толкнувъ въ концѣ его дверь, вошелъ въ комнату. На него пахнуло тепломъ. Въ комнатѣ было темно, въ раскрытой печкѣ тлѣли подъ сизымъ пепломъ угли, бросая красноватый отблескъ на крашеный полъ. По комнатѣ взадъ и впередъ ходила женщина, укачивая на рукахъ ребенка, и тихо напѣвала какую-то пѣсенку. Замѣтивъ вошедшаго, она прошептала: „Адольфъ, ты? Тише голубчикъ, *она* сейчасъ заснетъ“. Походивъ еще немного, она прошла въ смежную комнату, ловко откинула одной рукой одѣяльце у дѣтской колясочки-кроватки и осторожно положила въ нее свою ношу. Наклонившись надъ малюткой, она съ минуту прислушивалась, и только убѣдившись, что она дышетъ ровно и спокойно, вышла изъ спальни. Мужъ, съежившись, лежалъ на диванѣ противъ печки. Она сѣла возлѣ него.

— Ты озябъ, Адольфъ?

— Да ужасная погода и, какъ на грѣхъ, ни одного свободнаго мѣста въ конкѣ, такъ съ Бассейной и перъ пѣшкомъ.

— Я сейчасъ тебѣ чаю приготовлю,—сказала она и хотѣла встать.

— Погоди, Сара, успѣешь послѣ.—Онъ взялъ ея руку и положилъ подъ свою голову. Оба молчали. Она встала и засвѣтила лампу. Свѣтъ, упавшій на нее, освѣтилъ ея красивое лицо. Сара очень похудѣла, но это ее не портило,—изящныя черты ея лица опредѣлились и стали выразительнѣе; еле замѣтная линія легла на чистый, нѣжный лобъ. Гладкое черное, съ

отложнымъ воротникомъ и рукавчиками, платье охватывало ея стройную, величавую фигуру. Она поставила на столъ лампу, взяла съ коммода спиртовую машинку и, наливъ въ мѣдный чайникъ воды, зажгла спиртъ. Адольфъ Леонтьичъ слѣдилъ за нею глазами. Онъ сильно постарѣлъ и исхудалъ. Обыкновенно блѣдное лицо его пріобрѣло какой-то сѣроватый цвѣтъ и выглядѣло жалкимъ и измученнымъ. Густые, рыжеватые кудри порѣдѣли и посѣдѣли; на лбу сіяла лысина. Сара заварила чай и, придвинувъ къ дивану столикъ, поставила на него посуду. Она замѣтила пристально устремленный на нее взглядъ мужа и спросила:

— Что ты такъ глядишь на меня?

— Я часто такъ на тебя гляжу, Сарочка, только ты этого не замѣчаешь. Знаешь, ты производишь удивительно странное впечатлѣніе въ этой безобразной меблированной комнатѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, съ твоими хлопотами около этого убогаго чайника... точно сказочная принцесса, обращенная злой феей въ жену угольщика. И лицо у тебя въ это время такое гордое — неподвижное, словно хочетъ сказать: здѣсь съ вами, презрѣнные угольщики, только мое тѣло, а душа моя тамъ, въ моемъ прекрасномъ бирюзовомъ дворцѣ. Пробьетъ часъ, — и чудный витязь умертвитъ злую колдунью и пріѣдетъ за мной на быстромъ бѣломъ конѣ. И сброшу я это мѣщанское черное платье, надѣну парчевое, а витязь накинетъ на мои плечи мантію изъ горностая, и я, красавица-принцесса, умчусь на бѣломъ конѣ dahin, dahin... Что-то будетъ тогда съ нами, бѣдными угольщиками.

Сара разсмѣялась.

— Однако, я не подозрѣвала, что у тебя такое воображеніе... На этотъ разъ, впрочемъ, ты ошибаешься. Если я и заколдованная принцесса, то мой вкусъ ужъ

слишкомъ испортился отъ вліянія земной прозы, и я не перемѣню своихъ чумазыхъ угольщиковъ на гарцующаго на конѣ рыцаря, который въ сущности вѣдь никто иной, какъ вѣчный удачникъ и счастливчикъ— Иванушка-дурачокъ... Но Богъ съ ними, со сказками. Скажи мнѣ лучше, отчего ты такой хмурый? Видно, опять ничего не получилъ въ редакціи?

— Ничего ровно.

— Какъ это только имъ не стыдно заставлять человѣка даромъ работать,—сказала Сара, вздохнувъ.

— Говорятъ—теперь денегъ нѣтъ; розничную-то продажу запретили, вотъ они и сѣли на мель.

— А знаешь, я сегодня чуть-чуть хорошаго урока не получила.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Право. По объявленію нашему явилась какая-то дама, не старая еще, богато одѣтая. Сонечка спала, такъ что я могла говорить съ ней безъ помѣхи. Сказала, что дочка у ней десяти лѣтъ, и вотъ эту дочку нужно готовить въ гимназію,—языки, предметы и т. д... Назначила пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Я такъ обрадовалась, что чуть не запрыгала. Совсѣмъ сговорились, даже дни занятій назначили, и она ужъ встала, чтобы уйти. Вдругъ я вспомнила, что забыла *о главномъ*:—извините, говорю, я не успѣла васъ предупредить: я—еврейка. Какъ она вспыхнетъ!—Что же вы, говоритъ, раньше объ этомъ молчали, ужъ это вы напрасно, я къ своимъ дѣтямъ жидовки не возьму. Да вы, можетъ, и по русски-то путемъ не знаете. Я было заикнулась о дипломѣ.—Нѣтъ, говоритъ, что-жъ мнѣ дипломъ, я лучше русскую безъ диплома возьму... Ушла, даже не простившись.

Сара разсказывала шутя, но при послѣднихъ словахъ

у нея задрожалъ голосъ, и она отвернулась, чтобы скрыть набѣжавшія слезы.

— Какой ты ребенокъ, Сара, — замѣтилъ мужъ,— сколько разъ съ тобой повторялась та-же исторія, а тебѣ все мало. Ну, кто тебя толкалъ ей докладывать, что твои знаменитые предки за панибрата съ Господомъ Богомъ бесѣдовали?

— Ахъ, Адольфъ, не насмѣхайся, пожалуйста; что же мнѣ дѣлать, когда я не могу, когда мнѣ противна эта ложь. Мнѣ тяжело, меня мучитъ—за что они меня презираютъ, чѣмъ я хуже ихъ? Мнѣ, наконецъ, больно и стыдно, отчего я не плачу́ имъ тѣмъ-же, отчего я не могу отвыкнуть считать родиной страну, которая меня считаетъ паріей. Нѣтъ, знаешь, это невыносимо... вѣчный этотъ разладъ въ душѣ... когда чувствуешь, что ты ни то, ни се. И къ чему только насъ учатъ!— чтобы сильнѣе страдать всю жизнь. Зачѣмъ развивать понятіе о человѣческомъ достоинствѣ въ человѣкѣ, осужденномъ на безконечное рабство. Это, по моему— преступленіе. Гораздо было бы лучше, если бы выросла я забитой Хайкой среди забитыхъ моихъ единовѣрцевъ. Тогда бы я, по крайней мѣрѣ, могла ненавидѣть безъ угрызенія совѣсти и спокойно вела бы безпощадную борьбу за существованіе... а теперь что? Я хочу любить, а меня заставляютъ ненавидѣть.

— Ну, ты, кажется, не можешь пожаловаться на особенную ненависть...

— Ты намекаешь на то, что за мной удостоивали ухаживать твои знакомые? Но вѣдь это еще большее оскорбленіе; вѣдь въ то время, когда мнѣ говорятъ любезность, въ душѣ думаютъ—ишь ты, какъ разговариваетъ, зазналась жидовка... Но ты, Адольфъ, меня удивляешь. Я тебя считала такимъ горячимъ юдофи-

ломъ, а теперь ты какъ-то совсѣмъ опустился. Неужели тебя такъ наши денежныя дѣла удручаютъ?

Онъ посмотрѣлъ на нее своими впалыми глазами.

— Нѣтъ, Сара, не то; просто я старше сталъ, утомился и... устыдился. Увидѣлъ, что и наши, и ваши, и ихніе—всѣ хороши. Посмотри на нашихъ тузовъ—пошлѣе и отвратительнѣе ничего себѣ представить нельзя. Вся гадость холопа, почувствовавшаго себя на минуту господиномъ, такъ и брызжетъ изо всѣхъ его поръ. И надъ кѣмъ онъ всего больше ломается?! Конечно, надъ своимъ же Беркой и Шлемкой, которымъ не удалось схватить куша. Передъ Сидоромъ и Карпомъ онъ лебезитъ... И чѣмъ только онъ вдругъ ни становится! И меценатомъ, и благодѣтелемъ человѣчества... Я самъ зналъ одного такого артиста. Совсѣмъ былъ бѣдный мальчишка, жилъ на хлѣбахъ у тетки, торговки старымъ платьемъ. Только вдругъ сей герой проявилъ необыкновенные финансовые таланты, началъ служить по откупамъ, потомъ попалъ въ директоры какой-то акціонерной компаніи, получилъ какую-то удивительную концессію, купилъ палаццо и провозгласилъ себя меломаномъ. На вечерахъ этого господина ты можешь встрѣтить кого угодно, только не евреевъ. Дѣти его—спортсмены, жена филантропка... А тетку, которая его двадцать лѣтъ кормила, онъ пересталъ на порогъ пускать. Неприлично, видишь-ли, для его сана, что она такой неблагородной профессіей занимается. Вотъ тебѣ типъ нашего туза. Варіанты, конечно, встрѣчаются разные: одинъ жертвуетъ на больницы, другой на церкви, третій покупаетъ дачу любовницѣ сановнаго барина, которому прямо въ руки неловко дать... Тошно жить, Сара, такъ бы и удралъ отсюда безъ оглядки.

— Но если тебѣ такъ здѣсь опротивѣло,— сказала Сара,—уѣдемъ въ провинцію. Тамъ легче достать ра-

боту, и мы заживемъ тѣсной семейной жизнью. Развѣ ты насъ съ Сонечкой такъ мало любишь, что мы не можемъ дать тебѣ успокоенія!

Онъ охватилъ рукою ея голову и прижалъ ея щеку къ своей щекѣ.

— Дорогая моя, я только тебя и люблю на свѣтѣ,— промолвилъ онъ съ страстною тоской;—но я запутался, Сара, боюсь, что и тебя запуталъ, боюсь, что поздно...

Въ спальнѣ въ эту минуту заплакалъ ребенокъ. Сара бросилась туда и черезъ минуту вернулась, держа на рукахъ прелестную бѣлокурую дѣвочку. Она сморщила отъ свѣта свое заспанное личико и стала тереть кулачкомъ глазки и носикъ; увидѣвъ отца, засмѣялась, пролепетала „папа“ и потянулась къ нему своими розовыми ручонками. Онъ взялъ ее на руки и сталъ быстро поднимать и опускать сверху внизъ. Дѣвчурка такъ и заливалась отъ восторга. Потомъ она перешла къ матери, та напоила ее молокомъ, и она опять уснула.

— Адольфъ, скажи мнѣ правду, отчего ты сказалъ, что намъ поздно начать другую жизнь?—спросила шопотомъ Сара, продолжая прерванный разговоръ.

— Я сказалъ это не подумавши, милая, ты не безпокойся, пожалуйста; просто я сегодня не въ своей тарелкѣ,—отвѣтилъ онъ, слегка смутившись.

Она пристально посмотрѣла на него и прошептала:

— Ты говоришь неправду.

Онъ вспыхнулъ.

— Сара, я тебя прошу, не распрашивай меня ни о чемъ, я тебѣ пока ничего не могу сказать, не мучь меня.

Она умолкла. Дѣвочка мирно спала на ея колѣняхъ. За стѣной у хозяйки монотонно тикали часы.

— А я забыла тебѣ сообщить,—начала Сара, прерывая молчаніе,—я сегодня письмо получила отъ тетуш-

ки Анны Абрамовны. Представь, она приглашаетъ меня съ Сонечкой къ себѣ, пишетъ, что ей безъ меня скучно, что слышала, будто у насъ дѣла плохи, что она на меня больше не сердится и т. д. Вообще письмо очень любезное.

Адольфъ Леонтьевичъ опустилъ голову на руки и, казалось, соображалъ что-то.

— Сара, голубушка,—промолвилъ онъ умоляющимъ голосомъ,—поѣзжай къ теткѣ хоть на время, прошу тебя.

— Что ты говоришь, Адольфъ,—возразила Сара,—подумай хорошенько! Ѣхать къ теткѣ, которая такъ оскорбительно отнеслась къ нашему браку, ѣхать теперь на ея милости! Никогда и ни за что. Я понимаю, тебѣ должно быть грозитъ бѣда, и ты хочешь избавить меня отъ нея. Жаль только, что ты такъ мало меня знаешь: я тебя не покину въ нуждѣ.

Адольфъ Леонтьевичъ вздохнулъ, снялъ съ полки книгу и огромный словарь, вынулъ изъ ящика тетрадь и засѣлъ за работу.

VI.

Дѣла Нордовъ шли все хуже. Сара по цѣлымъ часамъ просиживала надъ пяльцами. Она вышивала бѣлье для одного большого магазина; работа оплачивалась грошами, но она и этому была рада. Адольфа Леонтьевича, казалось, грызло какое-то тайное горе. Онъ совсѣмъ осунулся, помутнѣвшіе глаза безпокойно бѣгали и угрюмо смотрѣли изъ-подъ насупленныхъ бровей, щеки ввалились и представляли глубокія впадины. На него напала какая-то лихорадочная подвижность,

онъ не могъ усидѣть часу на одномъ мѣстѣ и, то и дѣло, убѣгалъ изъ дому; уходилъ даже иногда ночевать къ товарищамъ, оправдываясь передъ женой, что дѣвочка мѣшаетъ ему заниматься ночью, а у него спѣшная и выгодная работа, которую надо скорѣе кончить. Неясное предчувствіе бѣды томило Сару, и она проводила одинокіе часы и дни въ тоскливомъ ожиданіи катастрофы. Она старалась забыться въ заботахъ о дѣвочкѣ и прилежной работѣ, но это ей плохо удавалось. Сидитъ она и вышиваетъ по мелкой-мелкой канвѣ малороссійскую сорочку. Противъ нея, въ колясочкѣ, сидитъ малютка и усердно царапаетъ лицо истерзанной восковой куклы. Сковырнетъ пальчикомъ кусочекъ воску, серьезно его разсматриваетъ и, поднявъ свѣтлые глазки, настойчиво кричитъ—мама! Мать машинально протягиваетъ руку, ребенокъ опускаетъ въ нее свою добычу и снова принимается за дѣло. „Сегодня,—думаетъ Сара,—непремѣнно потребую отъ него объясненія; я хочу, наконецъ, знать, что съ нимъ. Два мѣсяца ужъ тянется эта пытка"....

За дверью у хозяйки бьетъ четыре часа. Въ комнатѣ становится темно. Сара совсѣмъ почти приникла къ пяльцамъ и торопливо дошиваетъ краснымъ шелкомъ звѣзду. Въ глазахъ у ней рябитъ, вѣки горятъ, она ихъ смыкаетъ и видитъ чудные круги—золотые, зеленые, розовые...

Дѣвочка начинаетъ плакать. Сара встаетъ, выпрямляетъ усталую, ноющую спину и беретъ ребенка на руки.

— Чего ты, моя птичка,—говоритъ она, цѣлуя дѣвочку,—соскучилась моя крошка, мамка противная забыла свою дочку, вотъ мы ее, негодную—(она хлопаетъ ручонкой дѣвочки по своей щекѣ, и та ужъ смѣется),—вотъ такъ, не забывай дочку!

Она открываетъ дверь и кричитъ: „Аннушка, Аннушка!“

Входитъ сердитая горничная.

— Чего вамъ?

— Подайте мнѣ, пожалуйста, обѣдать.

— Да вѣдь нѣтъ еще вашего-то.

— Онъ, должно быть, пообѣдалъ въ городѣ.

— Какъ-же, въ городѣ... двадцать разъ вамъ подавай.

Сара вспыхиваетъ.

— Я не желаю слышать вашихъ разсужденій,—говоритъ она,—подавайте обѣдать и ступайте вонъ.

Горничная уходитъ и за дверью изъявляетъ свою обиду.

— Ишь-ты, барыня какая выискалась: „вонъ!“ Самой жрать нечего, а добрыхъ людей шпыняетъ... „вонъ!“... Жидовское отродье!

Сара стискиваетъ зубы до боли, кровь заливаетъ ей щеки, она вся дрожитъ.

Аннушка вноситъ лампу, ставитъ на столъ чашку съ мутнымъ супомъ и кусочекъ чернаго, какъ уголь, мяса. Она безмолвствуетъ, но вся ея фигура выражаетъ оскорбленное достоинство и дышетъ полнымъ презрѣніемъ къ жилицѣ.

— Подайте кипятокъ,—командуетъ Сара.

Аннушка только глазами на нее метнула, хлопнула дверью и, вернувшись съ кипяткомъ, такъ стремительно швырнула чайникъ, что чуть не обварила Сару, державшую на ложечкѣ кусокъ либиховскаго экстракта. Приготовивъ бульонъ и накрошивъ туда хлѣба, она накормила сначала ребенка, а потомъ ужъ принялась за свой супъ.

— „Что это, какъ его долго сегодня нѣтъ!“—подумала она.

Ребенокъ заснулъ, она прилегла на продавленномъ

жесткомъ диванѣ и стала ждать. У ней расходились мысли. „Такъ *это*",—думалось ей,—„та жизнь, къ которой я стремилась... гдѣ же тутъ общій трудъ, взаимная поддержка,—даже простого довѣрія нѣтъ... Одинъ въ одну сторону, другой въ другую. Неужели тетенька Анна Абрамовна была права, что эти всѣ мои „идеи", какъ она ихъ называла,—только блажь, а то болото, которое я оставила, грязное, ничтожное—это и есть настоящая жизнь... А Лидочка—что съ ней будетъ, куда она кинется—въ мою „блажь", или окунется съ головой въ ихъ болото?.. Гдѣ-же правда?"

Часы опять забили; она оперлась на руку и стала считать: девять, десять, одиннадцать... „Господи, да что-же это съ нимъ... Со вчерашняго вечера пропалъ"... Сердце у нея то безпокойно билось, то вдругъ падало и жутко замирало въ груди. Она подошла къ окну и, прислонившись лбомъ къ стеклу, стала глядѣть... Улица была окутана туманомъ. Фонари тускло мерцали, освѣщая овчинныя шубы и бляхи торчавшихъ у воротъ дворниковъ. Въ коридорѣ вдругъ слабо дрогнулъ звонокъ. Сара бросилась въ прихожую. Вошелъ знакомый студентъ. Она почти втащила его въ комнату и заговорила, вся блѣдная, задыхающаяся:

— Вы отъ него? Что съ нимъ, гдѣ онъ?

Студентъ растерялся. Онъ, повидимому, готовился приступить къ своей миссіи исподволь, постепенно, и вдругъ его сразу огорошили.

— Да вы успокойтесь,—началъ онъ, заикаясь,—опасности никакой нѣтъ, его скоро выпустятъ, право.

Сара испуганно смотрѣла на него, ничего не понимая,

— Какъ выпустятъ? Что это значитъ, Ивановъ?

Ивановъ только рукой махнулъ,—словно говоря: „чортъ съ ними, съ этими бабами, полѣзъ въ карманъ, вытащилъ

оттуда письмо и подалъ ей. Она его схватила и стала поспѣшно рвать конвертъ.

„Дорогая моя, милая—писалъ ей мужъ,—не вини и прости меня. Я давно собирался сказать тебѣ все, но у меня духу не хватало пришибить тебя на своихъ глазахъ. Мнѣ хуже, Сара, потому что я гибну безъ вѣры въ душѣ... Итти назадъ я не могу; для меня открытъ только одинъ путь назадъ—путь подлости и предательства. Я тебя знаю, ты сама бы не захотѣла такого возврата. Пусть идеалы, въ которые я вѣровалъ, несостоятельны, но я увлекался ими честно, искренно; я отдалъ имъ лучшія силы моей молодости... и убѣдился, что мы не болѣе, какъ безсильныя пѣшки... Когда я въ этомъ убѣдился, было уже поздно. Да я и не хочу этого. Пѣшкой измученной и раздавленной я еще могу быть, но жирной, самодовольной пѣшкой — нѣтъ и нѣтъ. Отчего я тебя не пріобщилъ къ своей внутренней жизни? Я хотѣлъ избавить тебя отъ того сомнѣнія, которое изглодало мою душу... Я не шлю проклятія своему прошлому,—я не трусъ, но я былъ-бы трусомъ, если-бы привилъ къ твоей здоровой натурѣ свой больной нарывъ. Не отчаявайся, моя прекрасная, милая; въ сущности — такъ лучше. Вѣдь ты-бы раньше или позже разлюбила меня; ты, сама того не замѣчая, уже и теперь разочаровалась во мнѣ, для тебя вѣра безъ дѣлъ—мертва. А такъ ты, можетъ быть, сохранишь обо мнѣ доброе воспоминаніе. Воспитай наше дитя такъ, чтобы оно не проклинало своего отца. Послѣдняя просьба, Сара,—уѣзжай къ теткѣ. Тебѣ надо собраться съ мыслями и силами. Прости еще разъ и забудь скорѣе твоего неудачника-мужа. *Адольфъ*".

Сара безсильно опустилась на стулъ; ей показалось, что она не поняла письма, и она стала его перечитывать. Пальцы у ней вдругъ похолодѣли; она опустила

письмо на колѣни и повернула свое помертвѣлое лицо къ студенту. Тотъ, ждавшій слезъ и истерикъ, испугался этого безмолвнаго горя. Онъ съ участіемъ подошелъ въ молодой женщинѣ, пробормоталъ какое-то утѣшеніе. Она подняла на него свои ушедшіе въ глубь глаза.

— Что?.. Хорошо, уходите, пожалуйста... благодарю васъ.

Студентъ постоялъ, помялся, раскланялся и ушелъ. Сара не отвѣтила на его поклонъ. Она все сидѣла, неподвижно вперивъ глаза въ одну точку, съ протянутыми на колѣняхъ руками. Прошелъ часъ, другой... Въ комнату тихо вошла Аннушка. Сара скользнула по ней равнодушнымъ взглядомъ.

— Хозяйка велѣла вамъ сказать, чтобъ безпремѣнно завтра съ квартиры съѣзжали, — важно объявила она Сарѣ.

— Хорошо...

Аннушку взорвало отъ такого хладнокровія.

— Мы *этакихъ* держать не можемъ, — прибавила она злобно.

Сара вдругъ точно проснулась.

— Какихъ „этакихъ?“ — спросила она, вставая.

— Извѣстно какихъ; сама небось знаешь, за что людей въ острогъ сажаютъ,—отвѣтила съ ехидной усмѣшкой горничная.

Эта грубая наглость, это „ты“ — заставили очнуться Сару. Такъ люди, отупѣвшіе отъ глубокихъ душевныхъ страданій, иногда вдругъ приходятъ въ себя отъ безсмысленной, пошлой выходки человѣка, котораго они въ нормальномъ состояніи не замѣчаютъ. Сара порывисто вскочила съ своего мѣста, схватила лежавшій на столѣ ножъ и, замахнувшись имъ, прохрипѣла:

— Вонъ, гадина, убью!..

Аннушка мгновенно исчезла. Придя въ кухню, она долго еще не могла успокоиться и все твердила:

— Господи помилуй, Господи помилуй...

Сарѣ вдругъ стало очень жарко; она вся дрожала, хотя голова у ней горѣла; что-то мучительно-тяжелое подымалось у нея къ горлу и сдавило его. Она взяла лампу и прошла въ спальную. Въ кроваткѣ, разметавшись, спала дѣвочка. Сара долго глядѣла на ея голыя ручки и ножки, и слезы, горькія, жгучія, необлегчающія, покатились крупными каплями по ея пылающему лицу. Она испытывала безконечную боль, обиду и жалость къ самой себѣ; слезы лились все неудержимѣе, переходя въ судорожное рыданіе, и она зажала ротъ платкомъ, чтобы не разбудить ребенка.

VII.

Сара переѣхала на Пески. Она наняла комнату у двухъ сестеръ-бѣлошвеекъ, жившихъ въ подвальномъ этажѣ. Комната была маленькая, темная, низкая; въ ней пахло мятой, сушеными грибами и какой-то затхлою сыростью, но хозяйки говорили, что это отъ тепла. Обѣ онѣ казались такими добродушными созданіями; это расположило Сару въ ихъ пользу,—„по крайней мѣрѣ не будутъ пилить меня“, —подумала она и дала задатокъ. Когда въ комнату поставили кроватку дѣвочки, въ ней еле осталось мѣста для стула и стола.

Сара старалась занять себя хозяйственными хлопотами. Она боялась остаться наединѣ съ своими мыслями и дѣятельно занялась уборкой комнаты — вытирала пыль, укладывала книги, вбивала гвозди, довольная, что любезныя хозяйки взяли къ себѣ ея Сонечку. Но вотъ комната убрана; дѣлать больше нечего; пыльная

тряпка повисла на ея рукѣ. Ей становится страшно. Она чувствуетъ, что она одна, одна въ цѣломъ мірѣ, и въ ней вдругъ просыпается злое чувство къ мужу. Онъ кажется ей эгоистомъ, ушедшимъ отъ ежедневной мелочной борьбы; онъ предпочелъ исключительное, интересное страданіе, а ее оставилъ одну съ ребенкомъ... пусть выпутывается какъ знаетъ... И смѣетъ еще совѣтовать ей эту низость—ѣхать съ повинной къ теткѣ, которая ее выгнала .. какая нѣжная заботливость... Но Сарѣ уже стыдно за эти мысли, и она уже сама себѣ кажется гадкой. И въ самомъ дѣлѣ! Неужели она такъ безсильна, что сама не можетъ пробиться? Пустяки! она пробьется, не весь-же свѣтъ клиномъ сошелся. Найдутся уроки, переводы, и она сама поставитъ на ноги свою дочку. Въ глазахъ ея вспыхнулъ молодой огонекъ. Она гордо подняла голову и почти улыбающаяся отправилась къ хозяйкѣ. Дочку свою она нашла сидящею на широкой кровати, среди всякихъ лоскутковъ и обрѣзковъ, съ мятнымъ пряникомъ въ рукѣ. Увидя мать, она кинулась къ ней и стала ей совать въ ротъ пряникомъ.

— Какая она у васъ занятная, — сказала Авдотья Петровна, старшая изъ хозяекъ, толстая, высокая дѣвушка, лѣтъ сорока, съ добрымъ, усѣяннымъ веснушками лицомъ.

Младшая сестра, Настя, была гораздо моложе и красивѣе. Свѣтлые сѣрые глаза глядѣли прямо; русая съ желтизной коса была высоко закручена на затылкѣ; красныя губы поминутно улыбались, выказывая рядъ крупныхъ, бѣлыхъ зубовъ; вздернутый носъ придавалъ лицу немного задорное выраженіе. Она опростала стулъ отъ лежащаго на немъ коленкора и подвинула его Сарѣ.

— Садитесь, имени и отчества вашего не знаю, — проговорила она,—гостьей будете.

Сара присѣла.

— Меня зовутъ Сарой Павловной,—сказала она.

— Изъ иностранокъ будете?—освѣдомилась Авдотья Петровна.

— Да... иностранка,—подтвердила она.

— То-то лицо у васъ не русское, а ужъ какая вы писаная красавица,—восхитилась Настя.

Сара улыбнулась этому наивному комплименту.

— И по русски чисто говорите, не отличишь,—замѣтила Авдотья Петровна. — А муженекъ вашъ гдѣ находится?—продолжала она.

— Онъ умеръ,—промолвила Сара и вздрогнула вся, зачѣмъ это она такъ сказала.

Сестры выразили соболѣзнованіе.

— Экое горе, подумаешь! И давно вы его схоронили?

— Нѣтъ, недавно.

— Ишь ты... чай трудно вамъ теперь одной съ ребенкомъ?

— Да, я хочу искать работы, уроковъ...

— Такъ, такъ.

— Вамъ, коли уйти нужно или что, такъ вы ужъ не безпокойтесь, Сара Павловна, я присмотрю за дитей,— предложила Настя.

— Благодарю васъ, Настасья Петровна.

— Ну, что тамъ за Петровна, зовите просто Настей, не велика барыня.

— Благодарю васъ, Настя, вы очень добры. А теперь я васъ оставлю, надо дочку спать укладывать; спасибо за ласковый пріемъ.

— Не на чемъ, Сара Павловна.

VIII.

Сара принялась за поиски. Воспользовавшись предложеніемъ Насти, она оставляла на ея попеченіе дѣвочку, а сама отправлялась по адресамъ, которые она списывала изъ приносимыхъ тою же заботливой Настей газетъ. По большой части, мѣсто оказывалось уже занятымъ. Дернетъ она усталой рукой за звонокъ, откроется дверь, и въ нее выглянетъ равнодушное лицо лакея или горничной: „Вы учительница?—не надо: уже наняли“—и она тоскливо бредетъ дальше. Въ одномъ домѣ ее, наконецъ, впускаютъ. Выходитъ барыня, съ измятымъ лицомъ, въ блузѣ и папильоткахъ. Она прищуриваетъ глаза и молча оглядываетъ смущенную Сару.

— Я не могу васъ взять,—объявляетъ она, наконецъ,—вы слишкомъ хороши собой, а у меня ужъ вотъ гдѣ,—она показала на шею,—сидятъ красивыя гувернантки.

Сара не могла удержаться отъ усмѣшки, услыхавъ такое оригинальное заявленіе.

— Что же онѣ вамъ сдѣлали?—спросила она.

— Какъ что! съ мужемъ кокетничаютъ.

— Да вѣдь я не гувернантка, а учительница, такъ что могу не встрѣчаться съ вашимъ мужемъ, и кромѣ того, могу васъ увѣрить, что не буду кокетничать.

Дама поколебалась съ минуту.

— Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ,—сказала она рѣшительно;—если вы даже не станете дѣлать ему *авансовъ*, онъ все равно будетъ ухаживать за вами. Я ищу урода, понимаете— урода; мнѣ нуженъ покой въ домѣ...

Сара обратилась къ конторщицамъ. При словѣ „ев-

рейка“, всѣ обнадеживанья мгновенно смолкали. „Oh, c'est bien difficile dans votre pays“, съ снисходительнымъ сожалѣніемъ говорили француженки. Ей указали на одну изъ самыхъ извѣстныхъ „placeuses“ m-me Dubois, и она отправилась къ ней. Въ прихожей на нее съ громкимъ лаемъ накинулась жирная, лохматая собаченка, изъ полуоткрытой двери послышался громкій голосъ:

— Bijou, Bijou, petit vilain,—выбѣжала перетянутая горничная съ горбатымъ носомъ и взбитой гривой на лбу, протрещала картавымъ голосомъ:—entrez, m-lle, m-me est au salon...

Сара вошла въ просторную комнату, всю заставленную разнокалиберною пестрою мебелью, цвѣтами, дешевенькими эстампами и статуэтками. Въ каминѣ ярко пылали угли. Полная женщина, съ сѣдыми, почти бѣлыми волосами, выразительнымъ лицомъ и огромными черными на выкатѣ глазами, сидѣла у письменнаго стола и что-то записывала въ толстую прошнурованную книгу. На колѣняхъ у нея лежала большая сѣрая кошка. Въ углу, на диванчикѣ, сидѣлъ молодой человѣкъ, въ щегольской жакеткѣ, завитой барашкомъ, съ невыразимо закрученными усиками, и вертлявая, накрашеная француженка,—должно быть, гувернеръ и гувернантка безъ мѣстъ. Увидѣвъ Сару, m-me Dubois окинула ее взглядомъ знатока и, протянувъ ей лѣвую руку—въ правой она держала гусиное перо—сказала.

— Bonjour, ma belle enfant, quel bon vent vous amène?

Сара очень удивилась этой простотѣ, показавшейся ей любезной и милой; ее только смущало безцеремонное любопытство француза, который, втиснувъ въ глазъ монокль, посматривалъ на нее съ одобрительной улыбкой. M-me Dubois это замѣтила и выслала гувернера и гувернантку вонъ изъ комнаты. Видя, что Сара продрогла, она заставила ее снять пальто, любезно придви-

нула къ камину кресло и только тогда, когда она нѣсколько пришла въ себя,—вступила съ ней въ обстоятельную бесѣду. Искусными вопросами она заставила Сару высказаться больше, чѣмъ та желала. Когда она кончила, француженка сказала:

— Я не хочу подвергать васъ лишнимъ разочарованіямъ: въ русскомъ семействѣ вамъ трудно пристроиться, но не хотите-ли попытать счастія у вашихъ единовѣрцевъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣтила Сара;—для меня это безразлично, даже пріятнѣе.

— Oh, ne vous flattez pas trop du succés,—замѣтила конторщица, съ хитрой улыбкой;—ils ne sont pas non plus tout sucre vos bourgeois gentilhommes. Вотъ адресъ одного изъ вашихъ богачей, банкира Кранца. А теперь позвольте старой опытной женщинѣ дать вамъ совѣтъ: pour réussir il faut se faire valoir.

Обласканная m-me Dubois, Сара съ новыми силами помчалась по данному адресу. Она попала въ настоящій дворецъ. Высокая прихожая съ причудливыми колоннами подавляла своими размѣрами. Широкая, ослѣпительно-бѣлая мраморная лѣстница, устланная бархатнымъ ковромъ, уставленная роскошными деревьями и цвѣтами, и огромное зеркало, отразившее фигуру Сары въ мокромъ, поношенномъ пальто, съ люстриновымъ зонтикомъ въ рукахъ,—смотрѣли, казалось, съ презрительнымъ неудовольствіемъ на непривычную гостью. Ливрейный швейцаръ и лакей, съ висячими бакенбардами, въ черномъ фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, оглядѣли ее съ нескрываемой насмѣшкой, не двигаясь съ мѣстъ. Сара больно прикусила себѣ губу—„они принимаютъ меня за попрошайку“,—подумала она, и повелительно обратилась къ бакенбардисту:

— Доложите барынѣ, что одна дама желаетъ ее видѣть.

Лакей обидѣлся.

— Барыня не принимаютъ всѣхъ; коли вамъ за пособіемъ, пожалуйте въ контору.

— Я не за пособіемъ,—ступайте и доложите барынѣ.

Лакей нехотя поплелся; вернулся онъ почти черезъ четверть часа и пробурчалъ:

— Пожалуйте.

— „Вотъ они сейчасъ будутъ смѣяться надъ моими рваными калошами"—подумала опять Сара и тутъ же внутренно упрекнула себя въ мелочности.

Лакей провелъ ее въ небольшую комнату, удивительно уютную. Темнозеленая бархатная мебель, низенькая, мягкая, такія же портьеры и гардины; полъ весь обитъ пушистымъ ковромъ; надъ диваномъ, въ углу—картина, въ тяжелой золоченой рамѣ; съ потолка спускается китайскій фонарь, освѣщая комнату нѣжнымъ матовымъ полусвѣтомъ.

Явилась хозяйка, въ длиннѣйшемъ голубомъ шелковомъ пеньюарѣ съ красными бантами и цѣлымъ ворохомъ желтыхъ кружевъ. Въ ушахъ у ней сверкали два крупныхъ брильянта; на костлявыхъ рукахъ съ короткими пальцами блестѣли кольца и браслеты. Ея высокая фигура, съ желтымъ, сухимъ лицомъ, кромѣ напускной надменности, ничего не выражала.

— Что вамъ угодно?—спросила она нараспѣвъ.

— Я отъ m-me Dubois; она мнѣ сказала, что вамъ нужна учительница.

— Учительница?! Къ моимъ дѣтямъ ходятъ профессора. Я хочу только репетиторшу, чтобы готовить съ ними уроки.—Какой у васъ дипломъ?

— Домашней учительницы.

— А гдѣ вы были прежде, въ хорошихъ домахъ?

— Я до сихъ поръ не нуждалась въ заработкѣ и не давала уроковъ чужимъ.

Банкирша почувствовала нѣкоторое почтеніе къ посѣтительницѣ.

— Ваши родители были богатые люди?

— Да, со средствами.

— Отецъ, вѣрно, былъ военный?

— Нѣтъ, купецъ.

Почтеніе уменьшилось на нѣсколько градусовъ.

— А какъ ваша фамилія?

— Нордъ.

— Нѣмка?

— Нѣтъ, еврейка, и мнѣ было бы пріятно найти занятія у евреевъ.

Почтеніе мгновено испарилось; желтое лицо выразило разочарованіе и даже какъ будто негодованіе.

— Еврейка? Извините, мы не можемъ, у насъ такой кругъ... моимъ дѣтямъ нужны манеры... вы понимаете, у насъ такое положеніе... Мы и такъ дѣлаемъ столько добра... Извините...

Сара опять очутилась на улицѣ; было ужъ совсѣмъ темно. Она тоскливо поплелась домой. Еще цѣлую недѣлю она бѣгала по разнымъ адресамъ, которые ей вручала madame Dubois, и все безуспѣшно. Написала Auber'у, но получила въ отвѣтъ письмо отъ m-me Roger, въ которомъ та ее извѣщала, что Auber уѣхалъ путешествовать за границу съ какимъ-то семействомъ.

— Vous n'avez pas de chance,—говорила ей m-me Dubois, далеко не такъ любезно, какъ въ первый разъ.

— Voyons,—сказала она ей какъ-то;—faut pas faire la petite fille, quoi! la vie n'est pas un roman. Avec une figure, comme la vôtre, on doit rouler en équipage... c'est pas gai les petits morveux.

Сара подняла на нее изумленные глаза.

— Что вы подъ этимъ подразумѣваете? — спросила она.

— Ne soyez donc pas nigaude, vous l'entendez aussi bien que moi, avec ces beaux yeux, ma chére, on n'a qu'à vouloir...

Но Сара ужъ ее не слушала, она опрокинула свой недопитый стаканъ чая и почти бѣгомъ пустилась домой. Добравшись, наконецъ, до своей комнаты, она съ какимъ-то ужасомъ оглядѣлась кругомъ, словно боясь, не гонятся-ли за ней... Настя принесла ей дѣвочку. Оставшись одна съ ребенкомъ, Сара схватила ее на руки и стала цѣловать, повторяя сквозь рыданія: „за что, за что"... Испуганная малютка заплакала и потянулась къ дверямъ за ушедшей Настей.

IX.

Грустно сидѣла Сара въ своей каморкѣ. Она сознавала, что тонетъ, что нѣтъ ни одной руки, которая бы протянулась поддержать ее, и не знала, что дѣлать, что еще предпринять. Денегъ оставалось всего нѣсколько рублей,—ни продать, ни заложить нечего. Она ужъ дня три, кромѣ хлѣба и завалявшагося куска сыра, ничего не ѣла... Надо за комнату платить—спасибо, хозяйки не напоминаютъ... попросить ихъ развѣ, чтобы взяли ее въ долю, хорошо бы, право... Съ нагорѣвшей сальной свѣчки капалъ жиръ. Она сняла свои промокшіе чулки, свернувшись, легла на кровать и задремала. Возлѣ нея глухо закашлялъ ребенокъ. Она раскрыла глаза.—Нѣтъ, она не ошиблась, ребенокъ дѣйствительно кашляетъ. У Сары захватило дыханіе.

— Господи, только не *это*"—промелькнуло какимъ-то рѣжущимъ холодомъ у ней въ головѣ.

Она соскочила, босая, съ кровати и, взявъ свѣчку, подошла къ дѣвочкѣ. Дѣвочка, казалось, крѣпко спала; изъ полуоткрытыхъ губокъ вылеталъ по временамъ сухой кашель. Сара только теперь замѣтила, какъ похудѣла малютка. Не довѣряя себѣ, она подошла къ двери и стала звать: Настя, Настя!

— Чего вамъ, Сара Павловна?—отозвалась Настя.

— Посмотрите, милая, на Сонечку; мнѣ кажется, что она нездорова, слышите, какъ она кашляетъ?

— Ну, что вы какая, право, безпокойная,—сказала входя Настя:—эка важность, что кашлянулъ ребенокъ. —Да будетъ вамъ на нее глядѣть, еще сглазите,—и она отвела Сару отъ кровати... никакъ вы босикомъ! вотъ съ Соничкой-то ничего не будетъ, а какъ вы сляжете—тогда что?

— Настя, мнѣ очень нехорошо!—вырвалось у Сары.

— Не вижу развѣ?—Да не надо такъ убиваться, Сара Павловна,—плетью, матушка, обуха не перешибешь.

— Знаю и крѣплюсь,—промолвила Сара,—только сегодня мнѣ какъ-то особенно грустно... Спасибо, милая Настя, что хоть вы не оставляете меня одну.

— Вы бы заснули...

— Не спится, Настя. Слышите, какъ она кашляетъ?

— Да не безпокойтесь вы о ней, покашляетъ—перестанетъ. Принесть вамъ чаю, Сара Павловна?

— Долго ставить самоваръ Настя.

— Ничего, мигомъ поспѣетъ, онъ еще совсѣмъ теплый, только подогрѣть.

Она убѣжала въ кухню и скоро вернулась, неся на подносѣ два чайника, стаканъ и мягкую булку. Сара съ наслажденіемъ пила чай. Настя сидѣла у нея въ

ногахъ и усердно подливая изъ чайника, приговаривала: кушайте, матушка. Ея добрые глаза, устремленные на Сару, выражали чистую, сердечную жалость,—такъ глядятъ только совсѣмъ простые люди: ихъ жалость не обижаетъ...

— Что вы такъ на меня глядите, Настя?

— Да ужъ больно мнѣ васъ жалко, Сара Павловна, какая вы слабая, нѣжная... не тутъ-бы вамъ жить,—она повела рукой по комнатѣ.

— Что дѣлать, Настя, на свѣтѣ вѣдь никому особенно весело не живется. У всякаго свое.

— Это-то правда, матушка, что говорить,—подтвердила Настя,—особливо нашей сестрѣ жутко приходится.—Я вотъ и простая и то разъ чуть на себя руки не наложила. Былъ со мной грѣхъ, Сара Павловна, баринъ меня спуталъ. Семнадцати лѣтъ мнѣ не было... ну, извѣстно, поигралъ да бросилъ... Маменька покойница, царство ей небесное, еще жива была, строгая, чуть въ гробъ меня не вколотила... Два дня всего прожилъ мой ребеночекъ, дѣвочка тоже была. Заливаюсь, бывало, плачу, а маменька поѣдомъ меня ѣстъ —„ишь, говоритъ, безстыжая тварь эдакая“...Вѣрите-ли Богу, Сара Павловна, — такъ мнѣ тошно стало... не вытерпѣла, убѣжала, да въ Фонтанку и кинулась. Вытащили меня чуть живую, въ часть поволокли.. сраму одного что! Маменька опосля того въ скорости померла. Мы и зажили съ сестрой вдвоемъ. Спасибо ей, словомъ никогда не попрекнетъ. Ну, да и я тоже зарокъ дала... А ужъ какъ *онъ* мнѣ былъ любъ, окаянный... Такъ вотъ какія дѣла, Сара Павловна. Вы только не говорите сестрѣ, что я вамъ разсказала.

— Что вы, Настя, Богъ съ вами.

Обѣ умолкли.

— А что, Сара Павловна,—начала опять Настя,—вы только не сердитесь, коль не впопадъ спрошу, развѣ у васъ совсѣмъ родныхъ нѣтъ?

— Есть—тетка.

— Богатая?

— Да, богатая. Я у ней жила послѣ смерти родителей года три; сестра моя младшая и теперь у ней.

— Чего-же вы унываете: написали-бы ей, неужто она бы васъ въ такой нуждѣ оставила?

— Не могу я этого сдѣлать, Настя, мы съ ней въ ссорѣ.

— Ахъ, вы... точно дитё малое, право! Эка важность, въ ссорѣ! Поссорились — помирились, не чужія вѣдь.

— Нѣтъ, Настя, это невозможно. Не будемъ объ этомъ говорить. А вотъ что, не возьмете-ли вы меня въ помощницы? я очень хорошо шью и вышиваю.

Настя вспыхнула до корней волосъ.

— Голубушка вы моя,—проговорила она, запинаясь,— вѣдь у насъ самая простая работа, да и та не всегда бываетъ...

Сара молчала, зажмуривъ глаза.

— Да вы не огорчайтесь очень Сара Павловна, вѣдь я для васъ же. Если вы непремѣнно желаете, я скажу сестрѣ. А теперь ложитесь спать, поздно. Авось, Богъ дастъ, все будетъ хорошо—утро вечера мудренѣе. Я у васъ на полу лягу.

Онѣ улеглись и скоро заснули. Только что стало разсвѣтать, когда Настя встала и хотѣла тихонько выйти изъ комнаты, чтобы не разбудить крѣпко спавшую Сару. Ее остановилъ странный, хриплый звукъ, вылетавшій, какъ ей показалось, изъ кроватки ребенка. Она быстро отдернула ситцевую оконную занавѣску. Слабый, грязноватый свѣтъ проникъ въ комнату сквозь тусклое стекло. Настя нагнулась надъ кроваткой и замерла отъ

страха. Дѣвочка лежала, закинувъ назадъ головку; ручкой она схватилась за шею: тяжелое дыханіе, точно звуки пилы, вылетало изъ ея груди.

А Сара спала, какъ убитая. Настя подошла къ ней и стала ее будить.

— Хорошо, хорошо,—бормотала она сквозь сонъ.

— Да вставайте скорѣй, поглядите на Соничку.

Сара сѣла на постели и смотрѣла на Настю непонимающими безсмысленными глазами.

— Что вы говорите, Настя?

— Да вы не пугайтесь: мнѣ кажется, что Соничка не хорошо дышетъ. Не сбѣгать-ли за докторомъ, тутъ недалеко.

Сара совершенно очнулась отъ сна. Она ясно услышала хрипъ дѣвочки, вынула ее изъ кроватки и положила къ себѣ на колѣни. Дѣвочка раскрыла большіе испуганные глазки и, устремивъ ихъ на мать, съ усиліемъ, словно моля о помощи, пролепетала: „мама“.

— Ступайте скорѣе за докторомъ, Настя, — сказала Сара тихимъ, но твердымъ голосомъ.

Она торопливо одѣлась и, взявъ на руки малютку, стала осторожно вливать въ ротъ холодный чай, оставшійся въ стаканѣ. Дѣвочка еле глотала, на лбу у ней блестѣли капельки пота, ручки и ножки были холодны, какъ ледъ. Если-бы не смертельная блѣдность, покрывавшая лицо Сары, можно-бы подумать, что она совершенно спокойна, такъ методически она проводила ложечкой по краю стакана, словно стараясь, чтобы повисшія внизу ложечки капли не упали на ребенка. Вошла Настя въ сопровожденіи доктора, еще молодого человѣка, съ недовольнымъ, заспаннымъ лицомъ. Онъ подошелъ къ Сарѣ и, почти не взглянувъ на нее, присѣлъ на подставленный Настей стулъ и сталъ разсматривать хрипящую дѣвочку.

— Гм... давно она такъ дышетъ?

— Нѣтъ, только что замѣтили, вчера она была совсѣмъ здорова.

Докторъ надавилъ двумя пальцами горло дѣвочки; она страшно закашлялась, вся посинѣла и, казалось, вотъ-вотъ задохнется.

— Докторъ, ради Бога!

Докторъ взглянулъ на искаженное отчаяніемъ лицо Сары—и точно проснулся. Недовольное выраженіе физіономіи сразу исчезло.

— Что вы, сударыня, можно-ли такъ пугаться,—сказалъ онъ привѣтливо.—Успокойтесь, пока еще ничего опаснаго нѣтъ.

Онъ ловко вынулъ мокроту изъ горла малютки, и она стала дышать не такъ тяжело.

— Квартира у васъ неподходящая,—проговорилъ онъ, оглядывая комнату,—воздуху мало да и сыровата. Я пропишу микстурку,—если малютку будетъ рвать, вы не безпокойтесь, нарочно для этого и дамъ; къ ногамъ теплыя бутылки прикладывайте, поите тепловатымъ молочкомъ... вечеромъ я заѣду еще разъ.

Видя, что Сара въ замѣшательствѣ шаритъ въ карманѣ, докторъ любезно произнесъ,—„не извольте безпокоиться“—и поспѣшно вышелъ.

X.

Днемъ дѣвочкѣ стало немного лучше, хотя она очень ослабѣла отъ рвотнаго. Сара, блѣдная и серьезная, молча сидѣла у кроватки, слѣдя своими горящими полными безконечной нѣжности и страха глазами за каждымъ движеніемъ ребенка. Къ вечеру дѣвочкѣ сдѣлалось опять хуже. Пріѣхалъ докторъ, но на этотъ разъ

не сказалъ никакого утѣшенія и на вопрошающій взоръ Сары отвѣтилъ лишь неопредѣленнымъ пожатіемъ плечъ. Онъ скользнулъ глазами по комнатѣ, казавшейся еще унылѣе при жалкомъ свѣтѣ лампы съ растресканнымъ колпакомъ, по заплѣсневѣвшимъ стѣнамъ, по наклоненной головѣ молодой женщины, угрюмо смотрѣвшей въ полъ.

Она подняла голову и сильно схватила доктора за руку.

— Послушайте, — сказала она глухимъ, прерывающимся голосомъ,—это дитя для меня *все*, у меня больше ничего нѣтъ на свѣтѣ... скажите, что ее можно спасти, докторъ, скажите!..

Докторъ вздохнулъ.

— Нельзя... вы говорите—нельзя... нѣтъ... вы этого не говорите... вы добрый человѣкъ, вы не захотите меня убить.

— Сударыня, я ничего не говорю, я самъ не знаю,— какъ-то мямля и глядя въ сторону, произнесъ докторъ;—вѣдь врачъ не Богъ; мнѣ кажется, что у вашего ребенка крупъ, но я могу ошибиться. Нужно бы консиліумъ.

„Консиліумъ"... а у ней въ карманѣ рубль съ копѣйками. Докторъ ушелъ, поставивъ собственноручно піявки къ шеѣ дѣвочки, и велѣлъ придти за нимъ, если будетъ хуже.

Вошла Настя и молча сѣла въ уголку съ какой-то работой. Въ комнатѣ раздавалось зловѣщее хрипѣніе дѣвочки. Сара сидѣла, опустивъ голову на руки; казалось, каждый вздохъ ребенка отдавался болью въ ея груди... Наконецъ она встала, подошла къ столику, на которомъ докторъ прописывалъ рецептъ, и быстро, обмакнувъ перо въ баночку съ чернилами, написала дро-

жащею рукой: „О*. Аннѣ Абрамовнѣ Позенъ. Мой ребенокъ умираетъ. Простите. Пріѣзжайте".

— Настя, пошлите сейчасъ эту депешу, — выговорила она своими побѣлѣвшими губами,—вотъ вамъ,— она сорвала съ пальца обручальное кольцо,—продайте.

Настя посмотрѣла на бумажку.

— Я перепишу, а то никто не разберетъ, да и адресъ нашъ вы забыли написать.

Сарѣ стало какъ-то легче на душѣ. Сердце ея вдругъ умилилось. Она схватила маленькую ручку дѣвочки и, припавъ къ ней пылающими устами зашептала:

— Сокровище мое... радость моя... жизнь... не оставляй меня... дитя мое ненаглядное... и крупныя, жгучія слезы катились по ея щекамъ.

— Мама, ту... — чуть слышно прохрипѣла дѣвочка, показавъ рукой на шею.

Прошло три мучительныхъ дня. Малютка то оживала, то умирала. Сара, исхудалая и мрачная, не отходила отъ нея; ея глаза, точно прикованные, не отрывались отъ посинѣвшаго личика дѣвочки, впавшей къ концу третьяго дня въ сонливое, почти безсознательное состояніе. О чемъ думала Сара въ томительные, безконечные часы гнетущаго ожиданія *чего-то*, да и думаютъ-ли вообще о чемъ-нибудь въ такіе часы...

Стало смеркаться. Въ окна заглянула плачущая ночь. Настя внесла въ комнату лампу.

— Сара Павловна, вы бы хоть чего-нибудь покушали,—начала она просящимъ тономъ.

Сара даже не взглянула на нее. Настя вздохнула и принялась за шитье, но ее тяготила эта тишина, прерываемая лишь взмахами и щелканіемъ иголки по полотну. Она встала, заглянула въ кроватку и, пошатнувшись, выронила изъ рукъ работу. Дѣвочка лежала спокойная, неподвижная; изъ полуоткрытаго ротика вид-

нѣлись, будто при улыбкѣ, четыре бѣленькихъ зуба. Сара вскочила, какъ раненый звѣрь, однимъ толчкомъ оттолкнула Настю и нагнулась надъ ребенкомъ.

— Умерла!..—закричала она съ налившимися кровью глазами,—умерла!..

XI.

Малютку схоронили. На Сару точно столбнякъ нашелъ. Она не раскрывала рта и сидѣла вся застывшая и окаменѣлая, вперивъ глаза въ пустую кроватку ребенка. Когда Настя хотѣла ее вынести, она вцѣпилась руками въ дерево и не дала. Спустя день послѣ похоронъ, пріѣхала вечеромъ Анна Абрамовна. Пошушукавшись предварительно съ хозяйками, она осторожными, робкими шагами вошла къ Сарѣ.

— Милая, дорогая, прости, я не виновата; я поздно получила телеграмму,—громко плача, проговорила Анна Абрамовна, бросаясь обнимать Сару.

Сара отвернулась и ничего не сказала.

— Сарочка, скажи что-нибудь, ради Бога.

Сара поглядѣла на нее застывшими, какъ у мертвеца, глазами и глухо промолвила—«поздно», указавъ блѣднымъ пальцемъ на пустую кроватку. Анна Абрамовна еще громче заплакала.

— Пожалѣй меня,—говорила она, всхлипывая,—если даже я и виновата предъ тобой, такъ вѣдь не съ злымъ умысломъ: я человѣкъ стараго воспитанія, у меня другія понятія... вѣдь я тебѣ добра желала... Я много горя въ жизни перенесла, Сара, я тебѣ никогда не говорила... трехъ дѣтей схоронила, дочь у меня пятнадцати лѣтъ ужъ была. Когда я васъ взяла къ себѣ, видитъ Богъ, я хотѣла вамъ быть родной матерью. У тебя ха-

рактеръ неуступчивый, я вспыльчивая... вотъ и вышло. Ты не виновата, ты была дитя: думала, что въ жизни все должно идти какъ по книжкѣ. Я—необразованная женщина, не могла тебѣ объяснить... требовала, чтобы ты меня слушалась, какъ я своихъ родителей слушалась. А сколько я горькихъ слезъ пролила, какъ ты уѣхала, это только Богъ одинъ знаетъ: вѣдь кромѣ тебя и Лидочки, у меня никого на свѣтѣ нѣтъ...

Сара все сидѣла, не шевелясь, отвернувъ голову.

— Неужели твоя душа такъ ожесточилась, что ты не можешь со мной помириться? Ну, не ради меня, хоть ради Лидочки,—продолжала, рыдая, Анна Абрамовна и, схвативъ руки Сары, стала ихъ цѣловать, обливая слезами. Сара высвободила свои руки, закрыла ими лицо и заплакала.

— Успокойся, дитя мое, не плачь, все еще будетъ хорошо.

— Нѣтъ, тетя, хорошо уже никогда не будетъ, дайте мнѣ выплакаться.

Сара вдругъ совершенно затихла и покорно отдалась въ руки тетки.

Та рѣшила немедленно увезти ее въ О*., но, какъ практическая женщина, она, конечно, хотѣла воспользоваться своей неожиданной поѣздкой въ Петербургъ, чтобы накупить разныхъ разностей по части туалета, которыхъ въ О*., говорила она, ни за какія деньги не достанешь. Гардеробъ Сары тоже требовалъ ремонтировки; это давало Аннѣ Абрамовнѣ предлогъ таскать ее съ собой по магазинамъ. Желая утѣшить Сару, она накупила ей цѣлую груду ненужныхъ вещей: кружевъ, браслетъ, брошекъ; говорила безъ умолку о Лидочкѣ,—какая она прелесть, какая красавица, хозяйка, умница; сообщала всевозможныя новости и сплетни, происшедшія въ отсутствіе Сары въ О*.

— Представь,—разсказывала она,—Поль Розенбергъ, помнишь, тотъ, который за тобой ухаживалъ,—женился на страшномъ уродѣ; говорили, будто милліонъ приданаго, а на самомъ-то дѣлѣ оказалось — однѣ тряпки. Старики просто на стѣну лѣзутъ, что ихъ такъ поддѣли, а молодые, говорятъ, какъ кошка съ собакой живутъ. Поля мнѣ немножко жалко, хотя онъ въ сущности фатъ и дрянь, но старикамъ—по дѣломъ, пусть не задираютъ носа.

Сара молчала, а Анна Абрамовна, сѣвъ на свой конекъ, неслась дальше.

— А помнишь, Сарочка, Неймановъ?

— Помню, тетя.

— Вообрази, они окончательно раззорились. Изъ такого-то дворца—въ двѣ комнаты перейти! Что-жъ, сами виноваты, жили бы себѣ тихо; нѣтъ, какъ можно, надо изъ себя герцоговъ корчить. Помнишь дочь ихъ Женю—кто ни сватался, всѣмъ отказъ, хотѣла вѣрно за графа выйти, да забыла, что у евреевъ есть всего какихъ-нибудь два-три барона, да и тѣ заняты. Знаешь, за кого она вышла? За подрядчика Абрамсона—противный такой, толстый, старый, имени своего подписать не умѣетъ... Что значатъ деньги! Я была на свадьбѣ. Этотъ плѣшивый дуракъ, Абрамсонъ, стоитъ подъ „хупой" и облизывается, а Женя—вся въ брилліантахъ, а лицо какъ у мертвеца. Подъ конецъ не выдержала. Сталъ раввинъ рѣчь говорить и-ну расхваливать жениха—и красивъ-то онъ, и уменъ, и образованъ. Какъ она захохочетъ и хлопъ въ обморокъ...

— Бѣдная Женя,—сказала Сара.

— Ужасно бѣдная! Поѣхала черезъ мѣсяцъ на воды и живетъ себѣ припѣваючи.

Сара откинулась въ уголъ кареты и закрыла глаза.

— Что съ тобой, тебѣ дурно?

— Нѣтъ, я только очень устала.

— Крѣпись, Сара, сегодня уѣдемъ.

Все наконецъ закуплено и уложено. Иззвочики стали выносить вещи. Сара медленно обвела глазами комнату; ея блѣдныя губы задрожали. У дверей суетились хозяйки. Настя, съ краснымъ лицомъ и опухшими отъ слезъ глазами, со злостью впихивала въ сакъ-вояжъ какой-то никому ненужный чайникъ.

— Присядемте,—сказала Анна Абрамовна.

Всѣ сѣли.

— Ну, съ Богомъ,—проговорила она и поднялась. Сара поцѣловала Авдотью Петровну и крѣпко обняла Настю.

— Настя, я васъ никогда не забуду.

— Охъ, батюшки, что-жъ это такое!—въ голосъ вопила Настя.

Сара сидѣла ужъ въ каретѣ, когда Настя опять бросилась къ ней

— Голубушка, напишите хоть когда словечко,—просила она, плача.

Сара всю дорогу промолчала, довольная тѣмъ, что Анна Абрамовна, разговорившись съ пассажирами, оставляла ее въ покоѣ.

На второй день къ вечеру пріѣхали къ мѣсту. Лидочка, высокая, розовая дѣвочка, съ пышными золотистыми волосами и въ необычайно короткомъ платьѣ, съ визгомъ бросилась на шею сестрѣ.

— Сара, Сара, тетя, милая, какъ я рада, что вы ее привезли.

Въ уставленной темной дубовой мебелью большой столовой трещалъ огонь. На столѣ, покрытомъ бѣлоснѣжной скатертью, пыхтѣлъ на мѣдной доскѣ огром-

ный самоваръ, красиво пестрѣли чашки и румяныя булки; густыя, желтыя сливки въ серебряномъ сливочникѣ, масло и обильная закуска придавали комнатѣ пріятный, уютно-жилой видъ.

— Тетя, это я сама все приготовила, спросите Марѳу,—тараторила Лидочка, усаживая сестру.

— Сара, пей, Сара, ѣшь, — говорила безпрестанно тетка.

— Смотри, Сара, сколько я тебѣ пѣнокъ кладу, я вѣдь помню, что ты любишь пѣнки,—прибавляла Лидочка.

Но Сара не можетъ ѣсть. Въ этой удобной, комфортабельной комнатѣ ей вспоминается ея бѣдная дѣвочка, умершая чуть не въ подвалѣ. Кусокъ останавливается у нея въ горлѣ, и горькое рыданье вырывается изъ ея груди. Тетка ее утѣшаетъ. Лидочка всхлипываетъ и все повторяетъ:

— Ну, пожалуйста, Сара, ну, пожалуйста...

XII.

Медленно приходила въ себя Сара. Анна Абрамовна приглашала къ ней цѣлую толпу докторовъ, пичкала ее лѣкарствами и если случалось, что въ минуту гнѣва у нея нечаянно вырвется какой-нибудь укоризненный намекъ на прошлое—она тотчасъ старалась загладить его усиленно-нѣжнымъ ухаживаньемъ. Къ великому ея удовольствію, блѣдныя щечки Сары стали покрываться легкой краской, она сдѣлалась разговорчивѣе и ласково улыбалась шалостямъ сестры, которая, казалось, только о томъ и думала, какъ-бы ее развеселить. Лидочка страстно къ ней привязалась.

— Ахъ, Сара, какъ я тебя люблю, — говорила она, душа ее въ своихъ объятіяхъ.

— За что это, моя дурочка?

— Ты такая... такая...

— Какая?—улыбаясь, спросила Сара.

— Неземная,—патетически вскрикнула Лидочка

— Не говори глупостей, Лида; не достаетъ еще, чтобы ты сдѣлалась сантиментальной фантазеркой. Гдѣ это ты такихъ словъ нахваталась—„неземная!“

— Зачѣмъ же ты сердишься, Сара, я вѣдь не хотѣла тебя обидѣть. Мы въ гимназіи проходимъ теперь Корнеля и Расина, и мнѣ кажется, что ты *ужасъ* какъ похожа на героиню.

— Удивительно! Столько же, сколько наша Мароа на Сципіона Африканскаго. Ты бы вмѣсто этихъ нелѣпостей, Лида, лучше занялась чѣмъ серьезно. Я какъ-то заглянула въ твои тетрадки и нашла, что ты *ужасъ* какъ безграмотно пишешь. Хочешь, я тебѣ буду давать уроки, какъ въ былое время?

— Пожалуйста, Сара.

— А не будешь лѣниться?

— Ну, вотъ, точно я маленькая!

Лидочка, дѣйствительно, училась очень прилежно. Сара обрадовалась этимъ занятіямъ,—они наполняли время и мѣшали думать. Она съ виду почти оправилась, но на блѣдномъ, похудѣвшемъ лицѣ легло выраженіе, не то равнодушія, не то утомленія. Она пыталась нѣсколько разъ узнать что-нибудь о мужѣ; попытки ея долго оставались тщетными; наконецъ ее извѣстили, что мужъ ея умеръ отъ чахотки. Хотя она и привыкла къ мысли, что онъ для нея потерянъ, но вѣсть о его смерти ужалила ея наболѣвшее сердце. Такъ, часто поражаетъ какъ-бы внезапностью ожидавшаяся съ часу на часъ смерть безнадежно больного—

съ физическимъ уничтоженіемъ людямъ тяжелѣй всего примириться. Сара не сказала никому о полученномъ извѣстіи, она только еще больше ушла въ себя. Глядя, какъ она ходитъ взадъ и впередъ по комнатамъ, съ рѣзкой складкой между бровями, Анна Абрамовна часто задавала себѣ вопросъ—ужъ не рехнулась-ли племянница? Ей вообще было не по себѣ съ этой молчаливой, странной женщиной, ради которой она старалась сдерживать свои порывы, которыя—она чувствовала это—была ей въ одно и то же время и родная, и чужая, которая невольно тяготила ее своимъ присутствіемъ, хотя она-бы, конечно, никому, даже самой себѣ, въ этомъ не призналась. Кромѣ того, она дрожала, какъ-бы Сара не заразила своими идеями Лидочку.

— О чемъ ты все думаешь, Сара,—спроситъ она ее иногда, когда та примется за свое обычное хожденіе по комнатамъ.

— Да ни о чемъ особенно, тетя. Думаю, какъ мы въ сущности всѣ глупы... изъ-за чего мы столько терпимъ, бьемся, когда развязка такъ проста.

— Что ты, Богъ съ тобою! Если-бы всѣ такъ разсуждали,—и жить-бы никто не захотѣлъ. Вѣдь человѣку дай только волю, онъ такъ заломается, что и не угодишь. Вотъ хоть ты, Сара,—только не сердись за правду—знаешь, отчего ты страдаешь?

— Отчего?

— Отъ гордости своей, вотъ отчего. Вообразила, что ты не такая, какъ всѣ, захотѣла устроить себѣ какую-то особенную жизнь, силой захотѣла взять—вотъ Богъ и наказалъ: не возвышайся.

— Можетъ быть, тетя.

— Сара!..

— Что?

— Ты... не толкуй ничего такого Лидочкѣ... Пусть она лучше будетъ счастлива по *обыкновенному*...

Сара посмотрѣла на нее долгимъ взглядомъ.

— Хорошо, тетя, только вы это напрасно, я сама не хочу, чтобы Лида вышла такимъ уродомъ, какъ я.

Прошли зима и лѣто, опять наступила осень. Сара, казалось, совсѣмъ выздоровѣла и на постороннихъ производила впечатлѣніе очень красиваго, но холоднаго существа. Сама она все сильнѣе чувствовала, что составляетъ въ аккуратномъ домѣ тетки чуждый, нарушающій общую гармонію элементъ. Она стала подумывать объ отъѣздѣ. Возвратившійся въ это время въ Россію m-r Auber прислалъ ей отечески-нѣжное письмо, въ которомъ выражалъ глубокое сожалѣніе по поводу того, что не могъ оказать ей поддержки, когда она въ ней такъ нуждалась. Онъ предлагалъ ей мѣсто гувернантки у вдовы-генеральши, живущей, какъ онъ писалъ, въ одной изъ большихъ приволжскихъ губерній. Сара обрадовалась этому предложенію и, несмотря на протесты Анны Абрамовны, рѣшилась уѣхать.

XIII.

Господа! пора садиться! первый звонокъ...

Толпа волною хлынула на платформу, суетясь и толкаясь. Какой-то мастеровой сшибъ съ ногъ бабу; она уронила мѣшокъ и громко ругалась, собирая свои пожитки. Мокрый снѣгъ, смѣшанный съ дождемъ, падалъ крупными лепешками съ хмураго, точно больного неба. У купэ второго класса стояли красивый старикъ, въ мѣховомъ пальто съ бобровымъ воротникомъ, дама среднихъ лѣтъ, укутанная въ бархатную ротонду, и хорошенькая дѣвочка, лѣтъ пятнадцати, въ синей

плюшевой шубкѣ и мохнатой бѣлой шапкѣ, повязанной большимъ платкомъ. Это были m r Auber и Анна Абрамовна съ Лидочкой, пріѣхавшія изъ О* проводить уѣзжавшую въ Энскъ Сару.

Они сбились вмѣстѣ, силясь протиснуться къ окну вагона, изъ котораго она смотрѣла на нихъ, наклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ. На ея утомленномъ лицѣ блуждала слабая улыбка, большіе черные глаза, опушенные длинными рѣсницами, устало смотрѣли изъ-подъ тонкихъ, почти прямыхъ бровей.

— Не скучай, поправляйся!—говорили отъѣзжающей.

— Пиши чаще!

— N'oubliez pas votre vieil ami, mon enfant!

— Ахъ, Сарочка, зачѣмъ ты опять уѣзжаешь!—жалобно вскрикнула Лидочка и, схвативъ узенькую, прозрачную руку сестры, припала къ ней лицомъ.

Та сдвинула брови, губы ея нервно дрогнули.

— Не плачь, — сказала она рыдающей дѣвочкѣ, — вѣдь ты же мнѣ обѣщала; будь умница, Лидочка, а то мнѣ еще грустнѣе станетъ.

— Хорошо, я перестану, — согласилась Лидочка, — только ты пиши мнѣ отдѣльно обо всемъ, обо всемъ. Увѣряю тебя, что я все пойму...

Раздался второй звонокъ. Анна Абрамовна вошла въ вагонъ.

— Сара, — заговорила она, всхлипывая, — обѣщайся мнѣ, что если тебѣ тамъ хоть что-нибудь не понравится — ты сейчасъ же вернешься назадъ. Какъ дома ни плохо, а все лучше, чѣмъ у чужихъ.

— Хорошо, тетя, только, пожалуйста, не плачьте.

— Не могу я не плакать, чувствуетъ мое сердце, что изъ этой новой затѣи не выйдетъ добра. Вѣдь придетъ же фантазія идти въ гувернантки, точно у нея дома ѣсть нечего,—продолжала всхлипывать тетка.

Племянница молчала. Тетка вынула маленькое портмоне.

— Я положила сюда еще денегъ, — сказала она, — чтобъ ты, по крайней мѣрѣ, не нуждалась въ копѣйкѣ.

— Merçi, тетя, только, право, это лишнее, у меня и такъ много денегъ.

Послышался третій звонокъ, тетка поспѣшно выскочила изъ вагона. Сара опять наклонилась въ окно и стала прощаться.

— Adieu, monsieur Auber, тетя, не поминайте лихомъ... Прощайте всѣ, будьте здоровы... Лида, я разсержусь...

Тамъ и сямъ раздались звонкіе, торопливые поцѣлуи. Пронзительно взвизгнулъ свистокъ, запыхтѣлъ локомотивъ, и поѣздъ медленно тронулся. Сара кланялась, не сводя глазъ съ провожавшихъ; ей махали платками. Auber съ непокрытой головой улыбался грустной, доброй улыбкой. Лидочка рванулась было къ вагону, но благоразумная тетка энергически удержала ее за руку. Поѣздъ пошелъ быстрѣе. Платформа убѣжала изъ виду, замелькали длинные ряды товарныхъ вагоновъ, въ послѣдній разъ взвизгнулъ и замеръ свистокъ.

Сара отошла отъ окна, сняла шубку, шляпку, положила въ уголъ диванчика подушку и легла, закинувъ руки за голову.

— „Опять въ дорогѣ“, — вздохнула она и стала разсматривать пассажировъ, чтобы ни о чемъ ни думать. Но воспоминанія, какъ нарочно, лѣзли ей въ голову длинной, мучительной вереницей.—„Бродячая я, видно, птица“,—рѣшила она,—„то туда, то сюда... такъ, вѣрно, и умру гдѣ-нибудь въ дорогѣ... въ ожиданіи лучшаго“.

А пассажиры между тѣмъ успѣли оглядѣться и разговорились. Двѣ купчихи,—одна въ платочкѣ, другая въ шиньонѣ, — повидимому, родственницы, поставили на диванъ плетеную корзинку и, вытащивъ оттуда цѣ-

лую гору пирожковъ, хлѣба, ветчины и яблокъ, стали кушать.

— Что-же вы, Лизавета Ивановна, дочитали фельетончикъ?—спрашивала купчиха въ платочкѣ, отрывая зубами огромный кусокъ ветчины.

— Дочитала, Марья Павловна, еще вчерась, даже всенощную пропустила.

— Чѣмъ-же кончилось?

— Ахъ, ужъ и не говорите, Марья Петровна! Такъ чувствительно... читаю, а у самой слезы такъ и бѣгуть. Вѣдь графъ-то больше не свидѣлся съ княжной.

— Неужто не повѣнчались?!—воскликнула, на сколько это допускалъ набитый ротъ, Марья Петровна.

— Гдѣ ужъ тамъ вѣнчаться! Вѣдь у княжны-то въ домѣ пожаръ случился: она и сгорѣла. Узналъ это графъ, взялъ да и застрѣлился.

— Ахъ!..

Рядомъ съ Сарой какая-то дама, въ старомодной собольей шапкѣ съ бархатными наушниками, обложенная цѣлой кучей шалей, пледовъ и платковъ, всевозможныхъ цвѣтовъ и размѣровъ, горячо убѣждала солиднаго господина въ очкахъ, что у насъ всѣ несчастія происходятъ отъ чрезмѣрной свободы.

— Помилуйте, — говорила она,—на что это похоже, какіе-нибудь мальчишки заявляютъ неудовольствіе профессору. А отчего это позвольте спросить?! Оттого, что мы утратили всякое чувство сословнаго достоинства. Вѣдь теперь всякій сапожникъ, да что я говорю—сапожникъ,—всякій жидъ норовитъ своего сына въ гимназію сунуть. Можете себѣ представить — какіе примѣры такой мальчикъ видѣлъ у себя дома, и вдругъ его сажаютъ рядомъ съ ребенкомъ de bonne maison. Натурально, имъ должна овладѣть зависть: онъ не имѣетъ ни такихъ манеръ, ни вообще той distinction, кото-

рая дается только происхожденіемъ. Вотъ онъ и начинаетъ мечтать, что онъ умнѣе всѣхъ, возводитъ въ боги сиволапаго мужика, о которомъ понятія не имѣетъ, и въ итогѣ получается нигилистъ.

— Но позвольте, сударыня,—возразилъ господинъ,—если предоставить исключительное пользованіе образованіемъ привилегированнымъ сословіямъ, мы рискуемъ затормазить прогрессъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же,—перебила барыня, вынимая изо рта папироску,—я сама не противъ прогресса, у меня въ имѣніи школа, я выписала учителя изъ Петербурга—не какого-нибудь пономаря, а совершенно приличнаго.—Какой онъ у меня хоръ устроилъ! Выучилъ мальчишекъ пѣть мотивы изъ Моцарта, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ имъ, чтобы они знали свое мѣсто и не забывались. Увѣряю васъ, все зависитъ отъ направленія. У меня у самой два сына въ университетѣ, тѣмъ не менѣе они до сихъ поръ, слава Богу, не похожи на семинаристовъ ..

Сара зѣвнула.—„Все одно и то-же"—подумала она. У ней разболѣлась голова отъ смѣшаннаго гула незнакомыхъ голосовъ и однообразнаго подпрыгиванія стукающаго вагона. Она повернулась на бокъ, и закрыла глаза. Воспоминанія безпорядочно вставали и смѣнялись въ ея утомленномъ мозгу, словно пестрыя картины въ панорамѣ. Дѣтство... юность... Auber съ своей всепримиряющей философіей... Адольфъ Леонтьевичъ, толкнувшій ее невѣдомо куда и самъ сгинувшій, потому что назадъ ему стыдно было идти, а впередъ—умѣнья не хватало... Анна Абрамовна съ своими птичьими идеалами и строгимъ приговоромъ:—не возвышайся, живи по обыкновенному... даже Настя, простодушная, милая Настя, и та: „плетью, матушка, обуха не перешибешь", „особливо нашей сестрѣ жутко прихо-

дится“... Господи, да что-жъ это за хаосъ такой?! Въ чемъ, наконецъ, *мой* грѣхъ, *моя* вина... Положимъ, я не сила, но неужто-же однимъ великанамъ и жить... и развѣ я требовала чего-нибудь особеннаго... Меня ненавидѣли, я захотѣла узнать, за что... Нельзя-же преслѣдовать двѣ тысячи лѣтъ человѣка за миѳъ. Ну, я—червякъ, ничтожество... но вѣдь это и для червяка безсмыслица... И къ чему привели мои порывы?. Не успѣла даже порядкомъ дать себѣ отчетъ, чего мнѣ нужно... И баста... не удалось, значитъ виновата... неумѣлымъ нѣтъ мѣста за общимъ столомъ... не нужно, по крайней мѣрѣ, ничьихъ сожалѣній; ужъ если умирать—то въ одиночку“... Она вздохнула, досадуя, что не можетъ заснуть, и сѣла. Въ вагонѣ было почти темно, фонари, задернутые синими занавѣсками, едва пропускали слабый дрожащій свѣтъ. Пассажиры, изогнувшись въ дугу, мирно похрапывали на разные лады, издавая по временамъ тяжелое кряхтѣнье, Сара прислонилась лбомъ къ холодному стеклу и стала глядѣть въ мракъ. По темному небу тянулись кое-гдѣ молочными струйками облака. Поѣздъ быстро скользилъ по рельсамъ. Лѣса сплошной черной тѣнью мчались мимо въ какой-то бѣшеной круговой пляскѣ. Локомотивъ извергалъ цѣлые снопы огненныхъ искръ, разметая ихъ сверкающимъ столбомъ далеко по воздуху. Одинокія избушки сторожей уныло мелькали то зеленымъ, то краснымъ фонаремъ въ общей тьмѣ, да жалобно, точно надрывающій душу похоронный вопль крестьянской бабы, взвизгивалъ свистокъ, да кондуктора выкрикивали охриплыми голосами названія станцій... Сара уже ни о чемъ больше не думала и все глядѣла въ окно. Наконецъ, усталые глаза ея стали смыкаться, она опустила голову на подушку и заснула крѣпкимъ, тяжелымъ сномъ...

XIV.

Генеральша Серафима Алексѣевна Зубкова—маленькая, худая старушка, съ зачесанными на виски сѣдыми букольками и беззубымъ ртомъ, вѣчно одѣтая въ черное, обшитое плерезами, платье, казалась—да и на самомъ дѣлѣ была существомъ весьма незначительнымъ. Привыкши всю жизнь подчиняться волѣ мужа—покойный генералъ взялъ ее изъ купеческаго дома и по всякому поводу упрекалъ плебейскимъ происхожденіемъ—Серафима Алексѣевна послѣ его смерти совсѣмъ растерялась, точно испугавшись, что некого ей будетъ больше слушаться. Опасенія ея скоро разсѣялись. Старшая дочь, Ора Николаевна—ее собственно звали Ирина, но она находила это имя недостаточно благозвучнымъ и передѣлала его,—скоро прибрала къ рукамъ мать и весь домъ. Это была барышня, перешедшая за роковой тридцатилѣтній возрастъ, длинная, высохшая, съ блѣдными глазами и какими-то вылинявшими бѣлокурыми волосами. Прическу она носила высокую, взбитую, съ поэтическимъ блѣдно-голубымъ бантомъ на боку. Она вообще любила томные цвѣта и глазамъ своимъ въ обществѣ обыкновенно придавала томное выраженіе. Часто, впрочемъ, по свойственной женской натурѣ непослѣдовательности, она вдругъ измѣняла своему предпочтенію къ меланхолическому и мечтательному, начиная капризничать и наивничать, какъ институтка. Несмотря на свою поэтическую внѣшность, Ора Николаевна была, что называется, дѣвица съ душкомъ, а по неучтивымъ отзывамъ горничныхъ—даже прямо „ехида“ и „змѣя подколодная“. При жизни отца, она принуждена была сдерживать свои властолюбивыя наклонности—покойный генералъ былъ чело-

вѣкъ крутой и твердо держался принципа, что „яйца курицу не учатъ“. При отцѣ, впрочемъ, легче было справляться съ собой—и жилось веселѣе, и надеждъ было больше. Со смертью генерала обстоятельства измѣнились: денегъ онъ оставилъ мало, а на пенсію можно было жить лишь очень скромно; отъ баловъ и выѣздовъ приходилось отказаться или, по крайней мѣрѣ, ограничить ихъ до ничтожества. Мать, изложивъ старшей дочери эти резоны, робко предложила переселиться для сокращенія расходовъ въ деревню, находившуюся въ 20 верстахъ отъ Энска и доставшуюся ей послѣ какой-то двоюродной тетки.

— Закопать свою молодость въ глуши,—отвѣчала на эти резоны дочь.

— Да какъ-же иначе, Орочка, ты посуди, вѣдь если останемся въ городѣ, придется нынѣшнюю зиму начать вывозить Оленьку, а съ двумя вами мнѣ не справиться.

— Вывозить Ольгу! ха-ха-ха... это мило! Вывозить пятнадцатилѣтнюю дѣвчонку, которой еще за книжкой надо сидѣть. Такія вещи могутъ приходить въ голову только вамъ, maman.

Maman хотѣла было замѣтить, что Оленькѣ не пятнадцать, а восемнадцать лѣтъ, но она благоразумно промолчала и только вкрадчиво проговорила:

— Нельзя знать, мой другъ, можетъ быть, какъ разъ въ деревнѣ тебѣ представится хорошая партія.

— Ужъ не за старосту-ли вашего вы намѣрены меня просватать,—колко отозвалась дочь.

— Ахъ, Ора, всегда ты такъ перевернешь все по своему. Вѣдь сама знаешь, что при нашихъ средствахъ нельзя такъ жить. Нужно Костю въ гимназію готовить.

— Отдайте его въ уѣздное училище.

Серафима Алексѣевна возмутилась.

— Въ уѣздное училище! Моего единственнаго внука! сына покойнаго Андрюши!.. Кажется, тебѣ не два года было, когда братъ умиралъ, помнишь, чай, какъ онъ поручалъ намъ своего ребенка...

— Ну, пошло̀! — прервала Ора Николаевна и нетерпѣливо передернула плечами.

Генеральша вздохнула и замолчала.

— Такъ какъ-же, Ора, — начала она опять, — вѣдь такъ нельзя... Если ты не хочешь, чтобы Оля выѣзжала—такъ надо ей учителя музыки взять.

— Еще-бы, конечно! Для любимицы найдутся деньги и на учителей, и на выѣзды, а когда мнѣ нужна шляпка—начинается съ утра до вечера нытье: и долги-то, и нищета, и чего-чего только не перечтутъ. Знаю, что вы бы рады меня хоть за дворника сбыть, только-бы вашей Оленькѣ побольше досталось.

— Грѣхъ тебѣ, Ора, такъ нападать на сестру.

Подобные разговоры повторялись между матерью и дочерью очень часто. Послѣ одной изъ такихъ бесѣдъ, слишкомъ надоѣвшихъ уже Орѣ Николаевнѣ, она отчеканила:

— Въ деревню я не пойду, такъ вы и знайте, — и, хлопнувъ дверью, ушла къ себѣ въ комнату.

Комната ея, если можно такъ выразиться, дышала невинностью. Сѣренькіе, съ голубыми и розовыми птичками, обои, на окнахъ цвѣты и занавѣски тоже съ птичками. Кровать, покрытая розовымъ одѣяломъ, въ бѣломъ чехлѣ, туалетъ тоже розовый съ бѣлой кисеей и безчисленнымъ количествомъ всякихъ альбомчиковъ, коробочекъ, подушечекъ для булавокъ, сткляночекъ съ духами, щеточекъ, гребеночекъ; тутъ-же подъ стекляннымъ колпачкомъ пучекъ засушенныхъ цвѣтовъ, перевязаный голубой ленточкой—какой-нибудь сердеч-

ный сувениръ; на столѣ симметрично, какъ за витриной магазина, расположены письменныя принадлежности; вдоль стѣнъ чинно разставлены стулья и ситцевые табуреты; на висячей шифоньеркѣ красуются Лермонтовъ, цѣлый годъ „Русскаго Вѣстника“, Евангеліе... у образа въ углу розовая лампадка.

Ора Николаевна осталась, должно быть, очень недовольна разговоромъ съ матерью. Она бросилась на кровать, не откинувъ даже одѣяла, чего она, по своей аккуратности, никогда-бы не сдѣлала въ нормальномъ состояніи, и стала задумчиво грызть ногти. Потомъ она встала, расправила и свернула одѣяло, достала изъ коммода книгу и бумажный свертокъ и опять улеглась. Въ сверткѣ были конфекты-тянучки, до которыхъ Ора Николаевна была большая охотница, а книга была — „Nana“, Эмиля Золя, до котораго Ора Николаевна тоже была охотница. Она совершенно погрузилась въ чтеніе и, медленно посасывая конфетку за конфеткой, забыла, казалось, весь міръ, какъ вдругъ раздавшійся внезапно звонокъ заставилъ ее вздрогнуть. Она оперлась на локоть и, вытянувъ впередъ голову, стала прислушиваться. Послышалось звяканье шпоръ и незнакомый мужской голосъ.

— Кто-бы это могъ быть, — проговорила Ора Николаевна и сѣла на кровати.

Черезъ мгновенье къ ней влетѣлъ кубаремъ Костя, черноволосый, краснощекій мальчикъ, тотъ самый, котораго она предлагала отдать въ уѣздное училище, и, запыхавшись, доложилъ:

— Тетя Ора, чужой полковникъ пріѣхалъ, бабушка приказала вамъ выйти, и кубаремъ-же вылетѣлъ назадъ.

Еще черезъ мгновенье къ Орѣ Николаевнѣ вбѣжала младшая сестра, свѣженькая дѣвушка, съ пухлявымъ

розовымъ личикомъ, вздернутымъ носикомъ и круглыми испуганными глазками.

— Ора, полковникъ какой-то изъ Москвы пріѣхалъ; мама велѣла мнѣ одѣться.

— Такъ что-жъ, одѣвайся, я вѣдь тебѣ не мѣшаю.

— Да видишь, Ора, мой корсетъ совсѣмъ развалился, я стала его надѣвать, да второпяхъ и сломала обѣ планшетки. Дай мнѣ, пожалуйста, надѣть твой старый.

— Чтобъ ты и мой сломала? благодарю покорно,

— Ей-Богу, не сломаю. Ну, Ора, пожалуйста, дай, прошу тебя.

— Не приставай, — мой корсетъ на тебя не влѣзетъ.

— Право, влѣзетъ,—онъ мнѣ только въ груди узокъ, а въ таліи даже широкъ.

— Что?! У тебя, можетъ быть, тоньше моей талія! Скажите, вотъ новость! Ну, такъ при такой стройной фигурѣ можно обойтись и безъ корсета.

— Ора, дай.

— Отстань, Ольга, не дамъ.

— Не дашь?

— Не дамъ.

— Жадная, противная уродина, только и знаетъ, что обжираться тянучками, читать всякія гадости, да дѣлать глазки всѣмъ мужчинамъ.

— Вонъ, дрянь!

— Сама дрянь.—И сказавши эту послѣднюю любезность, храбрая Оленька пустилась бѣжать.

Не смотря на эту маленькую перебранку, обѣ барышни какъ ни въ чемъ не бывало вошли въ гостиную, въ которой Серафима Алексѣевна, сидя какъ на иголкахъ, занимала гостя въ ожиданіи дочерей. Увидавъ ихъ, она съ облегченіемъ вздохнула.

— Полковникъ Раздеришинъ, дочери мои, Ора и Ольга,—отрекомендовала она.

— Имѣлъ удовольствіе быть сослуживцемъ и закадычнымъ пріятелемъ покойнаго вашего брата,—отрекомендовалъ себя полковникъ, звякнувъ шпорами.

Ора Николаевна граціозно склонила головку и пролепетала:

— Очень пріятно.

— Очень пріятно, — повторила за ней, какъ эхо, Оленька.

— Вы уже давно въ нашихъ краяхъ? — начала разговоръ Ора Николаевне, съ какой-то особенной граціей опирая голову на изогнутую руку.

— Нѣтъ-съ, недавно. Только вчера пріѣхалъ. У меня тутъ недалеко имѣньице послѣ жены осталось, такъ вотъ хочу его привести въ порядокъ.

— Неужели вы намѣрены поселиться въ деревнѣ?— изумилась Ора Николаевна.

— Да, на одну зиму, для сына; онъ былъ у меня очень боленъ, я и хочу его выдержать годикъ въ деревнѣ.

— Но кто-жъ его будетъ здѣсь учить?

— Я надѣюсь самъ съ нимъ управиться. Онъ вѣдь у меня еще не очень ученая особа.

Серафима Алексѣевна громко вздохнула.

— И я,—сказала она,—хотѣла было въ деревню перебраться...

— Что-жъ вы! — подхватилъ полковникъ, — и прекрасно, вмѣстѣ поѣхали-бы. Вѣдь ваши Дубки недалеко отъ моей Осиновки.

— Я-то бы душой рада отсюда, да вотъ Орочка не хочетъ,

Орочка бросила на мать молніеносный взоръ, кото-

рый, будь онъ одаренъ силой электричества, навѣрно-бы уложилъ на мѣстѣ старуху.

— Maman! какъ вамъ, право, не совѣстно сочинять на меня,—воскликнула она тоненькимъ голоскомъ, полнымъ очаровательнаго негодованія,—когда-же я говорила, что *не хочу*? Я только сказала, что тамъ трудно достать доктора, а вы такъ часто хвораете, да вотъ Ольгѣ придется музыку запустить. А что до меня, вы знаете, что мнѣ все равно, гдѣ ни жить, — добавила она нѣсколько горькимъ тономъ.

Серафима Алексѣевна широко выпучила глаза; ей, повидимому, пришло въ голову, что, можетъ, она въ самомъ дѣлѣ не такъ поняла Орочку, Оленька вся вспыхнула и съ ея сложенныхъ сердечкомъ красныхъ губокъ, казалось, вотъ-вотъ слетитъ:—Ахъ, лгунья!

Полковникъ крутилъ усы и улыбался.

— Чего-жъ лучше! значитъ, всѣ согласны; Серафима Алексѣевна обѣщаетъ не хворать (Серафима Алексѣевна отъ радости чуть было не сказала, что она сроду больна не была, да удержалась и только утвердительно закивала головой). Ну, а съ Ольгой Николаевной дѣйствительно затруднительно.

— Я, что-жъ... я ничего... я и одна могу играть,—краснѣя и запинаясь, выговорила Оленька.

Серафима Алексѣевна совершенно растаяла.

— Зачѣмъ-же, Оленька, я не хочу тебя лишать музыки; съ переѣздомъ въ деревню расходы сократятся, я выпишу для тебя изъ Москвы гувернантку. Она и Костю будетъ учить.

Ора Николаевна кротко улыбалась.

— Вотъ и чудесно,—сказалъ полковникъ,—я свою Осиновку живо устрою, и вы не мѣшкайте. Эхъ, какими славными сосѣдями мы съ вами заживемъ! А гувер-

нантку, если позволите, я вамъ доставлю черезъ швейцарца, который Сашѣ моему уроки даетъ,—онъ знаетъ весь свѣтъ.

— Ахъ, какъ хорошо,—восторгалась Серафима Алексѣевна,—да что мы тутъ въ гостиной сидимъ? Ужъ если деревенскіе сосѣди, стало быть, безъ церемоніи, пожалуйте въ столовую чай пить.

Перешли въ столовую. Разговоръ велъ полковникъ. Онъ разсказывалъ о Москвѣ, Петербургѣ, театрахъ: сообщилъ нѣсколько пикантныхъ анекдотовъ про общихъ знакомыхъ... Говоря, онъ исключительно обращался къ Орѣ Николаевнѣ. Такое вниманіе было ей, видимо, пріятно; на щекахъ ея горѣли сквозь пудру два яркія пятна, а устремленные на полковника, глаза глядѣли, казалось, не на полковника, а куда-то въ безконечную даль.

— Вы, вѣроятно, много читаете, — освѣдомился у нея полковникъ.

— О, да! книги, цвѣты и музыка составляютъ всю мою жизнь,—отвѣтила она томно.

— А людямъ, Ора Николаевна, развѣ вы совсѣмъ не отводите мѣстечка въ вашей жизни,—спросилъ съ коварной усмѣшкой полковникъ.

— Люди...—медленно произнесла Ора Николаевна,—люди меня не понимаютъ. И она презрительно небрежно махнула рукой.

— А вы, Ольга Николаевна, тоже людьми не довольны?—обратился Раздеришинъ къ младшей сестрѣ.

— Добрыхъ люблю, а злыхъ терпѣть не могу,—выговорила Оленька.

Полковникъ засмѣялся.

— Какъ это хорошо,—сказалъ онъ.

— Ребенокъ!—снисходительно замѣтила Ора Николаевна.

Послѣ чая Раздеришинъ уѣхалъ, пообѣщавъ въ тотъ-же вечеръ написать швейцарцу Auber'у о гувернанткѣ. Зубковы остались очень довольны гостемъ, и даже Ора Николаевна, сдѣлавъ матери и сестрѣ краткое внушеніе относительно того, что онѣ не умѣютъ держаться въ обществѣ,—была весь вечеръ очень любезна со всѣми.

XV.

Auber отрекомендовалъ генеральшѣ въ гувернантки Сару. Мысль, что она еврейка, очень смутила Серафиму Алексѣевну и предоставленная самой себѣ, она, вѣроятно, не рѣшилась-бы на такой смѣлый подвигъ. Но тутъ случились два побочныхъ обстоятельства. Во-первыхъ, рекомендуемая гувернантка вмѣщала въ себѣ, по отзывамъ швейцарца, сосудъ всевозможныхъ знаній и искусствъ за весьма дешевую цѣну, такъ что единственнымъ пятномъ въ ней являлось еврейство. Во-вторыхъ, привезшій эту новость Николай Иванычъ Раздеришинъ замѣтилъ—„неужели у васъ еще раздѣляютъ этотъ предразсудокъ"—такимъ тономъ, какъ будто для него не только этотъ, но и вообще никакихъ предразсудковъ не существовало. Присутствовавшая при разговорѣ Ора Николаевна, не желая отстать отъ столичнаго гостя въ либерализмѣ, воскликнула:—Полно, maman, что вы, точно не всѣ люди равны! — Серафима Алексѣевна, сбитая съ толку, пролепетала, что она сама, конечно, ничего, но что вотъ другіе могутъ осудить—сами знаете, у насъ провинція.

— Да зачѣмъ вамъ всѣмъ докладывать, *кто она*, скажите француженка, и дѣло съ концомъ, — посовѣтовалъ полковникъ.

Совѣтъ этотъ пришелся по душѣ Серафимѣ Алексѣевнѣ. Она даже подумала про себя, что, кто знаетъ, пути Господни неисповѣдимы, можетъ, онъ нарочно посылаетъ жидовку въ генеральскій домъ, дабы она просвѣтилась. Она даже повеселѣла отъ этой мысли, тѣмъ болѣе, что Орочка, оставшись съ ней наединѣ, замѣтила:

— Знаете, maman, даже лучше, что она жидовка: будетъ, по крайней мѣрѣ, знать свое мѣсто и не важничать, а то съ нашими вѣдь не оберешься претензій.

— Конечно, Орочка, конечно, — согласилась мать.— Ахъ, какой милый этотъ полковникъ, всегда все устроитъ, и право-же, Орочка, мнѣ кажется, что онъ къ тебѣ неравнодушенъ.

Ора Николаевна покраснѣла. Ей очень нравился Раздеришинъ, и предположеніе матери было ей пріятно. Она стала вообще гораздо мягче и кротко позволила перевезти себя въ деревню. Гувернантку она приготовилась встрѣтить снисходительно, взять ее подъ свое покровительство и вообще, такъ сказать, поразить ее величіемъ своей души. Когда отъ Сары пришла телеграмма, что она ѣдетъ, генеральша выслала за ней на станцію „плетенку“. Она хотѣла было послать коляску, но, разсудивъ, что жалко даромъ гонять туда и назадъ тройку, рѣшила, что не бѣда, если евреечка прокатится въ „плетенкѣ“, и велѣла накласть побольше сѣна. Сара пріѣхала ночью, совершенно разбитая. Всѣ ужъ спали. Ее встрѣтила сонная горничная, со свѣчею въ рукѣ, и отвела прямо въ отведенную для нея на антресоляхъ комнату.

— Прикажете поставить самоваръ, барышня?—спросила, громко зѣвая, горничная, стаскивая съ Сары шубку.

— Нѣтъ, не надо, благодарю васъ.

— Какъ-же можно безъ чаю; вы небось прозябли. Экой холодище какой! Господи, Боже мой!

— Ничего, я лягу спать и согрѣюсь.

— Какъ угодно-съ,—сказала горничная и стала оправлять постель.—Въ которомъ часу прикажите васъ разбудить?—спросила она опять.

— А когда у васъ встаютъ?

— Да разно-съ. Старшая барышня, Ора Николаевна, почиваютъ до десяти, а то и до одиннадцати часовъ, ну, а Ольга Николаевна съ барченкомъ кушаютъ чай вмѣстѣ съ барыней, часу въ девятомъ.

— Вотъ и меня тогда разбудите.

— Слушаю-съ.

Сара сѣла въ продавленное кожаное кресло и стала оглядывать комнату. Комната была небольшая, съ нависшимъ потолкомъ, оклеенная пестренькими обоями. У стѣны стояла желѣзная кровать, покрытая темнымъ байковымъ одѣяломъ; старинный краснаго дерева коммодъ, съ полувыдвинутыми ящиками, припиралъ заколоченную стеклянную дверь, выходящую на балконъ. Небольшое зеркало, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, кресло, два—три стула и столъ довершали все убранство. Видя, что горничная стоитъ, переминаясь съ ноги на ногу, и не уходитъ, Сара обратилась къ ней.

— Какъ васъ зовутъ?

— Дуняшей-съ.

— Идите спать, Дуняша, мнѣ больше ничего не нужно.

— Не помочь-ли вамъ раздѣться, барышня?

— Нѣтъ, благодарю, я всегда сама раздѣваюсь.

— Слушаю-съ, покойной ночи.

Сара осталась одна. Она подошла къ окну и стала вглядываться въ темное беззвѣздное небо. Оголенныя

деревья съ распростертыми во всѣ стороны сучьями рисовались какими-то гигантскими неопредѣленными тѣнями. Изъ-за огромнаго чернаго облака робко показался краешекъ луны и, словно испугавшись, опять потонулъ въ густомъ мракѣ. Плохо спалось Сарѣ въ эту ночь на новомъ мѣстѣ. Мучительныя мысли, видѣнія прошлаго—не давали ей покоя. Выглянетъ одинъ образъ и стоитъ передъ ней, какъ живой, она ведетъ съ нимъ безсвязную рѣчь; вдругъ онъ пропадаетъ и смѣняется другимъ лицомъ, цѣлымъ рядомъ другихъ лицъ... она дѣлаетъ надъ собой усиліе, и ей удается забыться. Ей снится свѣтлый, радостный сонъ. Забыты неудачи, печали, разочарованія, ихъ нѣтъ, ихъ даже никогда не существовало; это былъ какой-то тяжелый гнетущій кошмаръ, а настоящая жизнь только теперь наступила. Всѣмъ хорошо, и всѣ такіе хорошіе, такъ понимаютъ другъ друга, никто никого не мучитъ, не пилитъ, не точитъ, не ненавидитъ, и она сама такая счастливая, любящая... ей хочется подѣлиться со всѣми своимъ счастьемъ, раздавать его полными руками, чтобы нигдѣ не осталось ни одного темнаго, унылаго, заброшеннаго, забытаго уголка. Да и зачѣмъ обдѣлять, обходить... развѣ не всѣ равны... развѣ не всѣ братья... Чье это блѣдное лицо? Ахъ это несчастный оборванный жидъ, истерзанный, отовсюду гонимый; его жалкая хата разбита, дочь обезчещена, жена изувѣчена, убогій скарбъ пущенъ по вѣтру... онъ въ грязи, въ крови... „Христопродавецъ", гогочетъ толпа... „Эксплуататоръ"... „Скатертью дорога",—кричатъ ликующіе голоса, а онъ все стоитъ скорбный, пришибленный, съ протянутой дрожащей рукой, почернѣлыя губы его шевелятся... что это онъ бормочетъ?

Ein Jahrtausend schon und länger
Dulden wir uns brüderlich:

Du—du duldest, dass ich athme,
Dass du rasest—dulde ich...

Да вѣдь это—стихи Гейне. Откуда ты ихъ знаешь, несчастный! Теперь ужъ это не такъ, это давно, давно прошло...

— Барышня, а барышня, вы приказали разбудить васъ, скоро девять часовъ, — раздался надъ самымъ ухомъ Сары громкій голосъ Дуняши.

Она раскрыла удивленные глаза. Сквозь оконныя занавѣски глядѣло тусклое утро. Въ крышу мѣрно стучалъ дождь. Она быстро одѣлась, отклонивъ услуги горничной, пришедшей въ дѣтскій восторгъ при видѣ ея роскошныхъ, доходящихъ до колѣнъ, волосъ.

— Батюшки, вотъ волосы,—восклицала она,—какіе черные, густые: неужто все ваши, барышня?

— Мои, Дуняша.

— Какая прелесть! У насъ, чай, во всемъ городѣ такихъ косъ не сыщешь.

Дуняша, вѣроятно, еще долго-бы выражала свой восторгъ, если-бъ Сара не вернула ее къ дѣйствительности, сказавъ:

— Проводи-же меня къ барынѣ.

Ея появленіе въ столовой произвело нѣкоторое смятеніе. Всѣ встали изъ-за стола. Серафима Алексѣевна пошла къ ней на встрѣчу и, протянувъ ей свою маленькую руку, добродушно проговорила:

— Милости просимъ, Сара Павловна. Ужъ вы извините, что вчера не встрѣтили васъ. Рекомендую: дочери мои и внукъ, прошу любить да жаловать.

Сара пожала всѣмъ руки и сѣла на пустой стулъ возлѣ генеральши. Она смутилась и покраснѣла, чувствуя устремленные на нее взгляды, и, чтобы при-

дать себѣ храбрости, стала пристально всматриваться въ окружавшія ее новыя лица. Ея горячіе черные глаза встрѣтились съ блѣдными глазами Оры Николаевны, глядѣвшими на нее съ нескрываемымъ удивленіемъ, и она рада была, что генеральша, подвинувши ей чашку чая, дала ей возможность отвернуться отъ непріязненнаго, какъ ей казалось, взгляда.

— Вы, должно быть, еще не отдохнули съ дороги,— обратилась къ ней Серафима Алексѣевна.

— Меня утомила поѣздка на лошадяхъ, но это скоро пройдетъ,—отвѣтила Сара.

— Вы первый разъ въ деревнѣ?

— Да, первый.

— Какъ-бы вы у насъ не соскучились,—мы живемъ очень уединенно.

— Тѣмъ лучше, я не люблю общества.

— Ну, какъ въ ваши годы не любить общества,— усомнилась генеральша.

Сара промолчала.

— Этотъ молодой человѣкъ и есть, конечно, мой будущій ученикъ,—спросила она, указывая на Костю, который, забивъ за обѣ щеки по огромному куску хлѣба съ масломъ, никакъ не могъ ихъ проглотить и стремительно укрылся за спину бабушки.

— Да, вотъ его надо въ гимназію готовить, ну и съ Оленькой,—генеральша кивнула головой на младшую дочь,—музыкой позаняться.

— Вы ужъ давно играете?—спросила Сара Оленьку.

— Давно, только ужасно скверно, — отвѣтила та, обнажая свои бѣленькіе зубки.

— Это вы, конечно, скромничаете, — привѣтливо улыбнувшись, замѣтила Сара, которой понравилось открытое простое личико ученицы.

— Къ сожалѣнію, мы не страдаемъ скромностью, скорѣе излишнею заносчивостью,—насмѣшливо вставила Ора Николаевна, вмѣшиваясь въ разговоръ.

Сара перевела на нее свои глубокіе глаза.

— Вы слишкомъ строги,—сказала она,—самонадѣянность вообще свойственна молодости, къ этому слѣдуетъ относиться снисходительно.

Оленька искоса поглядѣла на сестру, закусила губы и ничего не отвѣтила на ея колкость. Серафима Алексѣевна безпокойно завозилась на стулѣ и, дабы прекратить въ самомъ началѣ „опасный“ разговоръ, встала изъ-за стола. Оленька схватила за руку Сару и потащила ее къ роялю.

— Сыграйте что-нибудь, Сара Павловна, вотъ ужъ вы навѣрно отлично играете.

— Почему-же это „навѣрно“,—усмѣхнулась Сара, садясь на табуретку и опуская руки на клавиши.

Она заиграла какую-то бравурную пьесу, но вдругъ, точно забывшись, наклонила голову, и тихіе, хватающіе за душу, звуки поплыли изъ-подъ ея тонкихъ пальцевъ,—то замирающіе, то полные безъисходной, щемящей тоски и муки о далекомъ, о безвозвратно утраченномъ,—звуки Шопеновской музыки.

— Ахъ, какая прелесть, вотъ чудо, вотъ прелесть!—затараторила Оленька,—да мнѣ при васъ стыдно одну нотку взять.

Сара очнулась, и ей стало стыдно за свое невольное увлеченіе. Передъ ней стояла Оленька и весело—беззаботно глядѣло ея пухлявенькое личико. Ора Николаевна молчала, плотно сжавъ губы и какъ-то грустно, недовольно смотрѣла въ окно. Сару точно кольнуло. Ей показалось, что ее зарываютъ заживо въ чужую землю. Ее леденила эта комната своей провинціальной

обстановкой, зеленою, порыжѣлою мебелью, вышитыми подушками на диванахъ, вязаными тамбуромъ кружечками на спинахъ креселъ. На окнахъ—герань, плющъ, бегоніи; на стѣнахъ—полинявшіе, криворотые и пучеглазые портреты, произведенія добросовѣстнаго, но—увы!—непризнаннаго художника. Въ углу виситъ въ засиженной мухами рамѣ пейзажъ, изображающій малиновую пастушку, сидящую на малиновомъ берегу малиновой рѣки, а рядомъ съ ней зеленый рыцарь на богатырскомъ конѣ грозитъ кому-то кулакомъ. Въ креслѣ у окна генеральша вяжетъ чулокъ, равнодошно-лѣниво перебирая спицами...

— Не хочу ни о чемъ думать,—рѣшаетъ про себя Сара.—M-elle Ольга, теперь ваша очередь,—говоритъ она громко,—я хочу послушать какъ вы играете.

Оленька заиграла „Reveil du lion". Играла она скоро, не выдерживая темпа, безъ оттѣнковъ, громко ударяя по клавишамъ, причемъ лицо ея, кромѣ напряженнаго страха пропустить какую-нибудь ноту,—ничего больше не выражало. Сара поморщилась, когда Оленька, разбудивъ наконецъ своего льва, поглядѣла на нее въ ожиданіи одобренія.

— Недурно,—сказала она — но вамъ еще много придется заниматься. А теперь, Костя, пойдемъ-ка учиться.

Костя вздохнулъ, надулъ губы и, не глядя на гувернатку, повелъ ее, тяжело стуча сапогами, наверхъ.

XVI.

Однообразно потянулось для Сары время въ генеральскомъ домѣ. Она скоро присмотрѣлась къ членамъ всей семьи и установила между собою и ими вѣжли-

выя, но далекія отношенія. Серафима Алексѣевна, не смотря на свое желаніе выпытать что-нибудь у гувернатки относительно ея прошлаго, должна была отказаться отъ этого намѣренія. Односложные и простые отвѣты Сары ее не удовлетворяли. И въ самомъ дѣлѣ, „родители умерли“, „воспитывалась у тетки“, „небогата“, „вдова“... Кто-жъ этому повѣритъ! Ужъ конечно; не Серафима Алексѣевна, которая, не смотря на свое видимое смиреніе, въ глубинѣ души считала себя женщиной очень проницательной.

— Понадѣялась должно быть, на свою красоту и влюбилась въ аристократа, а тотъ не обратилъ вниманія, потому, что ни говори, все-таки—жидовка,—рѣшила она про себя и успокоилась. Обходилась она съ Сарой предупредительно, даже нѣсколько подобострастно.

Положительно не взлюбила гувернатку Ора Николаевна. Она ожидала встрѣтить, некрасивое, робкое, постоянно готовое къ услугамъ существо и не могла простить Сарѣ, что та не оправдала ея ожиданій. Ее раздражала изящная, величавая фигура гувернатки, ея спокойныя манеры, ея простое, скромное платье. Сара не сердилась на Ору Николаевну за ея враждебное отношеніе къ ней. Она понимала это жалкое засохшее существованіе провинціальной старой дѣвы, весь идеалъ которой—выйти замужъ. И вотъ этотъ идеалъ рушится, замѣнить его нечемъ...

Болѣе счастливыя сверстницы устроились, обзавелись своимъ гнѣздомъ и съ пренебрежительнымъ сожалѣніемъ, словно онѣ Богъ вѣсть какой гражданскій подвигъ совершили, поглядываютъ на отставшую подругу. А тутъ налетаетъ цѣлый рой молодыхъ, беззаботныхъ, цвѣтущихъ подростковъ; съ эгоизмомъ здоровыхъ людей они проносятся рѣзвой толпой передъ бѣдной старой дѣвой, унося ея послѣднія надежды, вырывая изъ

немощныхъ, желтѣющихъ рукъ послѣднюю тѣнь счастія, и старая дѣва остается одна съ затаенной завистью въ несогрѣтой груди, съ глухою ненавистью къ тѣмъ, которымъ посчастливилось. Позади у нея разочарованія, впереди—пустота, которую по инстинкту самосохраненія надо чѣмъ-нибудь наполнить. Одна наполняетъ ее хожденіемъ къ обѣднѣ, вечернѣ и всенощной; другая всю душу свою кладетъ въ любимую собачку или кошку; третья ни за что не хочетъ разстаться съ призракомъ молодости и запоздалымъ кокетствомъ доставляетъ обильную пищу остроумію мѣстныхъ beaux-esprits.

Оленька искренно полюбила Сару и откровенно восхищалась ею, а когда замѣтила, что это злитъ сестру, то въ ея присутствіи обыкновенно удваивала свои восторги. Музыкой она занималась усердно, но еще усерднѣе старалась подражать Сарѣ въ ея манерѣ сидѣть, перелистывать ноты, оправлять платье. Ора Николаевна съ свойственною ей прозорливостью замѣтила эти невинныя мелочи и, когда бывала не въ духѣ,—что случалось довольно часто, — отпускала по этому поводу шпильки.

— Ольга,—говоритъ она, напримѣръ, Оленькѣ, прилежно разбирающей затруднительный пассажъ;—начни съ начала, ты не такъ перевернула страницу.—Или: ты не такъ чихнула, какъ Сара Павловна.

Оленька, понятно, не остается въ долгу и замѣчаетъ что-то въ родѣ:

— Нельзя-же всѣмъ пятьдесять лѣтъ сряду играть „Штендхенъ."

Между сестрами завязывается перепалка, обыкновенно окачивающаяся тѣмъ, что Сара уводитъ въ свою комнату Оленьку и начинаетъ ей тамъ читать продол-

жительное нравоученіе. Оленька плачетъ и оправдывается, что *не она начала*. Пристыженная Ора Николаевна, сознающая въ душѣ, кто *началъ*, злится на весь міръ, хлопаетъ дверями и кричитъ на весь домъ, что она *никому* не позволитъ себѣ импонировать. Въ продолженіе двухъ-трехъ дней всѣ ходятъ надутые, молчаливые, избѣгая глядѣть другъ другу въ глаза, но мало-по-малу горизонтъ проясняется и все входитъ въ обычную колею до новой бури. Бури наступали періодически, такъ что ихъ можно было предвидѣть, а именно—послѣ каждаго визита полковника Раздеришина, привозившаго разъ въ недѣлю своего сына въ Дубки, гдѣ онъ бралъ у Сары уроки французскаго языка. Корень зла заключался не въ урокахъ, которые проходили тихо и чинно, и даже не въ учительницѣ,—полковникъ, хотя и находилъ ее красавицей, но говорилъ, что въ ней есть что-то такое un je ne sais quoi, деревянное... Корень зла заключался въ вѣтренности непостояннаго полковника, перенесшаго Богъ вѣсть почему все свое вниманіе съ Оры Николаевны на Оленьку. Бѣдная Ора Николаевна! Она положительно не могла понять, какъ это случилось, за что, почему;—„Вѣдь не хуже-же она, наконецъ, этой индюшки—Оленьки". Кажется, все такъ хорошо шло, онъ, повидимому, такъ понималъ ее, такъ сочувствовалъ ея мечтательнымъ идеаламъ—и вдругъ... однажды, среди какой-то заоблачной бесѣды, раздался его басистый голосъ:

— Ну, Ольга Николаевна, засмѣйтесь! Когда вы смѣетесь, у васъ такія ямочки дѣлаются на щекахъ, что, глядя на нихъ, точно молодѣешь.

— Вотъ вы какой,—обиженно говоритъ Оленька,—вы меня считаете за маленькую! За то, что дразните меня, нарочно не буду смѣяться. Я тоже могу быть серьезной.

Она надуваетъ губки, но не выдерживаетъ роли и заливается звонкимъ, безсмысленнымъ, веселымъ смѣхомъ.

— Вотъ и прекрасно, ну, еще, немножко,—одобряетъ полковникъ.

Ора Николаевна забыта. Полковникъ то проситъ Оленьку сыграть что-нибудь, то бѣгаетъ съ ней по комнатѣ, то подсядетъ къ ней близко и серьезно такъ скажетъ:

— Ну, давайте, Ольга Николавна, толковать о важныхъ матеріяхъ.

Ора Николаевна страдала неимовѣрно. При полковникѣ она сдерживалась и, хотя сердце у ней ныло и надрывалось съ тоски, обдавала его высокомѣрнымъ презрѣніемъ, когда онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вступалъ съ ней въ разговоръ. Всю накипѣвшую на душѣ горечь она вымѣщала на домашнихъ; особенно доставалось матери, которую она пилила по цѣлымъ часамъ за то, что та будто-бы поощряла неприличное обращеніе полковника съ Ольгой. Серафима Алексѣевна пыталась убѣдить ее, что она ошибается, что Николай Ивановичъ шутитъ съ Оленькой, какъ съ ребенкомъ, но Ора Николаевна прерывала ее визгливымъ, язвительнымъ хохотомъ.

— Оленька ваша ребенокъ! Она—ребенокъ! Да это самая пошлая кокетка!—кричала она, задыхаясь.

— Оленька въ отместку дѣйствительно кокетничала съ полковникомъ и общими усиліями онѣ превращали домъ въ адъ. Серафима Алексѣевна поребѣгала отъ одной дочери къ другой, стараясь ихъ какъ-нибудь ублажить, наконецъ измученная, спасалась въ комнату къ Сарѣ.

— Сара Павловна, я вамъ не помѣшаю?—жалобно спроситъ она, пріотворяя дверь.

— Ничего, Серафима Алексѣевна, пожалуйте.

Старуха входитъ, усаживается съ чулкомъ на стулѣ и то и дѣло поворачиваетъ въ сторону голову, стараясь незамѣтно смигнуть набѣгающія на глаза слезинки.

У стола сидитъ Сара и держитъ въ рукахъ карандашъ; противъ нея на табуретѣ помѣщается съ нахмуреннымъ лицомъ Костя.

— Отчего вы опять не приготовили уроковъ? — вопрошаетъ Сара.

— Забылъ, — лаконически отвѣтствуетъ ученикъ.

— Какъ-же вы могли забыть, вѣдь я записала въ тетрадку?

Костя на минуту задумывается и затѣмъ выпаливаетъ съ видомъ побѣдителя:

— Я забылъ, гдѣ вы записали.

— Это неправда, Костя, зачѣмъ вы лжете?

Костя смущается и начинаетъ для контенанса ковырять въ носу. Въ разговоръ вмѣшивается бабушка:

— Какъ же ты это, Костенька, а? Не стыдно тебѣ огорчать Сару Павловну? Она тебя учитъ, старается; другая гувернантка тебя бы изъ угла не выпускала... Проси сейчасъ прощенія у Сары Павловны! Скажи, что не будешь больше лѣниться, что это въ послѣдній разъ...

Но тутъ потокъ краснорѣчія Серафимы Алексѣевны прерывается неистовымъ ревомъ Кости, который, не вынеся оскорбленія, опрокидываетъ стулъ, чернильницу, книги и обращается въ бѣгство подъ спасительную сѣнь кухни.

XVII.

Бывали, впрочемъ, и ясные дни. Ора Николаевна мирно читаетъ какой-нибудь романъ; Оленька погру-

жена въ вышиванье славянки; Костя возится съ собакой; Сара исправляетъ запутанное, измазанное и перечеркнутое сложеніе Кости, а генеральша безмятежно дремлетъ на диванѣ. На дворѣ стоитъ тихій зимній день. Снѣгъ огромными рыхлыми хлопьями заноситъ дворъ и садъ. Волга совсѣмъ спряталась подъ пушистой бѣлой скатертью. Ора Николаевна открываетъ глаза отъ книги и устремляетъ взглядъ на разстилающуюся безконечно вдаль широкую, словно саваномъ окутанную, степь.

— Господи, какая тоска,—вздыхаетъ она громко,—хоть бы какая-нибудь собака забѣжала.

— Вотъ, погоди, можетъ быть, Николай Иванычъ пріѣдетъ,—утѣшала ее Оленька.

— Ужасно какое отъ него веселье, отъ твоего Николая Иваныча: только отдувается и отпускаетъ глупыя остроты.

— Ты, однако, Орочка, прежде не находила его такимъ ужъ дуракомъ.

— Конечно, пока не разглядѣла хорошенько, что онъ за птица. Вѣдь въ нашей берлогѣ каждому свѣжему человѣку обрадуешься.

Оленька готовится возражать, но Ора Николаевна не даетъ.

— Да вотъ, Сара Павловна, вы навѣрно со мною согласитесь, что Раздеришинъ просто олухъ, — обратилась она къ Сарѣ.

— Я его совсѣмъ почти не знаю,—отозвалась та,—но онъ мнѣ кажется самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ: ни особенно уменъ, ни особенно глупъ...

Въ эту минуту Костя взвигнулъ: „Колокольчики! кто-то ѣдетъ!“ и, не внимая отчаяннымъ возгласамъ проснувшейся Серафимы Алексѣевны, что онъ простудится, пустился стремглавъ по лѣстницѣ.

— Бабушка, Аполлонъ Егорычъ пріѣхалъ и Анѳиса Ивановна тоже,—кричалъ онъ ужъ снизу.

Чрезъ нѣсколько минутъ въ залу ввалился гость— Аполлонъ Егоровичъ Филатовъ, извѣстный всему Энску дѣлецъ и сплетникъ. Это былъ почти шарообразный человѣкъ, лѣтъ пятидесяти. Массивное и жирное туловище его покоилось на коротенькихъ, тонкихъ ногахъ, изчезавшихъ подъ непомѣрнымъ животомъ. Совершенно лысая голова, съ толстой бурой складкой вмѣсто шеи, казалась неподвижно прикрѣпленной къ плечамъ, такъ что, когда ему нужно было повернуть ее, онъ оборачивался обыкновенно всей особой. Круглый, мягкій носъ, толстыя красныя губы, скрытыя огромной сѣдѣющей бородой, начинавшейся чуть не на вискахъ, и зеленые глазки съ отвислыми голубоватыми мѣшечками подъ вѣками, плутовски блестѣвшіе въ своихъ узенькихъ щелкахъ — довершали эту оригинальную фигуру.

Онъ вошелъ въ залу, держа въ рукѣ мѣховую, уже облѣзшую шапку и пестрый шелковый платокъ; вытеръ имъ мокрую бороду и затѣмъ уже приложился къ ручкѣ хозяйки, поздоровался съ барышнями и, тяжело пыхтя, опустился на диванъ.

— Здравствуйте, Аполлонъ Егорычъ, что ва́съ давно не видать? совсѣмъ насъ забыли... Оленька, прикажи самоваръ и закусить... Да гдѣ же Анфиса Ивановна? — говорила, суетясь во всѣ стороны, генеральша.

— Чай, еще разоблачается; напутала, небось, на себя возъ цѣлый фуфаекъ да юбокъ, вотъ и не можетъ сразу опростаться... Вы, матушка Серафима Алексѣевна, не извольте безпокоиться, да вотъ и она на лицо. Ты чего тамъ копалась?-- обратился онъ къ показавшейся въ дверяхъ женѣ.

Раздались новыя восклицанія. Дамы обмѣнялись звонкими поцѣлуями, освѣдомились взаимно о здоровьѣ; генеральша пожелала узнать,—здоровы-ли дѣтки Анфисы Ивановны, и получила въ отвѣтъ, что, слава Богу, ничего; только у Машеньки была свинка, да Ваничка все животомъ бьется...

Наконецъ все пришло въ порядокъ, всѣ успокоились и усѣлись, на столѣ появился самоваръ и обильная закуска. Анѳиса Ивановна вытащила изъ ридикюля длиннѣйшій деревянный крючокъ, на кончикѣ котораго висѣла вытянутая петля косынки изъ мегеровой шерсти, и принялась вязать. Въ противоположность своему супругу, она была очень высока и худа; платье на ней висѣло мѣшкомъ, что ей, впрочемъ, очень нравилось: она всегда строго наказывала домашней портнихѣ Агафьеюшкѣ, чтобы на груди непремѣнно „набѣгало“, на что Агафьюшка, съ видомъ знатока, кивала головой, съ достоинствомъ замѣчая: „Понимаемъ, сударыня, понимаемъ, чтобы, значитъ, неглижа“. Волосы Анѳиса Ивановна носила спереди пышными бандо, а на затылкѣ закручивала ихъ въ маленькую кучку, въ которую втыкала огромную черепаховую гребенку. Прическа эта очень шла къ ея добродушному лицу, удивительно напоминавшему печеное яблоко.

Анѳиса Ивановна была въ самомъ дѣлѣ очень добра, но, къ сожалѣнію, обладала не совсѣмъ пріятной особенностью: она не могла просидѣть часа, чтобы не икнуть или не чихнуть.

— Что новаго? кого видѣли изъ знакомыхъ? что въ городѣ слышно?—посыпались со всѣхъ сторонъ на гостей вопросы.

— А вотъ дайте маленько согрѣться, все разскажемъ, — отвѣчалъ Аполлонъ Егоровичъ, наливая густыя сливки въ крѣпкій, какъ пиво, чай.—Это вы, Се-

рафима Алексѣевна, сами крендельки-то пекли?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Аполлонъ Егорычъ, поваръ; передъ отъѣздомъ въ деревню новаго взяла. А что, нехороши развѣ?

— Чудесные, прелесть какіе,—съ чувствомъ произнесъ Аполлонъ Егорычъ.—А у меня,—продолжалъ онъ, приходя въ волненіе,—представьте, какая гадость вышла! Дьяволъ этотъ старый, Андронычъ, напился шельма, какъ стелька, да и подай при гостяхъ къ чаю какія-то угольныя сосульки; такъ меня, скажу вамъ, взорвало,—взялъ я блюдо да къ нему въ кухню.—Это что? спрашиваю,—а онъ бестія: заварной крендель, говоритъ, Палонъ Ягорычъ.—Ахъ ты... это заварррной крендель? Заварной крендель долженъ таять во рту, какъ сахаръ, какъ масло, а это, говорю, не заварной крендель, а солдатское голенище!.. Бросилъ ему, идолу, въ рожу все блюдо и ушелъ.

Разсказъ Аполлона Егоровича, приправленный соотвѣтственными движеніями, произвелъ различное впечатлѣніе на слушателей. Костя и Оленька хохотали во все горло,—имъ ужасно нравилась манера Аполлона Егоровича подчеркивать самыя крупныя словца. Ора Николаевна улыбалась кончиками губъ, а генеральша, замѣтивъ, что Анѳиса Ивановна усиленно молчитъ и моргаетъ глазами, собираясь чихнуть,—лепетала приличныя случаю утѣшенія. Затѣмъ перешли къ городскимъ новостямъ. Аполлонъ Егоровичъ сообщилъ злобу дня,—что Анна Сергѣевна Загорская убѣжала отъ мужа къ шалопаю этому Коломину, а онъ возьми да и отвези ее назадъ.

Новость произвела сенсацію. Всѣ сдвинулись ближе, чтобы лучше слышать; раздались восклицанія, вздохи, осужденія.

— Помилуйте, какъ это можно! Мать троихъ дѣтей... семейная женщина! Да какъ она могла рѣшиться на такой поступокъ! и для кого! Забыть мужа для вертопраха... какого-нибудь, для котораго и святого ничего не существуетъ...

— Вѣрьте,—не вѣрьте, какъ хотите, а дѣло было такъ; вотъ хоть ее спросите,—для большей убѣдительтельности Аполлонъ Егоровичъ ткнулъ пальцемъ нажену.

— Правда, правда,—подтвердила Анѳиса Ивановна;— попуталъ грѣхъ Анну Сергѣевну; просто смотрѣть на нее жалко, такая она стала худая да печальная. И что она въ немъ нашла, чѣмъ онъ ее могъ прельстить, рѣшительно не понимаю!

И чтобы выразить всю глубину своего непониманія, Анѳиса Ивановна растопырила пальцы и даже спустила нѣсколько петель съ своего вязанья.

— Ну ужъ это ты, Анѳиса Ивановна, оставь. Не твоего это ума дѣло,—замѣтилъ Аполлонъ Егоровичъ.— Скажите, пожалуйста, тоже разсуждаетъ: чѣмъ прельстилъ!—Вотъ тебя-бы, небось, не прельстилъ.

Анѳиса Ивановна мгновенно съежилась.

— Опасный человѣкъ, — сказала Серафима Алексѣевна.

— Нѣтъ! да вы послушайте, какъ онъ, разбойникъ, сухъ изъ воды вышелъ,—воскликнулъ Аполлонъ Егоровичъ.—Ѣздитъ къ нимъ, почитай, каждый день, съ мужемъ первый другъ-пріятель, выдумалъ теперь благотворительный спектакль устраивать, да и преподнесъ Аннѣ-то Сергѣевнѣ первую роль—какой-то тамъ драматической любовницы... Каковъ?!

— Что вы, неужели! ну, и что-же она?

— Отказала, само собой... Къ вамъ теперь собирается, хочетъ Ору Николаевну просить; вчера у меня былъ, все развѣдывалъ, когда къ вамъ удобнѣе заѣхать.

Ора Николаевна вспыхнула до ушей, сердце у ней сильно забилось; тѣмъ не менѣе она сухо произнесла:

— Напрасный трудъ, я не буду играть.

Аполлонъ Егоровичъ глянулъ на нее сбоку своимъ прищуреннымъ, заплывшимъ глазомъ.

— За что-жъ такая строгость, Ора Николаевна? Вѣдь, не съѣстъ онъ васъ, а съ благотворительною цѣлью— отказать, знаете, неловко.

— И я думаю, Орочка, что неловко, — замѣтила генеральша.

— Это ужъ мое дѣло, maman, но я съ *такими* господами ничего общаго не имѣю.

На самомъ дѣлѣ Орѣ Николаевнѣ очень хотѣлось играть; отказъ у ней сорвался съ языка какъ-то безсознательно, а потомъ ужъ самолюбіе не позволяло ей уступить. Сара поняла ея чувства и рѣшилась придти къ ней на помощь.

— Послушайте, Ора Николаевна, отчего-бы вамъ въ самомъ дѣлѣ не сыграть,—сказала она,—вамъ скучно, вы нѣсколько разъ, помнится, говорили, что любите театръ; представляется случай развлечься—зачѣмъ-же отъ него отказываться?

Ора Николаевна взглянула на гувернантку признательными глазами.

— Ахъ, Сара Павловна, вы не знаете, что за человѣкъ этъ Коломинъ.

— Что-же онъ за человѣкъ?

— Фатъ, гордецъ, хвастунъ, считаетъ себя выше и умнѣе всѣхъ, бросаетъ пыль въ глаза своимъ богатствомъ, воображаетъ, что онъ петербургскій аристократъ и потому можетъ всѣмъ говорить дерзости, а на самомъ дѣлѣ его изъ Петербурга выгнали за какую-то грязную дуэль...

— Портретъ не особенно привлекательный,—сказала

Сара; — но какое вамъ до всего этого дѣло? Послѣ спектакля ничто вамъ не мѣшаетъ прервать съ нимъ всѣ сношенія.

— Вы находите, что я могу играть?

— О, съ совершенно спокойной совѣстью.

— Хорошо, я соглашусь, но съ условіемъ, чтобы вы ѣздили со мной на репетиціи.

Сара растерялась отъ такой неожиданности.

— Не требуйте этого, Ора Николаевна, вы знаете, какъ я не люблю общества,—сказала она.

— Иначе я не соглашусь,—возразила Ора Николаевна.

— Ну, хорошо, тамъ посмотримъ...

На томъ и былъ поконченъ важный вопросъ.

XVIII.

Пріѣхавшаго на другой день въ Дубки Коломина приняли не только радушно, но даже подобострастно. Ора Николаевна хотя и отказалась сначала играть, но мотивировала свой отказъ нерѣшительностью, опасеніемъ не выдержать роли, говоря, что не признаетъ за собой никакого сценическаго дарованія. Гость съ подобающей почтительностью упрекнулъ ее въ излишней скромности, увѣряя, что онъ, съ своей стороны, какъ человѣкъ, страстно любящій театръ и видавшій на своемъ вѣку много артистовъ, находитъ всю фигуру Оры Николаевны чрезвычайно сценичной, а что манерой говорить и жестикуляціей она положительно напоминаетъ Делапортъ.

Сидѣвшая съ Костей въ углу, Сара съ любопытствомъ подняла глаза на Коломина, желая, повидимому, убѣдиться — смѣется онъ надъ простдушными хозяевами, или говоритъ серьезно. Онъ говорилъ съ полнымъ убѣжденіемъ и, встрѣтивъ недоумѣвающій

взоръ Сары, внимательно посмотрѣлъ на нее задумчивыми, нѣсколько влажными глазами.

Борисъ Арсеньевичъ Коломинъ былъ уже не молодъ. Ему даже по виду можно было дать больше сорока лѣтъ. Высокій, плечистый и, несмотря на начинавшуюся полноту, еще стройный—онъ выдавался своей мощной фигурой. Русые волосы, перемѣшанные бѣлыми нитями, густые, хотя уже порѣдѣвшіе на вискахъ, красиво обрамляли его широкій, бѣлый, испещренный тонкими морщинками лобъ. Сѣрые умные глаза, окруженные цѣлою сѣточкой лучистыхъ складокъ, глядѣли обыкновенно не на собесѣдника, а куда-то черезъ его голову. Крупный, чисто слявянскій носъ, большой, рѣзко очерченный ротъ и крутой подбородокъ, теряющійся въ длинной, рыжеватой бородѣ,—составляли вмѣстѣ одно изъ тѣхъ немногихъ лицъ, которыя одинаково нравятся и мужчинамъ, и женщинамъ. Одѣтъ онъ былъ хорошо, но не особенно щегольски.

— Какой онъ, однако, красивый, этотъ губернскій донъ-Жуанъ, подумала Сара.

Серафима Алексѣевна не хотѣла отпустить гостя безъ обѣда. Онъ охотно согласился остаться. За столомъ Коломинъ искусно завелъ общій разговоръ, давая каждому случай вставить свое слово, держался непринужденно, такъ что Сара, противъ ожиданія, нашла оригиналъ совсѣмъ непохожимъ на изображенный Орой Николаевной портретъ.

— А вы, Сара Павловна, не желаете принять участія въ нашемъ спектаклѣ?—обратился онъ къ ней.

— Нѣтъ,—односложно отвѣтила она.

— Какъ это жаль, мы-бы для васъ поставили другую пьесу.

Сара промолчала.

— Вы, вѣроятно, жили прежде въ Петербургѣ,—про-

должалъ онъ, не смущаясь ея молчаніемъ;—мнѣ, кажется, что я ужъ васъ гдѣ-то встрѣчалъ.

— Врядъ-ли, я жила въ Петербургѣ недолго и никуда не выѣзжала.

— Не думаю, чтобы я ошибался; я вообще обладаю превосходною памятью на лица, а ваше лицо трудно не запомнить. Ба!.. вотъ я и вспомнилъ! Вы поразительно похожи на одну картину Мурильо...

— Вы, кажется, страдаете слабостью всюду находить сходство,—сказала Сара, и въ голосѣ ея явно зазвучала насмѣшливая нотка.

Коломинъ понялъ намекъ и закусилъ нижнюю губу.

— На этотъ разъ я могу доказать вамъ, что моя слабость опирается на реальное основаніе. Если позволите, я вамъ привезу прекрасную гравюру съ этой картины.

Сара холодно наклонила голову.

— Ахъ, m-r Коломинъ, какъ-бы это было мило съ вашей стороны, если-бъ вы привозили намъ иногда книги,—заговорила Ора Николаевна, которой совсѣмъ не понравилось вниманіе гостя къ гувернанткѣ,—вы навѣрно выписываете много журналовъ.

— Вся моя библіотека къ вашимъ услугамъ,—любезно отвѣтилъ Коломинъ.

Время летѣло незамѣтно. Разговоръ перескакивалъ съ одного предмета на другой. Коломинъ какъ-то сумѣлъ всѣхъ къ себѣ расположить и привлечь. Онъ припоминалъ разные случаи изъ своей жизни, говорилъ о своихъ путешествіяхъ, разсказалъ между прочимъ, какъ онъ будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, перебирался, съ помощью еврея-контрабандиста, черезъ границу. Контрабандистъ, по его словамъ, походилъ на настоящаго итальянскаго bravo, сорвавшагося съ картины Сальватора Розы, и поражалъ своей храб-

ростью, составлявшей особенный контрастъ съ его, Коломина, трусостью.

— Мнѣ было мучительно стыдно,—разсказывалъ Коломинъ.—Малѣйшій шорохъ заставлялъ меня вздрагивать и когда надъ нами съ громкимъ крикомъ взвилась ворона, я чуть не упалъ въ обморокъ. Вдругъ надъ самой моей головой раздался выстрѣлъ. Это были, вѣроятно, караульные солдаты. Волосы мои стали дыбомъ; мнѣ показалось, что я лечу стремглавъ въ страшную бездну, и я съ ужасомъ почувствовалъ, что умеръ. Когда я пришелъ въ себя, ужъ начинало разсвѣтать; голова моя покоилась на колѣняхъ у контрабандиста, который теръ мнѣ лобъ и виски водкой,—онъ, видите-ли, ухитрился стащить меня въ оврагъ. Не могу вамъ выразить, до чего я обрадовался. Я расплакался, какъ десятилѣтній мальчишка. Контрабандистъ смотрѣлъ на меня съ пренебрежительнымъ сожалѣніемъ,—такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось. Помнится, что въ порывѣ радости я пытался убѣдить его перемѣнить профессію, но онъ только рукою махнулъ. Тогда я, по молодости, вознегодовалъ, но, проживши нѣсколько лѣтъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, присмотрѣлся къ нищенски-жалкому прозябанію еврея и сталъ смотрѣть на вещи снисходительнѣе.

Въ душѣ Сары зашевелились давно заглохшія струны. На нее какъ будто пахнуло чѣмъ-то роднымъ. Она вся оживилась, на блѣдныхъ щекахъ вспыхнулъ румянецъ, глаза заблистали, на сжатыхъ обыкновенно губахъ заиграла улыбка. Она незамѣтно для себя увлеклась, и, когда бесѣда перешла на литературу, разговорилась—горячо, порывисто, какъ долго молчавшій человѣкъ.

— Вы слишкомъ требовательны,—возразилъ Коломинъ на какое-то ея замѣчаніе—у насъ теперь нѣтъ поэтовъ, да и быть ихъ не можетъ.

— Но почему-же?

— А потому, что условія жизни всего менѣе поэтическія. „Намъ нуженъ хлѣбъ, намъ деньги нужны“... Какая ужъ тутъ поэзія!

— По моему, это совсѣмъ не такъ,—замѣтила Сара. —Если нуженъ хлѣбъ и нужны деньги, это только доказываетъ, что намъ очень голодно и холодно живется на свѣтѣ. Нужда и страданія естественно должны вызвать жалобы, а когда въ жизни человѣчества выпадала особенно скорбная полоса — самыми яркими выразителями общихъ страданій являлись... поэты.

— Другое время—другія пѣсни. Оглянитесь кругомъ. Вчерашній радикалъ и космополитъ выдалъ товарищей, получилъ „мзду“ за усердіе и печатно вопитъ о своемъ раскаяньи; юный отпрыскъ дворянской фамиліи обокралъ кассу или поддѣлалъ вексель; жена самымъ простодушнымъ образомъ заводитъ друга дома, а супругъ не менѣе добродушно бьетъ окпа въ ресторанахъ... А пресловутая меньшая братія, наши милые пейзане! Перепьются до положенія ризъ, оттаскаютъ своихъ пейзанокъ за косы и затѣмъ приводятся въ нормальное состояніе философами волостного правленія—самобытнымъ способомъ...—сколько влѣзетъ. Вотъ вамъ сюжетики нашей современной поэзіи. Бываютъ, конечно, видоизмѣненія, но это, такъ сказать, колоратурныя украшенія къ основному мотиву.

— Но вѣдь мотивъ этотъ ужасенъ. Вѣдь это невѣжество, повальный мракъ... А величайшія произведенія человѣческаго духа, это скорбная повѣсть о страданіи и несчастіяхъ людей. Я не говорю о такихъ писателяхъ, какъ, Шекспиръ, Гете, Диккенсъ... Но возьмите — Гоголя, Тургенева, Достоевскаго... Развѣ они изображали однихъ очаровательныхъ красавицъ и интересныхъ кавалеровъ? И, не смотря на низменность

этихъ, какъ вы говорите, сюжетиковъ, сколько въ нихъ чарующей, неувядаемой прелести? Они никогда не умрутъ, потому что отражаютъ человѣческія страданія, а страданіе—вѣчно... Одна лишь радость мимолетна и призрачна...

Послѣднія слова Сара произнесла тихимъ, упавшимъ голосомъ, и на лицо ея точно легло печальное облачко. Коломинъ глядѣлъ на нее съ нескрываемымъ интересомъ.

— Вы слишкомъ сильно чувствуете, слишкомъ живете нервами, это не годится,—сказалъ онъ.

— Что-же „годится"?

Онъ улыбнулся и продекламировалъ вмѣсто отвѣта: —„Давайте жизнію играть, пусть чернь тупая суетится, не намъ безумной подражать".

— Эгоизмъ,—сказала Сара

— А что выигрываютъ вѣчные труженики и печальники?

Коломинъ подошелъ къ роялю, взялъ нѣсколько аккордовъ и пропѣлъ мягкимъ баритономъ куплетъ изъ Шубертовскаго „Лейермана".

„Niemand will ihn hören,
Niemand sieht ihn an,
Und die Hunde knurren
Um den alten Mann"...

— Вотъ она, ваша сердобольная чернь, какъ она награждаетъ артиста,—сказалъ онъ, вставая.

— Какъ вы хорошо поете, я и не подозрѣвала, что вы обладаете такими разнообразными талантами,—воскликнула Ора Николаевна.

— О, помилуйте, я неисчерпаемъ,—весело отвѣтилъ

Коломинъ и сталъ искать глазами Сару. Она сидѣла въ тѣни, согнувшись, вся блѣдная.

— Отчего-же вы не увѣнчаете лаврами пѣвца,— обратился онъ къ ней шутливо, но, взглянувъ на ея нахмуренныя брови, поспѣшно отошелъ отъ нея.

А Сара молчала, потому что ей вдругъ вспомнился добродушный тонъ разсказа Коломина о контрабандистѣ, и она усомнилась въ его искренности. Ей какъ-то не вѣрилось, что можно произнести слово „еврей" безъ прибавленія—плутъ, мошенникъ, подлецъ, когда къ этому представляется удобный случай, и вдругъ ее осѣнила мысль—вѣрно онъ знаетъ, что я еврейка, и великодушничаетъ... ну, конечно, какъ это я раньше не догадалась...

Остальная часть вечера какъ-то не клеилась. Сара скоро ушла на-верхъ; Коломинъ немного посидѣлъ послѣ ея ухода и уѣхалъ.

XIX.

Сара была недовольна собой. Ей было непріятно и даже какъ-бы стыдно, что она вдругъ перешла за границу той черты, которую она сама себѣ провела и обнаружила передъ людьми, совершенно ей чужими, часть своей внутренней боли, которую она такъ старательно отъ всѣхъ прятала, о которой сама старалась забыть. И что они теперь обо мнѣ думаютъ, генеральша, Орочка? Навѣрно скажутъ: вотъ притворщица, корчила изъ себя недотрогу-царевну, а увидѣла интереснаго кавалера и растаяла... Да и левъ этотъ провинціальный, должно быть, уже празднуетъ побѣду надъ смазливенькой гувернанткой....

Вотъ какія мысли бродили въ головѣ Сары, когда она на другой день сходила внизъ пить чай, совер-

шенно разстроенная, ожидая съ нѣкоторымъ страхомъ услышать насмѣшки. Но, къ ея удивленію, ничего подобнаго не случилось. Вся семья находилась еще подъ впечатленіемъ вчерашняго визита и мирно бесѣдовала за столомъ.

Неблагопріятное мнѣніе о Коломинѣ измѣнилось на самое лестное. Даже къ его репутаціи бездушнаго волокиты теперь относились гораздо снисходительнѣе:—на то онъ и мужчина и холостой,—женщина сама виновата, если къ ней забываютъ почтеніе; вѣроятно, дала поводъ...

Сару встрѣтили очень шумно и тотчасъ засыпали вопросами,—понравился-ли ей Коломинъ. Она отвѣтила, что онъ съ виду кажется порядочнымъ человѣкомъ, а впрочемъ, Богъ его знаетъ.

— А какъ вы ему понравились, Сара Павловна, — затрещала Оленька,—когда вы ушли, онъ сказалъ, что вы ужасная красавица, ужасно образованная, только очень горды.

Сара усмѣхнулась наивному отчету Оленьки. Ора Николаевна, хотя втайнѣ порицала неумѣстное кокетство гувернантки, но, увлеченная перспективой спектакля, подавила въ себѣ непріятное чувство, тѣмъ болѣе, что расчитывала на помощь Сары въ устройствѣ костюмовъ и изученіи роли. Немедленно было приступлено къ разборкѣ гардероба. На рояль, столы и диваны навалили цѣлую кучу всякихъ платьевъ. Серафима Алексѣевна замѣтила, что если понадобится сшить что-нибудь новое, то чтобы Орочка не безпокоилась, все будетъ сдѣлано. Послѣ этого обѣщанія Орочка сама сдѣлалась совсѣмъ добрая.

— Сара Павловна, сегодня Коломинъ мнѣ пришлетъ роль, вы знаете эту пьесу—„Жертва за жертву“?

— Знаю.

— Вотъ и отлично! А то мнѣ неловко было сказать, что я ее не читала (онъ вѣдь такой насмѣшникъ!) а изъ одной роли трудно понять. Что-же, пьеса хорошая?

— Мнѣ не нравится—слишкомъ мелодраматична, но ваша роль благодарная и довольно эффектна.

— Это главное, а на остальныхъ мнѣ наплевать, — въ порывѣ увлеченія высказалась Ора Николаевна. — Знаете что, Сара Павловна, Костя все равно не будетъ сегодня заниматься—у него что-то болитъ,—если вамъ не трудно, разскажите, пока мы тутъ разбираемся, въ чемъ заключается содержаніе.

Сара разсказала. Пьесу нашли превосходной. Ора Николаевна только огорчилась, что особенно элегантныхъ костюмовъ совсѣмъ не требуется, но утѣшилась тѣмъ, что въ послѣднемъ актѣ она къ траурному платью прицѣпитъ трехаршинный шлейфъ.

— Сара Павловна, вы мнѣ поможете выучить роль?

— Съ удовольствіемъ, но я сама въ этомъ ничего не смыслю.

Начались репетиціи: Сарѣ не удалось освободиться отъ обязанности провожатой. Генеральша боялась частыми поѣздками застудить свой ревматизмъ. Оленьку Ора Николаевна не желала съ собой брать, такъ что оставалась одна Сара. Она, однако, выговорила себѣ нѣкоторое облегченіе, а именно, попросила, чтобъ ее, кромѣ хозяевъ, ни съ кѣмъ не знакомить, на что Ора Николавна охотно согласилась.

Репетиціи происходили въ квартирѣ полковника Караваева. Самъ онъ былъ человѣкъ, любившій плотно покушать и повинтить, но, находясь подъ башмакомъ у своей супруги,—дамы худощавой и сентиментальной, несмотря на пятьдесятъ лѣтъ, не потерявшей еще

способности бесѣдовать о возвышенныхъ чувствахъ, — полковникъ старался всѣми силами доказать, что для него обѣдъ съ шампанскимъ или карты положительно не имѣютъ никакой привлекательности и что во всякомъ случаѣ духовныя и тонкія развлеченія, какъ музыка, напримѣръ, или литература, гораздо достойнѣе образованнаго человѣка.

Когда Ора Николаевна съ Сарой пріѣхали, любители и любительницы были всѣ на лицо. Кромѣ главной пьесы предполагалось поставить еще маленькую комедію или водевиль, но не знали, на чемъ остановиться. Первый актеръ, поручикъ Конопля, — долговязый и худой, какъ спичка, съ жиденькими бакендардами, длинной, какъ у журавля, шеей и необыкновенно крючковатымъ носомъ, благодаря которому онъ былъ увѣренъ, что у него самый римскій профиль, — занималъ публику, разсказывая картавымъ голосомъ всевозможные эпизоды изъ своей сценической дѣятельности.

— Представьте, — ораторствовалъ онъ, стоя среди комнаты,—какой со мною былъ случай лѣтъ пять тому назадъ. Нашъ полкъ квартировалъ въ Х***. Ну, офицеры натурально были пьиняты въ лучшихъ домахъ. У губернатора затѣяли спектакль, мнѣ пьедлагаютъ первую роль. Пьекрасно. За день до спектакля получаю телегьамму, что мать моя умерла. Я натурально къ губернатору. Такъ и такъ, говорю, ваше пьевосходительство, увольте, не могу играть. Онъ положилъ мнѣ руку на плечо. — Какъ, говоритъ, хотите, Конопля, а играть вы должны, иначе пропадетъ весь спектакль. Докажите, говоритъ, что вы артистъ въ душѣ и что искусство, говоритъ, для васъ всего дороже. Что тутъ дѣлать! Согласился, и такъ, доложу вамъ, игралъ, какъ никогда въ жизни. Сама губернатогша себѣ мозоли набила, хлопая.

— Этотъ анекдотъ онъ уже двадцатый разъ разсказываетъ и двадцатый разъ вретъ,—сказалъ Коломинъ, подходя къ Сарѣ, сидѣвшей въ сторонкѣ и почти скрытой цвѣтами.

— А вы даже сосчитали, сколько онъ разъ солгалъ, — замѣтила Сара.

— Что прикажете дѣлать, Сара Павловна, скучно; я человѣкъ, что называется, праздный и отъ нечего дѣлать люблю заниматься дѣлами ближнихъ.

— Плодотворное занятіе.

— За то вполнѣ безкорыстное, могу васъ увѣрить. Скажите, однако, отчего вы такъ уединились? Не желаете развѣ познакомиться съ нашими культурными мастодонтами?

— Не желаю; я, въ противоположность вамъ, очень мало интересуюсь ближними и очень довольна, если они мною тоже не интересуются.

— Благодарю за урокъ и постараюсь принять къ свѣдѣнію, хотя не обѣщаю исправиться,—сказалъ, смѣясь, Коломинъ.

— Я и не думаю васъ исправлять, я вѣдь вамъ сказала, что ближніе меня не интересуютъ, — холодно отвѣтила Сара и, наклонивъ голову, стала разсматривать альбомъ съ какими-то видами.

— Какъ вы горды! А признайтесь, Сара Павловна, вы вѣдь только изъ деликатности не гоните меня отъ себя? Впрочемъ, лучше не признавайтесь, потому что я все равно не уйду. Знаете, мнѣ о васъ прожужжалъ всѣ уши Раздеришинъ—онъ мнѣ какой-то кузенъ,—но я, грѣшный человѣкъ, не могъ себѣ представить, чтобы въ тошнотворномъ домѣ Серафимы Алексѣевны...

— Послушайте, м-r Коломинъ,— прервала его Сара, — развѣ вы не участвуете въ пьесѣ? Вамъ, я думаю, надо итти считываться, смотрите, всѣ ужъ ушли.

— Не извольте безпокоиться, я постарался оказаться ненужнымъ... вотъ вы прервали меня, и я забылъ, о чемъ говорилъ... да! о генеральшѣ и этой прокисшей Орочкѣ, которую вы должны охранять, хотя она вамъ годится въ бабушки.

— Ужъ если вамъ непремѣнно хочется злословить, то, пожалуйста, не о людяхъ, съ которыми я живу,— сказала Сара.

— О, какая безпримѣрная добродѣтель!

— Совсѣмъ нѣтъ, но это слишкомъ... слишкомъ... вульгарно—осуждать и насмѣхаться за спиною у человѣка, которому черезъ пять минутъ будешь съ улыбкой жать руку.

— Ну, я, положимъ, не такъ благороденъ, но, чтобы доставить вамъ удовольствіе, о вашихъ патронахъ такъ и быть ни слова не скажу.

— Однако, сказала Сара, это не совсѣмъ прилично, что мы съ вами сидимъ тутъ одни. Пойдемте въ залу слушать чтеніе.

— Полно, Сара Павловна, еще и такъ оно успѣетъ надоѣсть, вѣдь мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ, будутъ тянуться репетиціи, а что до неприличія, то могу васъ успокоить—мнѣ сама хозяйка поручила васъ занимать.

— Какая непостижимая любезность! Вѣдь на гувернантокъ, кажется, не принято обращать вниманіе?

— Вы особъ-статья. Очень ужъ вы поражаете своимъ видомъ.

Сара вопросительно на него посмотрѣла.

— Вы слишкомъ хороши собой для гувернантки,— пояснилъ онъ,—и я бьюсь объ закладъ, что всѣ здѣшнія дамы ужъ успѣли васъ возненавидѣть.

— А вы, m-r Коломинъ, повидимому, не считаете нужнымъ церемониться съ гувернанткой,—сказала Сара и встала.

— Сара Павловна, Бога ради, вы меня не поняли, я не хотѣлъ сказать вамъ что-нибудь обидное,—воскликнулъ Коломинъ.

Но она его не слушала, тихо вошла въ залу и сѣла на пустой стулъ сзади Оры Николаевны.

XX.

Считка шла не особенно удачно. Дамы читали слишкомъ сладостно, нараспѣвъ; мужчины безъ всякой надобности дѣлали свирѣпыя лица, махали руками, издавали дикіе звуки... Игравшій любовника, курносый надворный совѣтникъ Мирошевъ, рьяный поклонникъ изящныхъ искусствъ, — патетически наставлялъ Ору Николаевну.

— Въ этомъ мѣстѣ, Ора Николаевна, когда вы меня первый разъ видите послѣ разлуки, нужно выразить какъ можно больше души, чувства-съ. Въ этотъ моментъ, когда, такъ сказать, просыпаются въ васъ воспоминанія старой любви—нужно судорожно этакъ ухватиться за кресло и прошептать: „Вельскій! вы здѣсь“. Для большей ясности, Мирошевъ закинулъ назадъ голову и прохрипѣлъ, какъ удавленный: „Вельскій? вы здѣсь“. Картина была такъ умилительна, что всѣ расхохотались, не исключая Коломина, угрюмо сидѣвшаго въ углу.

— Послушайте,—хныкалъ горбатый сынъ хозяйки, юноша лѣтъ восемнадцати, успѣвшій побывать въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ и былъ благополучно увольняемъ черезъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ.—Послушайте, что-же мнѣ-то никакой роли не будетъ?

— Вамъ, Витинька, не выходитъ ничего. А вотъ хотите быть полезнымъ? - изобразите лунную ночь,—предложила жена полкового доктора, петербургская дама съ Выборгской стороны, худенькая, маленькая, съ вздернутымъ носикомъ, круглыми глазками и черными зубами.

— Какъ-же это я могу лунную ночь изобразить,— совершенно резонно изумился Витинька.

— Ахъ, очень просто,—отвѣтила докторша,—возьмите въ одну руку зажженную свѣчку, въ другую круглое зеркало, да и поворачивайте зеркало въ разныя стороны такъ, чтобы свѣтъ падалъ на актеровъ. У насъ въ Петербургѣ всегда такъ дѣлается на любительскихъ спектакляхъ.

Сговорчивый Витинька согласился, довольный тѣмъ, что на его долю выпала хоть какая-нибудь активная роль и что и онъ являлся такимъ образомъ не послѣдней спицей въ колесѣ.

У Сары разболѣлась голова отъ безмолвнаго глядѣнія на чужія лица, декламаторской несносной читки любителей, отрывистаго смѣха, безсвязныхъ разговоровъ, передаваемыхъ на ухо сплетенъ и пересудовъ, перелетавшихъ съ одного конца комнаты на другой. Она опустила усталую голову на руку, на ея красивомъ лицѣ ясно отпечатлѣлось выраженіе утомленія и скуки. Ея безстрастный взглядъ упалъ нечаянно на Коломина. Онъ глядѣлъ на нее, и въ его большихъ глазахъ свѣтилось столько доброты, ласки и какой-то невысказанной печальной нѣжности.

— Какое у него славное лицо, когда онъ не ломается,—подумала Сара,—неужели онъ такое-же ничтожество, какъ всѣ остальные... а впрочемъ, не все-ли мнѣ равно!..

Онъ точно понялъ ея мысли, улыбнулся ей открытой, почти дѣтской улыбкой и, наклонившись къ доктор-

шѣ, сталъ ее вдругъ увѣрять, что она ужасно похорошѣла. Та жеманилась, затыкала уши и пищала тоненькимъ-тоненькимъ голоскомъ:

— Подите, я даже говорить съ вами не хочу...

Хозяйка предложила сдѣлать антрактъ и пригласила гостей въ столовую. Тамъ ужъ сидѣлъ Аполлонъ Егорычъ Филатовъ и съ аппетитомъ уписывалъ баранью котлетку. На восклицаніе хозяйки:—А что-же Анѳиса Ивановна?—онъ сначала вытеръ губы, со всѣми поздоровался и затѣмъ уже пробасилъ:

— Совсѣмъ было собралась, да проходя мимо самовара, задѣла рукавомъ за крантъ, ну и ошпарила всю руку... этакая, подумаешь, неловкая баба, а туда-же за модой гонится!—и какъ ни въ чемъ не бывало принялся опять за котлету.

— Въ чемъ-же тутъ мода?—со смѣхомъ спросилъ Коломинъ.

— Да какъ-же, батюшка Борисъ Арсеньичъ, рукава эти каторжные въ три аршина пускаетъ, добро-бы еще молоденькая.

Всѣ засмѣялись, а обиженный Аполлонъ Егоровичъ недовольно пробурчалъ:

— И всѣ-то вы такія.

— Сара Павловна, вамъ чего прикажете,—вѣжливо спросила хозяйка.

— Позвольте мнѣ чаю.

— Борисъ Арсеньичъ, вы взялись быть моимъ помощникомъ, передайте Сарѣ Павловнѣ чаю и бисквиты.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, Юлія Александровна... Какая милая наша Юлія Александровна, вотъ истинно достойная женщина,—болталъ Коломинъ, ставя на маленькій столикъ передъ Сарой чашку и корзинку съ бисквитами.—И какъ это она всегда хорошо устроитъ —всѣ отдѣльно, гдѣ кто хочетъ... а еще говорятъ, про-

винція—не рай. Сара Павловна, вы вѣдь не сердитесь на меня больше, —тихо спросилъ онъ заглядывая ей въ глаза.

— Какой вы странный человѣкъ, могу-ли я на васъ сердиться, когда я васъ совсѣмъ не знаю.

— Ну, а я васъ знаю. Вообразите на минуту, что я гадалка и выслушайте, что я скажу. Вы много страдали,—началъ онъ торжественнымъ тономъ,—обманулись въ своихъ иллюзіяхъ, надменно отрѣшились отъ міра и стараетесь себя заморозить... вамъ это не удается, т. е. снаружи-то вы одѣли себя ледяной корочкой, но внутри жизнь бьетъ ключомъ и пробивается...

— Замолчите,—строго прервала Сара,—я не люблю, когда со мной говорятъ въ такомъ тонѣ.

— Какъ вы поблѣднѣли! Значитъ, я угадалъ... Извольте, я замолчу; но окажите мнѣ одну милость.

Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Вамъ, должно быть, очень скверно, а мнѣ страшно скучно,—сказалъ Коломинъ.—Глядите на меня безъ предубѣжденія и позвольте мнѣ съ вами быть искреннимъ. Отъ васъ я, конечно, ничего подобнаго не требую... Согласны?

Она молчала.

— Молчаніе есть знакъ согласія, Сара Павловна, я такъ это и принимаю.

— А вѣдь я знаю, что вы теперь думаете,—сказалъ онъ, немного помолчавъ, — съ чего этотъ уѣздный Чайльдъ-Гарольдъ ко мнѣ привязался—правда?

— Правда, только безъ эпитета, и если вы ужъ такъ проницательны, то признайтесь, что наша бесѣда для второго свиданія, по меньшей мѣрѣ, странная.

— Еще-бы не странная,—согласился Коломинъ,—но такіе-ли со мною казусы бывали. Видите, Сара Па-

вловна, какъ всѣ вообще непристроившіеся люди и слабохарактерный русскій человѣкъ въ частности, я люблю (втихомолку, конечно) сваливать всякія неудачи и собственную несостоятельность на судьбу, на среду и т. д. Когда-же совѣсть начинаетъ слишкомъ надоѣдать, я не прочь и отъ самобичеванія; поѣшь себя хорошенько, раздразнишь, ну и легче на душѣ, даже какъ будто гордость ощущаешь... Вотъ въ такія-то минуты, когда меня одолѣваетъ хандра, меня всегда тянетъ высказаться, привязаться къ чему-нибудь, взбѣсить, наконецъ, кого-нибудь, лишь-бы свалить на чужія плечи бремя. Помню разъ, это было въ Петербургѣ, я что-то особенно заныль. Чтобы забыться, игралъ напролетъ цѣлыя ночи, кутилъ, плясалъ, пилъ,—нѣтъ, не проходитъ. Еще нѣсколько такихъ дней, и я бы навѣрно застрѣлился. Вздумалъ я отправиться за назиданіемъ къ одному своему знакомому, отставному студенту, Василію Иванычу, фамиліи его никто не зналъ. Замѣчательный былъ человѣкъ въ своемъ родѣ. Кончилъ три факультета, убѣдился, что все на свѣтѣ—суета суетъ и выѣденнаго яйца не стоитъ, улегся на диванъ и лежалъ обыкновенно до тѣхъ поръ, пока хозяйка не сгоняла его съ квартиры; тогда онъ отыскивалъ другую и опять укладывался. Кончилъ онъ тѣмъ, что отравился. Впрочемъ, не въ немъ дѣло, и не о немъ я хотѣлъ разсказать вамъ. Я только шелъ къ нему. Онъ жилъ гдѣ-то въ линіяхъ и мнѣ пришлось перебираться черезъ Неву. Погода стояла отвратительная—холодъ, вѣтеръ, дождь, снѣгъ... небо, воздухъ и все кругомъ сѣрое, точно гороховый кисель. Добрался я до узкаго, застроеннаго двора и хотѣлъ ужъ подняться по темнѣющей лѣстницѣ въ четвертый этажъ—и остановился. У самыхъ дверей стояла, сбившись въ кружокъ, кучка людей, повидимому,—горничныя, кухарки,

дворники... Изъ центра этого кружка неслось визгливое пиликанье шарманки, звяканье какого-то металла и надтреснутый, хриплый, прерывающійся голосъ. Я протолкался черезъ публику и увидалъ рыжаго бородача, въ шерстяной курткѣ и шарфѣ, вертѣвшаго шарманку, а рядомъ съ нимъ дѣвочку, лѣтъ одиннадцати, одѣтую буквально въ лохмотья: короткое, ситцевое платье еле доходило ей до колѣнъ, оставляя на виду худыя, синія, исцарапанныя ноги, въ рваныхъ прюнелевыхъ ботинкахъ. Красными, закоченѣвшими пальцами она ударяла желѣзною палкой о желѣзный треугольникъ, притопывала каблучками и, надувая сухое, напряженное горло, выкрикивала:

„Ты новыя лица увидишь
И новыхъ друзей изберешь,
Ты новыя чувства узнаешь"...

Тутъ она остановилась, или ей очень холодно стало, или она забыла, какъ дальше, только она выронила изъ рукъ палочку и поглядѣла кругомъ такимъ взглядомъ, что мнѣ показалось, что она умираетъ. Бородачъ тряхнулъ ее за плечо и сердито проворчалъ—veux-tu chanter, coquine. Она ничего не отвѣтила, опустилась на землю и заплакала. Я почувствовалъ, какъ у меня сжалось горло, и не давая себѣ отчета, что я дѣлаю, подошелъ къ шарманщику и сталъ его упрашивать отдать мнѣ дѣвочку хоть на время. Онъ не соглашался, я вынулъ бумажникъ,—и онъ уступилъ. Не могу вамъ передать, съ какимъ чувствомъ я везъ къ себѣ дѣвочку. Въ моей головѣ роились тысячи плановъ, я радовался, я былъ въ экстазѣ и дрожалъ, какъ-бы только она не простудилась, не схватила тифа, не умерла и куталъ ее въ свою шубу. Она прижалась ко мнѣ и молчала. Дорога показалась мнѣ безконечной. Нако-

нецъ, мы доѣхали до дому. Швейцаръ бросилъ на меня удивленный взглядъ, но мнѣ было не до него. Я схватилъ на руки свою находку и помчался съ ней по лѣстницѣ. Жена повара вымыла дѣвочку, причесала, одѣла и привела ко мнѣ. Я усадилъ ее въ кресло передъ каминомъ, велѣлъ подать ужинъ и радовался, какъ ребенокъ, видя, что она ѣстъ и пьетъ. Меня только огорчало, что на всѣ мои вопросы она отвѣчала глубокимъ молчаніемъ и только пугливо, словно пойманный звѣрекъ, озиралась сѣрыми глазками. Я успѣлъ, впрочемъ, узнать, что ее зовутъ Саша, что родныхъ у нея нѣтъ, что „хозяинъ", когда пьянъ, дерется, а лѣтомъ „ничего"—и рѣшился отложить дальнѣйшіе разговоры до утра. Но утромъ Саша была еще болѣе молчалива и печальна. Она была некрасива—какое-то жалкое, старческое личико, но мнѣ кажется, что именно ея худоба и некрасивость привлекали меня къ ней—мнѣ хотѣлось согрѣть ее, защитить, осчастливить однимъ словомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ я даже не рѣшался приласкать ее. На всѣ мои планы она отвѣчала однимъ словомъ—„а хозяинъ?" и когда я ей объяснялъ, что теперь надъ ней нѣтъ никакого хозяина, она недовѣрчиво ежилась и оглядывалась... Такъ прошло съ недѣлю; я ее одѣлъ, какъ куколку, пичкалъ конфетами, возилъ кататься; она все принимала съ видимымъ удовольствіемъ, и только, когда ей приходилось говорить со мной, становилась печальна, а когда я вздумалъ учить ее читать—расплакалась и цѣлый день не поднимала головы. Я ужасно терзался. Прошло еще нѣсколько дней. Знакомый одинъ утащилъ меня въ клубъ. Когда я возвратился домой, Саши уже не было. Она исчезла, захвативъ съ собой свои тряпки и маленькую шкатулку, изъ которой я при ней вынималъ деньги. Я чуть съ ума не сошелъ, прогналъ всю прислугу,

метался, какъ угорѣлый, по Петербургу и, конечно, не нашелъ моей бѣглянки. Но я до сихъ поръ ее не забылъ. Какъ сейчасъ вижу ея бѣдную худенькую фигурку, сидящую передъ каминомъ, слышу, какъ на всѣ мои соблазнительныя обѣщанія, она отвѣчаетъ однозвучно—„а хозяинъ“?—Когда я васъ увидалъ у генеральши, мнѣ вдругъ представилась моя Саша, поющая на холодномъ петербургскомъ дворѣ. И самъ знаю, что въ этомъ нѣтъ ничего похожаго, исключая развѣ, что Серафима Алексѣевна съ дочерьми смахиваетъ на кухарокъ... но я не могу отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія и вотъ вамъ le mot de l'enigme моей навязчивости... Однако, я долженъ вамъ казаться присяжнымъ разсказчикомъ.

— Странный вы человѣкъ, — опять сказала Сара, но уже болѣе мягкимъ и довѣрчивымъ голосомъ,—а еще говорили, что я слишкомъ живу нервами.

Считка кончилась поздно. Стали разъѣзжаться уже въ сумеркахъ. Сарѣ казалось, что она носится въ какомъ-то чаду, она чувствовала себя почти больной. Двѣ руки бережно и заботливо накинули ей на плечи салопъ, укутали платкомъ голову.. Она ощутила сквозь шелкъ прикосновеніе пальцевъ къ своимъ волосамъ, и ей вдругъ сдѣлалось какъ-то безсознательно пріятно, словно ее охватила теплая, мягкая волна.

— До свиданія, Ора Николаевна, — говорилъ Коломинъ, усаживая въ возокъ генеральскую дочку.

— A bientot, Борисъ Арсеньичъ, вы непремѣнно скоро должны быть у насъ.

— Сара Павловна, до свиданія, — повторилъ Коломинъ, пожимая сильной рукой тонкую руку Сары.

— До свиданія,—сказала она чуть слышно, не отвѣчая на его пожатіе.

XXI.

Репетиціи продолжались болѣе мѣсяца. Каждый разъ, когда приходилось ѣхать въ городъ, Сарой овладѣвало какое-то безпокойное чувство боязни и вмѣстѣ съ тѣмъ ее тянуло туда помимо воли. Мало-по-малу она начала, однако, успокоиваться, попыталась даже разобраться въ своемъ прошломъ, отнестись къ нему, такъ сказать, критически, но процессъ вышелъ слишкомъ мучительный: старыя раны глухо заныли, словно изъ нихъ засочилась свѣжая кровь, а передъ глазами, какъ живые, замелькали блѣдные призраки. — „Нѣтъ, не надо, не надо",—шептала она безпомощно въ отвѣтъ на свои мысли,—„буду жить просто, безъ надрываній"... а гдѣ-то тамъ, глубоко-глубоко внутри, какъ-бы шевельнулась замершая надежда,—„какъ знать, можетъ быть, еще не все кончено"...—Въ Сарѣ незамѣтно для нея самой сказалась какая-то неясная перемѣна. Она была попрежнему сдержанна, но уже не натянуто-холодна и безучастна. Во всей ея фигурѣ появилась мягкость и привѣтливость, придавшая новую прелесть ея чертамъ, по всему существу точно разлилась какая-то особенная нѣжная грація. Эта перемѣна отразилась невольно и на отношеніяхъ къ ней окружающихъ. Они стали смѣлѣе съ ней, точно она сдѣлалась имъ ближе. Серафима Алексѣевна, не стѣсняясь, посвящала ее во всѣ свои тайны, опасенія и горести. Костя пересталъ „забывать" объ урокахъ и, когда она его хвалила, прижимался къ ней своей точеной головкой, рѣшился даже, послѣ долгаго колебанія, поднести ей картонный корабликъ своего издѣлія. И Ора Николаевна стала съ ней откровеннѣе; онѣ много говорили во время двадцати-верстнаго переѣзда изъ деревни въ городъ и об-

ратно, и въ этой мелочной, вздорной, себялюбивой барышнѣ Сара съ изумленіемъ увидала еще присутствіе человѣка. Такъ, въ пожелтѣломъ старомъ портретѣ, изъ-за слоя сора и пыли, иногда вдругъ выглянутъ живыя черты и жалобно устремятъ на васъ полинявшій нѣмой взоръ...

Сарѣ стало какъ-то легче, точно она начала выздоравливать послѣ долгой и тяжкой болзѣни. Въ ней появилось больше увѣренности, проснулась любознательность. Она стала присматриваться къ незнакомому обществу. Въ домѣ полковницы Караваевой къ ней привыкли и высказывались при ней, какъ при своемъ человѣкѣ. Коломинъ встрѣчалъ ея появленіе радостной улыбкой. Она почти освоилась съ нимъ; сама она, впрочемъ, говорила мало, но слушала съ интересомъ и участіемъ. Отрывисто, безпорядочно, полунасмѣшливо, полусерьезно разсказывалъ онъ ей о себѣ, подъ шумокъ любительскихъ завываній:—учился въ Пажескомъ корпусѣ... служилъ въ гвардіи... страстно влюбился въ заѣзжую танцовщицу, даже жениться хотѣлъ... но другой, такой-же рыцарь, какъ и онъ, успѣлъ раньше преподнести брилліантовое колье и былъ предпочтенъ. Потомъ опять влюбился, но уже въ великосвѣтскую красавицу, жену сановной особы. Особа на аристократическомъ балу пренебрежительно обошлась съ нимъ (кажется, обозвала его мальчишкой), за что тутъ-же получила полновѣсную пощечину. Была предложена дуэль, несостоявшаяся благодаря бдительному и отечески попечительному оку начальства... взамѣнъ ему было предложено развлечься путешествіемъ... Цѣлые годы шатался по Европѣ, осматривая картинныя галлереи, дворцы, храмы; въ Швейцаріи карабкался на горы; въ Германіи слушалъ лекціи и пилъ воды, кутилъ на-пропалую въ Парижѣ, въ Италіи объѣдался макаронами,

въ Испаніи давалъ серенады подъ окнами разныхъ красавицъ, предложилъ даже руку и сердце одной черноглазой мадридской булочницѣ, и когда та, паче чаянія, согласилась, испугался и бѣжалъ въ Лондонъ, гдѣ зѣвалъ въ парламентѣ, въ клубахъ, на скачкахъ... изучалъ поперемѣнно всѣ языки и ни одного толкомъ не знаетъ. . дѣлался то артистомъ, то художникомъ, то литераторомъ... и, проснувшись въ одно прекрасное утро, увидалъ въ зеркало сѣдѣющіе волосы—и устыдился...

— И принялись за какое-нибудь дѣло,—быстро спросила Сара, слушавшая его, затаивъ дыханіе.

— Отправился добровольцемъ въ Герцеговину, Сара Павловна,—тихо, словно стыдясь, промолвилъ Коломинъ.

— Ну и что-же?

— Ничего. Пьянство, дебошъ, грубость, наглость, сбродъ неудачниковъ, непризнаныхъ талантовъ, и все это дралось, безобразничало, бахвалилось во имя идеи... Какой бишь идеи—право не знаю, воспоминать противно... Я радъ былъ, когда въ одной схваткѣ меня ранили, успокоилъ совѣсть и поспѣшилъ убраться.

— Вы были ранены?

Голосъ Сары дрожалъ при этомъ вопросѣ, и она невольно наклонилась къ нему.

— О, не вообразите меня героемъ, Сара Павловна, самая пустая царапина, совсѣмъ не интересная.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ... потомъ вернулся на родину и нашелъ себя упраздненнымъ. Попробовалъ служить и не смогъ... безсмысленно, безцѣльно показалось, а можетъ, я самъ такъ облѣнился, что ни на что путное не гожусь... не берусь судить. Словомъ,—я вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ деревню, et—me voilà.

— Что-же вы теперь дѣлаете?

— Ничего... слоняюсь.

— И вамъ не стыдно?

Онъ ничего не отвѣтилъ. Сара поникла головой и отвернулась.

— Вотъ вы опять нахмурились, Сара Павловна, а я такъ радовался, глядя на васъ; вы послѣднее время такая свѣтлая... неужели-же васъ удручаетъ моя непригодность? Ей-Богу, напрасно! Не все-ли равно въ сущности, что однимъ праздношатающимся на Руси больше. Ну, хотите, я „возьму въ руки пистолетикъ, прострѣлю имъ грудь свою“?

— Къ чему это ломанье, Борисъ Арсеньичъ. И отчего это, куда ни взглянешь—вездѣ праздношатающіеся... богатые, здоровые, образованные утѣшаются красивымъ словомъ—я, молъ, лишній, упраздненный... а въ дѣйствительности это все та-же блаженная обломовщина, наслѣдіе добраго, стараго времени...

Она умолкла, точно сожалѣя, зачѣмъ столько высказала.

— Знаете что, Сара Павловна,—порывисто заговорилъ Коломинъ,—попытайтесь изъ меня что-нибудь сдѣлать, я безпрекословно отдамся въ ваши руки... попробуйте.—

Онъ говорилъ, повидимому, шутя, но глаза его глядѣли серьезно, съ ожиданіемъ и надеждой.

— Я и изъ себя-то не съумѣла ничего сдѣлать,—проговорила она съ печальной усмѣшкой.

— Зачѣмъ-же такое отчаяніе? Я—другое дѣло, моя пѣсня спѣта, но вы? Передъ вами еще все впереди, вы молоды, прекрасны, образованы—вы можете быть безконечнымъ источникомъ радости для другого...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Борисъ Арсеньичъ, я у васъ прошу, какъ милости—никогда не говорите обо мнѣ... мнѣ больно.—Въ глазахъ у ней стояли крупныя слезы.

Коломинъ молча глядѣлъ на нее нѣсколько мгновеній.

— Хорошо, не буду,—сказалъ онъ,—только это болѣзнь... вы выздоровѣете.

XXII.

Генеральная репетиція и спектакль должны были идти въ домѣ Коломина, какъ наиболѣе удобномъ для вмѣщенія большой публики. Домъ былъ старинный, помѣстительный, построенный еще въ блаженное время крѣпостного права, со всѣми затѣями прихотливаго барства веселой Екатерининской эпохи. Была тутъ и огромная зала съ хорами, и русская столовая съ претензіей на національный стиль, пестрѣвшая массивными серебряными ковшами и жбанами, разнообразной мозаикой, шитыми узорчатыми полотенцами, затканными парчевыми занавѣсками. Дубовые столы, скамьи, всевозможныхъ формъ рѣзныя стулья съ непомѣрно высокими спинками загораживали всѣ проходы. Въ уголъ угрюмо уперлась колоссальная печь, вся исписанная историческими сюжетами, лѣпившимися другъ къ другу, не стѣсняясь хронологіей, въ трогательномъ лирическомъ безпорядкѣ. Рядомъ съ Мамаевымъ побоищемъ, напрмѣръ, Екатерина Великая, очаровательно декольтированная, въ высокой прическѣ, танцовала полонезъ съ изогнувшимся въ крендель Станиславомъ Августомъ Понятовскимъ, а сейчасъ за нимъ Петръ Первый такъ гнѣвно размахивалъ дубинкой на скорчившагося отъ страха вельможу въ напудренномъ па рикѣ, что конецъ знаменитой дубинки непочтительно задѣлъ за полу кафтана бѣднаго потомка Пястовъ...

Были тутъ цѣлыя анфилады комнатъ во вкусѣ всякихъ Людовиковъ съ мраморными богинями, гобеленовыми коврами, брюхатыми коммодами, бронзовыми часами и низенькими козетками, манившими къ интимной бесѣдѣ; глубокія ниши, казалось, еще хранили слѣды поцѣлуевъ, которыми подъ снисходительные взоры глядѣвшихъ со стѣнъ маркизъ и элегантныхъ пастушекъ — обмѣнивались украдкой россійскіе Клеанты и Доримены. Были тутъ и безконечные длинные корридоры, темныя лѣстницы и дѣвичьи, гдѣ тѣ-же россійскіе Клеанты осчастливливали своей милостью крѣпостныхъ Дунекъ и Глашекъ, и не мало стоновъ и слезъ какой-нибудь краснощекой Параши видѣли и слышали эти нѣмыя стѣны, когда услужливый дворецкій волокъ ее въ сумеркахъ къ барину... Все это порядкомъ поистрепалось, облиняло и износилось, представляя какъ-бы надгробный памятникъ минувшаго величія. Борисъ Арсеньичъ почти не заглядывалъ на парадную половину и жилъвъ нѣсколькихъ комнатахъ, въ концѣ дома, убранныхъ со всѣми удобствами современнаго комфорта. Онъ впрочемъ, собирался уже нѣсколько лѣтъ реставрировать свои хоромы, но все откладывалось до болѣе удобнаго случая, и если-бы не лакей, напомнившій, что „баринъ изволили говорить, что на Святкахъ въ домѣ будетъ театръ и что надо-бы почистить комнаты“ — онъ-бы, вѣроятно, и это отложилъ до болѣе удобнаго случая.

Борисъ Арсеньичъ пригласилъ полковницу Караваеву быть у него хозяйкой вечера, на что та съ удовольствіемъ согласилась, чувствуя себя польщенной такимъ предпочтеніемъ. Любители собрались къ Коломину очень рано, чтобы еще разъ прорепетировать на скорую руку пьесы. Дамы волновались, говоря, что все перезабыли, кавалеры ихъ утѣшали, увѣряя, что нужно только по-

смѣлѣе начать, а тамъ ужъ все само пойдетъ, но сами видимо трусили и даже безстрашный „артистъ въ душѣ", поручикъ Конопля, то и дѣло, навѣдывался въ буфетъ. Борисъ Арсеньичъ, возбужденный и весь красный, выходилъ изъ себя, умоляя актрисъ быть поестественнѣе и не пищать, увѣряя, что это совсѣмъ некрасиво. Особенно доставалось отъ него докторшѣ, игравшей въ водевилѣ.

— Зачѣмъ вы говорите „ахъ, мнѣ дурно!" такимъ голосомъ, точно собираетесь протанцовать польку!—почти кричалъ онъ на нее.

— Да, право-же, я не знаю, отчего это такъ сегодня выходитъ, испуганно оправдывалась докторша,—дома у меня такъ хорошо „дурно" выходило.

Публика стала съѣзжаться. Всѣ билеты были разобраны. Бѣдная развлеченіями провинція жадно хваталась за случай повеселиться. Первыя мѣста занимались, какъ водится, beau monde'омъ. Пріѣхала двоюродная тетушка Бориса Арсеньевича, графиня Чернозубова, разлагающаяся, важная фрейлина, глухая, богатая и скупая до того, что, не довѣряя экономкѣ, собственноручно всегда завиваривала чай на два дня. Она́ двинулась къ своему мѣсту, медленно передвигая ноги, едва кивнувъ головой подбѣжавшей къ ней полковницѣ, и роняя на ходу носовой платокъ, перчатку, табакерку, которые тутъ же на лету подхватывала шедшая по ея пятамъ компаньонка—незначительное коричневое существо. Предсѣдатель суда съ женой и пятью совершенно одинаково одѣтыми и одинаково некрасивыми дочерьми—пробрался къ своимъ кресламъ, съ апломбомъ кидая гордые взгляды на копошившуюся въ заднихъ мѣстахъ мелкую сошку. Прокуроръ, молодой человѣкъ съ удивительно свѣжимъ цвѣтомъ лица, влетѣлъ въ залу, лихо покручивая усы, точно говоря: и

мы тутъ не послѣдняя птица. Инспекторъ врачебной управы, толстый до отдышки, какъ только усѣлся—засопѣлъ на всю залу, чѣмъ привелъ въ крайнее раздраженіе свою сухощавую супругу, даму съ острымъ носомъ и ехидными глазками, которыми она тутъ-же принялась осматривать, какъ кто одѣтъ, и вся позеленѣла отъ зависти, увидавъ въ ушахъ жены моднаго доктора брильянтовыя сережки. Явился, наконецъ, и начальникъ губерніи, представительный статскій генералъ, подъ руку съ только что выпущенной изъ Смольнаго дочерью — стройной, хорошенькой блондинкой. Сознавая, что онъ и безъ шума сила, его превосходительство держалъ себя скромно, милостиво раскланиваясь направо и налѣво. Борисъ Арсеньевичъ суетился, всѣхъ усаживалъ, сыпалъ во всѣ стороны комплименты и съ безпокойствомъ озирался на дверь, словно ожидая кого-то.

Когда въ дверяхъ показалась Серафима Алексѣевна, въ сѣромъ шелковомъ платьѣ и черной наколкѣ, и рядомъ съ ней свѣжее улыбающееся личико Оленьки, въ цѣломъ облакѣ газа, лентъ и цвѣтовъ, — Борисъ Арсеньичъ обмеръ.

— А Сара Павловна?—спросилъ онъ такимъ голосомъ, что Серафима Алексѣевна поглядѣла на него съ недоумѣніемъ и поспѣшила сказать, что Сара Павловна прошла съ Орочкой прямо въ уборную.

Онъ бросился за кулисы и въ корридорѣ наткнулся на Сару. На ней было черное шелковое платье, охватывавшее мягкими складками ея изящную, высокую фигуру; черное кружево мягко оттѣняло нѣжную шею, въ темныхъ волосахъ бѣлѣла чайная роза. Борисъ Арсеньевичъ крѣпко пожалъ ей руку.

— Какъ вы меня напугали!—сказалъ онъ.

— Чѣмъ это?

— Вижу, входятъ Зубковы, а васъ нѣтъ; мнѣ представилось что вы не пріѣхали, и я чуть не съѣлъ старуху, т.-е. у меня, должно быть, былъ такой видъ, потому-что она поглядѣла на меня, какъ на сумасшедшаго... Но, какъ вы хороши! Боже, какъ вы хороши! Такъ и хочется упасть передъ вами ницъ. Не сердитесь... въ моихъ словахъ, право, нѣтъ ничего оскорбительнаго... Красота—мой культъ, и вы знаете...

— Я знаю, что вы подвергаете меня большимъ непріятностямъ,—сказала она и, взявъ изъ другой комнаты картонку, быстрыми шагами ушла въ уборную.

Съ хоровъ грянула полковая музыка, прогремѣла увертюра изъ какой-то оперы,—изъ какой именно трудно было опредѣлить, благодаря необычайному усердію трубачей и барабанщика, — взвился занавѣсъ, и началось лицедѣйство. Первыя фразы струсившихъ актеровъ потерялись въ шумѣ, чиханіи и откашливаніи усаживающейся публики, потомъ они, что называется, разыгрались.

Ора Николаевна, нарумяненная, съ подведенными глазами и благодѣтельной ватой, скрывшей ея угловатую худобу, казалась со сцены положительно хорошенькой. Ее встрѣтили апплодисментами; это ее ободрило, и она вела роль сносно, если не принимать въ счетъ неимовѣрнаго закатыванія глазъ, отчаянныхъ ломаній рукъ и минорнаго завыванія.

Но Конопля! Ужасный поручикъ Конопля! Что онъ только изъ себя сдѣлалъ! Къ щекамъ приклеилъ разноцвѣтныя бакенбарды, носъ выкрасилъ въ малиновую краску, нарисовалъ на лбу цѣлую географическую карту, словомъ, ничего не пожалѣлъ для искусства: не даромъ онъ всѣхъ увѣрялъ, что Бочаровъ—его „когонная голь". Всего лучше онъ былъ въ сценѣ воровства. Лунная ночь (Витинька жонглировалъ зеркаломъ, какъ

фокусникъ), эффекто освѣщала его растрепанную фигуру, въ широкомъ пунцовомъ халатѣ съ длиннѣйшими, тащившимися по полу кистями. Онъ сдѣлалъ два прыжка впередъ, произнесъ громовымъ голосомъ „стгашно“ и отпрыгнулъ назадъ. Проскакавъ такимъ манеромъ раза три, дабы наглядно представить происходившую въ немъ внутреннюю борьбу, онъ залихватски проговорилъ „была не была“ и рѣшился, наконецъ, смѣлыми шагами подойти къ роковому шкафу, но... о ужасъ! одна изъ кистей халата зацѣпилась за ножку дивана, какъ бы желая удержать поручика Коноплю на стезѣ добродѣтели. Онъ рванулъ ее—„не поддается шельма“! съ неподдѣльной яростью прошепталъ поручикъ и рванулъ изо всѣхъ силъ злополучную кисть, но увы! безуспѣшно. Витинька, увидавъ критическое положеніе Бочарова-Конопли, съ-испугу выронилъ свѣчу, произвелъ лунное затмѣніе и погрузилъ всю сцену въ мракъ. Въ публикѣ послышался сдержанный смѣхъ, но тутъ поручикъ доказалъ, что онъ прежде всего человѣкъ военный—выхватилъ изъ кармана перочинный ножикъ, перерѣзалъ „пгоклятую“ кисть и благополучно докончилъ сцену при громкихъ вызовахъ, апплодисментахъ и неудержимомъ хохотѣ зрителей.

Водевиль прошелъ очень весело, и даже докторша такъ хорошо справилась со своимъ „дурно“, что лучше и желать было нельзя.

По окончаніи спектакля участвовавшимъ дамамъ поднесли букеты. Ора Николаевна съ радостной улыбкой бросилась въ уборную къ Сарѣ и горячо благодарила ее за помощь и хлопоты.

Лакеи стали поспѣшно разбирать стулья, чтобы очистить залу для танцевъ. Мелкая публика разъѣхалась, осталась одна аристократія, знакомая между собой и тотчасъ разбилась на группы. Ора Николаевна, пере-

мѣнившая траурный костюмъ послѣдняго акта на бальное платье, отдѣланное сиреневыми вѣтками, вся еще сіяющая и торжествующая, вошла съ Сарой въ залу и сѣла возлѣ матери, скромно выслушивая комплименты. Особенно разсыпался полковникъ Раздеришинъ. Ора Николаевна поглядѣла на него и самодовольно улыбнулась: ей показалось, что онъ кается въ измѣнѣ. Начальникъ губерніи разговаривалъ съ Коломинымъ, предоставивъ дочь попеченіямъ графини Чернозубовой.

— Скажите, mon cher Борисъ Арсеньичъ,—кто эта дама или дѣвушка, въ черномъ платьѣ?

— Какая?—какъ бы недоумѣвая, спросилъ Коломинъ.

— Вонъ та, что сидитъ возлѣ генеральши Зубковой. Да полно вамъ притворяться, такую красавицу вы бы и въ Петербургѣ замѣтили—не то что здѣсь.

— Ахъ, эта! это—гувернатка дочерей генеральши, ваше превосходительство.

Его превосходительство оттопырилъ нижнюю губу.

— Дура же эта Зубкова! вывозить такую... такое чудное созданіе рядомъ съ своими уродинами.

— Что вы, ваше превосходительство, младшая очень недурна!

— Недурна! презрительно воскликнулъ генералъ,—fi, mon cher, я васъ не узнаю, провинція испортила вамъ вкусъ. Вѣдь это — горничная-дѣвка, красныя щеки, курносая, tout ce qu'il y a de plus vulgaire, а та—настоящій chef d'oeuvre.

Онъ ловко вскинулъ на носъ pince-nez.

— Какое гордое, печальное лицо! Она, не русская?

Она, ваше превосходительство, дочь французской актрисы и испанскаго гранда, съ явной насмѣшкой отрѣзалъ Коломинъ, взбѣшенный безцеремонностью, съ какой генералъ разсматривалъ Сару.

— Oh, oh! vous-vous fâchez, признайтесь, вы ужъ дѣлали ей un petit brin de cour.

— Я ее очень уважаю, ваше превосходительство.

Генералъ засмѣялся.

— Contez cela à d'autres, mon cher. А вотъ что, вѣдь эта Зубкова совсѣмъ, говорятъ, нищая; я думаю за двѣсти-триста рублей лишнихъ можно сманить эту красавицу,—дочери моей кстати нужна dame de compagnie. Какъ вы полагаете?

— Попробуйте,—холодно отвѣтилъ Коломинъ и отошелъ отъ него.

Музыка загремѣла вальсъ; по паркету понеслись пары. Ора Николаевна мчалась въ объятіяхъ прокурора, томно склонивъ головку къ его плечу; Оленька кружилась съ Раздеришинымъ, Борисъ Арсеньичъ сдѣлалъ туръ съ губернаторской дочкой и, посадивъ ее, подошелъ къ Сарѣ.

— Сара Павловна, подарите мнѣ одинъ туръ.

— Я не танцую, Борисъ Арсеньичъ.

— Въ такомъ случаѣ и я не танцую,—когда мои гости сидятъ, я не могу танцовать.

— Съ чего вы взяли, что я ваша гостья? — сказала она, сверкая глазами.—Я здѣсь только какъ гувернантка дѣвицъ Зубковыхъ. Я не хочу вашего вниманія,—слышите, не хочу,—оно меня возмущаетъ.

Коломинъ не отвѣчалъ. Онъ сидѣлъ блѣдный, пораженный, нервно барабаня пальцами по спинкѣ стула.

— Будь по вашему, Сара Павловна, — сказалъ онъ наконецъ, натянуто улыбаясь побѣлѣвшими губами и поклонившись ей съ преувеличенной вѣжливостью, всталъ, чтобы уйти. Но въ эту минуту къ нимъ подлетѣла Оленька, вся запыхавшаяся, и схватила Сару за обѣ руки.

— Сара Павловна, душечка, ангельчикъ, мнѣ нужно вамъ сказать очень, очень важную вещь. Борисъ Арсеньичъ, миленькій, сведите насъ въ какую-нибудь отдѣльную комнату,—говорила она умоляющимъ голосомъ.

— О, должно быть, секретъ очень важный, если даже я сталъ „миленькимъ",—сказалъ, засмѣявшись, Коломинъ,—ну, пойдемте, барышня, пойдемте.

Онъ отвелъ ихъ къ себѣ въ кабинетъ и ушелъ. Лишь только за нимъ затворилась дверь, Оленька бросилась на шею Сарѣ.

— Николай Иванычъ... Николай Иванычъ... сдѣлалъ мнѣ предложеніе,—выговорила она и залилась слезами.

— Неужели!... что-жъ вы ему сказали?

— Сказала, чтобы онъ поговорилъ съ мамой.

— Но, Оленька, онъ вѣдь, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двадцать старше васъ.

— Я его люблю, Сара Павловна,—прошептала Оленька, скрывъ свою головку на плечѣ гувернантки.

„Бѣдная Ора"—подумала Сара. Она поглядѣла на Оленьку и не узнала ее. Орошенное слезами поблѣднѣвшее личико точно осмыслилось, незначительныя, расплывчатыя черты, преображенныя лучомъ счастья, какъ-то трогательно свѣтились.—„Вотъ она настоящая любовь, любовь простого немудрствующаго существа!" промелькнуло у нея въ головѣ, и она стала нѣжно цѣловать невѣсту. Та развеселилась, разсказала Сарѣ всѣ подробности своего романа, выражала опасенія, что мать не согласится ее отдать раньше Оры, говорила о своей будущей обстановкѣ и наконецъ воскликнула:

— Ахъ, Сара Павловна, я непремѣнно, непремѣнно хочу, чтобы у Николая Иваныча былъ такой кабинетъ, какъ этотъ. Посмотрите, что за прелесть!

Кабинетъ былъ дѣйствительно хорошъ. Длинная комната изъ темнаго дуба съ украшенными артистической рѣзьбой стѣнами, рѣзко отдѣлявшимися отъ бѣлаго потолка, производила нѣсколько мрачное впечатлѣніе. Надъ гигантскимъ каминомъ возносились до самаго потолка двѣ художественно вырѣзанныя изъ дерева фигуры смѣющихся сатировъ. Тяжелые бронзовые часы съ изображеніемъ какой-то миѳологической группы отражались въ узкомъ зеркалѣ камина. Мягкая мебель, крытая темнымъ шагренемъ, турецкія кушетки, низенькіе табуреты, столики, украшенные альбомами, въ углахъ статуи и мраморные бюсты... Средину кабинета занималъ огромный письменный столъ, заваленный цѣлой массой objets d'art. Длинный, трехъ-этажный шкафъ съ выдвижными стеклянными рамами весь былъ наполненъ разнаго формата книгами.

— Смотрите, Сара Павловна, все иностранныя, — говорила Оленька,—а вотъ и русскія: Бутлеровъ, Сѣчеповъ, Костомаровъ, никогда и не слыхала про такихъ, а вотъ и знакомыя: Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій. Да что-же вы не смотрите? Можетъ, онъ дастъ почитать.

Она быстро обернулась и увидавъ, что Сара смотритъ на какой-то большой портретъ, подбѣжала къ ней.

— Батюшки, да это Борисъ Арсеньичъ,—вскрикнула она,—какой-же онъ былъ красавецъ!

Портретъ изображалъ прекрасную голову юноши, лѣтъ двадцати двухъ. Темные, кудрявые волосы падали на благородный, гладкій лобъ; большіе задумчивые глаза сосредоточенно глядѣли вдаль; рѣзко очерченный красивый ротъ былъ плотно сжатъ.

— Какъ хорошъ, правда, Сара Павловна?

— Правда, Оленька.

— А это кто, Сара Павловна? фи, какой страшный! говорила Оленька, перескочивъ къ другому столику.

— Это — Іоаннъ Грозный, Антокольскаго, — сказала Сара, внимательно разсматривая бронзовую статуэтку. Однако, пойдемте, Оленька, мы и такъ тутъ засидѣлись.

Онѣ вышли.

Въ дверяхъ Сара обернулась и еще разъ пристально посмотрѣла на портретъ Коломина.

XXIII.

Ора Николаевна проснулась поздно. Въ головѣ ея еще носился туманъ отъ проведеннаго вечера, такъ рѣзко выдѣлившагося изъ длиннаго монотоннаго ряда вечеровъ ея однообразной жизни. Еще нѣжась въ кровати, она начала припоминать всѣ происшедшія наканунѣ мелочи; воспоминанія эти были такъ пріятны, что она нарочно закрыла глаза, чтобы воспроизвести въ воображеніи улетающія, какъ грезы, детали. Наконецъ она рѣшилась встать и начала одѣваться. Подойдя къ зеркалу, Ора Николаевна нахмурилась: измученная безсонными ночами и постоянными поѣздками, она очень похудѣла. Лицо ея вытянулось, облупилось, пожелтѣло и глядѣло какъ-то особенно старообразно. Она умылась холодной водой, намазала все лицо кольдъ-кремомъ и, обсыпавъ пудрой, осторожно вытерла; потомъ зажгла свѣчу и накаливъ на ней шпильку, слегка подвела глаза и брови... стало какъ будто лучше, но все-таки не хорошо. Въ столовой она застала ужъ всѣхъ за завтракомъ. Оленька, въ пестрой ситцевой блузѣ, свѣжая, какъ розанъ, хлебала молоко прямо изъ кувшина, мать съ какой-то грустной нѣжностью смотрѣла на нее. Съ приходомъ Оры Николаевны онѣ обѣ точно замялись. Общій разговоръ словно оборвался. Сара пожаловалась на мигрень и ушла, уведя съ собой Костю.

— Что это, какія вы сегодня всѣ кислыя,—спросила Ора Николаевна,—неужели не выспались?

— Нѣтъ, ничего, Орочка, мы ничего...—заикаясь, проговорила Серафима Алексѣевна,—а вотъ ты немножко блѣдна, ты здорова-ли милая?

Ора Николаевна подозрительно взглянула на нее.

— Вы что-то скрываете отъ меня, maman, скажите прямо, что случилось?

— Да право-же ничего, Орочка, что мнѣ скрывать. Я сама даже желала съ тобой посовѣтоваться, ты вѣдь у меня самая умная, потомъ все-таки старшая... — все больше и больше мямлила несчастная Серафима Алексѣевна.

— Да скажете-ли вы наконецъ толкомъ, въ чемъ дѣло?...—закричала, выходя изъ себя, Ора Николаевна. Обокрали васъ, что-ли...

— Раздеришинъ сдѣлалъ предложеніе Оленькѣ, — скороговоркой досказала Серафима Алексѣевна и пересѣла на диванъ.

Въ глазахъ Оры Николаевны все на мгновеніе закружилось, замелькало и заплясало; ей показалось, что она падаетъ; она ухватилась своими похолодѣвшими пальцами за край стола, сдѣлала надъ собой страшное усиліе—и очнулась.

— Что-жъ тутъ особеннаго?—вымолвила она, силясь вызвать улыбку на свои посинѣвшія губы,—этого слѣдовало ожидать...

— А какъ-же ты-то, Орочка...—начала мать.

— Что я?...

— Да какъ-же, Орочка, вѣдь ты все-таки старше,—совсѣмъ глупо докончила генеральша.

— Я вамъ сто разъ говорила, maman, что не намѣрена выходить замужъ,— сдавленнымъ голосомъ зая-

вила Ора Николаевна, съ ненавистью глядя на непонимавшую ея мученій мать. Оленька, — обратилась она къ сестрѣ,—что-же, поздравить тебя?

Оленька однимъ прыжкомъ очутилась у ея колѣнъ и крѣпко обвила ее руками за талію.

— Ора, ты вѣдь не сердишься на меня?—спросила она пискливымъ голоскомъ готоваго расплакаться ребенка.

— Ты совсѣмъ дура, Ольга,—отвѣтила Ора Николаевна и обняла ее.

Обѣ сестры заплакали. Серафима Алексѣевна не замедлила къ нимъ присоединиться, крестясь подъ своей шалью, что все обошлось благополучно.

Наконецъ бѣдной Орѣ Николаевнѣ удалось вырваться въ свою комнату. Она бросилась на кровать, измученная, разбитая, уничтоженная, безъ мысли въ головѣ и лежала такъ долго... безсмысленно обводя мутными глазами стѣны. Все тѣ-же занавѣски съ птичками, тотъ же розовый кисейный туалетъ съ чинно разставленными коробочками и невинными сувенирами, тѣ-же обои съ цвѣточками... Но, Боже, какъ все это одиноко, холодно, безпріютно! И такъ—навсегда, на-вѣки, до гробовой доски... безъ ласки... безъ участія...

Она уткнула голову въ подушки и зарыдала.

Новость быстро облетѣла весь домъ и дошла до дѣвичьей.

— Полковникъ-то младшую барышню посваталъ,—доложила горничная Дуняша прачкѣ.

— Ой-ли?

Ей-Богу, своими ушами слышала, какъ Ольга Николаевна старой барынѣ разсказывала. Вчера на балу, вишь-ты, за танцами, у нихъ объясненіе вышло.

— То-то, чай, Орка обозлится!

— Ништо ей, змѣѣ подколодной...

— Охъ, дѣвушка, намъ-то что съ ихней свадьбы,— философски замѣтила прачка,—и такъ работы не оберешься, а теперь, гляди, совсѣмъ изъ корыта не вылѣзешь.

— И то правда,—согласилась Дуняша, однѣхъ этихъ чортовыхъ юбокъ сколько,—гладишь, гладишь, инда вся спинушка изноетъ. Давай, тетка, утюгъ-отъ... чтобъ имъ ни дна, ни покрышки.

Она поплевала на утюгъ, ударила по немъ пальцами и стала гладить, затянувъ пискливымъ голосомъ:

Не е-е-сча-а-стная взра-ди-илась,
Не-е-е-сча-а-стная взра-сла,
Въ из мѣп-щи-и-ка влю-би-и-лась
Въ тиран-на мо-лод-ца-а.
Зачѣмъ тиранъ тирани-ишь?

— Какія вы все чудесныя пѣсни поете, Дунечка,— любезно сказалъ вошедшій поваръ.

— Чай, мы не какія-нибудь, — гордо отвѣтила горничная.

— Сейчасъ полковникъ пріѣхалъ, — произнесъ онъ таинственно,—сказываютъ—Ольгу Николаевну сватать.

— Ужъ мы про то давно извѣстны.

— Ишь вы скрытныя какія!

— Не люблю я про господскія дѣла зря болтать,— процѣдила сквозь зубы Дуняша и, размахивая по доскѣ утюгомъ, опять меланхолически завыла:

Все по етому случаю
Я не ѣмъ, не пью я чаю
И я оченно скучаю
Все по етому слу-ча-а-ю...

— А старшей-то барышнѣ, чай, не понравится этотъ соусъ,—вставилъ опять замѣчаніе поваръ.

— А пущай ее давится,—гуманно разрѣшила Дуняша, но въ эту минуту сильный звонокъ заставилъ ее взвизгнуть, и она опрометью бросилась въ комнаты.

Ора Николаевна слышала, какъ пріѣхалъ Раздеришинъ, какъ онъ прошелъ къ матери въ гостинную, какъ Серафима Алексѣевна громко приказала позвать туда Оленьку...

— По крайней мѣрѣ я не буду смѣшною, — сказала она вслухъ и, схвативъ щетку, сорвала съ головы банты и стала съ лихорадочной быстротой расчесывать свои взбитые волосы; причесала ихъ совершенно гладко, не много на лобъ, заплела косу и скромно уложила ее вокругъ головы; вынула изъ шкафа темное, сѣрое платье, пристегнула къ нему полотняный откладной воротничекъ и рукавчики—и торопливо стала одѣваться. Одѣвшись, она подошла къ туалету; зеркало отразило некрасивую, но приличную особу, пожилыхъ лѣтъ.

Ора Николаевна съ горькой усмѣшкой поклонилась своему новому образу, прошептавъ — „такъ-то лучше! здравствуй, старая дѣва!“

Она явилась въ гостинную, совершенно спокойная и равнодушная, любезно поздравила полковника и поцѣловала еще разъ сестру. Костюмъ ея поразилъ Серафиму Алексѣевну.

— Что это, Орочка, какой ты старухой вырядилась!—сказала она со своимъ обычнымъ тактомъ.

— Что-жъ, maman, мы и въ самомъ дѣлѣ съ вами старухи. Вотъ повѣнчаемъ Оленьку, да и начнемъ раскладывать вдвоемъ пассьянсы—проговорила Ора Николаевна съ улыбкой и, словно опасаясь возраженій, отошла быстрыми шагами къ Сарѣ.

Сара поняла, чего стоило ей это самообладаніе; она поняла, что простенькая прическа и гладкое платье здѣсь не обыкновенная случайность, а формальное отреченіе отъ молодости, признаніе себя побѣжденной— и впервые шевельнулось въ ней что-то въ родѣ уваженія къ Орѣ Николаевнѣ.

Полковникъ, между тѣмъ, шутилъ съ невѣстой и, не выпуская изъ своихъ рукъ ея пухленькихъ ручекъ, поминутно цѣловалъ ихъ.

Оленька, упоенная, но совершенно растерявшаяся, конфузилась, краснѣла и тяжело молчала. Серафима Алексѣевна, какъ женщина опытная, смекнула, въ чемъ дѣло, поднялась съ своего мѣста и, выйдя въ другую комнату, позвала Сару и Ору Николаевну.

— Пусть ихъ побудутъ вдвоемъ,—сказала она съ блаженнымъ видомъ, потомъ обратилась къ образу, положила земной поклонъ и, благоговѣйно крестясь, зашептала:—Господи, благослови и помилуй...

Послѣ долгихъ разсчетовъ рѣшено было объявить о помолвкѣ Оленьки черезъ мѣсяцъ, въ день ея рожденія, приходившееся на второе февраля.

XXIV.

Наступило, наконецъ, и второе февраля. Погода была чудная: стоялъ морозный зимній день. Снѣгъ блестѣлъ и искрился на солнцѣ; опушенныя бѣлымъ пухомъ деревья, казалось, замерли въ своей яркой серебристой одеждѣ. На окнахъ цѣлою сѣтью легли причудливые, фантастическіе, тонкіе, какъ кружево, узоры. Золотисто-сѣрый паръ тянулся ломанными волнами изъ закоптѣлыхъ деревенскихъ трубъ къ чистому, холодному небу... Въ дубковскомъ домѣ съ самаго утра под-

нялась та неугомонная бѣготня и суматоха, безъ которой обыкновенно не обходится на одно торжественное событіе. Серафима Алексѣевна, вся красная, собственной особой царила въ кухнѣ, воспроизводя по завѣщанному еще отъ бабушки рецепту какіе-то удивительные пирожки. Кучеръ и скотникъ, обращенные въ полотеровъ, выкидывали антраша, которыя-бы сдѣлали честь не только завзятому танцору, но любому акробату, и благодаря ихъ усиліямъ полъ заблестѣлъ такъ, что на него не только ступить, даже взглянуть было страшно. Дуняша, подобно вихрю, носилась по комнатамъ съ цѣлымъ ворохомъ крахмальныхъ юбокъ... Словомъ, всѣ были въ томъ наэлектризованномъ состояніи, когда руки сами чешутся что-нибудь дѣлать, когда даже самому хладнокровному человѣку становится совѣстно за свое хладнокровіе, и онъ стремится приткнуть къ чему-нибудь свою неумѣлую особу, но увы, вмѣсто благодарности, встрѣчаетъ лишь недовольное ворчаніе оффиціальныхъ заправилъ:—ужъ сидѣли-бы тихо, только мѣшаете.

Гости начали съѣзжаться къ вечеру. Николай Иванычъ привезъ невѣстѣ роскошныя серьги—два огромныхъ брилліанта и собственноручно вдѣлъ ихъ въ пылающія маленькія ушки. Оленька сіяла отъ восторга; она не сводила своихъ блаженныхъ, полныхъ покорнаго обожанія, глазъ съ румянаго лица Николая Иваныча и только вспыхивала, чувствуя на своей щекѣ безцеремонную близость его жесткихъ усовъ. Ора Николаевна, въ черномъ платьѣ, застегнутомъ у ворота матовой золотой брошкой, степенно занимала гостей, стараясь всѣми силами изобразить, какъ можно естественнѣе, довольную старшую сестру. Но, встрѣтивъ исковерканную жаднымъ любопытствомъ физіономію какой-нибудь во всѣхъ отношеніяхъ пріятной дамы, она

терялась, на лицѣ ея загорались пятна, и ей страстно хотѣлось убѣжать, спрятаться, какъ можно дальше отъ этихъ людей, глядѣвшихъ на нее не то съ затаенной насмѣшкой, не то съ торжествомъ.

Пріѣхалъ Коломинъ и, поклонившись издали Сарѣ (послѣ спектакля онъ замѣтно избѣгалъ ея), сѣлъ возлѣ Оры Николаевны. Онъ замѣтилъ происшедшую въ ней перемѣну, и должно быть, ему стало ее жаль, потому что онъ заговорилъ съ ней искреннимъ дружескимъ тономъ,—посмѣялся слегка надъ важностью событія, замѣтилъ, что по его наблюденіямъ у жениховъ и невѣстъ всегда немножко глупыя лица, даже когда они въ сущности очень умные люди, что даже ласки ихъ какъ-то приторно-вульгарны, благодаря пошловато-снисходительному контролю окружающихъ, и признался, что онъ, съ своей стороны, предпочитаетъ „Schattenküsse, Schattenliebe“, какъ у Гейне.

— Право, въ нихъ гораздо больше поэзіи—заключилъ онъ.

— Ну, васъ, я вижу, такъ-же трудно будетъ женить, какъ меня выдать замужъ,—сказала, усмѣхаясь, Ора Николаевна.

— По всей вѣроятности,—согласился онъ,—авось мы оба отъ этого немного потеряемъ.

Сара, еще утромъ изъявившая желаніе замѣнить тапера, чѣмъ привела въ неописанный восторгъ генеральшу, сѣла къ рояли и заиграла вальсъ, потомъ кадриль и польку. Танцующіе кружились, смѣялись, отдыхали и снова начинали кружиться.

— Что это вамъ вздумалось жертвовать собой?—спросилъ Коломинъ, останавливаясь передъ Сарой.

— Въ чемъ-же вы видите жертву?

— Отколачивать себѣ руки для этихъ антиковъ! Положительно не понимаю...

Сара сдѣлала видъ, что не слышитъ, и продолжала играть.

— Сара Павловна, я не хочу, чтобы вы для нихъ играли,—встаньте, я васъ замѣню.

Она хотѣла отвѣтить рѣзко, но, всмотрѣвшись въ его осунувшееся, постарѣвшее лицо, въ его тоскливый, тревожный взоръ, сказала только:

— Теперь нельзя, послѣ.

Появленіе Аполлона Егоровича прервало танцы. Анѳиса Ивановна была при немъ и на этотъ разъ въ своемъ костюмѣ не обнаружила ни малѣйшаго поползновенія па моду, до того все на ней было допотопно. Всѣ обступили прибывшую чету. Хозяйка попеняла, зачѣмъ они поздно пріѣхали.

— Не виноватъ, матушка, не виноватъ, все купцы эти оголтѣлые задерживали,—говорилъ своимъ густымъ басомъ Аполлонъ Егоровичъ. Вчера только вернулся, изъ Погорѣлецъ. За то доложу вамъ того насмотрѣлся, что вѣкъ не забуду.

— Что такое?!

— А вотъ послушайте, разскажу. Въ... въ... чортъ его знаетъ, забылъ названіе, словомъ,—недалеко отъ Погорѣлецъ, въ большомъ мѣстечкѣ было повальное избіеніе жидовъ.

— Что вы?!...

— Ей-ей! Самъ туда ѣздилъ смотрѣть, какъ ихъ, подлецовъ, жарили... страсть! на улицахъ проходу не было отъ пуху, жидовки вѣдь самыя бѣдныя—и тѣ на перинахъ спятъ, ну, и повытрясли имъ перинки-то...

Между гостями послышались смѣхъ и отрывистыя замѣчанія: „такъ и надо“... „противный народъ“, „раз-

бойникъ", „душу готовы за грошъ вымотать", „нахалы"... „всюду наровятъ пролѣзть", „никакого благородства"... „ничего святаго"...

— Нѣтъ, вы только послушайте,—прерывалъ, воодушевляясь, Аполлонъ Егорычъ, — что за народецъ? Когда стали ихъ дуть, ну натурально, жидки перетрусили, подняли вой, гвалтъ: ай вай, грабятъ, рѣжутъ... Одинъ, похрабрѣе, бросился за солдатами, а наши-то не будь глупы, хвать его, бестію, за пейсики и ну катать: не ори молъ. Жидовки со своими щенятами на чердаки попрятались, а ребята наши ихъ оттуда галантерейнымъ этакимъ манеромъ повытаскали, да и того, по юбочкамъ...

— Фи, фи, Аполлонъ Егорычъ, безсовѣстный, противный; какъ вы смѣете такія вещи разсказывать! — запротестовали дамы.

— Ну, сударыни, извините, изъ пѣсни слова не выкинешь,—сказалъ, захохотавъ во все горло, Аполлонъ Егорычъ.—Только вотъ явились казаки,—продолжалъ онъ,—да ничего не подѣлали, помахиваютъ себѣ для виду нагайками, да пересмѣиваются. И что же эти окаянные жидки выдумали' видятъ что дѣло плохо, капутъ приходитъ, взяли да и выставили въ окнахъ иконы! Каково?! Ну, не мошенники-ли?!..

— Ужасъ, какіе лицемѣры! —возмутилась одна изъ дамъ, блѣдное эѳирное существо. Но хуже, по моему, всего—это образованные жиды... Что они только о себѣ воображаютъ! Вотъ, напримѣръ, у насъ въ полку докторъ...

Негодованіе дамы было прервано внезапнымъ шумомъ. Сара, сидѣвшая до тѣхъ поръ неподвижно у рояля, вдругъ порывисто поднялась съ своего мѣста, опрокинувъ табуретъ съ нотами и, подойдя къ собравшимся

въ кружокъ гостямъ, остановилась противъ Аполлона Егорыча, готовившагося съ самымъ благодушнымъ видомъ преподнести обществу еще одну подробность. Всѣ взгляды невольно обратились на гувернантку. Коломинъ подбѣжалъ къ ней, но она отстранила его жестомъ. Лицо ея было мертвенно-блѣдно, широко раскрытые глаза горѣли зловѣщимъ блескомъ, какъ у сумасшедшей, тонкія ноздри нервно вздрагивали.

— Что же вы не продолжаете,—сказала она какимъ-то чужимъ звенящимъ голосомъ, съ странной улыбкой на искривленныхъ губахъ,—это такъ интересно... изувѣчены вѣдь не живые люди, а какіе-то грязные жидки съ пейсиками, въ смѣшныхъ лайбсардакахъ... Вы не стѣсняйтесь подробностями, ваши мягкосердечныя дамы не упадутъ въ обморокъ... другое дѣло, если бы завизжала раздавленная болонка, а то... барахтались и кричали отъ боли и испуга еврейскія дѣти... pardon, жидовскіе щенки... Даже иконы въ окнахъ выставили, чтобы провести добрыхъ, честныхъ людей... Ужасно!... А васъ, сударыня, больше всего, кажется, волнуютъ образованные жиды!... Поглядите же хорошенько на меня, я вѣдь тоже образованная жидовка...

Она захохотала злымъ, надтреснутымъ смѣхомъ.

— Вотъ оно что!—промолвилъ шопотомъ Аполлонъ Егорычъ.

— Сара Павловна, прошу васъ, успокойтесь,—проговорила чуть не со слезами Серафима Алексѣевна.—Ужъ этотъ мнѣ Аполлонъ Егорычъ, вѣчно, что-нибудь нагородитъ!

— Сара Павловна,—воскликнула Ора Николаевна,—вы знаете, что мы васъ никогда не смѣшивали съ массой, а считали за свою.

— Мы не виноваты, мы не знали, что вы... сконфуженно, не доканчивая, бормотали гости.

— Конечно, Сара Павловна, виноваты *мы*, вольно-же вамъ было принимать насъ за порядочныхъ людей! иронически произнесъ Коломинъ.

Но Сара ужъ ихъ не слушала. Шатаясь и придерживаясь за мебель, она выскользнула изъ комнаты и, добравшись до спальной Серафимы Алексѣевны, въ изнеможеніи опустилась на диванъ. Въ вискахъ у ней стучало, она чувствовала во всемъ тѣлѣ какую-то жгучую дрожь, изъ ея полуоткрытыхъ запекшихся губъ вылетало нервное быстрое дыханіе. Она рада была, что убѣжала, что никто ее не видитъ больше... Въ комнатѣ было темно, только одинъ уголъ освѣщался блѣдными лучами луны да у образа трепетно мерцала лампадка.

Коломинъ, все время не спускавшій глазъ съ Сары, неслышно пошелъ за ней. Онъ остановился у дверей и нѣсколько минутъ молча смотрѣлъ на ея согнувшуюся на диванѣ фигуру. Видя, что она судорожно ухватилась за сердце, онъ рѣшился подойти къ ней и осторожно взялъ ее за руку:

— Успокойтесь,—сказалъ онъ ласковымъ голосомъ, не огорчайтесь такъ, право-же они этого не стоятъ...

Она обратила къ нему искаженное гнѣвомъ лицо.

— Вы слышали,—зашептала она дрожащими губами, слышали... Это люди радуются, что душатъ другихъ людей...

— Не вѣдаютъ, что творятъ.

— Не вѣдаютъ! Какіе невинные младенцы! Впрочемъ, что жъ я! и вы въ душѣ, можетъ быть, ликуете, да неловко показать это передъ жидовочкой... особенно, когда жидовочка похожа на испанскую картинку.

— Послушайте, Сара Павловна, вы меня слишкомъ оскорбляете!—вскрикнулъ Коломинъ,—я могу быть волокитой, пустымъ бездѣльникомъ, чѣмъ угодно, но вы не имѣете права считать меня злобнымъ идіотомъ.

Она опомнилась и протянула къ нему руки.

— Не сердитесь, Борисъ Арсеньчъ, я не знаю, что со мною... мнѣ такъ тяжело, такъ больно... Я вѣрю, что вы не такой...—проговорила она, заливаясь слезами.

Онъ схватилъ ея протянутыя руки и жадно прильнулъ къ нимъ горячими губами.

— Славная вы моя... чистая, не гоните меня, вѣрьте, нѣтъ въ мірѣ вещи, которой я бы для васъ не сдѣлалъ...—сказалъ онъ съ жаромъ.

Она въ испугѣ отодвинулась отъ него.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы отодвигаетесь отъ меня? Неужели я вамъ такъ противенъ...

— Борисъ Арсеньичъ,—медленно произнесла совершенно пришедшая въ себя Сара,—прекратимъ этотъ разговоръ, мы съ вами не дѣти. Я ничего не могу дать вамъ взамѣнъ... взамѣнъ вашей преданности.

— Я ничего и не прошу у васъ, Сара Павловна,—печально отвѣтилъ Коломинъ,—только терпите меня—ну... хоть какъ стараго дядю; будьте покойны, я васъ слишкомъ уважаю и ничѣмъ не скомпрометтирую. О чемъ же вы плачете?

— Не знаю сама,—сказала она, вытирая платкомъ струившіяся по лицу слезы, я такъ привыкла быть одна. Мнѣ кажется дикимъ даже то, что я съ вами говорю откровенно, а за то, что я изливалась передъ ними, я бы готова себя прибить...

Въ комнату вошла Серафима Алексѣевна съ Оленькой.

— Душечка, не сердитесь на насъ,—сказала Оленька, цѣлуя Сару.

— Я не сержусь, но хочу попросить Серафиму Алексѣевну отпустить меня,—послѣ сегодняшняго казуса намъ будетъ неловко...

— Вотъ еще что выдумали! сердито возразила Серафима Алексѣевна,—такъ я васъ и отпущу передъ Оленькиной свадьбой. И нашли на кого обращать вниманіе— на Аполлона Егорыча! Онъ для краснаго словца отца съ матерью не пожалѣетъ, а мы, кажется, никогда не давали вамъ повода...

— Да что тутъ толковать, мама, я не отпущу Сару Павловну и конецъ, веревкой привяжу—заявила Оленька и, бросившись на шею Сарѣ, стала ее душить поцѣлуями, повторяя:

— Милочка, засмѣйтесь, прошу васъ...

Коломинъ поспѣшилъ незамѣтно скрыться.

XXV.

Прошло три мѣсяца. Въ воздухѣ высоко закружились жаворонки; на крышахъ зачирикали воробьи; вся степь зазеленѣла и заколыхалась волнами ковыля, въ которыхъ, словно разноцвѣтныя бусы, мелькали синіе колокольчики, мальва, бѣлая ромашка, желтые одуванчики, дикій макъ... Деревья совсѣмъ одѣлись, и лишь кое-гдѣ на липахъ попадались еще толстыя набухшія почки Пахло сырой землей, полынью и донникомъ; ароматъ сирени, ландышей и какой-то особенной влажной весенней свѣжести проникалъ въ грудь ѣдкой и сладкой струей. По небу плыли и таяли золотыя тучки. Проснулась и засинѣла въ своихъ берегахъ Волга. Все ожило, зашумѣло, заплясало, запѣло и зашевелилось...

Дубковскій домъ точно заразился общимъ оживленіемъ и принялъ новый помолодѣвшій видъ. Изъ раскрытыхъ настежъ оконъ лилась музыка, слышались пѣніе и звонкіе взрывы смѣха. Терраса обтянулась

полотномъ, уставилась цвѣтами, мебелью и смотрѣла совсѣмъ жилой комнатой—тутъ валялась книга, тамъ рабочая корзинка, въ другомъ мѣстѣ забытый чулокъ съ выпавшей спицей. Темные зимніе цвѣта уступили мѣсто свѣтлымъ и яркимъ. Серафима Алексѣевна расхаживала въ батистовомъ капотѣ, Ора Николаевна и Оленька утопали въ воздушныхъ оборкахъ и даже Сара смѣнила свое вѣчное черное платье на бѣлое. Эти три мѣсяца промелькнули для нея, какъ сонъ. Она сама не могла сказать, хорошо-ли ей было, и если хорошо, то почему. Но одно она испытывала всѣмъ своимъ существомъ—облегченіе, которое дается высказаннымъ, раздѣленнымъ страданіемъ. Знаменательный вечеръ Оленькиной помолвки, помимо ея воли, сблизилъ ее съ Коломинымъ. Она тогда же почувствовала, что въ этомъ облѣнившемся, избалованномъ баринѣ—не замерло еще все живое и жадно ухватилась за его дружбу, не думая, не разсуждая, что будетъ дальше. Бываютъ минуты, когда переполненное горечью и болью сердце ищетъ, во что бы то ни стало, выхода изъ напряженнаго состоянія—и въ такія минуты сдержанный человѣкъ раскрываетъ свои завѣтныя мысли пустому болтуну, порядочная женщина бросается, очертя голову, въ объятія пошлаго селадона, трезвый начинаетъ пить запоемъ...

Борисъ Арсеньичъ съумѣлъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ у Зубковыхъ. Онъ игралъ въ карты съ Серафимой Алексѣевной, давалъ уроки англійскаго языка Орѣ Николаевнѣ, предоставилъ въ распоряженіе полковника, съ которымъ состоялъ въ родствѣ, свои конюшни и оранжереи. Съ Сарой онъ былъ, повидимому, дружески-вѣжливъ,—и только. Но она чувствовала, что все это дѣлается для нея, чтобы быть ближе къ ней, что ни одно ея движеніе не ускользаетъ отъ внимательнаго

наго, незамѣтно слѣдящаго за ней взора,— и ей было легко отъ сознанія, что она не одна послѣ долгаго одиночества... Но это состояніе забытья продолжалось недолго, оно постоянно отравлялось внутреннимъ томительнымъ страхомъ, что все это скоро кончится, что это обманъ, миражъ, который долженъ разсѣяться Свадьба Оленьки была назначена на іюль. Серафима Алексѣевна совсѣмъ, что называется, съ ногъ сбилась; хлопоты о приданомъ требовали постояннаго ея присутствія въ городѣ, а она сдала свой домъ жильцамъ и не знала теперь, какъ быть. Коломинъ вывелъ ее изъ затрудненія, обязательно предложивъ къ ея услугамъ свой домъ; онъ увѣрялъ, что это его нисколько не стѣснитъ напротивъ, доставитъ величайшее наслажденіе, что съ нимъ, какъ будущимъ родственникомъ Оленьки, нечего церемониться, и такъ далѣе. Послѣ нѣсколькихъ отказовъ, которыхъ требовало приличіе, Серафима Алексѣевна приняла предложеніе „этого милаго Бориса Арсеньича“, очень довольная, что ей не придется истратить „Богъ знаетъ сколько“ на наемъ квартиры,—ей и съ приданымъ-то было тяжело справиться. Времени до свадьбы оставалось немного, а потому рѣшено было перебраться въ городъ, какъ можно скорѣе. Переѣздъ этотъ очень огорчалъ Сару, такъ боявшуюся всякихъ перемѣнъ. Она привыкла и привязалась къ этому заброшенному уголку и съ тоской пробѣгала лихорадочными шагами большой тѣнистый садъ, прилегавшій къ дому; ее давило какое-то неопредѣленное предчувствіе, что она его больше не увидитъ.

Стояла жаркая послѣ-обѣденная пора. Всѣ въ домѣ улеглись; для прохлады закрыли ставни; но Сара не могла заснуть; ей было душно въ комнатѣ, ее раздражала окружающая тишина, прерываемая лишь сладкимъ, всхрапываніемъ Серафимы Алексѣевны. Она встала, за-

хватила первую попавшуюся книгу, вышла въ садъ и, вскарабкавшись на высокій крутой холмикъ, прилегла подъ старой развѣсистой березой; попробовала читать, но книга соскользнула у ней съ колѣнъ и упала въ траву. Она оперлась подбородкомъ на руку и заглядѣлась... Волга, вся залитая солнцемъ, ласково катила свои свѣтлыя волны; на горизонтѣ лѣниво тянулась баржа; тамъ и сямъ бѣлѣли безчисленными точками парусныя лодки; по берегу перекликались рыбаки... Жигулевскія горы, окутанныя дымкой знойнаго воздуха, отражались въ сверкающей бриллiантовой рябью водѣ. Совсѣмъ далеко сѣдѣлъ утесъ Стеньки Разина, упираясь голой головой въ багряно-лиловую тучу.

Возлѣ Сары послышался трескъ сучеьвъ. Она повернула голову и увидала шедшаго къ ней Коломина, въ шелковомъ лѣтнемъ костюмѣ и широкополой соломенной шляпѣ.

— Здравствуйте, Сара Павловна, какое у васъ тамъ сонное царство!—сказалъ онъ, садясь подлѣ нея на траву.—Я обошелъ весь домъ и повсюду до меня доносился храпъ, какъ въ сказкѣ о принцессѣ „Dorn-röschen"... Пошелъ въ садъ и, увидавъ на холмѣ бѣлую фигуру, подумалъ — ужъ не Ольга-ли Николаевна изображаетъ изъ себя Лорелею, поджидая въ легкомъ челнокѣ Николая Иваныча; всмотрѣлся—и узналъ ваши черныя косы. Какъ я радъ, что вижу васъ, наконецъ, одну,—намъ такъ давно не удавалось перекинуться словечкомъ.

Онъ снялъ шляпу, вынулъ изъ кармана черепаховую сигарочницу и закурилъ.

— О чемъ это вы думали, сидя здѣсь?—спросилъ онъ. — Вы оглянулись, когда я уже былъ совсѣмъ близко.

— Да ни о чемъ особенно, я залюбовалась на Волгу, и мнѣ грустно стало разстаться съ ней. Зачѣмъ вы только насъ отсюда увозите... Мнѣ такъ не хочется уѣзжать отсюда. Мнѣ страшно будетъ въ вашемъ большомъ чужомъ домѣ.

Онъ близко наклонился къ ней и заговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Дорогая моя... вамъ стоитъ только захотѣть, и домъ этотъ не будетъ чужимъ для васъ, онъ будетъ вашимъ... Будьте моей... открыто... передъ свѣтомъ... Какъ я васъ люблю, Боже мой!..

Онъ приникъ всѣмъ лицомъ къ ея рукамъ, и она почувствовала на нихъ его горячія слезы.

— Если-бы вы знали, сколько лѣтъ я не плакалъ, а теперь мнѣ даже не стыдно своихъ слезъ! Сара, скажите *да*...

— Это невозможно,—чуть слышно, проговорила она.

— Отчего?—сказалъ онъ, поднимая голову и глядя на нее полными любви и слезъ глазами.—Отчего? Или вы меня совсѣмъ не любите?

Она стиснула руки и ничего не отвѣтила.

— Послушайте, я не требую отъ васъ, чтобы вы меня сейчасъ полюбили, я отлично знаю, что не стою васъ... но согласитесь только быть моей женой, и клянусь вамъ...

— Борисъ Арсеньичъ, это-то именно и невозможно. Я ни за что не перемѣню религіи, перестанемъ объ этомъ говорить, прошу васъ...

— Но вѣдь это простая формальность, обрядъ. Для такой женщины, какъ вы, существуетъ лишь одна религія, религія добра и справедливости, которая совсѣмъ не обусловливается той или другой церковью. Не могу-

же я повѣрить, что вы заражены религіознымъ фанатиз-момъ.

— Конечно... И нѣсколько лѣтъ тому назадъ я раз-суждала-бы такъ-же, какъ и вы. Но съ тѣхъ поръ мно-гое измѣнилось... Мои мечты о братствѣ людей, о ро-динѣ, оказались такой жалкой ребяческой иллюзіей... Слушайте, я считала себя съ дѣтства русскою, думала и говорила по-русски, мое ухо съ колыбели привыкло къ звукамъ русской пѣсни... Все это осмѣяли, забрыз-гали грязью. Я испытала на себѣ весь ужасъ положе-нія несчастнаго незаконнорожденнаго ребенка, пристав-шаго къ чужой семьѣ. Я стучалась у всѣхъ дверей, протягивая за работой свои исхудалыя отъ голода ру-ки—и всюду встрѣчала отказъ. На моихъ глазахъ умер-ло мое дитя—и я не могла оказать ему помощи... „Жи-довка!"—это слово горѣло на моемъ лбу, какъ жгучее, позорное клеймо проклятія... Мнѣ даже великодушно предложили продать себя, потому что жидовской кра-сотой и деньгами православные христіане вѣдь не брезгуютъ... Я, наконецъ, была свидѣтельницей дикой животной травли на людей, скученныхъ на одномъ клочкѣ, за чертой котораго имъ запрещалось дышать, а когда эти глупые люди не догадались задохнуться отъ тѣсноты и грязи и стали барахтаться,—ихъ обо-звали эксплуататорами, вампирами и мало-ли еще чѣмъ. Все это прошло, какъ плеть по моему тѣлу, оставивъ на немъ вѣчные, кровавые рубцы... И я отвернулась отъ васъ не хотѣвшихъ признать за мной того, въ чемъ вы даже собакамъ своимъ не отказываете—вѣдь соба-ки ваши свободно бѣгаютъ и живутъ, гдѣ хотятъ—и всей измученной душой своей прилѣпилась къ этимъ гонимымъ, невѣжественнымъ, забитымъ евреямъ, ко-торыхъ вы-же изуродовали и надъ которыми вы-же издѣваетесь. И вдругъ, теперь... громогласно отречься

отъ нихъ... перейти въ вражескій лагерь самодовольныхъ и ликующихъ... Милый мой... я люблю тебя, какъ душу, но никогда за тебя не пойду!

Она припала головой къ его плечу и горько зарыдала. Онъ прижалъ ее къ своей груди и молчалъ. Все стихло въ томительно-знойномъ сіяніи дня, и только въ вершинѣ старой ели по-прежнему уныло куковала кукушка, да съ Волги протяжными переливами неслась тоскливая пѣсня.

— Сара,—началъ Борисъ Арсеньичъ,—послушай меня, ты права, твое озлобленіе справедливо, но чѣмъ же я виноватъ, зачѣмъ ты меня караешь? Подумай,—знать, что ты меня любишь, чувствовать такъ близко счастье... вѣдь я совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ... и вдругъ ты все отнимаешь... ты вѣдь этого не сдѣлаешь, Сара, ты не убьешь меня...

— Я и себя не щажу,—прошептала она, рыдая.

— Но, дитя, вѣдь это безразсудство, ты не имѣешь права разбивать наше счастье.

— Мы все равно не будемъ счастливы.

— Отчего это?

— Оттого, что меня вѣчно будутъ преслѣдовать призраки прошлаго, у меня не будетъ ни минуты покоя, да кромѣ того, вы знаете, что у меня есть тетка и сестра, мнѣ будетъ отрѣзанъ путь къ нимъ... Кончится тѣмъ, что я васъ возненавижу.

— Уѣдемъ въ такомъ случаѣ за-границу, это—единственный исходъ.

Она грустно покачала головой.

— И этого не хочешь?

— Я никогда не рѣшусь обречь васъ на безсмысленную жизнь вѣчнаго туриста; да и сама я не рѣшусь покинуть навсегда Россію...

— Что-же намъ дѣлать, голубка моя!—съ тоской воскликнулъ онъ.

Она подняла свое заплаканное пылающее лицо.

— Разстаться... я уѣду отсюда, и вы меня забудете.

Онъ нетерпѣливо передернулъ плечами.

— Полно, Сара, за кого вы меня принимаете? Я не мальчикъ и не допущу погубить свою жизнь въ угоду какому-то отвлеченному идеалу. Милая моя, вѣдь это просто манія—стремиться страдать, quand même. Неужели ты еще недостаточно измучена? Отчего-же ты не хочешь отдохнуть у меня?

— Что̀-бы вы ни сказали, я никогда не измѣню этому, какъ вы говорите, отвлеченному идеалу,—промолвила Сара.—Мнѣ ужасно больно отказаться отъ васъ... и я все-таки уйду.

Она закрыла лицо руками и опять заплакала.

— Но я тебя не пущу: ты моя, ты сама сказала, что любишь меня, я считаю тебя своей женой теперь, и никто, слышишь, Сара, никто не посмѣетъ отнять у меня мою жену!—сказалъ онъ, задыхаясь и крѣпко, до боли, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ.

У сада послышался стукъ копытъ и лай собаки. Сара испуганно вырвалась изъ рукъ Коломина.

— Это Николай Иванычъ пріѣхалъ,—сказалъ онъ.— Ступай къ себѣ, успокойся и подумай хорошенько о нашей будущей жизни.

Она поднялась и стала быстро спускаться съ горки. Коломинъ догналъ ее.

— Сара,—сказалъ онъ съ улыбкой,—я даже не простился съ тобой... Можно?- и, не дожидаясь отвѣта, прильнулъ къ ея губамъ долгимъ поцѣлуемъ.

XXVI.

Что я сдѣлала, Боже мой,—было первой мыслью Сары, когда она пришла немного въ себя.—Онъ говоритъ—подумать о нашей будущей жизни... не вѣдь ея не будетъ, ея не можетъ быть... единственное спасеніе бѣжать!—пронеслось у нея въ головѣ, и ей вдругъ страшно стало...

Пришла Дуняша звать ее чай пить. Она приказала сказать Серафимѣ Алексѣевнѣ, что у ней болитъ голова, и она не можетъ сойти внизъ. Голова у ней въ самомъ дѣлѣ горѣла, какъ въ огнѣ. Она намочила въ водѣ платокъ и приложила къ своему сухому лбу. Снизу доносились до нея смѣшанные голоса; она отличила между ними звучный, грудной голосъ Бориса Арсеньича. Какъ онъ весело смѣется, онъ надѣется... она забылась подъ этотъ неясный говоръ и заснула тяжелымъ сномъ.

Когда она проснулась, было уже утро. Солнце косыми лучами врывалось въ комнату сквозь спущенныя темныя сторы, освѣщая золотистымъ свѣтомъ поднимавшійся съ полу тонкій прозрачный столбъ пыли. Сара изумилась, увидѣвъ себя совершенно одѣтой, и недоумѣвала, неужели она проспала со вчерашняго дня. Въ головѣ у ней было смутно. Она встала, расправила отяжелѣвшіе члены и, поднявъ стору, толкнула окно. На нее пахнуло сырой утренней свѣжестью. Птицы громко щебетали въ вышинѣ. На деревнѣ заливались пѣтухи. Неуспѣвшая еще высохнуть роса блестѣла свѣтлыми каплями въ травѣ и на листьяхъ. Послѣднія румяныя облачка зари уплывали разорванными клочками за горы. Дуняша медленно подметала зеленымъ вѣни-

комъ террассу. Сара ее окликнула. Она подняла вверхъ растрепанную голову.

— Проснулись, Сара Павловна? А ужъ какъ вы было насъ вчера напугали.

— Чѣмъ это?

— Да какъ-же! Пришла это я вамъ постель стлать, только вижу, вы спите; тронула я васъ за руку — дескать, проснитесь, да куды—ничего не слышите. А рука то у васъ горячая, словно жаръ, и ото всеé отъ васъ такъ и пышетъ. Я даже испужалась. Позвала барыню, пришли барышни, стали ледеколономъ вамъ виски примачивать. Борисъ Арсеньичъ былъ еще тутъ, хотѣлъ верхового за докторомъ посылать, да барыня рѣшили подождать—такъ Борисъ Арсеньичъ и просидѣли до зари. Да неужели вы ничегó не слыхали, Сара Павловна?

— Рѣшительно ничего.

— Ишь ты, притча какая, Господи Іисусе!... Знать, это вамъ солнышкомъ головку напекло. А теперь вы какъ себя чувствуете?

— Ничего, слаба немножко, подайте мнѣ Дуняша, умыться воды, похолоднѣе.

— Сейчасъ, Сара Павловна, да ужъ я вамъ за одно и чаю своего принесу, а то коли *ихъ* дожидаться—просидите до вечера не пимши, не ѣмши. Вѣдь сегодня у насъ такая суматоха поднимется что, не дай Богъ.

— А что такое?

— Да переѣзжаемъ всѣмъ домомъ къ Борису Арсеньичу, въ двѣнадцать часовъ пріѣдетъ за нами полковникъ.

Сара совершенно растерялась отъ этого извѣстія, не зная, что ей предпринять. Скоро поднялся весь домъ. Всѣ съ безпокойствомъ распрашивали о ея здоровьѣ и очень обрадовались, узнавъ, что она чувствуетъ себя

лучше. Началось укладыванье вещей, упаковка сундуковъ, уборка посуды. Серафима Алексѣевна поминутно теряла ключи, бѣгала по всѣмъ комнатамъ отыскивать ихъ, крича чуть не со слезами:

— Орочка, Оленька, Сара Павловна, да куда-же вы ихъ дѣвали? Дуняша, не видала-ли ты? Ты вѣчно ихъ куда-нибудь сунешь!—и не могла притти въ себя отъ изумленія, находя злополучные ключи въ своемъ-же собственномъ карманѣ...

И вотъ Сара уже въ новой комнатѣ, въ томъ самомъ кабинетѣ, въ которомъ Оленька объявила ей о предложеніи Николая Иваныча. Комната все такъ-же хороша, даже еще лучше, потому что огромное окно открыто, и врывающіяся въ него вѣтки старой липы усыпаютъ полъ и мебель нѣжными, душистыми цвѣтками. За каминомъ поставлена кровать краснаго дерева съ вычурной старинной рѣзьбой какихъ-то таинственныхъ сфинксовъ. Костя и сынъ Николая Иваныча, котораго онъ привезъ погостить къ своей невѣстѣ, возятся съ огромной собакой.

— Буду проводить все время съ дѣтьми, рѣшаетъ, наконецъ, Сара, а послѣ свадьбы Оленьки уѣду.

Это рѣшеніе ее успокоиваетъ.

Проходитъ почти двѣ недѣли. Серафима Алексѣевна съ дочерьми цѣлые дни занята портнихами. По всѣмъ комнатамъ валяются обрѣзки разныхъ матерій, лентъ и кружевъ, во всѣхъ углахъ торчатъ картонки.—Серафима Алексѣевна не нарадуется на Сару. Она не только ни на минуту не отпускаетъ отъ себя дѣтей, но еще вызвалась помогать ей по хозяйству и такъ все ловко дѣлаетъ, какъ будто это для нея шутка. Доброй Сера-

фимѣ Алексѣевнѣ даже жаль, что она такъ трудится, похудѣла и поблѣднѣла отъ постоянной бѣготни, и она успокоиваетъ себя мыслью, что къ свадьбѣ Оленьки непремѣнно подаритъ ей шелковое платье.

Коломинъ ходитъ молчаливый и хмурый. Онъ понимаетъ, что вся эта лихорадочная дѣятельность вызвана только желаніемъ забыться и избѣгнуть разговора съ нимъ. Онъ слѣдитъ за ней съ напряженнымъ вниманіемъ и съ тоской замѣчаетъ, что лицо ея съ каждымъ днемъ становится блѣднѣе, что у нея что-то болитъ, что она часто внезапно останавливается посреди какого-нибудь дѣла и хватается прозрачной рукой за сердце. Онъ хочетъ подойти къ ней, но она поспѣшно заговариваетъ съ кѣмъ-нибудь и ускользаетъ отъ него. Наконецъ, ему удалось поймать ее въ саду. Мальчики бѣгали, а она сидѣла на скамьѣ, задумчиво опустивъ глаза въ книгу. Увидавъ Коломина, она поднялась и хотѣла было позвать дѣтей, но онъ взялъ ее за обѣ руки и почти насильно посадилъ на скамью.

— Погодите,—сказалъ онъ,—я хочу, наконецъ, знать, что съ вами.

— Со мной ничего, Борисъ Арсеньичъ... пустите меня, пожалуйста.

— Сара, я вѣдь не Серафима Алексѣевна, меня вы не обманете; я жду отъ васъ отвѣта... Пожалѣйте меня, по крайней мѣрѣ, вѣдь я тоже измучился, скажите мнѣ что-нибудь.

Ея блѣдныя губы страдальчески изогнулись.

— Простите меня, Борисъ Арсеньичъ, тихо, съ усиліемъ выговорила она,— я *тогда* ошиблась, я васъ не люблю!..

И, вырвавъ у него свои руки, убѣжала.

Прошло еще нѣсколько дней. Серафима Алексѣевна

съ дочерьми и Николаемъ Иванычемъ уѣхала куда-то на именины—на весь вечеръ. Мальчики, уставшіе отъ дневной бѣготни, ушли спать. Сара осталась, наконецъ, одна. Она чувствовала, что силы ее покидаютъ, что ее что-то душитъ, словно могильная плита давитъ ей грудь. Она сняла платье, накинула капотъ и, распустивъ свои тяжелыя косы, легла на кушетку. Въ открытое окно тихо смотрѣла чудная благоухающая ночь, звѣзды ярко блестѣли въ темной глубокой синевѣ неба. Верхушки деревьевъ чуть слышно шелестили въ саду. Серебряный лучъ луны игралъ на паркетѣ, падая причудливыми зигзагами на сумрачное лицо Іоанна Грознаго, и онъ, казалось, ожилъ и медленно кивалъ своей бронзовой головой.

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! — мучительно повторяла Сара, ломая въ отчаяніи руки.

Она встала съ кушетки и подошла къ портрету Коломина.

— Милый мой... милый мой... что мнѣ дѣлать?—зашептала она опять, прижимаясь къ холодному стеклу... —и вдругъ почувствовала, что сзади ее крѣпко обвили двѣ руки. Она обернулась и слабо вскрикнула, увидѣвъ блѣдное лицо Бориса Арсеньевича.

— Такъ ты меня любишь!—страстно говорилъ онъ. —Я вѣдь тебѣ не повѣрилъ, когда ты сказала, что нѣтъ...

Онъ отнесъ ее на кушетку и, опустившись передъ ней на колѣни, сталъ осыпать ея руки, шею, волосы, платье, горячими поцѣлуями, произнося отрывисто:

— Слабая моя, нѣжная, лучезарная моя красавица... перестань-же ты, наконецъ, мучиться... отдайся мнѣ безъ страха... безъ боязни... Я увезу тебя и спрячу отъ всѣхъ...

Она не сопротивлялась его ласкамъ, сердце ея тре-

петно замирало и билась, какъ пойманная птица... Полуоткрытые глаза глядѣли на него съ безконечнымъ блаженствомъ. Она уронила свою руку на его густыя сѣдѣющія кудри и притянула его къ себѣ. Онъ поднялъ голову.

— Ты остаешься?..

Было уже поздно, когда Борисъ Арсеньичъ ушелъ отъ Сары. Она стояла среди комнаты, улыбающаяся, опьяненная...

Вдругъ что-то больно кольнуло ее, точно она что вспомнила. Глухое, безнадежное рыданіе вырвалось изъ ея груди.

— Никогда, никогда! — говорила она, словно защищаясь передъ кѣмъ-то,—я не смѣю...

Она подошла къ письменному столу, схватила перо и написала дрожащей рукой:

„Милый мой, я не остаюсь, я ухожу... Я не могу иначе. Не ищи меня, не проклинай меня... Я несчастнѣе тебя... Но пойми, пойми, и прости меня... Мы не можемъ быть счастливы. Меня бы загрызли воспоминанія, а ты истерзался-бы, глядя на меня. Мы встрѣтились слишкомъ поздно, а я не умѣю забывать. Да и что значатъ нѣсколько лишнихъ лѣтъ!.. Не могу больше писать. Слезы душатъ меня. О, Борисъ, какъ я тебя люблю... Твоя Сара“.

Она, рыдая, вложила письмо въ конвертъ и надписала адресъ. Потомъ стала торопливо собирать въ сакъ-вояжъ необходимыя вещи, все уложила и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, написала четкимъ почеркомъ Серафимѣ Алексѣевнѣ записку, въ которой умоляла извинить ея внезапный отъѣздъ, вызванный телеграммой изъ дому.

— Вотъ и все готово,—промолвила она вслухъ, надѣвъ длинную тальму и закутавъ лицо густой вуалью.

На минуту она остановилась и, окинувъ послѣднимъ взглядомъ комнату, сняла со стѣны портретъ Бориса Арсеньевича.

Бронзовый Іоаннъ, казалось, укоризненно смотрѣлъ на нее съ своего мраморнаго постамента, липа печально кивала въ окно темной головой... Сара добралась неслышными шагами до передней. На стулѣ, растянувшись, дремалъ швейцаръ. Она его разбудила:

— Петръ, я получила телеграмму и должна сейчасъ же ѣхать. Наймите мнѣ скорѣй извозчика на вокзалъ.

— Да вѣдь поздно, сударыня! — сказалъ, протирая изумленные глаза, швейцаръ.

— До отхода поѣзда остается еще полчаса, теперь половина второго, я успѣю,—только поторопитесь.

— Сію минуту-съ.

Петръ усадилъ ее на извозчика. Она передала ему письма для генеральши и Коломина. Извощикъ дернулъ возжами, крикнулъ: „Но... треклятая!“ и пролетка съ трескомъ загромыхала по мостовой.

Луна давно спряталась; звѣзды стали погасать на блѣдномъ небѣ; на горизонтѣ уже занимались желтыя полоски зари; кругомъ все было тихо, и только какой-то подгулявшій фабричный, сидя на заваленкѣ, уныло выводилъ подъ скрипъ гармоники пѣсню:

„Вздумалось Терешкѣ жениться“,

тянулъ онъ плаксивымъ голосомъ вслѣдъ Сарѣ—

„Тетушка Матрена бранится...
Да гдѣ-жъ тебя черти носили,
Мы-бъ тебя дома женили... жени-и-и-ли“...

Прошло полгода. Въ кабинетѣ своемъ одиноко сидѣлъ за столомъ Борисъ Арсеньевичъ Коломинъ и что-то писалъ. Онъ очень измѣнился, обрюзгъ, постарѣлъ и сильно посѣдѣлъ. Еле замѣтныя еще такъ недавно морщинки теперь глубокими складками бороздили все его лицо. Въ дверь осторожно постучались. Вошелъ лакей, неся ящикъ и письмо.

— Съ почты привезли, Борисъ Арсеньичъ, — доложилъ онъ и вышелъ.

Коломинъ медленно распечаталъ письмо. Оно было писано по-нѣмецки незнакомымъ женскимъ почеркомъ:

„Милостивый Государь! Недѣлю тому назадъ скончалась отъ застарѣлой болѣзни сердца моя племянница, Сара Нордъ. Она сильно страдала безсонницей и, воспользовавшись моимъ отсутствіемъ, приняла да бы скорѣе заснуть, большую дозу морфія. Это ускорило печальный конецъ. Всѣ наши усилія спасти ее оказались тщетны. Передъ смертью—она сохраняла сознаніе до послѣдней минуты—она выслала всѣхъ изъ комнаты и умоляла меня обѣщать ей, что я отошлю вамъ, милостивый государь, портретъ ея, снятый нѣсколько лѣтъ тому назадъ, золотое кольцо съ ея иниціалами и еще портретъ неизвѣстнаго мнѣ молодого человѣка, который она не выпускала изъ рукъ до послѣдняго дыханія. Я взяла его у ней, когда она уже больше не принадлежала землѣ. Воля умершихъ священна, а потому пересылаю вамъ, милостивый государь, завѣщанныя моей племянницей вещи. Примите, милостивый государь, увѣреніе въ полномъ моемъ уваженіи“.

„Анна Позенъ«.

„188... г. городъ О*“.

Коломинъ провелъ блѣдной рукой по своему похолодѣвшему лбу. Затѣмъ вскрылъ ящикъ: оттуда со

звономъ выпало кольцо; потомъ онъ вынулъ портретъ — свой портретъ; потомъ другой... помедлилъ мгновенье и быстро сорвалъ покрывавшую его бумагу. Сара, прекрасная, здоровая, полная жизни, во всемъ блескѣ расцвѣтающей молодости — глядѣла на него своими чудными глубокими глазами... Коломинъ долго смотрѣлъ на этотъ портретъ. Губы его дрогнули, голова опустилась на столъ, и глухой, надрывающій вопль огласилъ комнату.—„Сара... Сара...“ — рыдалъ онъ,—Зачѣмъ... зачѣмъ ты это сдѣлала!“...

Недѣлю спустя, Николай Ивановичъ Раздеришинъ вмѣстѣ съ молодой женой своей провожалъ на вокзалъ N-ской дороги уѣзжавшаго за-границу Коломина. Николай Ивановичъ пошелъ въ буфетъ закусить. Оленька осталась одна съ Борисомъ Арсеньевичемъ.

— Послушайте, я давно собиралась васъ спросить,— начала она застѣнчиво,—не знаете-ли вы, что сталось съ Сарой Павловной?

— Она умерла,—тихо отвѣтилъ Коломинъ.

— Умерла! —воскликнула Оленька,—какъ жаль! Я ее очень любила, хоть она и была еврейка... Она была какая-то особенная... и какая красавица!.. Борисъ Арсеньичъ, мнѣ казалось, что вы ее любили,—вдругъ сказала Оленька.

Глаза его мгновонно наполнились слезами.

— Я ее и теперь люблю,—промолвилъ онъ.

Они немного помолчали.

— А представьте, какое у насъ горе,—начала опять Оленька,—вѣдь Ора въ монастырь уходитъ, мама положительно убита.

— Зачѣмъ-же ее стѣснять, — сказалъ Коломинъ,— быть можетъ, ей тамъ будетъ лучше.

Раздался звонокъ. Николай Ивановичъ проворно выбѣжалъ изъ буфета. Коломинъ простился съ Раздеришиными и вскочилъ на площадку вагона.

— Когда-же ты думаешь назадъ, на родину?— спросилъ Раздеришинъ.

— Не знаю, право,—загадочно улыбаясь, отвѣтилъ Коломинъ,—можетъ быть, никогда...

Поѣздъ медленно тронулся.

Борисъ Арсеньевичъ снялъ бобровую шапку и кивалъ своей сѣдой головой махавшей ему платкомъ Оленькѣ, пока она не исчезла изъ глазъ.

НАТАША КРИНИЦКАЯ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Конецъ августа. Солнце знойнымъ потокомъ заливаетъ Седъ-Аметъ, одинъ изъ новомодныхъ крымскихъ курортовъ. Тихо плещутъ о берегъ волны, оставляя на бѣломъ пескѣ пестрыя ракушки. Толпа черномазыхъ ребятишекъ съ громкимъ смѣхомъ и визгомъ полощатся въ бухтѣ, обдавая брызгами шныряющіе мимо ялики. Пріѣзжихъ масса. Всѣ квартиры заняты, и роскошная гостинница „Уч-меше", построенная на манеръ швейцарскихъ пансіоновъ—набита биткомъ. Два господина встрѣтились у пристани, поздоровались и побрели вмѣстѣ вдоль набережной. Одинъ изъ нихъ, худощавый, сутуловатый брюнетъ, съ красивымъ, уже нѣсколько помятымъ лицомъ, которому отсутствіе бороды и усовъ придавало актерскій видъ—былъ художникъ Ѳедоръ Алексѣичъ Хомутовъ, составившій себѣ громкое имя нѣсколькими сенсаціонными картинами, въ свое время вызвавшими цѣлую бурю въ лагерѣ поборниковъ „идейнаго искусства". Другого звали Антонъ Филиппычъ Коробьинъ. Это былъ человѣкъ, лѣтъ

сорока пяти-семи, еще стройный, высокаго роста, съ густою гривой полусѣдыхъ волосъ и длинною свѣтлорусою бородой, вѣеромъ окаймлявшею его подвижное лицо. Коробьинъ былъ извѣстный романистъ, драматургъ, публицистъ, неутомимый сотрудникъ скромно фрондирующихъ газетъ и журналовъ.

— Ну что, устроились?—спросилъ художникъ?—(онъ говорилъ тонкимъ, высокимъ голосомъ, лѣниво растягивая слова).

— Какъ-же!.. Обрѣли себѣ пріютъ у какой-то дебелой гречанки, тутъ недалеко отъ вашего палаццо. Елена Ивановна теперь тамъ разбирается... Пыль, шумъ... Дѣти скачутъ по чемоданамъ... Я сбѣжалъ.

— Какъ оно и подобаетъ солидному отцу семейства, —вставилъ Хомутовъ.

Антонъ Филипповичъ махнулъ тростью по своимъ башмакамъ.

— Хорошо вамъ смѣяться. Вы — вольный казакъ, уложили свои кисти да краски, и поминай, какъ звали. Посидѣли бы, батенька, въ нашей шкурѣ... зиму-то строчишь, строчишь,—индо одурѣешь, и лѣтомъ нельзя передохнуть... Только задумаешь удрать, сейчасъ жена и дѣти вцѣпятся: «Куда, молъ, голубчикъ, шалишь!..» Вотъ и теперь, думалъ прокатиться сюда недѣли на три, а придется, чего добраго, прожить въ семъ Эдемѣ зиму. У младшихъ дѣвочекъ, вишь, англійская болѣзнь. И откуда она только!.. Вотъ испытайте-ка на себѣ сладость семейной идилліи, приправленной иностранными и россійскими болѣзнями.

— Зачѣмъ мнѣ испытывать, я вамъ на слово вѣрю...

Мимо прошли элегантная, стройная, бѣлокурая дама и молоденькая дѣвушка. Хомутовъ снялъ свою широкополую шляпу и раскланялся. Дама отклонила крас-

ный шелковый зонтикъ на плечо и, сопцурившись, кивнула головой.

— Өедоръ Алексѣевичъ, кто это? Что за красавица? —воскликнулъ Коробьинъ и обернулся, чтобъ еще разъ взглянуть на удаляющихся дамъ.

Хомутовъ разсмѣялся.

— Какой вы впечатлительный!—Это Софья Петровна Криницкая съ дочерью. Она тутъ съ мѣсяцъ и ужъ успѣла перессорить всѣхъ женъ съ мужьями. А вѣдь хороша?

— Удивительно,— подтвердилъ Коробьинъ.— Да неужели эта барышня ея дочь? Сколько-же ей лѣтъ?

— Кому, матери или дочери?

— Конечно, матери. Дочь не интересна.

— Не знаю. Это тайна ея и природы. А дочери девятнадцать лѣтъ, и она премилая, даже не смотря на лучезарную мамашу.

— Ужъ не огорчила-ли васъ эта мамаша,—пошутилъ Коробьинъ, — что-то вы о ней ехидно отзываетесь. А вы близки съ ними?

— Весьма. Софья Петровна—моя давнишняя знакомая, — мы прежде часто встрѣчались за-границей. И тутъ мы сосѣди? — моя комната рядомъ съ ихъ аппартаментами. Хотите, я васъ представлю? — предложилъ онъ.

— Въ поясъ поклонюсь, только поскорѣе, не томите.

— А Елена Ивановна что скажетъ? — возразилъ художникъ.

Коробьинъ сдѣлалъ неопредѣленную гримасу.

— Ничего, она у меня смирная,—сказалъ онъ.—Къ тому же я ее убѣдилъ, что писателю нужны иногда такія „мимолетныя видѣнья“...

Оба засмѣялись!

II.

Криницкія занимали въ „Уч-меше“ отдѣленіе въ три комнаты. Изъ средней, пріемной, отдѣлявшей спальни матери и дочери, стеклянная дверь вела на террасу, увитую виноградникомъ, глициніями и мелкими розами. Съ террасы открывался прелестный видъ на море, какъ бы запертое съ одного конца каменной стѣною горъ.

Софья Петровна, покачиваясь въ качалкѣ, вяло перебирала страницы новаго французскаго романа, въ желтой обложкѣ. Противъ нея сидѣла дочь — темноволосая, черноглазая дѣвушка, съ нѣжнымъ, задумчивымъ лицомъ, и придерживая одною рукой бѣлую соломенную шляпку, другою накалывала на нее шелковый газъ. Гладкое сѣрое платье, стянутое у таліи сѣрою лентой, плотно охватывало ея тонкую, какъ будто еще не вполнѣ сложившуюся фигуру. Она была очень миловидна.

Софья Петровна встала и, бросивъ на столъ книгу, принялась ходить взадъ и впередъ по террасѣ, волоча за собой длинный шлейфъ пестраго шелковаго капота. Она остановилась на минуту, разсѣянно поглядѣла на разсыпанные въ паркѣ домики, на убѣгающее вдаль море, по которому, словно большія бѣлыя птицы, сновали парусныя лодки, и пожала плечами, какъ бы говоря: все одно и то-же!

Въ кипарисовой аллеѣ промелькнулъ силуэтъ мужской фигуры.

— Сосѣдъ, сосѣдъ, Ѳедоръ Алексѣичъ,—крикнула Софья Петровна,—идите сюда, мнѣ скучно!

— Разрѣшите допить кумысъ, Софья Петровна, —

черезъ десять минутъ я къ вашимъ услугамъ,—проговорилъ художникъ и, раскланявшись, пошелъ дальше.

— Дуракъ, — промолвила ему вслѣдъ Софья Петровна.

Дочь положила на колѣни работу и устремила на мать свои серьезные глаза.

— Онъ нездоровъ, мама, не надо мѣшать ему лѣчиться.

У нея былъ пріятный, грудной голосъ.

— Что это у тебя за страсть всѣхъ хоронить,—возразила мать,—онъ вовсе не боленъ. Я его десять лѣтъ знаю, и онъ все такой-же. И какая забота о чужихъ!.. А что мать съ тоски погибаетъ, до этого намъ дѣла нѣтъ...

— Поѣдемъ домой, если тебѣ здѣсь не нравится.

Софья Петровна презрительно усмѣхнулась.

— Pas si bête,—сказала она.—И такъ два года я свѣту Божьяго не видѣла. Да и что мнѣ тамъ дѣлать! Любоваться на заводскія трубы, варить съ Аграфеной Ивановной варенье и созерцать величіе твоего папаши. Наглядѣлась я на него досыта.

Дѣвушка покраснѣла, сдвинула брови и, ничего не отвѣтивъ, прилежно занялась отдѣлкой шляпы.

Софья Петровна вспылила.

— Это что за гримасы,—произнесла она раздражительно, — можно подумать, что тебя ущипнули. Ахъ, да! тятеньку затронули... Ну, конечно! онъ вѣдь воплощеніе всѣхъ совершенствъ, а я — сосудъ всякихъ мерзостей... Охъ, ужъ эти мнѣ добродѣтельные люди, продолжала она, помолчавъ,—носятся со своею добродѣтелью, а на самомъ дѣлѣ ничѣмъ, кромѣ гроша, не интересуются.

— Если ты это про отца,—начала Наташа, стараясь говорить спокойно, — то спроси рабочихъ, которые

двадцать пять лѣтъ съ нимъ служатъ. Они тебѣ скажутъ, такъ-ли это.

— Зачѣмъ мнѣ рабочіе?.. Я по себѣ знаю: даетъ копѣйку, точно съ жизнью разстается.

— Эта копѣйка достается ему тяжелымъ трудомъ, —замѣтила дочь.

— А я ее трачу съ легкимъ сердцемъ... вѣдь ты это хотѣла сказать? Что-жъ ты остановилась? Не стѣсняйся.

— Къ чему эти разговоры, мама? Ты раздражена, и мнѣ тяжело.

Софья Петровна подняла брови.

— Вотъ какъ!—сказала она.—Что-жъ изволь... Мнѣ все равно. Только ты бы, Наташа, ужъ составила программу о чемъ мнѣ разрѣшается съ тобою бесѣдовать, —и, опустившись въ качалку, она опять принялась за брошенную книгу.

III.

Софья Петровна всю жизнь любила и баловала только себя. Она обожала свою красоту, свои пышные золотые волосы, изучила, съ терпѣніемъ ученаго и искусствомъ актрисы, каждую черточку на своемъ лицѣ, правильномъ, какъ античное изваяніе, каждое выраженіе своихъ бархатныхъ черныхъ глазъ. Покорять, царить, возбуждать восторгъ,—было въ ней потребностью. Схватывая все на лету, она могла говорить обо всемъ и, благодаря большой осторожности, никогда почти не попадала въ просакъ. Ей мерещились блескъ, богатство, роскошь, безумная роскошь героинь французскихъ романовъ; она вся разгоралась, мечтая о великосвѣтскихъ львицахъ, жизнь которыхъ рисовалась ей непрерывнымъ празднествомъ въ волшебной

атмосферѣ лести, поклоненія, баловства...Она сознавала, что по красотѣ, уму, ловкости, могла бы занять мѣсто «первой между первыми»... Но судьба, будто на зло осыпавшая ее дарами, забыла ей дать одинъ—богатство. Софья Петровна была дочь весьма благородныхъ, но совершенно бѣдныхъ родителей. На ея красоту вся семья смотрѣла, какъ на якорь спасенія и, чтобы вывезти Сонечку прилично въ свѣтъ, отецъ и мать, весь свой вѣкъ изощрявшіеся въ искусствѣ „казаться“, превзошли самихъ себя. Но расчеты не оправдались. Изъ толпы блестящихъ поклонниковъ ни одинъ не простеръ своихъ вздоховъ за предѣлы котильона. Софьѣ Петровнѣ минуло 25 лѣтъ, когда, устрашенная перспективой стараго дѣвства, она вышла за-мужъ за Василія Васильевича Криницкаго. Онъ былъ не блестящій, но все-таки хорошій женихъ. У него было порядочное состояніе и директорское мѣсто на большомъ химическомъ заводѣ. Софью Петровну онъ увидалъ гдѣ-то на вечерѣ и влюбился въ нее по уши. Она разсудила, что за неимѣніемъ лучшаго, отказывать нельзя, и дала свое согласіе. Послѣ свадьбы она скоро разочаровалась. Мужъ оказался вовсе не такимъ покладливымъ, какимъ представлялся женихомъ. У этого тихаго человѣка были свои, не Богъ вѣсть какіе широкіе, но ясные опредѣленные взгляды, которыхъ онъ настойчиво держался, убѣжденія, отъ которыхъ онъ не отступалъ. Онъ мечталъ о мирной семейной жизни, пытался пробудить въ женѣ интересъ къ своимъ занятіямъ, (даже водилъ ее къ себѣ въ лабораторію), но она оказала этимъ попыткамъ самое презрительное упорство, находила мужа скучнымъ, идеалы его — мѣщанскими, ласки—тягостными. Когда родилась дѣвочка, Василій Васильевичъ оживился. Онъ надѣялся, что любовь къ ребенку благотворно подѣйствуетъ на жену. Но Софья

Петровна, переименовавъ дѣвочку изъ Натальи въ Миньону, прехладнокровно передала ее на руки кормилицѣ, потомъ нянькѣ, а сама все также уныло бродила по комнатамъ или валялась по диванамъ, снѣдаемая жаждой вырваться изъ острога, какъ она называла свой домъ, и съ каждымъ днемъ все больше ненавидѣла мужа. Она исхудала, поблѣднѣла и, наконецъ, захворала какою-то нервною болѣзнью. Доктора послали ее за-границу. Тамъ Софья Петровна сразу почувствовала себя какъ въ родной стихіи, и съ тѣхъ поръ болѣзнь ея приняла хроническій характеръ. Нѣсколько мѣсяцевъ въ году она проводила за-границей, домой возвращалась какъ въ неволю, подъ каждымъ предлогомъ уѣзжала въ Москву (отъ которой заводъ былъ въ нѣсколькихъ часахъ) и пропадала тамъ по цѣлымъ недѣлямъ. Василій Васильэвичъ чуть съ ума не сходилъ. Онъ никакъ не могъ помириться съ установившимся порядкомъ вещей. То ему казалось, что виновата во всемъ жена, то онъ винилъ кругомъ себя, что не съумѣлъ разгадать ея натуру, что хотѣлъ ее, красавицу, царицу, заставить жить будничною жизнью обыкновенныхъ женщинъ, и давалъ клятвы впредь уступать ей во всемъ, лишь бы она его не покидала. Но когда она возвращалась, когда онъ сравнивалъ свое невзрачное, заморенное тѣло съ ея цвѣтущей, сіяющей красотой, его охватывалъ такой приливъ злобы къ ней, такая жгучая ненависть, что онъ готовъ былъ броситься на нее, избить и задушить. Они никогда ни о чемъ не говорили другъ съ другомъ просто. Въ каждомъ словѣ слышался намекъ, давнишняя обида. Иногда, чаще всего предъ ея отъѣздами, между ними происходили сцены. Остроумная, изящная Софья Петровна кричала и бранилась самыми грубыми словами. Онъ обыкновенно молчалъ, но обводилъ ее съ ногъ до головы

такимъ ядовитымъ взоромъ, что она теряла всякое самообладаніе и окончательно выходила изъ себя. Дѣвочка росла какъ-бы между двухъ враждебныхъ лагерей. Она жалѣла и боялась угрюмаго, несообщительнаго отца и любила свою легкомысленную, красивую мать. Вся ея дѣтская жизнь проходила въ страхѣ,—что, вотъ-вотъ, родители поссорятся,—и въ вѣчномъ напряженіи во-время предотвратить бурю.

Когда Софья Петровна отправлялась на воды, въ домѣ наступало могильное затишье. Василій Васильевичъ приходилъ съ завода только къ обѣду, разсѣянно цѣловалъ дочь и запирался въ кабинетѣ. Наташа училась, работала и съ увлеченіемъ играла на рояли (Василій Васильевичъ, замѣтивъ любовь дѣвочки къ музыкѣ, каждую недѣлю отправлялъ ее съ гувернанткой въ Москву, къ извѣстному профессору, и это была единственная ея радость.) Ей минуло шестнадцать лѣтъ, когда Софья Петровна неожиданно вернулась домой, объявивъ, что ей надоѣло „шататься", что она соскучилась по дочкѣ. Пронеслись слухи о какой-то странной исторіи, но Софья Петровна не смутилась, и они замолкли. Годы, казалось, безслѣдно пролетѣли надъ ея головой. Жажда жизни все также горѣла въ ея черныхъ глазахъ, сквозила въ каждомъ ея движеніи.

Прислуга, особенно старая горничная, Аграфена Ивановна, встрѣтила ее непріязненно; Василій Васильевичъ—съ холоднымъ достоинствомъ; одна Наташа искренно ей обрадовалась. Это тронуло даже Софью Петровну. Она смотрѣла на худенькую, прелестную дѣвушку, цѣлый день занятую хозяйствомъ, уроками, музыкой, и ей было даже какъ-то чудно, что это—ея дочь. Но скоро она привыкла къ своему новому положенію: начала часто ѣздить въ городъ, рядиться, а въ перемежку—пилить мужа и дочь, Ее раздражала „дере-

вянность“ Наташи. Она принялась было ее отесывать, но безуспѣшно. „Это—рыбья кровь, кровь Василія Васильича“,—рѣшила она. Такъ прошло два года. Софью Петровну уже начинала одолѣвать знакомая домашняя тоска, какъ вдругъ захворала Наташа. Докторъ посовѣтовалъ везти дѣвушку на зиму въ Крымъ, и Софья Петровна съ облегченіемъ вздохнула. Ей было все равно, куда ни ѣхать, только бы вонъ изъ дому.

IV.

Мама, кажется, къ намъ гости, сказала Наташа и, подавшись впередъ, стала всматриваться сквозь частую сѣтку зелени къ приближавшейся кучкѣ людей.

— Кто?—спросила, оживляясь, Софья Петровна.

— Хомутовъ, да еще этотъ... литераторъ, его пріятель, съ какою-то дамой.

— Это—Коробьинъ съ женой. Онъ хотѣлъ ее познакомить съ нами. Приготовь все къ чаю, Наташа, да поскорѣй, а то Аграфена Ивановна до завтрашняго дня прокопается,—и, доставъ изъ кармана маленькое зеркало въ плюшевомъ футлярѣ, Софья Петровна быстрымъ привычнымъ движеніемъ пальцевъ поправила свою прическу.

Она встрѣтила гостей съ любезною улыбкой и протянутою рукой. Коробьинъ представилъ жену. Это была сухощавая, свѣтлая блондинка, невысокаго роста, съ пріятнымъ, но озабоченнннымъ и уже поблекшимъ лицомъ. Бѣглымъ взоромъ изъ-подъ низу она окинула эффектную фигуру Софьи Петровны, поймала сверкнувшій въ глазахъ мужа огонекъ и смутное чувство непріязни змѣйкой проползло по ея сердцу.

Всѣ усѣлись. Хомутовъ освѣдомился о Наташѣ и,

узнавъ, что она хлопочетъ по хозяйству, заявилъ, что пойдетъ ей помогать. Софья Петровна кивнула головой въ знакъ согласія и сосредоточила все свое вниманіе на гостьѣ. Она посмотрѣла на нее ласковымъ, почти соболѣзнующимъ взглядомъ и принялась разспрашивать о дѣтяхъ, здоровьѣ, квартирѣ, прислугѣ... Елена Ивановна, усмотрѣвшая въ этихъ банальныхъ вопросахъ намѣреніе ее унизить, взволновалась и, сухо удовлетворивъ любопытство хозяйки, взяла со стола книгу. „*Sapho*",—прочла она вслухъ и обернулась къ мужу.

— Помнишь, Антонъ Филиппычъ, какъ ты изъ-за этой „*Sapho*" поссорился съ Иваномъ Петровичемъ,—и она съ преувеличенною небрежностью назвала фамилію извѣстнаго критика. Коробьинъ, не глядя на жену, взялъ у нея изъ рукъ книгу, перелистовалъ, спросилъ Софью Петровну, какъ она находитъ этотъ романъ, и по русской привычкѣ, не дожидаясь отвѣта, сталъ излагать собственное мнѣніе. Между ними завязался оживленный разговоръ. Коробьинъ осуждалъ крайности французскаго натурализма, нападалъ на рабское ему подражаніе у насъ и выражалъ надежду на близкое возрожденіе въ литературѣ эстетическихъ и этическихъ идеаловъ. Софья Петровна горячо съ нимъ соглашалась. Елена Ивановна принимала въ бесѣдѣ лишь нѣмое участіе: она все порывалась вставить свое словечко,—но ей это никакъ не удавалось.

Дверь распахнулась,—показалась пожилая горничная, въ бѣлоснѣжномъ чепцѣ, съ самоваромъ въ рукахъ. За ней, поддерживая съ разныхъ концовъ большой подносъ съ посудой и прочими чайными принадлежностями, вошли Хомутовъ и Наташа. Софья Петровна, улыбаясь, показала Еленѣ Ивановнѣ на дочь и промолвила:

— Вотъ какая у меня ужъ большая дѣвица.

Дѣвушка поклонилась на ходу и прошла на террасу, гдѣ стояли рядомъ два стола — большой круглый и маленькій — съ тяжелой мраморною доской для самовара. Она заварила чай и помогла горничной накрыть на столъ.

Хомутовъ сѣлъ возлѣ нея.

— Хороши новые знакомые, Наталья Васильевна?— спросилъ онъ вполголоса.

— Почемъ же я знаю,—возразила она,—они при мнѣ еще ни слова не сказали.

— Тѣмъ лучше! Людей только и можно наблюдать, пока они молчатъ. Разговаривающій человѣкъ всегда себя показываетъ, и уже, конечно, съ лица, а не съ изнанки.

— Какъ у васъ все хитро выходитъ...—начала было Наташа. Но въ эту минуту Софья Петровна подвела Коробьиныхъ къ столу, и она замолчала.

Елена Ивановна, недовольная мужемъ, недовольная кокетствомъ Софьи Петровны (она бы затруднилась опредѣлить, въ чемъ именно заключалось это кокетство, но чувствовала его всѣмъ своимъ существомъ), бросила холодный взглядъ на Наташу, поставившую предъ ней чашку, словно ожидая и тутъ встрѣтить врага. Но темные глаза дѣвушки глядѣли прямо и привѣтливо, и у Елены Ивановны отлегло отъ сердца.

— Можетъ быть, мало сахару?—спросила Наташа.

— Merci, довольно,—отвѣтила Елена Ивановна, и прибавила,—а вы, я вижу, настоящая хозяйка.

— О, Миньона у меня на всѣ руки,—сказала Софья Петровна. — И благоразумна, какъ бабушка. Ѳедоръ Алексѣичъ всегда говоритъ, что я должна брать съ нея примѣръ.

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ Хомутовъ.

— Ѳедоръ Алексѣичъ вообще вашъ почитатель. Онъ

мнѣ говорилъ, что вы прекрасно играете,— произнесъ Коробьинъ, считавшій своимъ долгомъ оказать нѣкорое вниманіе дочери „интересной мамаши“.

— Не знаю, когда Өедоръ Алексѣичъ меня слышалъ, я здѣсь играю очень рѣдко,—отозвалась дѣвушка.

— За это-то я васъ и хвалилъ,—сказалъ Хомутовъ.

Всѣ засмѣялись, даже Елена Ивановна улыбнулась.

— Я очень люблю музыку, — промолвила она, — я прежде пѣла.

— А теперь?—спросила Наташа.

— Теперь некогда, все время на дѣтей уходитъ.

— Я видѣла вашихъ дѣтей на пристани, — сказала Наташа, — какія славныя дѣвочки! Онѣ, кажется, всѣ на васъ похожи.

— Старшая — въ отца. У нея темныя брови и синіе глаза, какъ у него,—промолвила Елена Ивановна, и въ голосѣ ея прозвучала такая любовь, такая гордость, что Наташа съ невольнымъ любопытствомъ взглянула на литератора, какъ бы желая убѣдиться, нѣтъ-ли въ немъ дѣйствительно чего-нибудь особеннаго. — Приходите посмотрѣть на моихъ ребятъ,—продолжала Елена Ивановна.

— Съ удовольствіемъ. Я люблю возиться съ дѣтьми.

— А вотъ и эскулапъ съ супругой! — воскликнулъ художникъ, перегибаясь черезъ перила террасы. — Вы ихъ знаете, Елена Ивановна? Интересная чета. Ему подъ шестьдесятъ, ей — тридцать. Онъ тонокъ, какъ жердь, она—кубарь. И дрожитъ же онъ передъ ней!.. Непремѣнно напишу съ этой парочки картину семейнаго счастья.

— Они предобрые и очень другъ друга любятъ, — замѣтила Софья Петровна.

— Обожаютъ, — сказалъ Хомутовъ, и крикнулъ: — Дарья Николаевна, мое почтеніе. Пане докторе!

Докторъ приподнялъ обернутую чадрой шляпу.

— Добрый день, пане, якъ се панъ ма? А мы до чаровницы,—произнесъ онъ уже на ступенькахъ террасы и галантно подошелъ къ ручкѣ Софьи Петровны. Она погрозила ему, поцѣловала его жену и познакомила ихъ съ Коробьиными. Докторъ сказалъ Наташѣ, что она цвѣтетъ, какъ роза, и опустившись на кресло сталъ утирать краснымъ фуляровымъ платкомъ потъ, блестѣвшій на огромной лысинѣ.

— А ты ужъ раскисъ, — замѣтила ему жена, хорошенькая брюнетка съ задорно вздернутымъ носикомъ.

— Не, мое сердце, то моя задышка,—возразилъ онъ спокойно.

— Задышка!—передразнила докторша, звонко расхоталась, и, обратившись къ дамамъ, стала передавать щебечущимъ голоскомъ злобы дня. Она разсказала, сколько въ городѣ новыхъ пріѣзжихъ, гдѣ кто остановился, какія предстоятъ въ этомъ сезонѣ развлеченія, согласилась съ Софьей Петровной, что Седъ-Амету далеко до Ялты, но тутъ же прибавила, что этотъ годъ особенно неудачный.—Въ прошломъ сезонѣ было ужасно весело,—говорила докторша,—много военныхъ, пропасть романовъ. Она московская дама, напримѣръ, влюбилась въ артиллерійскаго поручика. Вдругъ пріѣзжаетъ мужъ. И что же! бѣдняжка съ отчаянія бросилась въ бухту! Не вѣрите? Честное слово. Безъ чувствъ вытащили. Францъ Адамычъ три часа ее оживлялъ.

Софья Петровна сдѣлала большіе глаза и заговорила о балѣ, который собирались и никакъ не могли устроить.

— Да, бала, видно, не дождешься,—сказала докторша тономъ самого искренняго сожалѣнія, — а вотъ, Софья Петровна, поѣдемте съ нами верхомъ въ Байдары. Мы ѣдемъ цѣлымъ обществомъ: m-me Панова съ Люсенькой, я, полковникъ Ильинъ, и еще, еще, еще.

— А вы когда собираетесь? — спросила Софья Петровна.

— Послѣ завтра. Да что тутъ долго думать! Вѣдь это не въ Америку.

— Не знаю, право, — нерѣшительно проговорила Софья Петровна, и, взглянувъ на Коробьиныхъ, прибавила: —поѣзжайте тоже!

Елена Ивановна опять взволновалась.

— Куда ужъ мнѣ верхомъ скакать! воскликнула она.

— А вы, Антонъ Филиппычъ?

Но Антонъ Филипповичъ не успѣлъ раскрыть рта, какъ жена ему заявила:

— Я тебя ни за что не пущу, Антонъ. Да я съ ума сойду, все буду думать, что тебя лошадь понесла.

— Какъ это трогательно! процѣдилъ сквозь зубы мужъ.

Софья Петровна посмотрѣла на него съ лукавой усмѣшкой и обратилась къ Хомутову:

— Вы вѣдь не откажетесь быть моимъ кавалеромъ, Ѳедоръ Алексѣичъ?

— Помилосердуйте, Софья Петровна, вы меня живымъ не довезете.

— Это почему?

— Да спросите доктора. Онъ вамъ скажетъ, гожусь ли я въ рыцари.

— Нашли кого спрашивать, прервала докторша. — Онъ въ прошломъ году сказалъ про одного господина, что тотъ до дому не доѣдетъ, а онъ не только до дому— вчера сюда прикатилъ живъ-живехонекъ.

На всѣхъ лицахъ промелькнула улыбка. Докторъ сконфузился и обиженно возразилъ,—Але, мое сердце, я вѣдь не Богъ, я могу ошибиться,

Наташѣ стало его жаль.

— Францъ Адамычъ, начала она, желая перемѣнить

разговоръ,—какъ здоровье Агариной? Я ее ужъ нѣсколько дней не видала.

Докторъ вздохнулъ.

— Плохо, панна Наталія, очень плохо. Та подлая лихорадка намъ все дѣло портитъ. Ахъ, эти бѣдачки-актрисы! грустно прибавилъ старикъ,—сколько ихъ тутъ у меня перебывало на Южномъ берегу! Тяжелая карьера.

На лицѣ Наташи изобразилась неподдѣльная печаль.

— Сегодня-же пойду къ ней! сказала—она.

Докторъ взглянулъ на часы и поднялся. Коробьины тоже стали прощаться. Елена Ивановна холодно пригласила къ себѣ Софью Петровну. Докторша строго объявила Хомутову:—чуръ не разстраивать компаніи, не то за уши отдеру.

V.

Когда всѣ удалились, Софья Петровна подошла къ Хомутову и, пристально взглянувъ ему въ лицо, проговорила:—вѣдь вы ѣдете?

— Увольте, Софья Петровна, не могу.

— Да что вы, мужчина или тряпка?

— Я больной, Софья Петровна.

— Это мнѣ все равно. Я хочу, чтобы вы ѣхали, и вы поѣдете, слышите, сказала она властно.

— Отчего вы не возьмете Коробьина? Онъ здоровъ и поскачетъ за вами куда угодно, только пальцемъ поманите.

— Очень возможно... но я добрая и не желаю огорчать его жену, а потому моимъ кавалеромъ будете... вы! Наконецъ, я васъ прошу объ этомъ... а мнѣ еще никогда не отказывали, когда я просила, промолвила она, вдругъ перемѣнивъ тонъ, тихо, почти нѣжно. Щеки ея заалѣлись, она стиснула руки и протянула ихъ къ нему.

Было что-то неотразимо обаятельное и угрожающее въ ея широко раскрытыхъ блестящихъ глазахъ, во всей ея выжидающей позѣ.— Значитъ, мы ѣдемъ, сказала она, дотрогиваясь до его рукава,—да?

Онъ нахмурился и полусердито, полусмѣясь, воскликнулъ:

— Что-жъ съ вами дѣлать!

Софья Петровна расхохоталась.

— А теперь я васъ не возьму... не хочу, и кончено.

Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее и медленно покраснѣлъ.

— Что, струсили? продолжала она смѣясь,—ну, Богъ съ вами, возьму и даже, если останусь вами довольна, то...

— То?

— Соглашусь позировать для вашей картины... Помните, вы меня просили?

— Искусительница! проговорилъ художникъ.

— Мама, вдругъ послышался слабый голосъ,—какъ же ты поѣдешь, вѣдь у тебя нѣтъ амазонки?

Софья Петровна слегка вздрогнула. Она совсѣмъ забыла про дочь.

— Какъ ты меня испугала, Миньона! Я и не замѣтила, что ты тутъ. Амазонки нѣтъ?.. А мы сейчасъ купимъ сукна, и ты мнѣ ее живо смастеришь на машинкѣ. Аграфена Ивановна тебѣ поможетъ. Побалуй свою глупенькую маму, Миньоночка. Вѣдь ты у меня фея,—и Софья Петровна обняла и поцѣловала дочь.

Хомутовъ замѣтилъ пристыженное, тревожное выраженіе на лицѣ дѣвушки, и ему стало неловко, точно онъ передъ ней провинился.

— Можетъ-быть, и Наталья Васильевна поѣдетъ съ нами? сказалъ онъ.

Она холодно подняла на него свои правдивые, серьезные глаза и сухо проговорила:

— Я не ѣзжу верхомъ, у меня болѣзнь сердца.

— У нея болѣзнь сердца, подтвердила мать.—Да она не будетъ скучать, она пойдетъ въ гости къ своей актрисѣ, и потомъ Миньона у насъ умница, никогда не скучаетъ, и она потрепала дочь по блѣдной холодной щекѣ.

VI.

Готово! произнесла Наташа, отрываясь отъ швейной машины и прислоняясь къ спинкѣ стула. Темно-синяя амазонка соскользнула съ ея колѣнъ. Софья Петровна на лету подхватила платье и ушла его примѣрять, въ свою комнату. Наташа закрыла глаза. Она очень устала. Все платье почти пришлось шить ей; Аграфена Ивановна больше ворчала, чѣмъ работала. Она легла поздно и долго не могла заснуть. Подъ утро она забылась, но Софья Петровна, опасаясь, что платье не поспѣетъ, разбудила ее съ первыми лучами солнца и шутя усадила за работу.

Примѣривъ платье, Софья Петровна нашла, что оно жметъ въ груди. Это ее разсердило. Она гордилась каждымъ изгибомъ своей пышной, стройной фигуры, и малѣйшая складка на лифѣ портила ея настроеніе на цѣлый день. Она нервно разстегнула пуговицы и пошла къ дочери.

— Посмотри!—сказала она жалобно,—въ груди жметъ, я не могу повернуться. Какъ же ты такъ съузила? — прибавила она, едва сдерживаясь, чтобы не выбранить дочь.

Наташа осмотрѣла лифъ со всѣхъ сторонъ, провела по немъ руками и замѣтила, что онъ не узокъ, но что если мамѣ неудобно, можно, пожалуй, пересадить двѣ пуговицы. Софья Петровна возразила, что лучше ужъ

оставить какъ есть, тѣмъ болѣе, что она сама виновата, пожалѣла денегъ на портниху. — Милый супругъ требуетъ экономіи, вотъ и поѣзжай теперь пугаломъ.

Наташа могла-бы возразить, что въ Седъ-Аметѣ нѣтъ портнихи, которая бы взялась сшить платье въ одинъ день, но промолчала и вздохнула. Она привыкла къ быстрымъ переходамъ въ обхожденіи матери, но сегодня ей было особенно тяжело. Ей непріятенъ былъ весь этотъ пикникъ, непріятно обращеніе Софьи Петровны съ Хомутовымъ и Коробьинымъ... Она еще разъ вздохнула и отвернулась чтобы скрыть набѣжавшія на глаза слезы.

Въ дверь постучались. Вошелъ Хомутовъ... Увидавъ Софью Петровну, онъ не могъ удержать выраженія восторга. Амазонка очень шла къ ней. Она замѣтила произведенное впечатлѣніе и мгновенно развеселилась.

— Недурно? — спросила она, — а мнѣ не нравится, какъ-то неуклюже сидитъ.

— Не знаю, чего вамъ еще нужно. Вы похожи на греческую статую.

— Правда? Это все Наташа. Я вамъ говорила, что она у меня волшебница.

— Только вы эту волшебницу заморили,—произнесъ художникъ и внимательно посмотрѣлъ на утомленныя черты дѣвушки. Задумчивый профиль, небрежно свернутая на затылкѣ коса, темная прядка волосъ на нѣжной шеѣ... Хомутовъ ни разу не видалъ ее такою. Въ немъ шевельнулось профессіональное чувство художника: „какой милый жанръ“ подумалъ онъ.

— Она выспится, когда мы уѣдемъ,—сказала Софья Петровна.—Который часъ?

— Скоро одиннадцать... Лошади ждутъ.

— Вотъ и отлично. Наташа, тащи скорѣй шляпу...

Я велѣла Аграфенѣ Ивановнѣ прикрѣпить вуаль. Гдѣ мои перчатки?—А хлыстъ? Ну, кажется все... Живѣй!

Она подобрала шлейфъ и легкими шагами сбѣжала съ лѣстницы, сопровождаемая дочерью и художникомъ. У крыльца ждалъ татаринъ, возлѣ привязанныхъ къ дереву иноходцевъ, мирно жевавшихъ губами. Хомутовъ подвелъ Софьѣ Петровнѣ лошадь и подставилъ руку. Она чуть оперлась на нее ногой и быстро, какъ птица, вспрыгнула на сѣдло. Онъ поправилъ ей стремя. Софья Петровна поблагодарила кивкомъ головы и, перегнувшись къ дочери, протянула ей руку:

— Не скучай, дѣвочка, завтра къ обѣду мы вернемся.

Ѳедоръ Алексѣевичъ тоже усѣлся. Онъ опять посмотрѣлъ на Наташу, и ему опять стало жаль ея.

— Отчего вы не ѣдете съ нами?—сказалъ онъ,—было бы гораздо веселѣе.

— Зачѣмъ вы согласились ѣхать, если это вамъ вредно,—проговорила она,—не отвѣчая на его вопросъ.

Онъ засмѣялся.

— Вашей maman угодно, чтобъ я для нея рисковалъ жизнью. Нельзя же ей отказать въ такомъ пустякѣ.

— Бабушка, не смущай моего рыцаря,—заявила Софья Петровна, и хлестнула лошадь. Хомутовъ тронулъ свою. Они помчались. Наташа стояла на крыльцѣ и глядѣла на ихъ скачущія рядомъ колыхающіяся фигуры, пока онѣ не пропали изъ глазъ.

VII.

Въ комнатахъ царилъ безпорядокъ и та внезапная тишина, которая водворяется послѣ сутолоки быстраго отъѣзда.

Наташа машинально стала подбирать валявшіеся на полу обрѣзки сукна, пуговицы, поставила на мѣсто

книги, поправила загнувшійся коверъ. Вошла Аграфена Ивановна и, посмотрѣвъ на барышню, покачала головой.

— Ишь ты... безъ васъ не приберутъ,—замѣтила она съ укоризной.

— Да я такъ, Аграфена Ивановна, все равно дѣлать нечего.

— Какого вамъ еще дѣла. Слава-те Господи, просидѣли ночь за иголкой въ родѣ какъ портниха передъ Свѣтлымъ праздникомъ,—иронически проговорила Аграфена Ивановна. — За то мамашу ублаготворили, — продолжала она.—Вишь съ какимъ молодцомъ укатила... Ай да мамаша! На поправку дочку привезла... На теплыя воды. Посмотрѣлъ-бы баринъ на эти порядки... То-то-бы чай порадовался...

— Оставьте, Аграфена Ивановна, я терпѣть не могу этихъ разговоровъ.

— Какъ вамъ угодно, матушка, — покорно отвѣтила горничная,—коли вамъ ничего, такъ мнѣ и подавно...

Наташа не дослушала и ушла къ себѣ. Дувшій съ моря вѣтерокъ тихо колыхалъ спущенную штору. Она постояла въ раздумьѣ предъ окномъ. Ей было непріятно вмѣшательство Аграфены Ивановны и совѣстно, что она ее „оборвала“. Невеселыя мысли, осаждавшія ее съ нѣкоторыхъ поръ, сегодня какъ-то особенно назойливо ее преслѣдовали. Она тряхнула головой и торопливо стала приводить въ порядокъ свой туалетъ. Одѣвшись, она крикнула Аграфену Ивановну. Та явилась и съ видомъ оскорбленнаго достоинства остановилась у двери.

— Аграфена Ивановна, я иду купаться, а потомъ къ Агариной, знаете, больная барышня, во флигелѣ,—сказала она скороговоркой, избѣгая взгляда горничной.— Если будетъ письмо, принесите туда.

— Къ арфисткѣ?—съ непередаваемымъ пренебреженіемъ спросила Аграфена Ивановна.

— Она не арфистка, а актриса. Я вамъ сто разъ говорила.

— Виновата, матушка, не упомнила,—спокойно возразила горничная, — мы люди темные, актерка-ли, арфистка-ли, по нашему все одно... Что-же, и кушать дома не будете?

— Не буду,—сказала Наташа, уже сходя съ террасы.

Аграфена Ивановна смягчилась.

— А то я вамъ принесу, пожалуй, туда... Вмѣстѣ съ барышней съ этой бы и покушали, а... Наталья Васильевна?

— Какъ хотите, — отвѣтила, усмѣхаясь на ея великодушіе Наташа и, раскрывъ зонтикъ, направилась къ морю.

Въ купальнѣ она застала Елену Ивановну съ дѣтьми, уже раздѣтую. Она держала за руку худенькую, голую дѣвочку, лѣтъ девяти, и безуспѣшно уговаривала ее сойти въ воду. Дѣвочка пятилась, упиралась и дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Ну, глупая, ну, чего ты боишься?—говорила, волнуясь, Елена Ивановна. — Это просто капризъ, упрямство... Слушай, Юля, если ты не пойдешь добромъ, я тебя насильно втащу въ воду.

Услыхавъ такую угрозу, дѣвочка съ визгомъ вырвалась изъ рукъ матери и прижалась къ младшимъ сестрамъ, сидѣвшимъ на скамеечкѣ. Онѣ приняли ее въ свои объятія и дружнымъ ревомъ протестовали противъ родительскаго насилія. На Елену Ивановну было жаль смотрѣть: лицо ея покрылось пятнами, она чуть не плакала,—и на дѣтей ей было досадно, и на себя, а пуще всего на невольную свидѣтельницу этой сцены, Наташу.

— Небось, вамъ смѣшно?—сказала она ей, кусая губы и поправляя съѣхавшій на бокъ клеенчатый чепчикъ.

— Нисколько,— отозвалась Наташа и, быстро раздѣвшись, прыгнула въ воду, нырнула, вынырнула на другомъ концѣ купальни и поплыла на спинѣ. Дѣвочки засмотрѣлись на нее. Она подплыла къ нимъ. — Юля, хочешь ко мнѣ на руки, — предложила она, — ужъ я тебя не спущу, не бойся. Я тебя поддержу, а ты будешь плавать. Здѣсь есть дѣвочки, гречанки, совсѣмъ крошки, а какъ плаваютъ! И ты выучишься.

— А вы меня не уроните?—робко спросила Юля.

— Да ужъ будь покойна.

Дѣвочка нагнулась, крѣпко схватилась ручками за шею Наташи, которая осторожно и медленно опустилась съ ней въ воду. Дѣти напряженно слѣдили за ними глазами, а черезъ минуту уже онѣ заливались звонкимъ смѣхомъ, указывая на Юлю, которая, поддерживаемая Наташей, била руками и ногами по водѣ, поднимая цѣлые фонтаны. Елена Ивановна тоже просвѣтлѣла и все повторяла:

— Видишь, я говорила, что не страшно.

Купанье освѣжило Наташу, а дѣти развеселили. Она ихъ расцѣловала, погуляла съ ними по набережной и затѣмъ ужъ отправилась къ Агариной.

VIII.

Агарина лежала на кушеткѣ, укутанная пледами и одѣялами; это была еще совсѣмъ молодая дѣвушка съ красивымъ лицомъ южнаго типа. Черные короткіе волосы блестящими кудрями сбивались на ея узкій, высокій и бѣлый лобъ. Черные живые глаза такъ и сверкали подъ густыми длинными бровями.

— Здравствуйте,—сказала она, протягивая Наташѣ

горячую влажную руку.—Ужъ я васъ ждала, ждала... Спрашивала доктора,—не больны-ли. Нѣтъ, говоритъ, цвѣтетъ, какъ роза. Ну, думаю, значитъ ей не до меня.

Когда она говорила, на всемъ ея лицѣ, въ глазахъ, въ круглой ямочкѣ на подбородкѣ играла улыбка, придававшая ея чертамъ своенравное, немного лукавое выраженіе. Наташа поцѣловала ее и присѣла на кушетку у ея ногъ.

— Какая вы сегодня хорошенькая, Женя,—сказала она.

— Это меня лихорадка разрумянила. И трясла-же она меня сегодня, проклятая, на-силу согрѣлась, сказала она и, помолчавъ немного, прибавила: — что за тоска, лежать одной въ четырехъ стѣнахъ и стучать зубами... Отчего вы такъ долго не были?

— Нельзя было. Здѣсь такъ дико время проходитъ— ничего не дѣлаешь и постоянно занятъ. Новые знакомые у насъ появились — Коробьины. Онъ — писатель. Третьяго-дня я собиралась къ вамъ, пришелъ этотъ Коробьинъ съ женой и задержали.

— Интересные, по крайней мѣрѣ?—спросила Агарина.

— Не знаю, право. Мама въ восторгѣ отъ мужа, а мнѣ больше нравится жена. Она проще. Вчера не была у васъ, потому что шила мамѣ амазонку. Она сегодня уѣхала въ Байдары.

— Отчего-же она васъ не взяла?

— Да я сама не захотѣла. Я не ѣзжу верхомъ.

— Вотъ смѣшная! Будь я здорова, ни минуты бы, кажется, на мѣстѣ не сидѣла,—воскликнула Агарина.— И литераторъ поѣхалъ?

— Нѣтъ. Съ мамой отправился Ѳедоръ Алексѣичъ Хомутовъ.

— А, милый художникъ! какъ же это? Вѣдь онъ влюбленъ въ васъ.

Наташа зардѣлась, но сейчасъ-же оправилась и засмѣялась.

— Съ чего это вы взяли? Онъ разговариваетъ со мной, потому что я благодарная слушательница, — не перебиваю и не критикую. А, впрочемъ, Господь съ нимъ. Разскажите-ка лучше, какъ вы себя чувствуете?

Агарина распахнула платокъ, приподнялась на подушкахъ и оперлась на локоть.

— Теперь мнѣ лучше,—сказала она, — какъ только кончается пароксизмъ — я оживаю. Знаете, я думаю уѣхать отсюда. Мнѣ кажется, продолжала она,—я слишкомъ поддалась болѣзни. Въ прошломъ году, въ Пензѣ, со мной была такая-же исторія. Простудилась я подъ самую масленицу, лежу у себя въ комнатѣ, повторяю царицу Анну изъ „*Василисы Мелентьевой*", а у самой зеленые круги передъ глазами прыгаютъ. Приходитъ нашъ антрепренеръ и начинаетъ меня отчитывать. Что же это, говоритъ, сударыня, вы съ нами дѣлаете. Одна была надежда на масленицу, а теперь мы по вашей милости должны на бобахъ остаться. Будьте, говоритъ, паинька, подтянитесь, вамъ вся труппа въ ножки поклонится. И что же! взяла я себя въ руки и всю масленицу со сцены не сходила. А теперь третій мѣсяцъ валяюсь изъ-за какой-то дурацкой лихорадки.

Она остановилась и сильно закашлялась.

— Вотъ вы и надорвались тогда,—сказала Наташа, когда она успокоилась.—Я давно собираюсь вамъ сказать одну вещь, начала она робко,—только не сердитесь. Мнѣ кажется, вамъ бы слѣдовало бросить сцену. Не по вашимъ силамъ эта жизнь.

Агарина вся встрепенулась, даже руками всплеснула.

— Бросить сцену!—воскликнула она.—Да куда-же я послѣ этого гожусь! Мнѣ двадцать три года, а я ужъ шесть лѣтъ актриса. Я выросла за кулисами. И потомъ,

—я люблю сцену. Когда я играю,—произнесла она замедленнымъ голосомъ, точно прислушиваясь къ чему-то внутри себя,—я все забываю. Неуклюжій актеръ мнѣ представляется красавцемъ, грязныя декораціи — царскимъ дворцомъ. Я чуть не помѣшалась, когда играла Дездемону. Чувствую, что меня поднимаетъ все выше, выше, будто на крыльяхъ. Зала точно мертвая — ни звука. И вдругъ, громъ, буря... Вы этого не поймете... Только, кто разъ хлебнулъ театральнаго дурмана, тотъ ужъ безъ него не можетъ дышать.

Она глубоко вздохнула и задумалась.

— Но такія минуты рѣдки,—возразила Наташа, — не всегда-же вы играете Дездемонъ. А за кулисами, вы сами разсказывали, вѣчно кипитъ война, интрига, артисты готовы утопить другъ друга.

— Конечно,—согласилась Агарина,—жизнь актрисы, да еще провинціальной, да еще имѣющей дерзость быть порядочною женщиной—не сладка. Но будьте чистосердечны! Многимъ-ли жизнь такъ называемаго общества — лучше театральной? Знаете, я сама долгое время думала, что изо всѣхъ тварей, самая гнусная—благородный артистъ. Но тутъ, лежа въ этой дырѣ, я отъ нечего дѣлать, занималась размышленіями и пришла къ заключенію, что мы ужъ вовсе не такъ дурны. Актеры безнравственны, циничны, завистливы... актеры —сплетники, интриганы, невѣжды... Вѣрно! Ну... а *не*-актеры?.. За то бываютъ и такіе случаи... Отъ Москвы до Харькова ѣхало со мной двое нашихъ, Липовъ-Скавронскій—фатъ и Тимченко—резонеръ. Дорогой я совсѣмъ развинтилисъ: кашель, ознобъ, жаръ... Вижу, они что-то таинственно переглядываются. Я закрыла глаза и притворилась, что сплю. Слышу, Тимченко говоритъ,—какъ Женичкѣ одной такую даль ѣхать! А Липовъ отвѣчаетъ,—да она и не поѣдетъ. А какъ-же?—

Да такъ-же, говоритъ, мы съ тобой сложимся и довеземъ ее до мѣста. Я раскрыла глаза и говорю: не надо, сама дотащусь. Стали ругаться. Такъ и довезъ меня сюда Липовъ-Скавронскій, устроилъ, да еще про черный день мнѣ свои золотые часы съ цѣпочкой оставилъ — подарокъ благодарной публики...

Агарина опять закашлялась, упала на подушки и долго молчала.

— Право, я не должна къ вамъ ходить,—сказала Наташа,—вы слишкомъ много разговариваете, а это вамъ вредно.

— Вздоръ, Наташа, я вовсе не такъ больна. Вотъ увидите, я скоро молодцомъ буду. Всѣхъ ковалеровъ у здѣшнихъ дамъ отобью, только художника вашего не трону.

Наташа улыбнулась.

— Какое великодушіе.

— Еще бы не великодушіе! А вы за то побалуйте меня.

— Чѣмъ это?

— Сыграйте что-нибудь.

— Нѣтъ, сегодня поздно, въ другой разъ. Вамъ надо отдохнуть, да и мнѣ тоже,—сказала она.—А вотъ и Аграфена Ивановна тащитъ намъ обѣдъ, прибавила она, взглянувъ въ окно.—Мы поѣдимъ, потомъ вы примите лѣкарство,—и бай-бай!

IX.

Разставшись съ Агариной, Наташа еще долго сидѣла у себя, на террасѣ. Ночь была теплая. Тяжелыя облака медленно ползли по верхушкамъ горъ, то застилая, то открывая луну. Въ паркѣ тамъ и сямъ двигались между деревьями тѣни, раздавалось громкое

внятное слово, вспыхивала папироска. Съ балкона докторскаго дома неслась заунывная польская пѣсня. Это—бѣдный докторъ изливалъ свою тоску...

— Пей, пока пьется
Все позабудь—

трагически взывалъ откуда-то другой голосъ...

Наташа задумалась о больной дѣвушкѣ, дѣвушкѣ изъ другого, знакомаго ей только по насмѣшкѣ міра. Есть должно быть, въ этомъ мірѣ особенная, увлекающая сила, если человѣкъ, стоя одною ногой въ гробу, все еще мечтаетъ о немъ, тянется къ нему. Собственная, одинокая жизнь промелькнула передъ ней. У другихъ хоть дѣтство есть чѣмъ помянуть... А она!.. Съ шести лѣтъ судьей между отцомъ и матерью.—Бѣдный отецъ! Что-то онъ теперь дѣлаетъ! Вѣчно одинъ, вѣчно за работой. Боленъ онъ, грустенъ, непріятности у него... никто не знаетъ, никому до него дѣла нѣтъ. Мать вѣдь только и говоритъ съ нимъ, когда ей деньги нужны... и то больше ее посылаетъ. Любитъ онъ ее или не любитъ—задала она себѣ вопросъ. Любитъ, навѣрное любитъ, если двадцать лѣтъ несетъ этотъ крестъ. А она... Наташѣ вдругъ стало ясно, до очевидности ясно, что ея красавица-мать никого не любитъ... Она испугалась своей мысли и сейчасъ же стала думать о другомъ, совершенно постороннемъ, но мысль упорно возвращалась назадъ. Зачѣмъ она повезла съ собой Хомутова... А онъ? Зачѣмъ онъ поѣхалъ... Не могъ устоять?... И сердце въ ней замерло отъ напора какого-то новаго жуткаго предчувствія. А тутъ еще этотъ... писатель. Какъ онъ глядитъ на нее! Неужели она не замѣчаетъ... Ей вдругъ стало стыдно. „Какая я злая, грубая“, подумала она. На стѣнныхъ часахъ пробило двѣнадцать. Ей вспомнилась „*Danse macabre*“ Сенъ-Санса, піеса, которую она слышала зимой въ концертѣ...

тоже начинается двѣнадцатью ударами... вотъ бы сыграть. Она пошла къ рояли, но, услышавъ мѣрный храпъ Аграфены Ивановны, раздумала. Еще проснется. Нѣтъ, лучше спать, спать... и ни о чемъ не думать. Она тихо пробралась въ свою комнату, раздѣлась, не зажигая свѣчи, и легла. Утомленное молодое тѣло требовало отдыха. Въ отяжелѣвшей головѣ, какъ далекій отблескъ зарницы, мгновеніями еще вспыхивало сознаніе и наконецъ угасло, побѣжденное крѣпкимъ, неподвижнымъ сномъ.

X.

Она проснулась поздно. Солнце сквозь опущенныя занавѣски проникло въ комнату косыми струйками свѣта. По стѣнамъ, по полу, по подушкѣ бѣгали золотые кружки.

Аграфена Ивановна принесла горячаго кофе и, присѣвъ къ Наташѣ на кровать, стала разсказывать, какой ей мудреный сонъ приснился.

— Вижу это я, будто маменька покойница, царство ей небесное, стоитъ и частымъ гребнемъ мнѣ косу чешетъ, да таково-то больно, таково больно... Къ чему бы это?.. И не придумаю. Волосы видѣть, говорятъ, не къ добру,—промолвила она задумчиво.

Наташа подивилась и, чтобъ успокоить ее, сказала, что снамъ вѣрить грѣхъ.

— Ну, это, матушка, тоже какой сонъ,—возразила, вздохнувъ, Аграфена Ивановна.

Напившись кофе, Наташа сѣла за рояль. Послѣднее время она запустила музыку и рада была случаю поиграть безъ помѣхи. Къ обѣду пришелъ докторъ. Бѣднягѣ было не по себѣ. Онъ скучалъ по женѣ и очевидно ревновалъ ее къ какому-то полковнику Ильину, имя котораго онъ произносилъ каждыя пять минутъ

самымъ недоброжелательнымъ тономъ. Ему казалось, что Наташа находится въ такомъ-же удрученномъ состояніи, и онъ искалъ у ней сочувствія, какъ у товарища по несчастію. Но хотя докторъ неоднократно упоминалъ о томъ, какая она достойная молодая дѣвица и какъ нѣкоторыя легкомысленныя особы должны бы брать съ нея примѣръ, она оставалась безучастна и къ его комплиментамъ, и къ его безпокойству. Наконецъ, онъ ушелъ. Наташа отправилась къ Агариной и нашла ее въ сильнѣйшемъ пароксизмѣ лихорадки. Она вся посинѣла и протянула Наташѣ изъ-подъ платка свою дрожащую, похолодѣвшую руку. Бѣдная дѣвушка свернулась въ какой-то жалкій маленькій клубочекъ и все повторяла:

— Не уходите, милая, скоро пройдетъ.

Наташа покрыла ее пледомъ, положила на ноги подушку и взявъ какую-то книгу, сѣла въ уголокъ. Когда, изнуренная припадкомъ, Агарина заснула, она неслышно выскользнула изъ комнаты и, отыскавъ прислуживавшую во флигелѣ разбитную гречанку, попросила ее почаще навѣдываться къ больной. Послѣ одинокой, со всѣмъ сторонъ запертой, комнаты Агариной, паркъ показался Наташѣ особенно праздничнымъ, просторнымъ и безсмысленно веселымъ.

Тамъ, по обыкновенію, было людно. Нарядныя дамы и кавалеры играли въ крокетъ, ходили взадъ и впередъ, читали... Изъ раскрытыхъ настежъ оконъ низенькаго домика, который занимали Коробьины, неслись жалобные звуки какого-то Бертиніевскаго этюда:—это маленькая Юлія упражнялась на фортепіано. Самъ Коробьинъ сидѣлъ на балконѣ и писалъ. Не желая, чтобъ ее замѣтили, Наташа свернула въ сторону, но хитрость ея не удалась. Коробьинъ ее увидалъ и сообщилъ женѣ. Та сбѣжала внизъ и почти насильно увлекла ее

въ домъ. Наташа посидѣла, приласкала дѣтей, поиграла на рояли. Антонъ Филипповичъ былъ очень милъ, возился со своими дѣвочками, шутилъ... Но Наташа не могла отдѣлаться отъ страннаго чувства, что все это слишкомъ красиво, точно напоказъ.

Когда она вернулась домой, день уже клонился къ вечеру. Сталъ накрапывать дождь.. Ее начинало безпокоить долгое отсутствіе матери. „Еще простудятся",— подумала она, невольно соединяя мать и художника. Аграфена Ивановна вошла и предложивъ накрыть на столъ къ чаю, развела въ каминѣ огонь. Она громко изливала свое негодованіе.

— За сто верстъ киселя хлебать поѣхала... И чего она тамъ не видала...

Наташа не возражала. Она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливаясь то у одного окна, то у другого. Небо чернѣло все гуще и гуще. Сильный ударъ грома вдругъ прокатился по горамъ. Дождь полилъ непрерывною струей. Гроза разыгрывалась не на шутку. Раздался стукъ экипажа.

„Не они",—подумала дѣвушка. Экипажъ остановился. Наташа прислушалась и вышла въ корридоръ. На лѣстницѣ ей встрѣтилась мать, въ измятой, измокшей подъ дождемъ шляпѣ и широкомъ мужскомъ плащѣ, накинутомъ сверхъ амазонки. За Софьей Петровной, блѣдный, съ вытянувшимся лицомъ, въ одномъ сюртукѣ, шагалъ Хомутовъ.

— Охъ, Миньона, какъ мы промокли,—сказала Софья Петровна ,— и поцѣловать тебя не могу. Давай намъ скорѣе чаю. Ѳедоръ Алексѣичъ! мѣняйте свой туалетъ и идите къ намъ грѣться.

XI.

Угли съ легкимъ трескомъ ярко пылали въ каминѣ. Въ комнатѣ было тепло и уютно. На столѣ, заставленномъ разною закуской, шумѣлъ самоваръ. Софья Петровна, въ бѣломъ пеньюарѣ, лежала на широкой кушеткѣ. Ея длинныя, небрежно спущенныя косы, вились по обѣимъ сторонамъ ея головы, точно золотыя змѣи. Наташа поставила предъ ней на столикѣ чашку чая и тартинки. Софья Петровна была въ духѣ и оживленно разсказывала о поѣздкѣ, то-есть о томъ, какъ уморительны были кавалеры и дамы, особенно докторша, которая, чтобы не быть похожею на другихъ, нарядилась въ красную амазонку и всю дорогу ворковала со своимъ офицерикомъ.

— Была еще Анна Михайловна Панова со своею Люсенькой,—о тебѣ спрашивали. Люсенька все съ Өедоромъ Алексѣичемъ о живописи разсуждала, а маменька глядитъ и вздыхаетъ—очень ужъ ей хочется поскорѣе сбыть дочку, а жениховъ нѣтъ, какъ нѣтъ... Куда онъ, однако, пропалъ?—воскликнула Софья Петровна.

Наташа, до сихъ поръ разсѣянно слушавшая мать, приподняла голову.

— Онъ, кажется, очень усталъ, мама. Какъ бы онъ не расхворался,—сказала она.

— Вздоръ какой! Онъ вовсе не боленъ. Посмотрѣла бы ты, какимъ онъ молодцомъ за мной ухаживалъ!..— и Софья Петровна улыбнулась.—Вотъ развѣ подъ дождемъ намокъ. Я не хотѣла брать у него плаща, да онъ присталъ; но мы подъ дождемъ были не долго, встрѣтили коляску и пересѣли... Постучись къ нему, Наташа, что онъ не идетъ.

Дѣвушка встала, прошла въ корридоръ и, остановившись у темной двери, слегка стукнула.

— Войдите!—отозвался голосъ Хомутова.

— Мама васъ зоветъ чай пить,—произнесла она, пріотворивъ дверь, но не входя въ комнату.

Увидѣвъ Наташу, Хомутовъ поднялся съ кресла и пошелъ къ ней. У него былъ очень утомленный видъ.

— Вы какъ будто сердитесь на меня, Наталья Васильевна,—сказалъ онъ, протягивая ей руку.

— Я?.. По какому праву!

— Для того, чтобы сердиться люди всегда находятъ право. Во всякомъ случаѣ, вы мной недовольны.

— Нѣтъ... мнѣ только жаль, что вы губите здоровье ни изъ-за чего.

Художникъ усмѣхнулся.

— Именно „ни изъ-за чего“,—повторилъ онъ.—Ахъ, Наталья Васильевна, вы сами не знаете, какую истину сейчасъ изрекли. За то, посмотрите, что я вамъ привезъ... (онъ взялъ со стола и подалъ ей огромное прессъ-папье изъ горнаго хрусталя).

— Merci,—промолвила дѣвушка. Вдругъ она увидѣла на столѣ полотенце, усѣянное красными пятнами. Глаза ея расширились. — Что это? — воскликнула она испуганно.

— Это... это прозаическія послѣдствія поэтической прогулки.

— Кровь... горломъ... — проговорила, блѣднѣя, Наташа.

— Да, въ этомъ родѣ, — сказалъ онъ, бросая полотенце въ корзинку. — Пойдемте, однако,— Софья Петровна, вѣроятно, уже гнѣвается.

Наташа вдругъ подошла къ нему.

— Ѳедоръ Алексѣичъ, — промолвила она,— исполните мою просьбу, пошлите за докторомъ.

Хомутова тронуло участіе Наташи.

— Все, что прикажете, Наталья Васильевна, только

не доктора. Я всегда лечусь самъ и, увѣряю васъ, завтра буду совершенно здоровъ. Да и вообще изъ-за меня не стоитъ волноваться. Всѣ медицинскія знаменитости рѣшили, что при благонравномъ поведеніи я могу прожить сто лѣтъ.

— Хотѣлось-бы посмотрѣть, когда это вы будете вести себя благонравно.

— Надѣюсь, скоро...какъ только найду завѣтную розу.

Наташа удивленно поглядѣла на него.

— Не понимаете?—спросилъ онъ, съ улыбкой глядя на ея недоумѣвающее лицо.—Я вамъ объясню. Жилъ-былъ при царѣ Горохѣ нѣкій шалопай, котораго возмущенные боги за разныя проказы обратили въ осла. И много пришлось ему въ образѣ ослиномъ мытарствъ вынести, пока надъ нимъ не сжалилась прелестная принцесса. Она подарила бѣдному ослу свои прекрасныя свѣжія розы. Онъ ихъ поѣлъ и сейчасъ-же сдѣлался такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Съ красавицей они, конечно, поженились, стали жить-поживать, добра наживать, а добродѣтелью своею заразили цѣлый край. Съ тѣхъ поръ на бѣдныхъ шалопаевъ точно заклятіе: чтобы выпрыгнуть изъ ослиной шкуры, они должны отыскать волшебную розу... Не подарите-ли вы мнѣ эту розу, Наталья Васильевна?—проговорилъ онъ.

Наташа стояла смущенная, испуганная. Она не понимала — шутитъ Хомутовъ, или говоритъ серьезно. Кровь прилила ей къ вискамъ, ей казалось, что все вокругъ нея завертѣлось и замелькало, точно сразу налетѣлъ откуда-то нежданный вихрь.—„Господи,—подумала она,—что-же это такое“?.. Но вдругъ вспомнила, что мать ее ждетъ, и очнулась. Она несмѣло подняла на Хомутова кроткіе глаза, на которыхъ свѣтились слезы, и, запинаясь, промолвила:

— Ваша сказка очень красива, но мы о ней поговоримъ послѣ... когда-нибудь... А теперь, — прибавила она совершенно оправившись и улыбаясь поблѣднѣвшими губами,—мнѣ некогда. Вы ложитесь, а я скажу мамѣ, что вы не можете притти.

— Какая вы добрая... передъ вами не стыдно быть слабымъ,—произнесъ онъ и, точно спохватившись, замѣтилъ: — однако, что это со мной сегодня. Я сантименталенъ, какъ нѣмецкая гувернантка. Все нервы! Наталья Васильевна, будьте милосерды до конца, умилостивите Софью Петровну и наградите меня за послушаніе стаканомъ лимонада.

Онъ засмѣялся и слегка пожалъ ея руки.

— Какъ ты долго,—съ неудовольствіемъ замѣтила Софья Петровна, когда дочь вернулась. — Гдѣ же Ѳедоръ Алексѣичъ?

— Онъ не придетъ, мама, онъ боленъ.

— Ахъ какая баба! что съ нимъ?

— У него шла кровь горломъ.

Софья Петровна нахмурилась.

— Какія глупости!.. горломъ. Навѣрное изъ зубовъ. И зачѣмъ ты у него такъ долго оставалась! Это неприлично.

Дочь молчала. Она была такъ погружена въ свои мысли, что почти не разслышала словъ матери. Сердце ея тихо и жутко трепетало, словно теплая, мягкая волна вдругъ набѣжала и залила ее съ головой. Ей захотѣлось скрыться въ свою комнату и думать, думать на просторѣ...

Софья Петровна спустила съ кушетки ноги, въ шитыхъ золотомъ бархатныхъ туфляхъ, и съ недовольною миной стала подкалывать шпильками свои косы.

Mise en scène пропала.

XII.

Прошло два мѣсяца. Софья Петровна больше не жаловалась на скуку. Вокругъ нея всегда была свита. Мужчины льнули къ ней, какъ мухи къ меду, дамы ее цѣловали, наперерывъ приглашали къ себѣ, но втихомолку злословили и возмущались. Коробьинъ открыто ухаживалъ за Софьей Петровной. Онъ проводилъ съ ней цѣлые часы, читалъ ей свои и чужія книги, сопровождалъ ее на прогулкахъ и даже при женѣ высказывалъ, что нельзя не преклоняться предъ женщиной съ такою чуткою ко всему прекрасному душой. Елена Ивановна казалась очень несчастною. Она то переставала ходить къ Криницкимъ, то ходила къ нимъ каждый день, какъ будто нарочно, какъ будто ей доставляло наслажденіе растравлять и разжигать свое бѣдное сердце: на, молъ, любуйся. Она, никогда не разстававшаяся съ мужемъ, обрадовалась, когда ему пришлось уѣхать по литературнымъ дѣламъ въ Одессу, въ надеждѣ, что онъ тамъ застрянетъ! Но Антонъ Филипповичъ вернулся черезъ двѣ недѣли, и терзанія Елены Ивановны возобновились. О возвращеніи въ Петербургъ она даже не смѣла мечтать: здоровье младшихъ дѣвочекъ было слабо. Наташа тоже поблѣднѣла и похудѣла. Постоянные гости, шумъ, смѣхъ, горячія бесѣды между ея матерью и романистомъ, бесѣды, вертѣвшіяся около одной и той же темы—любви, утомляли ее до нельзя. Она чувствовала, что это море красивыхъ словъ, не болѣе, какъ жонглерство, которымъ, отъ нечего дѣлать, занимаются случайно сошедшіеся праздные люди. За этою показною игрой она угадывала что-то нехорошее, грубое. Ей было неясно, что именно дурно въ окружавшихъ ее людяхъ, но она была убѣждена, что они всѣ притворяют-

ся, что и ея мать, и литераторъ, и Люсенька, изучающая археологію, философію, живопись, ваяніе и зодчество, совершенно равнодушны къ тѣмъ возвышеннымъ предметамъ, о которыхъ они безпрестанно разсуждаютъ. Хомутова она совсѣмъ не понимала.

Оправившись послѣ Байдарской прогулки онъ сталъ бывать у Криницкихъ лишь мимоходомъ, извиняясь усиленными занятіями: онъ готовилъ большую картину къ весенней выставкѣ. Съ Наташей Ѳедоръ Алексѣевичъ держался легкаго, шутливо-дружескаго тона, какимъ любятъ говорить среднихъ лѣтъ холостяки съ очень молоденькими дѣвушками. Боится, какъ бы я не приняла „въ сурьезъ" его аллегорію о розѣ, съ горечью думала Наташа, вся загораясь отъ стыда за свою „сантиметальность". Она не сомнѣвалась въ порядочности Хомутова и ни въ чемъ его не обвиняла. Но ее уже начинала безотчетно отталкивать эта высокомѣрная порядочность россійскаго индифферента.

Выросшая въ одиночествѣ, съ дѣтства привыкшая наблюдать молча, Наташа рано научилась хранить про себя свои впечатлѣнія. Такъ и теперь. Она даже не пыталась протестовать противъ тяготившаго ее режима, отлично сознавая, что кромѣ „сценъ" изъ этого ничего не выйдетъ и скрыла отъ всѣхъ боль перваго разочарованія въ человѣкѣ, который ей нравился, котораго она считала лучшимъ изо всѣхъ, кого знала. Не мало волненій причиняла Наташѣ и Елена Ивановна. Эта женщина съ изможденнымъ, увядшимъ лицомъ и грустными глазами была ей симпатична. Въ первое время ихъ знакомства онѣ часто гуляли вмѣстѣ. Когда у Елены Ивановны разыгрывалась мигрень, она просила Наташу заняться вмѣсто себя съ дѣтьми... И вдругъ, точно черная кошка между ними пробѣжала. Елена Ивановна стала ее избѣгать; во всей ея манерѣ, въ тонѣ,

въ движеніяхъ, появилась какая-то холодная надменность, и однажды, когда Наташа, отправляясь на прогулку, зашла за дѣвочками, Елена Ивановна сухо отклонила ея услуги.

— У васъ и со взрослыми много возни, произнесла она, скрививъ въ улыбку свои тонкія губы

Наташа была очень огорчена.

— За что она на меня сердится? сказала она Хомутову, бывшему свидѣтелемъ этой сцены.

— Вѣроятно, ревнуетъ къ вамъ своего знаменитаго супруга.

— Ко мнѣ! воскликнула Наташа,—да онъ когда и глядитъ на меня, такъ не видитъ.

Художникъ лукаво усмѣхнулся.

— Ну, не къ вамъ, стало быть, къ вашей maman. Сознайтесь, что Софью-то Петровну онъ видитъ даже тогда, когда не глядитъ на нее.

Дѣвушка вспыхнула, ничего не отвѣтила и ускоренными шагами пошла впередъ по аллеѣ. Наступило неловкое молчаніе. Хомутовъ покусывалъ губы. Онъ досадовалъ на себя за сорвавшіяся слова.

— Наталья Васильевна, началъ онъ,— вы напрасно принимаете къ сердцу выходку Елены Ивановны. Я знаю Коробьиныхъ лѣтъ двѣнадцать и могу васъ увѣрить, что у нихъ эта исторія тянется непрерывно. Онъ увлекается, она лѣзетъ на стѣну, потомъ, они мирятся, и все обстоитъ благополучно до новаго увлеченія. Если вы никуда не спѣшите, присядемте немного, послѣднее время я былъ занятъ и мало васъ видѣлъ... Вы какъ будто похудѣли? Что съ вами? Нездоровится?

Она отвѣчала не тотчасъ и, облокотившись на спинку скамьи, поглядѣла вверхъ на небо, синѣвшее между темно-зелеными листьями стараго лавра.

— Стосковалась я здѣсь, сказала она наконецъ,—домой тянетъ. Иногда мнѣ кажется, что мы уже отсюда не вырвемся. Съ трехъ сторонъ горы, съ четвертой море, точно на ключъ заперли. Я бы давно упросила маму уѣхать, если-бы...

Она запнулась, какъ-бы не рѣшаясь продолжать.

— Что-же вы остановились? Развѣ это секретъ,—спросилъ Хомутовъ.

— Нѣтъ, не секретъ,—возразила она,—я ужъ нѣсколько разъ собиралась поговорить съ вами объ этомъ и все откладывала, сама не знаю почему... Дѣло въ томъ, что мнѣ жаль Агарину. Ей хоть и лучше, но докторъ говоритъ, что это—кажущееся улучшеніе. Она такъ привыкла ко мнѣ... ей тяжело будетъ очутиться среди равнодушныхъ людей. И вотъ,—продолжала она, все больше смущаясь,—я хотѣла васъ попросить, Ѳедоръ Алексѣичъ, вы вѣдь долго здѣсь останетесь—ходите къ ней, когда я уѣду...

Хомутовъ подумалъ немного, погладилъ свои бритыя щеки и промолвилъ:

— Не могу вамъ этого обѣщать, Наталья Васильевна.

— Почему?—воскликнула она, удивленная и оскорбленная этимъ отказомъ.

— Потому что,—только вы не сердитесь,—потому-что меня раздражаетъ видъ больныхъ. Утѣшать, то-есть обманывать, я не умѣю, разговаривать съ умирающимъ о предметахъ, для него уже не имѣющихъ смысла, считаю неприличною жестокостью. Въ сущности всѣ здоровые не выносятъ больныхъ, но люди такъ привыкли лицемѣрить, что никогда въ этомъ не признаются.

— Такъ думаютъ только эгоисты, которые кромѣ собственнаго удовольствія ничего знать не хотятъ,—рѣзко замѣтила Наташа.

Онъ разсмѣялся.

— Ну, конечно! Солги я, скажи, что съ наслажденіемъ буду подавать вашей пріятельницѣ лекарства— и вы были-бы отъ меня въ восторгѣ. Женщина, даже самая неиспорченная, не въ состояніи оцѣнить, когда ей говорятъ правду.

— Ахъ, я это ужъ столько разъ отъ васъ слышала, —нетерпѣливо прервала Наташа.

— Зачѣмъ-же сердиться! будемъ разговаривать о другомъ.—Вотъ кстати интересный писатель идетъ, можно его позвать.

— Ахъ, пожалуйста, не зовите!

Но Коробьинъ уже ихъ замѣтилъ и, еще издали раскланиваясь закричалъ:

— А я къ вамъ, Наталья Васильевна. Хочу прочесть Софьѣ Потровнѣ одну статейку. Не желаете-ли послушать?

Дѣвушка сдвинула брови и сухо промолвила:

— Благодарю васъ, у меня болитъ голова.

-- Не люблю я его,—сказала она, когда Коробьинъ удалился.--И повѣсти мнѣ его на нравятся. Все-то онъ учитъ, да толкуетъ... ужасная скука. По вашему, онъ настоящей писатель?

— Не знаю-съ,—отозвался художникъ.—Я современныхъ русскихъ беллетристовъ почти не читаю, а произведеній пріятелей и подавно. Думаю, впрочемъ, что Антонъ Филиппычъ достаточно бездаренъ.

— Писатель, а съ женой обращается, какъ мужикъ,—произнесла Наташа съ непривычнымъ раздраженіемъ.

— Это, положимъ, умно,—одобрилъ Хомутовъ,—женщины любятъ, когда съ ними дурно обращаются.

Наташа взглянула на него и улыбнулась.

— Вотъ какъ!—проговорила она.—А я всегда думала, что женщины особенно цѣнятъ деликатность, потому что онѣ почти беззащитны противъ грубости.

— Напрасно вы такъ думаете, — возразилъ онъ,— женщины такъ-же грубы, какъ и мужчины, но долгое рабство пріучило ихъ скрывать свои чувства, и такъ какъ побѣждаетъ тотъ, кто сильнѣе ненавидитъ, то на земномъ шарѣ, въ концѣ-концовъ, водворится женское царство,—прибавилъ онъ шутливо.

— Водворится оно или нѣтъ, мнѣ рѣшительно все равно,—сказала Наташа,—только не вѣрю я и никогда не повѣрю, что побѣда останется за ненавистью. И знаете что, Ѳедоръ Алексѣичъ, мнѣ кажется,—вы сами этому не вѣрите, а говорите такъ потому, что это... ну эффектно, что-ли. Неужели вы въ своей жизни встрѣчали только одно низкое и злое, когда даже я видѣла и хорошихъ людей, и безкорыстныя отношенія.

— Исключенія ничего не доказываютъ, Наталья Васильевна, и потомъ, мы вѣдь съ вами ведемъ отвлеченные разговоры. Развѣ можно ихъ примѣнять къ частнымъ случаямъ?

— Я только одного не понимаю,—произнесла она насмѣшливо,—если все такъ безнадежно дурно, зачѣмъ жить!

Онъ расхохотался.

— Наталья Васильевна, васъ-ли я слышу! вы мнѣ рекомендуете самоубійство. Вотъ и вѣрь послѣ этого женской добротѣ! Нѣтъ, -продолжалъ онъ серьезно,— жить стóитъ, потому что жить—любопытно, и даже пріятно, если только не полагать жизни въ людяхъ. Кромѣ людей, на свѣтѣ есть вещи, которыя прекрасны. Вотъ когда вы себѣ это усвоите...

— Куда ужъ мнѣ,—перебила Наташа,—для меня это

черезчуръ туманно,—прибавила она, грустно покачавъ головой, и встала.

— Вы домой?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мнѣ еще нужно въ городъ за покупками,— сказала она.

— Сдѣлаемъ лучше такъ,—предложилъ онъ, подумавъ немного,—пойдемте сначала за покупками, а затѣмъ ко мнѣ въ мастерскую, вы посмотрите на моихъ „*Крамольниковъ*",—они очень подвинулись. Не хочется мнѣ отпускать васъ такъ скоро,—продолжалъ онъ,— когда-то опять васъ поймаешь. Эта m-lle Агарина васъ совсѣмъ отняла у общества, а вы еще хотите, чтобъ я за ней ухаживалъ.

Наташа почувствовала, что краснѣетъ, и разсердилась на себя.

— Не могу, Өедоръ Алексѣичъ,—сказала она, опуская голову, чтобы не видать его пристальнаго взгляда,—въ другой разъ, а пока,—до свиданія.

XIII.

Какъ хорошо, что вы пришли,—радостно привѣтствовала Наташу Агарина, протягивая ей обѣ руки.— А я ужъ и ждать васъ перестала.

Агарина не лежала, а сидѣла въ креслѣ у окна. Ея густыя, темныя кудри выбивались прихотливыми колечками изъ-подъ красной ленточки. Она была такъ худа, такъ прозрачна, что когда она говорила, голосъ ея, казалось, доносился откуда-то издалека; не вѣрилось, чтобъ изъ этой впалой, ссохшейся груди могли вылетать живые звуки.

Наташа положила предъ ней большой букетъ розъ,— спросила о здоровьѣ и, вынувъ изъ корзиночки вышиванье, принялась работать.

— Скажите,—начала Агарина,—чтó съ вами? У васъ что-то есть на душѣ. Прежде сердце радовалось на васъ глядя,—такая благоразумная была дѣвица, а теперь ни дать, ни взять—героиня въ пятомъ актѣ мелодрамы.

Она остановилась, какъ-бы ожидая отвѣта, но Наташа молчала.

— Послушайте, —начала она опять, — вѣдь мнѣ все можно сказать. Посмотрите, развѣ я не идеалъ наперсницы?—и она съ грустною усмѣшкой показала на свою фигуру.

— Да мнѣ и разсказывать нечего,—возразила Наташа.—Я просто соскучилась здѣсь; я хочу къ отцу, къ моимъ книгамъ, къ моимъ нотамъ, къ нашей заводской жизни, гдѣ я знаю каждаго рабочаго, каждую бабу. Молодежь нашего завода,—это вѣдь все мои товарищи и подруги. Я выросла среди труда. А тутъ только и знай, что одѣвайся, переодѣвайся, да разговаривай. У меня была гувернантка,—продолжала она послѣ небольшого молчанія,—старая француженка. Она часто говорила, что человѣку мѣшаютъ жить не серьезныя препятствія, а — „l'ensorcellement des bagatelles“. Я всегда смѣялась надъ этимъ выраженіемъ. Теперь я его отлично понимаю,—у насъ цѣлые дни проходятъ въ этомъ ensorcellement des bagatelles. Сегодня я умоляла маму уѣхать отсюда. Оказывается, что черезъ два мѣсяца балъ, и мы, конечно, обязаны его дожидаться.

Она вздохнула и, вынувъ изъ букета розу, стала ощипывать лепестки.

— Мнѣ докторъ говорилъ объ этомъ балѣ,—сказала Агарина.—Цѣль вѣдь благотворительная.

— О, конечно! мы будемъ плясать, ѣсть и пить не для себя, а для малолѣтнихъ преступниковъ.

— А знаете, —промолвила вдругъ Агарина, — ваша

мама премилая, что остается тутъ еще на два мѣсяца. Это она для меня.

Наташа вопросительно посмотрѣла на нее.

— Черезъ два мѣсяца и я отсюда уѣду,—пояснила она.

— Куда?

— Куда-нибудь,—произнесла она загадочно.—А теперь побалуйте меня, Наташа, довольно вы ныли, сыграйте что-нибудь.

— Съ удовольствіемъ,—сказала Наташа и подошла къ старенькому, исцарапанному піанино, на которомъ лежала груда растрепанныхъ нотъ.—Что прикажете?—спросила она шутливо.

— Вторую сонату Шопена.

Наташа немного смутилась.

— Я не играю этой вещи наизустъ.

— Неправда! докторша мнѣ говорила, что вы недавно ее играли у нихъ.

— Право-же, я забыла,—отнѣкивалась Наташа.—Хотите первую сонату Бетховена. Это такая прелесть.

— Не надо, не надо,— раздражительно проговорила больная.— Вы нарочно не хотите мнѣ доставить удовольствія.

— Какъ вамъ не стыдно, Женя! Я эту вещь рѣдко играю, потому что она меня очень волнуетъ, вотъ и все. Но если намъ непремѣнно хочется—извольте.

Она заиграла.

При первыхъ-же звукахъ Агарина вздрогнула, выпрямилась и вся подалась впередъ. Трепетные вначалѣ, какъ подавленное рыданіе, звуки росли, расширялись, крѣпчали, какъ-бы озаряя весь упоительный миражъ жизни—молодость, страсть, борьбу... Стройно и гордо лилась чистая мелодія. Вдругъ элегическій, захватывающій сердце аккордъ пронесся надъ темой. Идеалы недостижимы, говорилъ этотъ жалобный стонъ, надеж-

ды разбиты, грустно надвигается старость... все, все прошло... впереди—неразгаданная тайна смерти. Торжественные звуки похороннаго марша покрыли тихій плачъ струнъ, но вотъ ужъ и они замерли, и только шелестъ вѣтра еще ропщетъ надъ свѣжею могилой.

Наташа быстро обернулась. Агарина, опустивъ голову на руки, судорожно всхлипывала. Это было такъ неожиданно, такъ необычайно... Наташа растерялась.

— Женя, голубчикъ, Господь съ вами... Милая! Что это вы?—повторяла она, трогая ее за дрожавшія плечи.

— Какъ страшно умирать,—неудержимо рыдая, говорила Агарина.—Я такъ люблю жизнь... Ужасно это прощаніе со всѣмъ, со всѣмъ... Звѣзды будутъ сіять, солнце грѣть, люди смѣяться,—и все это не для меня... Ахъ, нѣтъ ничего ужаснѣе смерти,—воскликнула она съ новымъ порывомъ слезъ.—Бросятъ въ могилу пучокъ цвѣтовъ, и кончено... А что въ нихъ! Цвѣты хороши на живой груди...

— Женя... Женичка! полноте! Это я виновата,—разстроила васъ, своимъ нытьемъ и музыкой. И съ чего вдругъ такія мрачныя мысли. Вѣдь вамъ лучше. Лихорадки почти нѣтъ. Мнѣ докторъ говорилъ, что вамъ гораздо лучше.

— Вы меня не обманываете,—прошептала Агарина,—не утѣшаете?—Она отняла отъ лица руки, и въ ея залитыхъ слезами огромныхъ, на худомъ лицѣ, глазахъ засвѣтилась такая страстная мольба, такое отчаянное ожиданіе, что у Наташи застыли слова на губахъ. Она не выдержала этого молящаго, тоскующаго взора и, потупившись, стала гладить по головѣ бѣдную больную.

XIV.

Прошло нѣсколько дней. Коробьинъ, только что кончившій новый романъ „*Карьеристъ*“, обѣщалъ прочесть его у Софьи Петровны. Извѣстіе это, съ быстротой телефона переданное докторшей, сильно взволновало избранное Седъ-Аметское общество, особенно дамъ, и особенно Люсеньку Панову, полагавшую, что она, по своему развитію, имѣетъ гораздо больше правъ на такое предпочтеніе со стороны литератора, чѣмъ „эта барыня“, лишенная всякаго „внутренняго содержанія“. Пылая негодованіемъ, Люсенька даже сдѣлала матери сцену.

— Это вы виноваты,—говорила она, чуть не плача,—изъ-за васъ никто у насъ не бываетъ; вы на всякаго мужчину смотрите, какъ на жениха... Ко мнѣ никто подойти не смѣетъ, вы сейчасъ тутъ, какъ тутъ.

Мать, сраженная этимъ градомъ обвиненій, пробормотала что-то о неблагодарности дѣтей, но видя, что дочь не на шутку огорчена, стала ее утѣшать.

— Охота тебѣ, Люсенька, принимать все къ сердцу! Всѣ мужчины одинаковы, всѣ они—подлецы,—сказала она.—Имъ только и нравятся такія кокетки, какъ Софья Петровна. За порядочными женщинами никто не ухаживаетъ. И писатель вашъ хорошъ! Совсѣмъ отъ дому отбился—ѣстъ и пьетъ у madame Криницкой.

— Все это сплетни и предразсудки,—возразила дочь.—Вы лучше сходите къ Софьѣ Петровнѣ и постарайтесь, чтобъ она пригласила насъ на чтеніе. Воображаю, какъ она теперь важничаетъ! Да будьте полюбезнѣе съ этою рыбой Наташей. Я недавно сконфузила ее немножко, и она, кажется, дуется на меня. Вотъ то-же субъектъ!

— Эту и не разберешь, — подтвердила мать, — какъ говорится, ни Богу свѣча, ни чорту кочерга.

— А вотъ посмотрите, Хомутовъ только съ ней и разговариваетъ,—гнѣвно замѣтила Люсенька.

Мать снисходительно улыбнулась.

— Какой ты ребенокъ, Люсенька,—сказала она,—не понимаешь, что это дѣлается для отвода глазъ. Онъ вѣдь тоже къ маменькѣ неравнодушенъ—и, наклонившись къ дочери, она таинственно прошептала ей на ухо: — говорятъ, Софья Петровна у него для какой-то картины позировала au naturel..

Люсенька изобразила на своемъ лицѣ презрѣніе и негодованіе.

На выраженное madame Пановой желаніе присутствовать на чтеніи, Софья Петровна сдѣлала удивленный видъ, какъ-бы говоря: неужели это уже всѣмъ извѣстно!—и томно замѣтила, что авторъ разсчитывалъ исключительно на интимный кружокъ „своихъ“, но что она, конечно, употребитъ все свое вліяніе, чтобы доставить удовольствіе Аннѣ Михайловнѣ и ея прелестной дочери.

Анну Михайловну чуть не взорвалъ этотъ снисходительный тонъ. У ней такъ и чесался языкъ отчитать, какъ слѣдуетъ, „сію даму“, но она вспомнила Люсеньку и, любезно улыбаясь, произнесла, что противъ обаянія Софьи Петровны слишкомъ трудно устоять, и потому она считаетъ приглашеніе полученнымъ.

XV.

Софья Петровна съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ видомъ пожимала руки своимъ гостямъ. Въ зеленоватомъ платьѣ съ широкимъ кушакомъ, стягивавшимъ

ея тонкую талію, и гладко причесанными волосами, она казалась совсѣмъ молодою дѣвушкой. Сидѣвшая неподалеку отъ нея Люсенька (мать, по ея настоянію, осталась дома) мысленно оцѣнивала и примѣряла на себя ея туалетъ. Коробьинъ сѣлъ за отдѣльный столикъ, на которомъ стоялъ графинъ съ водой, стаканъ и двѣ свѣчи и, окинувъ строгимъ взглядомъ собравшееся общество, сталъ читать громкимъ, черезчуръ громкимъ голосомъ, выдававшимъ то невольное волненіе, которое овладѣваетъ авторомъ, какъ бы мало онъ ни придавалъ значенія своей аудиторіи. Впрочемъ, онъ скоро оправился, голосъ зазвучалъ увѣреннѣе. Онъ читалъ бы недурно, если бы не преувеличенныя паузы, подчеркиванья и нюансы которыми обыкновенно отличается дилетантское чтеніе.

Романъ былъ написанъ бойко. Дѣйствующія лица распадались на двѣ категоріи—добродѣтельныхъ и порочныхъ. Добродѣтельныя неуклонно стремились къ идеалу и претерпѣвали... Порочныя творили всякія безчинства и наслаждались. Герой, современный человѣкъ, коварно предавшій друзей молодости, бросившій на произволъ судьбы обольщенную имъ дѣвушку и ея ребенка, быстро поднимается по общественной лѣстницѣ и достигаетъ „степеней извѣстныхъ“. Онъ не только ни разу въ жизни не ощущаетъ потребности оглянуться на прошлое, но даже не испытываетъ ни малѣйшаго волненія при встрѣчѣ, по прошествіи двадцати пяти лѣтъ, съ когда-то опозоренною имъ женщиной, съ своимъ собственнымъ сыномъ, котораго мать—воплощеніе всѣхъ совершенствъ,—воспитала идеалистомъ и энтузіастомъ, ежеминутно готовымъ на подвигъ.

Въ общемъ романъ оставлялъ впечатлѣніе неопредѣленное и вялое, несмотря на слова „бодрость“, „энергія“, „самодѣятельность“, „уваженіе къ личности“, „об-

щественные интересы“, которыми были уснащены всѣ страницы. Всѣ слушали съ почтительнымъ вниманіемъ. Софья Петровна то опускала долу, то поднимала на автора свои удивительные глаза. Ея самолюбію льстило, что Коробьинъ, этотъ „извѣстный“, „уважаемый“, „передовой“ писатель—читалъ у нея и... для нея. Она знала, что отъ всѣхъ этихъ женщинъ-труженицъ и святыхъ матерей, которыхъ онъ такъ трогательно описываетъ,—онъ побѣжитъ за ней, стоитъ ей только поманить его. Это сознаніе власти разнѣживало ее, дѣлало ее особенно мягкою и снисходительною. Она точно озаряла всѣхъ своимъ благоволеніемъ и съ кроткой лаской усадила подлѣ себя Елену Ивановну, которая, затаивъ дыханіе, съ нескрываемымъ обожаніемъ глядѣла на своего „великаго человѣка“. По окончаніи чтенія, Софья Петровна разсыпалась въ похвалахъ автору. Люсенька объявила, что романъ — восторгъ, сравнила Антона Филипповича съ Руссо, упомянула объ альтруизмѣ и свободѣ воли. Авторъ, занятый хозяйкой, отвѣчалъ разсѣянно на эти похвалы, и обиженная Люсенька, съ уязвленнымъ выраженіемъ обратилась къ женѣ романиста, надѣясь въ ней встрѣтить больше сочувствія. Но бѣдной Еленѣ Ивановнѣ было не до нея. Она смотрѣла, какъ ея мужъ цѣловалъ у Софьи Петровны руку, благодаря ее за вниманіе къ его работѣ, смотрѣла, какъ Софья Петровна, скромно улыбаясь, говорила, что напротивъ... это такой... такой жгучій вопросъ... она такъ интересуется... такъ благодарна... И глаза ея, когда она это говорила, такъ неотразимо сіяли изъ-подъ полуопущенныхъ, длинныхъ рѣсницъ, что романистъ не выдержалъ и вторично нагнулся къ ея рукѣ. У Елены Ивановны сдавило сердце.

„Мнѣ онъ никогда такъ руку не цѣловалъ“,—подумала она, и вспомнилось ей, какъ она влюбилась въ

Антона Филипповича, увлеченная его горячими рѣчами. Онъ былъ тогда молодымъ, подающимъ „блестящія надежды", сотрудникомъ виднаго журнала. Съ первыхъже шаговъ ихъ семейной жизни вся проза легла на ея плечи. Безсонныя ночи за шитьемъ, за скучными переводами, у изголовья больныхъ дѣтей... томительная бѣготня по грошевымъ урокамъ... лишь-бы *онъ* не отвлекался отъ своей работы, не тратилъ своего таланта по мелочамъ. Какъ она радовалась его возрастающему успѣху. А потомъ... когда случилась „исторія". Сколько пороговъ она обѣгала, сколько слезъ пролила предъ чиновничьими безстрастными лицами... И все это забыто. Ему нравятся остроумныя, изящныя женщины, а она неуклюжа, больна, раздражительна. Онъ смотритъ на нее, какъ на обузу... Прежде хоть Лёлей звалъ, а теперь Елена Ивановна...

Аграфена Ивановна внесла второй самоваръ. Наташа, до сихъ поръ молча сидѣвшая въ уголкѣ, принялась за свои обычныя обязанности разливанія чая. Люсенька, на которую никто не обращалъ вниманія, подсѣла къ Хомутову.

— Что-же вы ничего не скажете о романѣ Антона Филипповича?—сказала она.

— Я слушаю васъ и Софью Петровну. При такихъ очаровательныхъ критикахъ я не смѣю имѣть своего сужденія. При томъ въ романѣ всего больше трактуется о воспитаніи, а это для меня вопросъ посторонній. Дѣтей у меня, слава Богу, нѣтъ...

Софья Петровна возмутилась.

— Это вопросъ общечеловѣческій, — замѣтила она строго.

— Какой эгоизмъ,—воскликнула Люсенька.—Я всегда думала, что душа художника должна отражать всѣ

жизненныя явленія. Художники должны учить насъ, простыхъ смертныхъ.

Хомутовъ разсмѣялся.

— Помилуйте,—возразилъ онъ,—вы хотите, чтобъ я у Антона Филиппыча хлѣбъ отбивалъ. Chacun son metier, я торгую картинками, — онъ назидательными книжками.

— Вы ошибаетесь, Хомутовъ, я своими книгами не торгую,—произнесъ Коробьинъ, значительно упирая на слово торгую.

— Извините, я не зналъ, что вы ихъ пишете задаромъ.

— Не задаромъ. Я получаю гонораръ за свой литературный трудъ, но я работаю лишь въ органахъ, извѣстнаго, симпатичнаго мнѣ направленія. Въ смыслѣ „презрѣннаго металла“,—прибавилъ онъ шутя, — ваше положеніе гораздо выгоднѣе. Вы со спокойною совѣстью можете продать свою картину тому, кто больше за нее дастъ.

— Совершенно вѣрно, я потому и сдѣлался живописцемъ, а не сочинителемъ,—сказалъ Хомутовъ такъ серьезно, что Люсенька не безъ удовольствія подумала: „ага, братъ, съѣлъ грибъ“.

Но Софья Петровна, не любившая въ своемъ „салонѣ“ недоразумѣній, поспѣшила перемѣнить разговоръ.

— Все это шутки, — сказала она, — а я хочу знать ваше настоящее мнѣніе о романѣ.

— Что-жъ! Романъ хорошій — измѣна, любовь, гражданская скорбь, все, какъ слѣдуатъ... Только вотъ ангелоподобная героиня, вы ужъ меня простите, Антонъ Филиппычъ,—немножко подгуляла.

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь. Только чѣмъ же это она подгуляла?

— Глупа очень,—пояснилъ Хомутовъ.—Мало ей, что она самымъ фактомъ рожденія поставила сына, какъ-бы это сказать, ну, въ. . неудобное положеніе, нѣтъ, она изъ кожи лѣзетъ, чтобъ окончательно испортить ему жизнь безсмысленнымъ воспитаніемъ.

— Безсмысленнымъ!—съ изумленіемъ возразилъ Коробьинъ.—Не потому-ли, что она стремилась пробудить въ сынѣ лучшія стороны человѣческаго духа?

— Именно. Мать прежде всего должна желать своему ребенку счастья. А для этого нужно, во-первыхъ—выучить его лгать, во-вторыхъ—пользоваться чужимъ трудомъ, ибо чужимъ трудомъ пріобрѣтается почетъ, положеніе и всяческія радости, собственный-же ничего не даетъ, кромѣ униженія и рабства. А ваша героиня со своею вѣчною декламаціей: работай, говори правду, служи дѣлу,—съ пеленокъ обрекла сына на страданіе.

— Страдающій человѣкъ лучше, чѣмъ блаженствующая скотина,—возразилъ Коробьинъ.

— Все зависитъ отъ манеры выражаться, Антонъ Филиппычъ. Скажите, вмѣсто блаженствующая скотина,—трезвый практикъ, и выйдетъ очень прилично.

Люсинька всплеснула руками. Коробьинъ презрительно усмѣхнулся. Елена Ивановна съ сожалѣніемъ поглядѣла на художника. Даже Наташа, въ своемъ уголкѣ за самоваромъ, повела плечами съ какимъ-то печальнымъ недоумѣніемъ. Софья Петровна нахмурилась.

— Неужели вы совсѣмъ не умѣете говорить серьезно?—произнесла она.

— Я и не думаю шутить,—отозвался художникъ.—Вольно-же вамъ не вѣрить. Да вѣдь въ дѣйствительности всѣ родители такъ и поступаютъ, если не словомъ, то примѣромъ.

— Вы, вѣроятно, судите по собственному воспитанію,—съ дѣланнымъ смѣхомъ проговорила хозяйка.

— И по собственному тоже,—невозмутимо замѣтилъ Хомутовъ. Бывало, мать моя бранитъ бабушку и вдругъ увидитъ меня.—Ѳедя, милый, не говори бабушкѣ, что я ее бранила, я тебѣ дамъ пряникъ, а скажешь — всѣ уши отдеру.—Долженъ, впрочемъ, прибавить, что мать моя, какъ женщина необразованная, оставляла многаго желать по части дипломатіи.

-- Такъ что по вашему образованіе убиваетъ искренность,—ядовито спросилъ Коробьинъ.

— Несомнѣнно. Цивилизація учитъ человѣка скрывать свои чувства. И это очень хорошо. Искренность немыслима въ культурномъ состояніи. Искренній человѣкъ—это дикарь, который лѣзетъ съ дубиной на всякаго, кто ему не по нраву.

— Вы невозможны сегодня,—сказала Софья Петровна,—я васъ прогоню.

— Оставьте его,—миролюбиво промолвилъ Коробьинъ,—которому надоѣли эти пренія, — знаете пословицу: чѣмъ-бы дитя не тѣшилось, а Ѳедору Алексѣичу всегда нравилась роль enfant terrible.

Онъ тряхнулъ своею львиною гривой и, придвинувъ свое кресло къ креслу Софьи Петровны, усѣлся въ него съ видомъ человѣка, которому очень хорошо.

Елену Ивановну всю перевернуло.

— Антонъ Филиппычъ,—обратилась она къ нему,—пойдемъ домой... поздно.

— Я еще посижу,—сказалъ онъ,—но если тебѣ хочется домой—я тебя не стѣсняю.

— Какъ-же я одна,—проговорила она съ возрастающимъ волненіемъ,—поздно и темно...

— Что за институтство, Елена Ивановна. Съ какихъ это поръ ты стала бояться ходить одна. Мать троихъ дѣтей и боится пройтись вечеромъ по улицѣ. Ступай, ступай, дѣти, чай, заждались тебя.

Елена Ивановна еле сдерживала слезы.

— Право, Антонъ, пойдемъ, мнѣ что-то не по себѣ.

— Идите, идите, Антонъ Филиппычъ, — сказала Софья Петровна.—Жена велитъ, надо слушаться.

— Елена Ивановна, разрѣшите мнѣ остаться еще на полчаса,—улыбаясь, попросилъ Коробьинъ, но улыбались только его губы, глаза холодно и строго смотрѣли на жену.

— Позвольте мнѣ довести васъ до дому, Елена Ивановна,—вызвался Хомутовъ.

— Ну вотъ тебѣ и кавалеръ нашелся,—промолвилъ, усмѣхаясь мужъ.

Елена Ивановна стала поспѣшно прощаться, ни на кого не глядя.

— И я съ вами,—заявила вдругъ Люсинька и тоже стала прощаться.

XVI.

Агариной опять стало хуже. Лихорадка почти не покидала ее. Добрый Францъ Адамычъ забѣгалъ къ ней по нѣскольку разъ въ день, увѣрялъ ее, что все идетъ „досконале, бардзо добже“, пустяки, незначительное обостренiе; но наединѣ съ Наташей докторъ грустно покачивалъ головой, приговаривая: — „горитъ, бидачка, съ двухъ концовъ горитъ“. Наташа почти не отходила отъ больной. Софья Петровна замѣтила по этому поводу дочери:—„Tu poses pour la soeur de charite“, но этимъ и ограничился ея протестъ. Она была слишкомъ занята въ это время собой. Наташа ночевала у Агариной, чередуясь съ Аграфеной Ивановной, которая, казалось, совершенно забыла свое недавнее предубѣжденiе противъ „актерки“,—такъ терпѣливо, ловко и спокойно она ухаживала за ней. Она-же первая осмѣ-

лилась заговорить съ больной о священникѣ, о которомъ ни Наташа, ни докторъ не рѣшались даже упоминать. Примостившись какъ-то вечеромъ у кровати Агариной, Аграфена Ивановна дипломатически стала бранить докторовъ и лѣкарства.

— Вотъ такъ-то, матушка,—разсказывала она,—и я годъ цѣльный провалялась въ больницѣ—рана у меня на ногѣ открылась. И рѣзали-то они меня, живодеры, и каленымъ желѣзомъ жгли—ничего нѣтъ легче. Лежу я это и плачу... Не молоденькая, а умирать не хочется. Весь вѣкъ мнѣ за единый часъ показался, и пожить-то, думаю, не успѣла. Вдругъ наша нянька, умственная была женщина, и говоритъ:—„тебѣ-бы, Аграфенушка, священника позвать". И что-же, матушка, послушалась я ее, исповѣдалась, пріобщилаеь, и такъ мнѣ послѣ этого лёгко стало, ровно гора съ плечъ. Черезъ недѣлю изъ больницы выписалась, а тамъ меня простая дѣвушка травами вылѣчила. Вотъ и тутъ есть татарка, тоже травой лѣчитъ, очень, говорятъ, отъ груди помогаетъ... Не позвать-ли вамъ ее, Евгенія Николаевна, а?

Дѣвушка обратила къ ней свое исхудалое лицо.

— Что-жъ, позовите,—промолвила она слабо.

— И батюшку ужъ заодно, — вкрадчиво вставила Аграфена Ивановна.

Въ глазахъ больной промелькнулъ испугъ.

— Развѣ мнѣ такъ плохо?—спросила она.

— Ничего не плохо. А все таки надо и о душѣ подумать.—Хоть то возьмите, жили вы въ актрисахъ, а ужъ актерская жизнь извѣстно—одинъ соблазнъ, и не хочешь, да согрѣшишь. Можетъ, Господь и болѣзнь на васъ наслалъ, чтобы вы покаялись. И чего вы, матушка, боитесь! вѣдь попъ не могильщикъ, съ собой

не унесетъ, придетъ и уйдетъ, — пошутила Аграфена Ивановна.

Больная отвернулась къ стѣнѣ и молчала.

— Аграфена Ивановна, чего вы къ ней пристали, — сказала Наташа, которая тревожно прислушивалась къ ихъ разговору.

— Вовсе не пристала, — недовольно отвѣтила Аграфена Ивановна. — Чай, душа-то у ней христіанская, а вамъ, Наталья Васильевна, довольно стыдно ихъ смущать.

— Она права, оставьте ее, — заговорила Агарина. — Я согласна, Аграфена Ивановна, сходите за священникомъ... да поскорѣй, хоть сейчасъ.

Ночь прошла спокойно. Наташа совсѣмъ одѣтая, спала крѣпкимъ сномъ на диванѣ. Вдругъ ей почудилось, что ее зовутъ. Она раскрыла глаза. Было еще очень рано, около четырехъ часовъ утра.

— Вамъ нужно что-нибудь, Женя,—спросила она.

— Нѣтъ, я хотѣла только вамъ сказать, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ стало лучше послѣ... вчерашняго (она не хотѣла сказать послѣ исповѣди)... Спите, голубушка, я васъ разбудила. Какая вы добрая... какіе всѣ добрые.

Наташа закрыла усталые глаза, но не прошло и получаса, какъ больная ее опять окликнула.

— Посмотрите, какое утро,—сказала она, и протянувъ руки, прибавила:—Наташа, милая, хорошая, исполните мою просьбу.

— Что такое?—спросила та, подходя къ ней.

Агарина обвила рукой ея шею, прижалась щекой къ ея груди и робко зашептала:

— Я хочу встать... Тамъ въ шкафу виситъ платье... бѣлое. Я хочу одѣться и походить по комнатѣ... Можно?

— Вы устанете, Женя.

— Ну, пожалуйста, пожалуйста, не отказывайте мнѣ,

—говорила чуть не плача Агарина.—Я не устану, право, у меня есть силы...

Наташа поняла, что противорѣчить безполезно и чтобъ успокоить больную, вынула изъ шкафа платье. Агарина обрадовалась, какъ ребенокъ, сѣла на кровати, начала одѣваться и причесываться, но сейчасъ-же утомилась и покорно отдалась въ руки Наташѣ. Та нѣсколько разъ останавливалась, чтобы дать ей отдохнуть, уговорила ее лечь, но она капризно твердила: не хочу, не хочу. Наконецъ, туалетъ былъ конченъ. Наташа посадила ее въ кресло и подкатила къ окну. Солнце ужъ выплыло изъ-за горъ и весело сіяло на чистомъ прозрачномъ небѣ.

— Какъ хорошо, какъ хорошо,—блаженно улыбаясь, повторяла Агарина слабымъ, какъ шелестъ листьевъ, голосомъ. Тонкій румянецъ разлился по ея блѣднымъ щекамъ. Она закрыла глаза и затихла.

Аграфена Ивановна, пришедшая смѣнить Наташу, ахнула, увидѣвъ Агарину одѣтую и въ креслѣ. Та открыла глаза и улыбнулась своею прежнею, плутовскою улыбкой, словно радуясь, что вотъ она всѣхъ перехитрила.

— И какая-же вы красавица, барышня,—воскликнула Аграфена Ивановна,—чистый ангелъ!

— Правда?—промолвила она,—дайте мнѣ зеркало, я такъ давно себя не видала.

Аграфена Ивановна, не замѣчая строгаго взгляда Наташи, сняла съ комода зеркало и поставила передъ больной. Она поглядѣла на себя долгимъ взглядомъ, потомъ сразу отшвырнула зеркало и заплакала...

— Какая я страшная стала,—прошептала она сквозь слезы,—а была хороша... всѣ говорили—и точно устыдившись этой внезапной слабости, она нахмурилась,

согнулась, съежилась и поникла головой, точно подстрѣленная птица.

Наташа посовѣтовала ей прилечь. Она безропотно позволила себя перенести на постель, и лишь, когда ее хотѣли раздѣть, уцѣпилась пальцами за платье. Наташа ушла и вернулась только послѣ обѣда.

— Что?—спросила она шепотомъ Аграфену Ивановну.

— Спитъ.

— Все время?

— Все время.

Наташа подошла къ кровати. Больная лежала неподвижно и спокойно. Выбившійся изъ-подъ ленты темный локонъ еще болѣе оттѣнялъ ея блѣдный лобъ. Дыханія почти не было слышно, и только длинные, тонкіе пальцы, тихонько перебиравшіе платье, указывали, что жизнь еще не отлетѣла. Наташа испугалась этой зловѣщей неподвижности и отправила Аграфену Ивановну за докторомъ. Онъ явился, осторожно пощупалъ пульсъ и, нагнувшись къ самому уху Наташи, произнесъ:

— Агонія, не мѣшайте ей...

Агарина умерла въ тотъ-же вечеръ, не выходя изъ своего тихаго забытья...

XVII.

Давно ожидаемый балъ долженъ былъ состояться въ концѣ февраля.

— И почему это ты не желаешь ѣхать?—обратилась Софья Петровна къ дочери.—Вообще, я замѣчаю въ тебѣ съ нѣкоторыхъ поръ что-то странное... доржишься особнякомъ, непонятою натурой. Если ты воображаешь, что тебѣ къ лицу этотъ видъ развѣнчанной королевы, то горько ошибаешься—ты просто смѣшна.

Наташа не отвѣчала. Софья Петровна, разсерженная этимъ молчаніемъ, повелительно произнесла:

— Ты, кажется, не желаешь со мною разговаривать? Не собираешься-ли ты поставить меня въ уголъ за дурное поведеніе,—прибавила она, разсмѣявшись короткимъ, нервнымъ смѣхомъ.—Желала бы я знать, что значатъ эти мины?

— Богъ съ тобой, мама! Какія мины? За что ты сердишься,—промолвила Наташа, оглушенная этимъ потокомъ словъ.—Я никогда не была особенно разговорчива, а теперь... Я все еще подъ впечатлѣніемъ смерти Агариной. Куда ни пойду, все она, бѣдная, предо мной.

— Глупая сантиментальность, какъ и вся твоя возня съ ней,—возразила Софья Петровна.—Je ne veux pas médire d' une morte, но все-таки скажу, что эта несчастная актриса имѣла на тебя самое дурное вліяніе. Ты стала похожа на какую-то нигилистку, или курсистку. Даже Коробьинъ мнѣ говорилъ это.

— Вотъ какъ! и ты позволяешь этому господину дѣлать тебѣ замѣчанія на мой счетъ?—съ горечью произнесла Наташа.

Софью Петровну немного смутилъ непочтительный тонъ дочери.

— Отчего же,--возразила она насмѣшливо.—Коробьинъ настолько порядочный человѣкъ, что съ нимъ можно говорить обо всемъ. И чѣмъ онъ тебѣ не угодилъ! Ахъ, да!—воскликнула она такимъ голосомъ, точно ее внезапно озарила истина.—Хомутовъ къ нему не благоволитъ. Кстати, этотъ интересный художникъ слишкомъ явно за тобой ухаживаетъ. Совѣтую тебѣ быть осторожною. Онъ изъ породы мотыльковъ.

— За мной никто не ухаживаетъ, мнѣ этого не нужно, —угрюмо отвѣтила Наташа.

— Ну, конечно, произнесла Софья Петровна тонкимъ, протяжнымъ фальцетомъ. — Мы такъ серьезны, такъ добродѣтельны, мы—выше міра и страстей. Одна бѣда—очень ужъ подозрительна эта наружная святость. Не даромъ вѣдь говорится, что въ тихомъ омутѣ... ха, ха, ха!..

Наташа не выдержала материнскаго пиленія. На глазахъ ея сверкнули слезы.

— За что ты только меня мучишь?—проговорила она и отвернулась.

Софью Петровну такъ и повело отъ этихъ словъ. Она была уже въ той степени гнѣва, когда остановиться очень трудно.

— Мучу! я тебя мучу!—воскликнула она, все больше и больше раздражаясь. — Еще бы! Дочка совершаетъ геройскіе подвиги, а пустая кокетка-мать, изволите-ли видѣть, отрываетъ ее отъ болящихъ и страждущихъ... велитъ ѣхать на балъ, гдѣ—о, ужасъ! будутъ танцовать, а не хныкать о суетѣ міра сего. Въ самомъ дѣлѣ! Какой позоръ для человѣчества!

— Мама!

— Я, право, удивляюсь твоему великодушію,—продолжала Софья Петровна, не слушая, — написала бы своему тятенькѣ, такъ и такъ молъ, chère maman завертѣлась въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій, а меня держитъ въ черномъ тѣлѣ. Этотъ россійскій Шопенгауэръ живо бы сократилъ непокорную супружницу. Впрочемъ, не долго я вамъ буду мѣшать... Очищу мѣсто... не бойтесь,—и бросившись на диванъ, Софья Петровна истерически зарыдала.

Дочь кинулась къ ней.

— Мама, перестань. Я поѣду куда хочешь, только, пожалуйста, перестань.

— О, я знаю тебя,—рыдала Софья Петровна. — Ты

скрытная, но я тебя вижу насквозь. Вы оба съ отцомъ ненавидите меня за то, что у меня въ жилахъ кровь течетъ, а не кислая простокваша, какъ у васъ.

— Въ томъ и горе наше, что ты не вѣришь, что у насъ тоже есть кровь и нервы,—чуть слышно проговорила дѣвушка, подавая матери воду.

XVIII.

Въ комнатѣ было душно. Пахло духами и цвѣтами. На столѣ, надъ голубоватымъ пламенемъ спиртовой лампочки, грѣлись щипцы; тутъ же стояли граненые флаконы, раскрытые футляры и плюшевыя шкатулки съ цѣлымъ ворохомъ лентъ, перчатокъ, кружевъ. На диванѣ и по стульямъ грудой валялись смятыя юбки. Свѣтъ отъ двухъ лампъ, висѣвшихъ по обѣ стороны большого зеркала, падалъ на обсыпанное пудрой лицо Софьи Петровны. Она была въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ низко вырѣзаннымъ лифомъ, эффектно выдѣлявшимъ ея шею, плечи и руки. Наташа и Аграфена Ивановна ползали на колѣняхъ, въ десятый разъ перекладывая складки длиннѣйшаго трена. Софья Петровна находилась въ обыкновенной предбальной ажитаціи.

— Это ни на что не похоже, — повторила она капризно. — Не могли раньше позаботиться, чтобы все было въ порядкѣ.

— И то въ порядкѣ,—проворчала выведенная изъ терпѣнія Аграфена Ивановна,—да развѣ на васъ угодишь.

— Наташа молчала. Она знала, что эта сцена повторяется каждый разъ, когда мать одѣвается, и только пальцы ея еще проворнѣе забѣгали и замелькали по платью.

— Ай!—вскрикнула вдругъ Софья Петровна, точно ее

ужалила змѣя. — Ты меня всю исцарапала... Оставь меня... мнѣ не нужно твоей милости... Все это нарочно, чтобъ я осталась дома... Изволь, я останусь.

Она вырвала шлейфъ и, сѣвъ на диванъ, стала тихо и быстро барабанить ногой по ковру.

— Мама, вѣдь я нечаянно тебя уколола,—проговорила Наташа звенящимъ отъ волненія голосомъ.—Какъ ты можешь думать, что я нарочно? Пожалуйста, встань! сейчасъ будетъ готово, только въ одномъ мѣстѣ прикрѣпить. Ужъ поздно.

Софья Петровна не отвѣчала и продолжала стучать ногой.

Аграфена Ивановна съ сожалѣніемъ посмотрѣла на измученное лицо своей барышни.

— Да что вы ихъ упрашивате, Наталья Васильевна, —сказала она грубо,—пущай куражатся, точно вы ихъ карахтеру не знаете. Другія-то матери дочерей наряжаютъ, а у насъ...

— Этого только не доставало,—произнесла Софья Петровна,—вы ужъ на меня жалуетесь прислугѣ.

— Чего жалиться! И такъ всѣ видятъ,—возразила горничная.

— Молчите, Аграфена Ивановна, это не ваше дѣло,— заговорила Наташа.—Полно, мама, право, поздно. Вѣдь мнѣ тоже еще нужно одѣтся. Шлейфъ лежитъ чудесно, посмотри,—и она взяла мать за руку.

Софья Петровна взглянула мелькомъ на часы и какъ бы нехотя позволила дочери приподнять себя съ дивана. Пальцы дѣвушки опять забѣгали по платью. Аграфена Ивановна, стиснувъ зубы, угрюмо вынимала булавки изъ тѣхъ мѣстъ, которыя Наташа скрѣпляла иголкой. Пригнувъ голову къ бархату, она, наконецъ, откусила послѣднюю шелковинку. Софья Петровна приказала зажечь свѣчи у параллельнаго зеркала. Лицо

ея прояснилось — платье сидѣло божественно. Мягкія складки такъ свободно драпировали ея фигуру, будто это не стоило никакого труда, будто Софья Петровна родилась на свѣтъ въ этомъ роскошномъ одѣяніи. Дочь подала ей на блюдѣ цвѣты. Софья Петровна выбрала перевитыя зеленью камеліи и туберозы, стряхнула блестѣвшія на нихъ капли воды и умѣлою рукой приколола ихъ къ лифу и волосамъ. Потомъ взяла щипцы, подвила развившійся локонъ, старательно смахнула съ лица пудру и, обвивъ шею двойною ниткой жемчуга, еще разъ поглядѣла на себя въ зеркало. Глаза ея сверкнули торжествомъ.

— Одѣвайся скорѣй,—сказала она дочери.

— Какая ты красавица, мама, съ неподдѣльнымъ восторгомъ произнесла Наташа.—Хороша вѣдь?..—обратилась она къ Аграфенѣ Ивановнѣ, желая ее смягчить.

— Хороши-съ,—сухо процѣдила та.

Наташа одѣлась скоро. Она была очень мила, въ своемъ бѣломъ газовомъ платьѣ, легкимъ облакомъ охватывавшемъ ея небольшую, граціозную фигуру. Мать окинула ее критическимъ взоромъ и воткнула ей въ косу пучокъ маргаритокъ.

— Это оригинально и главное молодо — молодо, въ жанрѣ твоей красоты,—сказала она.—Только ты очень блѣдна, выпей немного вина.

— Не надо, я согрѣюсь на балу.

— Ну, ладно,—согласилась Софья Петровна и съ удовольствіемъ подумала, что дочь смотритъ совсѣмъ дѣвочкой.

XIX.

Балъ давно начался. Оркестръ звенѣлъ и гудѣлъ на крошечной эстрадѣ. Дирижеръ — высокій, худощавый человѣкъ съ необыкновенно длинными усами, извивался, махая во всѣ стороны смычкомъ и скрипкой, которую, въ минуты смятенія, онъ стремительно поднималъ къ подбородку, играя одинъ за всѣхъ. Танцами снисходительно распоряжался господинъ, представительной наружности, съ великолѣпными, черными, какъ смоль, баками, сообщавшій всѣмъ и каждому, что въ Одессѣ безъ него не обходится ни одинъ балъ. Танцующихъ было много, хотя дамы, по обыкновенію, преобладали. Мужскіе фраки утопали среди лентъ, бархата, кружевъ и цвѣтовъ.

Софья Петровна царила. Она была необыкновенно хороша, и только дамы находили, что въ ней нѣтъ ничего особеннаго, увѣряли, что она набѣлена и, указывая на Наташу, недоумѣвали, какъ это можно одѣвать взрослую дочь, какъ подростка. А Софья Петровна чувствовала себя царицей и, милостиво взирая на вертѣвшійся вокругъ нея, какъ вокругъ солнца, мірокъ, улыбалась всѣмъ своею красивою, манящею улыбкой. Коробьинъ не отходилъ отъ нея. Когда она танцовала, онъ садился на ея стулъ, бралъ ея вѣеръ и жадными глазами слѣдилъ за ея улетающимъ платьемъ. Она глядѣла на него блестящими, смѣющимися глазами и спрашивала, отчего онъ не танцуетъ.

— Старъ слишкомъ,—отвѣчалъ онъ.

— Это вы-то стары? Полноте! Послѣ этого и я старуха! Да я объ этомъ и слышать не хочу. Какое намъ дѣло до нашихъ метрическихъ свидѣтельствъ! Посмотрите кругомъ и скажите, кто моложе,—мы съ вами,

или эти золотушныя дѣвицы и кавалеры, которые двигаются, какъ заведенныя маріонетки? Нѣтъ, намъ еще рано въ архивъ...

— Вамъ-то навѣрно рано,—сказалъ онъ и уныло поглядѣлъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла Елена Ивановна.

Софья Петровна поймала этотъ взглядъ.

— Послушайте,—начала она,—мнѣ кажется, что ваша жена на меня сердится.

— Не думаю,—промолвилъ онъ, слегка запинаясь.

Она глянула на него съ боку.

— Судя по тону вашего отвѣта, вы въ этомъ убѣждены,—замѣтила она и прибавила фамильярнымъ полушепотомъ:

— Надѣюсь, она не ревнуетъ.

Онъ неопредѣленно улыбнулся и пожалъ плечами:

— А вы не замѣчаете,—продолжала Софья Петровна,—что всѣ дамы точно сторонятся меня? Даже дочка моя куда-то исчезла. Богъ мой! Какъ дики еще у насъ нравы. Однако, я вовсе не желаю быть предметомъ демонстрацій. Дѣлать нечего. Дайте мнѣ руку и двинемся вмѣстѣ на враговъ.

Коробьинъ подвелъ ее къ сидѣвшимъ рядомъ съ докторшей: Еленѣ Ивановнѣ, Люсенькѣ и m-me Пановой. Софья Петровна сказала что-то на ухо докторшѣ. Та фыркнула и сейчасъ-же усадила ее рядомъ съ собой. Елена Ивановна только покосилась, когда мужъ обратился къ ней съ какимъ-то вопросомъ. Они поссорились предъ самымъ баломъ (онъ настойчиво совѣтовалъ ей остаться дома), и у ней еще глаза были красны отъ недавнихъ слезъ.

Софья Петровна съ участіемъ, почти нѣжностью, освѣдомилась о ея здоровьѣ. Елена Ивановна не только ничего ей не отвѣтила, но рѣзко, будто ее укусила муха, отвернулась отъ нея. Софья Петровна даже бровью

не моргнула, но мысленно рѣшила, что эта дерзость дорого обойдется Еленѣ Ивановнѣ и удвоила любезность къ остальнымъ дамамъ. Люсенькѣ она подарила розу изъ своего букета, сказала, что ея туалетъ—восторгъ, а брильянты безподобны (Люсенька сіяла, какъ электрическое солнце). Остановивъ проходившую мимо Наташу, Софья Петровна спросила,—танцуетъ-ли она слѣдующую кадриль и, узнавъ, что нѣтъ, моментально доставила обѣимъ барышнямъ кавалеровъ. Люсенька совсѣмъ растаяла отъ такого неожиданнаго вниманія. Послѣ кадрили съ эстрады грянули раздражительные звуки всѣмъ надоѣвшаго вальса —„*Дунайскія волны*". Къ Софьѣ Петровнѣ подлетѣлъ красивый гвардейскій полковникъ. Она лѣниво опустила руку на его плечо и понеслась въ его объятіяхъ, хлеснувъ своимъ длиннымъ треномъ Коробьиныхъ, которые, нахмурившись и глядя въ разныя стороны, сидѣли другъ подлѣ друга.

Было уже поздно. Въ залѣ стояла тропическая жара. Мужчины утирали лбы платками. Дамы усиленно обмахивали вѣерами утомленныя, разгорѣвшіяся лица. Наташа, незамѣтно удалившаяся отъ матери, около которой опять очутился Коробьинъ, увидала въ толпѣ Хомутова и позвала его.

— Ѳедоръ Алексѣичъ, вы не танцуете?

— Нѣтъ. Неужели вы хотите меня пригласить,— воскликнулъ онъ.

Она усмѣхнулась.

— Не бойтесь! я сама скрываюсь отъ мамы, чтобъ она не навязала мнѣ кавалера. Будьте добры, отыщите мнѣ стулъ гдѣ-нибудь возлѣ окна. У меня голова разболѣлась отъ духоты.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Само собою разумѣется, что я раздѣлю ваше уединеніе, и вы мнѣ позволите говорить всякій вздоръ.

— Что хотите. Мнѣ сегодня все—все равно.

— Это что-то подозрительно, сказалъ художникъ и повелъ ее въ конецъ залы, гдѣ онъ замѣтилъ нѣсколько свободныхъ стульевъ.

Она сѣла и оперлась на подоконникъ. Увидѣвъ офиціанта, разносившаго на подносѣ воду и мороженое, она поманила его вѣеромъ и выпила одинъ за другимъ два стакана воды.

— Какъ-бы вы не простудились, Наталья Васильевна?

— Нѣтъ. ничего,—отвѣтила она и замолчала.

Онъ тоже замолчалъ и невольно залюбовался ея маленькою, красиво склоненною головой, нѣжными очертаніями рукъ, сквозившихъ подъ кружевомъ, всею ея тонкою фигурой, отъ которой вѣяло тихой, безсознательной граціей.

— Что-же вы не говорите?—сказала Наташа.

— Вы испортили мнѣ все настроеніе. Я гляжу на васъ и думаю: вотъ-бы модель для Офеліи. И отчего у васъ такой меланхолическій видъ?

— Не знаю, право. Мнѣ всегда не по себѣ на балахъ, а сегодня особенно. Всѣ (она указала на танцующихъ) нарядны, веселы, довольны, а я думаю, какими они были до пріѣзда сюда, какими будутъ завтра,—и мнѣ грустно.

— Это потому, что вы все ищете безконечнаго. Ахъ, какая вы неблагодарная ученица, — пошутилъ онъ, — сколько разъ я вамъ твердилъ: послала вамъ судьба пріятный моментъ—наслаждайтесь и не только не ищите,—не желайте повторенія: повтореніе всегда скверно. Но женщины ничего не смыслятъ въ поэзіи. Онѣ не умѣютъ цѣнить красоту впечатлѣнія, иллюзію перспективы. Уткнутся лбомъ въ картину и сердятся, что предъ ними не богъ, а размалеванное полотно.

— Можетъ быть, вы и правы, — сказала она и задумалась.—Видѣли вы маму?—спросила она вдругъ.

— Видѣлъ. Какъ она поразительно хороша сегодня,—воскликнулъ онъ.—И, странное дѣло, у васъ совсѣмъ разныя лица, но минутами вы бываете на нее очень похожи.

— Вотъ ужъ ни капельки,—съ живостью возразила дѣвушка,—я вся въ отца.

— Вашъ отецъ, должно быть, васъ очень любитъ?

Лицо ея затуманилось.

— Да, но у него замкнутый характеръ, и онъ не умѣетъ высказывать своихъ чувствъ. Посмотрите, Ѳедоръ Алексѣичъ,—сказала она, помолчавъ,—какая Люсенька сегодня интересная.

— И смотрѣть не хочу. Она съ матерью, а я этой дамы боюсь, какъ огня. Замѣтили вы, Наталья Васильевна, какіе у нея глаза? Точь-въ-точь два штопора—такъ и выкупориваютъ изъ васъ нутро.

Наташа подняла брови.

— Какое дикое сравненіе,—промолвила она,—можно-ли такъ отзываться о людяхъ.

— Пообѣдали-бы вы у нея хоть разъ, посмотрѣлъ-бы я, чтобы вы заговорили.

— Я-бы не пошла обѣдать къ людямъ, которые мнѣ не нравятся.

— Ну, ужъ это извините! Если-бы m-me Панова захотѣла—пошли-бы. Я оглянуться не успѣлъ, какъ она въ меня вцѣпилась. Каждый кусокъ она сопровождала въ мое горло разсказомъ, какая ея Люсенька красавица, какая она умница, сколько у нея поклонниковъ, какъ она художественно декламируетъ, поетъ, рисуетъ, танцуетъ и кончила заявленіемъ, что если я очень попрошу, мнѣ позволятъ написать портретъ этого „чуднаго ребенка". Я не попросилъ и бѣгаю теперь отъ

нихъ, какъ чортъ отъ ладона. Но вы меня совсѣмъ не слушаете, Наталья Васильевна?...

Она дѣйствительно его не слушала, и только теперь, когда онъ ее окликнулъ, вздрогнула, точно очнувшись отъ какой-то тяжелой думы.

— Ѳедоръ Алексѣичъ,—заговорила она, внимательно устремивъ на него свои большіе глаза, въ которыхъ сверкнулъ мрачный огонь,—Ѳедоръ Алексѣичъ, вамъ никогда не приходило въ голову, что красота для женщины —несчастье?

— Несчастье?—переспросилъ онъ удивленно.

— Больше чѣмъ несчастье,—проклятіе... да, да, проклятіе,—настойчиво повторила Наташа.—Она сушитъ сердце, убиваетъ душу... Изъ-за нея, изъ-за этой мерзкой красоты, губятъ безо всякой жалости самыхъ близкихъ людей. Что значитъ жизнь близкихъ, которые давно опротивѣли, въ сравненіи съ восторгомъ чужихъ, которые всегда веселы, любезны и интересны. О, Боже мой, Боже мой,—прошептала она,—право, мнѣ иногда кажется, что я съ ума сошла...

Слезы заблестѣли на ея пышныхъ, темныхъ рѣсницахъ.

— Ахъ, не смотрите на меня,—проговорила она вдругъ совсѣмъ по дѣтски и, поднявъ руку, прикрыла ею глаза.

Хомутовъ взялъ другую ея руку въ обѣ свои и сталъ гладить.

— Наталья Васильевна,—промолвилъ онъ ласково,—милая, хорошая, маленькая Наташа, успокойтесь. Развѣ можно доводить себя до такого состоянія. Ну-ка, разскажите мнѣ, какое такое у васъ большое горе? Кто васъ обидѣлъ?

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но въ эту минуту предъ ними, точно изъ-подъ земли, выросла Елена Ивановна, и онъ замолчалъ.

— Ваша maman васъ зоветъ, — не своимъ голосомъ сказала Елена Ивановна Наташѣ, вздрогнувшей отъ ея неожиданнаго появленія.

— Меня? Гдѣ-же мама? — спросила она, окидывая залу влажными еще отъ слезъ глазами.

— Она не здѣсь, пойдемте скорѣй,—отвѣчала Елена Ивановна и, схвативъ за руку дѣвушку, потащила ее за собой.

Хомутовъ попробовалъ ее остановить.

— Елена Ивановна, что съ вами? Что это значитъ?

— Идемте, идемте,—лепетала Елена Ивановна.

Она почти бѣгомъ увлекла изъ залы Наташу, которая, ничего не понимая, испуганно спрашивала то у нея, то у догнавшаго ихъ Хомутова, не дурно-ли матери. Елена Ивановна не отвѣчала. Пробѣжавъ длинный корридоръ, она почти толкнула дѣвушку въ боковую маленькую комнату, всю заставленную цвѣтами слабо освѣщенную краснымъ японскимъ фонаремъ. Наташа бросилась было туда и, вдругъ, какъ вкопанная, замерла на порогѣ Въ глубинѣ комнаты сидѣла ея мать, а предъ нею, на колѣняхъ, обвивъ руками ея станъ, рыдалъ Коробьинъ и шепталъ что-то непонятное. Наташа хотѣла крикнуть, но голосъ оборвался.

— Ха-ха-ха,—рѣзко и громко захохотала Елена Ивановна,—какая у васъ маменька, Наталья Васильевна... Учитесь!...

Въ комнатѣ послышался крикъ испуга. Наташа зашаталась. Хомутовъ, блѣдный, какъ мертвецъ, хотѣлъ ее поддержать, но она оттолкнула его сильнымъ движеніемъ и, ни на кого не взглянувъ, съ выраженіемъ безумнаго ужаса на искаженномъ лицѣ, рванулась впередъ и побѣжала, какъ будто ее подхватили невидимыя крылья. Софья Петровна, гордо закинувъ голову, выступила изъ комнаты.

— Что тутъ за шумъ?—произнесла она.—Ахъ, это вы, Елена Ивановна, вы вѣрно ищете вашего мужа? Онъ цѣлъ и невредимъ.

Коробьинъ подошелъ къ женѣ.

— Ты становишься невыносима,—процѣдилъ онъ сквозь зубы, крѣпко до боли стискивая ея руку.

— Я все видѣла, все видѣла,—твердила Елена Ивановна.

— Ничего ты не видала. Ты просто съ ума сошла.

— Очень сожалѣю, что сдѣлалась невольною причиной семейнаго недоразумѣнія,--высокомѣрно проговорила Софья Петровна.—Ѳедоръ Алексѣичъ, дайте мнѣ руку. Вы не видали Наташи?

— Ваша дочь вмѣстѣ со мной любовалась на васъ,—задыхаясь, съ трясущимся подбородкомъ, прохрипѣла Елена Ивановна.

— У васъ галлюцинаціи,—холодно возразила Софья Петровна и, взявъ подъ руку Хомутова, величественно прослѣдовала мимо супруговъ.

XX.

Наташа не помнила, какъ она очутилась дома. Отворившая ей дверь Аграфена Ивановна попятилась отъ нея, какъ отъ привидѣнія. Блѣдная, въ изорванномъ платьѣ, она силилась овладѣть собою хоть настолько, чтобъ отвѣчать кое-какъ на вопросы горничной.

— Мнѣ дурно... скажите *ей*, что я легла, — вымолвила она съ трудомъ шевеля свой точно одеревенѣвшій языкъ.

Аграфена Ивановна не унималась.

— Неужто она не видала, какъ вы ушли? все небось съ шалыганами своими хи-хи-хи да ха-ха-ха... И когда

это она уймется, грѣховодница этакая. Матушка,—продолжала Аграфена Ивановна со слезами,—не давайся ты ей въ руки, не потакай ей! Помяни мое слово:—какъ она баринову жизнь съѣла,—такъ и твою съѣстъ. Не мать она тебѣ, а мачиха лютая...

— Да оставите-ли вы наконецъ меня въ покоѣ?!—воскликнула Наташа, и въ ея надорванномъ голосѣ прозвучала такая мука, что Аграфена Ивановна сразу прекратила свои причитанья.—Не надо... сама раздѣнусь... сама... Оставьте меня,—повторила она еще разъ, уходя въ свою комнату и запирая дверь на ключъ.

— Царица небесная, какъ бы она чего надъ собою не сдѣлала!.. — прошептала, крестясь, Аграфена Ивановна.

Не успѣла Наташа скрыться, какъ явилась Софья Петровна.

— Барышня дома?—спросила она.

— Онѣ легли и просили ихъ не безпокоить,—у нихъ очень голова болитъ,—проговорила Аграфена Ивановна, машинально становясь передъ Наташиной дверью.

Софья Петровна остановилась въ нерѣшительности; потомъ, отстранивъ горничную, постучалась къ дочери. Отвѣта не было.

„Оно, пожалуй, и лучше“,—подумала она,—„отложить сраженіе до завтра“.

— Давно она легла?

— Какъ пришлись-съ,—съ несвойственной ей поспѣшностью отвѣчала Аграфена Ивановна, желая выгородить барышню.—Я даже подивилась, что это, молъ, вы однѣ матушка. А она говоритъ,—ничего больше, какъ у меня голова закружилась, ступай ,говоритъ, къ маменькѣ и скажи, чтобы не безпокоилась обо мнѣ. Я только было собралась. а вы сами пожаловали.

Софья Петровна недовѣрчиво выслушала эту реляцію, но ничего не возразила и, на-скоро раздѣвшись, отпустила горничную.

А Наташа въ это время лежала, свернувшись на кровати, въ своемъ бальномъ платьѣ, и плакала горькими, горячими, безутѣшными слезами. Сцена въ полу-темной комнатѣ такъ и стояла предъ ней...

Эта короткая сцена, длившаяся мгновеніе, разрасталась въ ея омраченномъ мозгу во что-то такое страшное, обидное, небывалое, такимъ жгучимъ стыдомъ заливало оно ея душу, что и теперь, когда она была одна, когда кругомъ было темно и тихо, ей казалось, что она стоитъ нагая среди улицы, что всѣ видятъ ея позоръ что на нее устремлены сотни глазъ,—и она прятала въ подушки свою пылающую голову, крѣпко сжимая ее руками, точно это могло помѣшать головѣ думать, а сердцу надрываться.

— Боже мой, Боже мой, взывала она въ отчаяніи,— изнемогая отъ безсилія отогнать отъ себя ненавистный призракъ. Она чувствовала, что онъ въ ней, что онъ проникъ въ самую глубь ея существа и жжетъ ея кровь медленной отравой. Изъ обступившей ее со всѣхъ сторонъ тьмы, одна лишь мысль вырѣзывалась ясно, непреложно:—жизнь кончена... послѣ этого нельзя жить, нельзя, нельзя... Нужно исчезнуть, сгинуть... сейчасъ, сію минуту. Предъ ней, какъ живой, промелькнулъ печальный, одинокій, молчаливый образъ... образъ ея отца. Сколько онъ долженъ былъ выстрадать, чтобы сдѣлаться такимъ печальнымъ, блѣднымъ и молчаливымъ. А теперь, когда онъ узнаетъ про это... Онъ умретъ. О нѣтъ! Нѣтъ! онъ не долженъ этого узнать... никогда... никогда!.. Чего бы ей это ни стоило, она все сдѣлаетъ, все перенесетъ, только бы его миновала эта чаша. Безконечная жалость къ отцу заглушила собственную боль.

Что-то похожее на раскаяніе шевельнулось въ ея сердцѣ. До сихъ поръ она вѣдь ничего не дѣлала, чтобы хоть сколько-нибудь скрасить его долю. Всѣ свои заботы, всю свою нѣжность она отдавала *ей*, *ей*, исковеркавшей жизнь ея бѣднаго отца. Наташа встала съ кровати и съ какимъ-то отвращеніемъ сорвала съ головы цвѣты, сбросила и отшвырнула ногой свое измятое, кружевное платье. Она подошла къ окну. На посвѣтлѣвшемъ уже небѣ занималась заря длинными, золотисто-блѣдными полосками. Скоро день... Придутъ люди... вѣдь имъ любопытно. Надо будетъ говорить, вывертываться, лгать... Остановившіяся было слезы хлынули съ новою силой.

— Что-же дѣлать .. буду жить и буду лгать, проговорила она громко и, точно испуганная звукомъ собственнаго голоса, упала на колѣни и, приникнувъ лицомъ къ холодному полу, страстно зашептала:

— Господи спаси, Господи вразуми!..

XXI.

Софья Петровна проснулась поздно. Вчерашнее происшествіе предстало предъ ней во всѣхъ своихъ неприглядныхъ подробностяхъ, и, въ первую минуту, она кругомъ обвиняла себя. Съ ея тактомъ, съ ея умомъ и позволить себя скомпрометтировать, какъ дѣвчонкѣ. Это непростительно... И хоть бы она была влюблена въ этого косматаго литератора... а то вѣдь такъ... просто отъ скуки дурачилась... И вдругъ—такой скандалъ... Надо уѣхать—не сейчасъ, конечно, а дня черезъ три-четыре, когда вся эта глупость уляжется. Прежде всего, надо поговорить съ Наташей.

При воспоминаніи о дочери, Софья Петровна покраснѣла. На нее она была особенно сердита. Если бы не

ея идiотская выходка — ничего бы не произошло. Эту дуру, Елену Ивановну, мужъ бы приструнилъ и все бы обошлось прилично. А тутъ, не угодно-ли, дочка, возмущенная поведенiемъ матери, изволила въ одномъ платьѣ убѣжать съ бала...

— Да за это одно ее казнить мало.

Гнѣвъ превозмогъ всѣ другiя чувства въ Софьѣ Петровнѣ. Разсудокъ подсказывалъ ей, что благоразумнѣе дипломатически капитулировать передъ дочерью, увѣрить ее, что она ошиблась, что ей показалось, но самолюбiе вопiяло все громче, и Софья Петровна ужъ ничего не могла соображать. Кровь ударила ей въ голову, она почувствовала, что не въ силахъ дольше сдерживаться и разомъ поднялась съ постели. Сунувъ босыя ноги въ стоявшiя у кровати туфли, она накинула капотъ и осторожно, чтобы не привлечь вниманiя Аграфены Ивановны, на цыпочкахъ проскользнула въ залу.

— Можетъ быть, оно даже лучше,—подумала она, уже стоя на порогѣ Наташиной комнаты,—поменьше смиренiя,— и, рѣшительно повернувъ ручку, вошла къ дочери.

Наташа сидѣла на стулѣ у окна, одѣтая и причесанная, какъ обыкновенно. Если-бы не синеватая блѣдность, покрывавшая ея лицо, можно бы подумать, что ничего не случилось.

— „Приготовилась“, — пронеслось въ головѣ Софьи Петровны.

Увидѣвъ мать, Наташа вся похолодѣла и опустила свои заплаканные глаза.

— Скажи, пожалуйста,—начала Софья Петровна медленнымъ, низкимъ голосомъ,—какъ назвать твой вчерашнiй поступокъ?

Дѣвушка еще ниже склонила голову и ничего не отвѣчала.

— Глупая баба,—продолжала Софья Петровна,—которая ревнуетъ своего мужа ко всякой юбкѣ, устраиваетъ на меня облаву и—что же! моя родная дочь помогаетъ ей опозорить меня. Если я сдѣлалась притчей во языцѣхъ, если сегодня весь городъ будетъ обливать меня помоями, то знай, что первый комъ грязи бросила въ меня ты! Ты мой злѣйшій врагъ. Я тебя ненавижу! Ты отдала меня на съѣденіе шалопаевъ и разныхъ добродѣтельныхъ мерзавокъ... Довершай-же свое благородное дѣло. Садись и пиши доносъ отцу, что застала мать съ любовникомъ. Мнѣ все равно. Теперь я въ вашей власти. Потѣшайтесь.

Софья Петровна говорила неудержимо, порывисто, слова такъ и лились съ ея устъ, и съ каждымъ словомъ собственная вина умалялась въ ея сознаніи до ничтожества.

— „Конечно, все это вздоръ, выдумки... ни въ чемъ она не виновата... всѣ сговорились преслѣдовать ее, мучить, обижать"...

Ей стало такъ жалко себя, что она искренно заплакала.

Наташа сидѣла все также безмолвно, точно застывъ въ своей неподвижной позѣ. Софья Петровна искоса взглянула на нее.

— „Вотъ каменная,—подумала она,—я плачу, а ей ни по чемъ",—и это показалось ей такъ жестоко, что она еше пуще расплакалась.

Блѣдныя губы Наташи вдругъ дрогнули.

— Я хочу тебѣ сказать, хочу тебя попросить,—вымолвина она такимъ глухимъ, такимъ убитымъ шепотомъ, что Софья Петровна сразу перестала плакать и съ какимъ-то даже страхомъ поглядѣла на дочь.—Я хочу

тебѣ сказать,—продолжала Наташа, глубоко переводя духъ,—что ты права... я не должна была... уходить. Прошу тебя объ одномъ. Сдѣлай такъ, чтобы до отца ничего не дошло... и я клянусь тебѣ, что буду тебѣ самою покорною дочерью. Ты говоришь, что ненавидишь меня. Я думаю, ты это сгоряча сказала. Но, если это такъ, я буду ждать, пока ты перестанешь меня ненавидѣть, только .. пожалѣй папу. Уѣдемъ отсюда сегодня.

Софья Петровна была озадачена. Что-то чужое, новое звучало въ словахъ дочери, да и сама дочь стала какая-то чужая, новая. Эти огромные, печальные глаза, этотъ скорбный голосъ,—неужели это глаза и голосъ смирной Наташи... дѣвочки...

— Наташа,—сказала Софья Петровна, подходя къ ней и взявъ ее за плечи,—очнись, что съ тобой? Вѣдь ничего не случилось, совсѣмъ не изъ чего намъ хоронить себя. Ну, я вспылила, такъ вѣдь ты сама признаешь, что виновата предо мной. А что я тебя ненавижу, такъ это, конечно, вздоръ. Уѣхать отсюда сейчасъ—нельзя. Неужели ты этого не понимаешь! Надо сначала всѣмъ рты заткнуть. Слушай, какъ я придумала,—продолжала Софья Петровна, переходя въ конфиденціальный тонъ,—я потребую отъ Коробьина, чтобъ онъ явился къ намъ обѣдать съ женой, потомъ мы всѣ поѣдемъ кататься. Нужно непремѣнно, чтобы насъ видѣли вмѣстѣ. Тогда всѣ останутся въ дуракахъ, а мы уложимъ вещи и поминай, какъ звали.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу ихъ видѣть,—съ ужасомъ воскликнула Наташа.

Софья Петровна чуть-чуть было не вспыхнула, но удержалась.

— Вотъ какъ!—произнесла она.—Заварить кашу

съумѣла, а расхлебывать должны другіе. Видно это не то, что сыпать громкія фразы.

— Хорошо, пусть будетъ по твоему,—согласилась дочь,—но я увѣрена, что Елена Ивановна къ намъ не придетъ.

— Это ужъ не твоя забота,—сказала Софья Петровна и встала.—Ты пока лягъ, отдохни. Если тебя увидятъ съ такимъ лицомъ, всѣ подумаютъ, что я тебя прибила.

XXII.

Наташа ушамъ своимъ не вѣрила, когда между голосами гостей услышала сиповатый голосъ Елены Ивановны.

— Какъ она могла притти... злая, грубая женщина, —подумала она.—А, можетъ быть, мужъ заставилъ... пришла, какъ и я пойду сейчасъ... туда... къ нимъ.

Несмотря, однако, на совершенную увѣренность, что идти неизбѣжно, она не трогалась съ мѣста, точно приросла къ полу. Наконецъ, она рѣшилась, сдѣлала нѣсколько шаговъ и опять остановилась. Кто-то постучался къ ней. Она обмерла и ничего не отвѣтила. Дверь пріотворилась и въ ней показалась голова Хомутова.

— Софья Петровна васъ зоветъ,—сказалъ онъ,— здравствуйте, Наталья Васильевна.

Она молча и, не поднимая глазъ, протянула ему руку. Онъ крѣпко пожалъ эту блѣдную холодную руку и смущенно промолвилъ:

— Не убивайтесь такъ, Наталья Васильевна. Увѣряю васъ, что ничего такого трагическаго не произошло.

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите!—воскликнула она и съ упрекомъ покачала головой.—Впрочемъ... по вашему вѣдь жизнь—комедія, люди—потѣшныя живот-

ныя, пускай ихъ грызутся. Вы себѣ стоите въ сторонкѣ, да посмѣиваетесь.

— Въ общемъ это почти такъ,—сказалъ онъ,—но я допускаю исключенія. Иногда,—продолжалъ онъ тихимъ, добрымъ голосомъ,—мнѣ хочется не смѣяться, а плакать. Но... объ этомъ послѣ, а теперь будьте молодцомъ и пойдемте туда.

Онъ открылъ дверь.

— Вотъ чудесно, всѣ на террасѣ. Столъ накрытъ. Пробирайтесь на свое мѣсто, въ суматохѣ васъ не замѣтятъ.

Но ее замѣтили. Пришлось здороваться съ каждымъ въ отдѣльности. Ей казалось, что она плыветъ въ какомъ-то туманѣ, чья-то посторонняя сила толкала и несла ее. Она поцѣловалась съ докторшей и Люсенькой, прикоснулась концами пальцевъ къ пальцамъ Елены Ивановны. Ее спрашивали о здоровьѣ.

— Благодарю васъ, мнѣ гораздо лучше,—сказала она кому-то.

Она немного пришла въ себя, когда всѣ ужъ размѣстились за столомъ и Хомутовъ поставилъ предъ ней чашку съ бульономъ. Онъ очень ловко усадилъ ее между собой и докторомъ.

„Какъ это хорошо,—подумала она,—не надо никого занимать“,—и усердно принялась за свой бульонъ, точно въ немъ было ея единственное спасеніе.

Софья Петровна оживленно и весело вела разговоръ, юмористически описывала вчерашній балъ, подтрунивала надъ докторомъ, любезничала съ дамами. Наташа поглядѣла изъ-подлобья на сидѣвшую рядомъ съ ея матерью Елену Ивановну. Она была очень жалка. Впалыя щеки разгорѣлись, на губахъ блуждала дѣланная улыбка, глаза безпокойно бѣгали, словно боясь остановиться на какомъ-нибудь опредѣленномъ предметѣ.

Коробьинъ сидѣлъ возлѣ Люсеньки. Она ему разсказывала о своемъ стремленіи къ развитію, о своей любви къ литературѣ, жаловалась на общество, которое она называла „китайщиной“. Коробьинъ слушалъ ее съ большимъ вниманіемъ, и она была въ восторгѣ, Хомутовъ переговаривался черезъ столъ съ докторшей и m-me Пановой и подливалъ вина доктору. Францъ Адамычъ разошелся. Онъ сыпалъ общеизвѣстными анекдотами, разсказывалъ о необыкновенно удачныхъ случаяхъ изъ своей практики и разъ пять упомянулъ, какъ онъ на консиліумѣ утеръ носъ одному знаменитому „москалю“.

Всѣ смѣялись, шутили, болтали. Наташа слушала и напряженно ждала, что вотъ сейчасъ голоса оборвутся фальшивыя улыбки исчезнутъ, всѣ взглянутъ другъ другу прямо въ глаза,—и, Боже мой, что тогда будетъ... Всему на свѣтѣ бываетъ конецъ. Кончился и этотъ обѣдъ. Зашумѣли стулья, всѣ поднялись. Софья Петровна попросила дочь съиграть что-нибудь. Наташа безпрекословно сѣла за рояль и стала машинально играть пьесу за пьесой. Она была благодарна матери: музыка избавляла ее отъ необходимости разговаривать и давала ей une contenance.

Предполагаемая поѣздка не состоялась. Елена Ивановна отозвалась утомленіемъ и такъ грозно посмотрѣла на мужа, что тотъ моментально сталъ прощаться. Вскорѣ разошлись и другіе.

— Видишь, какъ хорошо все обошлось,—сказала Софья Петровна,—приличія соблюдены, а это главное. Теперь можешь укладываться. Послѣ завтра мы уѣзжаемъ...

XXIII.

Весь слѣдующій день Софья Петровна не выходила изъ своей комнаты, жалуясь на мигрень. Несмотря на внѣшнюю покорность дочери, Софья Петровна испытывала какую-то неловкость въ ея присутствіи. Она не могла не замѣтить, что въ дочери произошелъ крутой переворотъ, и ей трудно было примѣнится къ мысли, что передъ ней не прежняя послушная Наташа, а женщина, съ которой приходится считаться.

Наташа тоже сидѣла у себя въ комнатѣ, среди которой стояли уложенные, зашитые въ парусину, сундуки, и прилежно сводила счеты. На полу валялась бумага, связки веревокъ; во всѣхъ углахъ торчали картонки, подушки, свернутые въ ремни пледы. Аграфена Ивановна, вся потная, и красная, возилась съ чемоданомъ.

— Ишь, проклятый,—ворчала она, наваливаясь всѣмъ тѣломъ на крышку,—не запирается, хоть ты что...

Холодно и неуютно было въ этой комнатѣ, которую собирались покинуть жильцы. Наташа подумала, что скоро, быть можетъ,—завтра, сюда въѣдутъ другіе люди, сметутъ пыль, поставятъ все на мѣсто и начнутъ устраиваться, словно имъ тутъ вѣкъ вѣковать. Она вздохнула и, откинувшись на спинку кресла, расправила утомленные члены.

— Вы бы прогулялись,—сказала Аграфена Ивановна, которой удалось, наконецъ, справиться съ чемоданомъ, —все бы освѣжились немножко. А то сидитъ, да думаетъ. Сколько, матушка, ни думай, умнѣе Бога ничего не придумаешь.

Наташа слабо улыбнулась.

— Правда ваша, Аграфена Ивановна, я и сама хотѣла пройтись... знаете куда?

— Чай къ барышнѣ на могилку? Самое это хорошее дѣло. И отъ меня грѣшной ей въ землю поклонитесь.

Наташа надѣла тальму, шляпу, опустила на лицо темную вуалетку и поспѣшно вышла изъ дому. Въ саду ее нагналъ Хомутовъ.

— Здравствуйте, Наталья Васильевна. — Отчего вы меня сегодня не приняли?

— У мамы мигрень, а я была занята. Мы завтра уѣзжаемъ.

— Такъ. Можно узнать, куда вы теперь направляетесь?

Наташа помолчала немного и потомъ сказала:

— На кладбище.

— Позвольте мнѣ итти съ вами. Будьте добрая, не отказывайте.

— Хорошо, идите, пожалуй,—произнесла она нехотя.

Они скоро миновали городъ и стали подниматься вверхъ. Узкая, крутая тропинка, вившаяся между двумя рядами кипарисовъ, оканчивалась широкою горною площадкой, на которой и было расположено кладбище. Съ него открывался великолѣпный видъ. Весь южный берегъ, Ливадія, Оріанда, Алупка были какъ на ладони. Далеко-далеко синѣла спина Аю-Дага. Солнце уже зашло, и только за вышкой Ай-Петри небо еще рдѣло красными и золотыми брызгами. На горизонтѣ слабо мигалъ огонекъ маяка. Море точно слилось съ небомъ. Тихо и мѣрно ударяли о берегъ волны. Тихо и мѣрно шумѣли кипарисы и лавры надъ пестрыми мраморными плитами и крестами. Кладбище было запущенное. Видно было, что это не пріютъ людей, степенно прожившихъ свой вѣкъ на одномъ мѣстѣ, а неожиданное пристанище безпокойныхъ странниковъ, съ разныхъ сторонъ сбѣжавшихся сюда за исцѣленіемъ. И они его нашли

въ крѣпкихъ объятіяхъ матери земли. Она же, вѣчная утѣшительница и волшебница, покрыла ковромъ цвѣтовъ и зелени прахъ своихъ бѣдныхъ дѣтей.

Наташа подошла къ небольшому, неуспѣвшему еще обсохнуть холмику. На немъ высился деревянный крестъ съ дощечкой, на которой черною краской было намазано: „Евгенія Агарина", годъ и число. Наташа перекрестилась и, опустившись на колѣни, прильнула головой къ свѣжей травѣ. Хомутовъ, намѣренно отставшій отъ нея, занялся чтеніемъ надгробныхъ надписей. Немного погодя, онъ приблизился къ ней. Она ужъ сидѣла, глубоко задумавшись, на чьей-то старой, заросшей могилѣ и машинально подбирала чернѣвшіе въ травѣ прошлогодніе листья.

— Итакъ, вы завтра уѣзжаете?—началъ Хомутовъ.

— Да, мнѣ не хотѣлось уѣхать, не простившись съ *ней*,—сказала Наташа. — Въ эти долгіе мѣсяцы только она мнѣ не причинила страданья. Она одна никого здѣсь не ненавидѣла, а всѣ только и дѣлали, что язвили и травили другъ друга. Знаете, мнѣ кажется, что я здѣсь состарѣлась на сто лѣтъ.

— Это пройдетъ, Наталья Васильевна, знаніе никогда не дается даромъ, а здѣсь вы впервые познали, что люди—не безплотные ангелы. Острая боль уймется,—и вы оправитесь. Жизнь—слишкомъ большое благо, чтобъ отъ него отказываться добровольно.

— И это говорите вы!—воскликнула дѣвушка.

— Почему же бы мнѣ этого и не говорить, — удивился онъ.

— Почему!—повторила она съ горькою усмѣшкой. — Да кто же,—продолжала она съ внезапнымъ увлеченіемъ, —кто твердилъ мнѣ все это время, что нѣтъ ни добра, ни любви, ни дружбы, что все пусто, мелко, лживо и ничтожно. Кто меня убѣждалъ, что въ этомъ мірѣ все

иллюзія, а что другого міра нѣтъ, что свѣтъ всегда задувается вѣтромъ... Если-бы не ваши уроки, я, можетъ быть, не была бы теперь такъ несчастна Я бы повѣрила, что все, что я видѣла и слышала — дурной сонъ. Вы разрушили мое невѣжество и навалили мнѣ на душу ледяную гору...

Она замолчала и чуть-чуть повела плечами, словно ей было холодно.

Онъ посмотрѣлъ на ея измѣнившееся, поблѣднѣвшее лицо, и сердце у него тихонько сжалось.

— Вы не всегда правильно понимали мои слова,—проговорилъ онъ.—Я вовсе не хотѣлъ ожесточать васъ. Напротивъ, меня пугала ваша молчаливая, но глубокая нетерпимость къ самымъ обычнымъ явленіямъ жизни, и я старался внушить вамъ болѣе спокойное отношеніе къ этимъ явленіямъ Я хотѣлъ избавить васъ отъ лишнихъ страданій, потому что... да потому, что я васъ люблю, — съ какимъ-то озлобленіемъ выговорилъ онъ, точно ему стоило большого труда произнести это слово.

Наташа вся вспыхнула, подняла глаза и тотчасъ-же опустила ихъ.

Онъ придвинулся къ ней.

— Вы вѣдь не покинете меня, не уйдете отъ меня,— сказалъ онъ и положилъ руку на ея холодные, трепетные пальцы.

Она молчала.

— Что-же вы молчите? Скажите что-нибудь... Наташа,—промолвилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ,—неужели я ошибся! вы меня не любите?

— Я васъ разлюбила,—прошептала она.

— Разлюбили!.. За что?

Она вдругъ выпрямилась.

— За то, что вы сами никого, кромѣ себя, не любите,—сказала она.—Вы не грубый эгоистъ, который от-

нимаетъ у другого кусокъ изо рта (вамъ это не нужно), но ваше собственное удобство у васъ всегда на первомъ планѣ. Вы,—продолжала она съ возрастающимъ оживленіемъ, — бросаете грошъ нищему только чтобъ онъ не торчалъ предъ вашими глазами. Правда, ко мнѣ вы были неизмѣнно добры... я вамъ благодарна, но... мнѣ этого мало. Я вѣрю, слышите-ли, несмотря ни на что, вѣрю (она рѣзко повторила это слово), что есть люди, для которыхъ слово „любовь" не значитъ только любовь къ женщинѣ,—которые имѣютъ мужество громко стоять за то, что они считаютъ правдой и не боятся показать слишкомъ много участія бѣдняку.

Она остановилась, возбужденіе ея упало, и она съ нѣкоторымъ страхомъ посмотрѣла на Хомутова.

Онъ сидѣлъ, понуривъ голову, и нервно чертилъ по землѣ кончикомъ палки. Ей стало жаль его.

— Ѳедоръ Алексѣичъ, простите меня,—сказала она, тихо дотрогиваясь до его плеча,—я знаю, что дѣлаю вамъ больно мнѣ и самой больно... но я не могу иначе. Вы меня забудете. Я простая, обыкновенная дѣвушка, я вамъ не пара. Когда-нибудь вы еще поблагодарите судьбу, что все такъ случилось.

Онъ взялъ ея руку съ своего плеча и прижался къ ней лицомъ.

— Наташа,—промолвилъ онъ ласково,—я не принимаю вашего отказа. Въ вашихъ словахъ много правды, но не все. Я не герой, но и не такой эгоистъ, какъ вамъ кажется. Я буду ждать, пока вы сами въ этомъ не убѣдитесь.

Она не отвѣчала. Они посидѣли еще немного. Стало почти темно.

— Какъ поздно,—сказала Наташа,—пойдемте скорѣй.

Они встали и быстрой, торопливой походкой на-

правились въ городъ. На полдорогѣ имъ встрѣтилась Аграфена Ивановна на извощикѣ.

— Да куда-же это вы пропали, — почти закричала она на свою барышню.—Софья Петровна рветъ и мечетъ,—зачѣмъ, молъ, ушла, не сказавшись. Хоть бы вы меня, старуху, пожалѣли!—воскликнула она съ сердцемъ. —И за Софьей Петровной ходи, и сундуки обшивай. За грѣхи мои, видно, Господь меня съ вами спуталъ!

Наташа на-скоро простилась съ Хомутовымъ и стала успокоивать расходившуюся Аграфену Ивановну.

XXIV.

Знакомые Криницкихъ явились проводить ихъ съ конфектами и букетами. Софья Петровна величественно улыбалась и дѣлала видъ, что не замѣчаетъ пламенныхъ, умоляющихъ взоровъ вертѣвшагося около нея Коробьина. Наташа поспѣшно укладывала въ коляску послѣднія вещи. Вдругъ къ ней подошла Елена Ивановна, порывисто обняла ее и, прошептавъ ей на ухо: „я очень виновата передъ вами“, также порывисто отошла. Наташа растерялась и хотѣла побѣжать за ней, но въ эту минуту приблизилась Софья Петровна и строго проговоривъ: „избавьте меня отъ глупыхъ сценъ“,—стала садиться въ экипажъ. Мужчины цѣловали ей руку. Докторша Анна Михайловна и Люсенька (Елена Ивановна незамѣтно стушевалась) тискали ее въ объятіяхъ и увѣряли, что безъ нея будутъ умирать съ тоски Хомутовъ, смѣясь, упрашивалъ ихъ не умирать, по крайней мѣрѣ, до его отъѣзда, но смѣхъ этотъ какъ-то не вязался съ тоскливымъ выраженіемъ его осунувшагося, постарѣвшаго лица. Онъ крѣпко пожалъ руку Наташѣ и значительно промолвилъ:

— Мы скоро, очень скоро увидимся, Наталья Васильевна.

Экипажъ тронулся. Дамы замахали платками, мужчины шляпами. Софья Петровна нѣсколько разъ оглядывалась. Оглянулась и Наташа.

Темная голова Хомутова еще разъ промелькнула предъ ней.

— Tout est bien, quie finit bien,—произнесла Софья Петровна по-французски, во вниманіе къ присутствію Аграфены Ивановны и, положивъ ноги на переднюю скамейку, зѣвнула, потянулась и закрыла глаза...

МАКАРКА.

ЭСКИЗЪ.

(Изъ жизни пезамѣтныхъ людей).

Весна въ томъ году наступила рано. Лужи и цѣлые ручьи грязи, еще недавно широкой волной заливавшіе улицы, сразу высохли подъ палящими лучами солнца и вмѣсто нихъ ужъ завивалась столбомъ пыль...

По одной изъ кривыхъ улицъ Бабьяго городка, за Москвой-рѣкой, шелъ, согнувшись подъ ранцемъ и опустивъ голову, гимназистъ—черноватый юноша, средняго роста, лѣтъ шестнадцати-семнадцати. Онъ былъ, повидимому, сильно удрученъ, то и дѣло вздыхалъ, останавливался... Простоявъ минуты двѣ на одномъ мѣстѣ, онъ вошелъ въ церковный дворъ и въ изнеможеніи почти упалъ на скамью. Кругомъ было совершенно тихо... Пахло талой землей, свѣжей травкой... На нераспустившейся еще березѣ, неугомонно чирикая, прыгали воробьи. „Не допущенъ",—прошепталъ гимназистъ, ломая руки,—„не допущенъ, не допущенъ",—повторилъ онъ еще и еще разъ съ возрастающимъ отчаяніемъ. Губы его искривились и слезинки быстро-быстро закапали изъ его уже заплаканныхъ черныхъ глазъ. Все его существо наполняла лишь одна мысль—какъ теперь показаться домой. Эта мысль сверлила въ его мозгу съ того самаго рокового момента, когда до ушей его долетѣла ужасная фраза инспектора: „не допущены: Кабалкинъ Макаръ, Гавриловъ Алексѣй" и

т. д. Онъ отлично зналъ, что ничего не придумаетъ, что итти домой нужно, и все-таки ни о чемъ, кромѣ этого, думать не могъ. „Нечего дѣлать", —произнесъ онъ вслухъ, всталъ, подтянулъ ранецъ и побрелъ дальше медленнымъ шагомъ, словно надѣясь увеличить разстояніе, отдѣлявшее его отъ дома. Не глядя, завернулъ онъ въ грязный переулокъ, весь уголъ котораго занималъ неуклюжій деревянный домъ съ мезониномъ. У открытыхъ настежъ воротъ стояла женщина. Увидѣвъ гимназиста, она обратила къ нему свое смуглое, худое лицо съ тонкими чертами и проговорила пѣвучимъ гортаннымъ голосомъ: „Что, Макарка, выдержалъ?" —Макарка ограничился кивкомъ головы и молча прошмыгнулъ въ калитку. Добравшись до своей комнаты, онъ съ ожесточеніемъ сбросилъ съ себя гимназическіе доспѣхи, далъ тумака визжавшимъ и возившимся на полу братишкамъ и сестренкамъ и, сорвавъ такимъ манеромъ сердце, бросился ничкомъ на жесткій диванъ...

Отецъ Макарки, Абрамъ Марковичъ Кабалкинъ, принадлежалъ къ тому довольно многочисленному разряду столичныхъ евреевъ, которые слывутъ зажиточными, хотя зажиточность эта весьма проблематическая. Всю жизнь эти „богачи" бѣгаютъ, хлопочутъ, суетятся, *создаютъ дѣла* и — умираютъ нищими. Абрамъ Марковичъ торговалъ то мукой, то шерстью, то кожей, то дровами, заводилъ сыроварни и мыловарни, нѣсколько разъ прогоралъ до нитки и, точно по щучьему велѣнью, опять всплывалъ на поверхность. Хитрый, пронырливый, вкрадчивый, онъ умѣлъ отгадывать слабыя стороны нужныхъ людей и билъ на нихъ. По роду своихъ занятій ему больше приходилось сталкиваться съ мел-

кимъ купечествомъ, аферистами, мѣщанами... Постигъ онъ ихъ до тонкости и презиралъ отъ всей души. При всемъ томъ ему не везло. Онъ часто жаловался на судьбу, и не безъ основанія. Семья съ каждымъ годомъ увеличивалась, потребности росли и заработокъ поглощался съ изумительною быстротой. Дома Абрамъ Марковичъ являлся безграничнымъ самодуромъ и тираномъ. Онъ, казалось, хотѣлъ выместить на домашнихъ тѣ униженія и разочарованія, которыя ему приходилось выносить на рынкѣ житейской суеты. Послѣ долголѣтней и упорной междоусобной войны, — онъ смирилъ жену, ревнивую, пылкую и очень неглупую женщину. Она опустилась, состарилась, охладѣла ко всему и выходила изъ себя только при слишкомъ очевидной невѣрности супруга или особенно экстраординарныхъ потасовкахъ, которыя онъ задавалъ дѣтямъ. Сама она, впрочемъ, никогда не переставала бранить и щипать своихъ „разбойниковъ“. Разбойники смотрѣли на эти проявленія родительской нѣжности совершенно равнодушно, даже презрительно. Не то было съ отцомъ. Его отношенія къ дѣтямъ были чрезвычайно своеобразныя. Пока они были малы—онъ ихъ обожалъ и баловалъ самымъ безсмысленнымъ образомъ; заливался отъ восторга, когда сынишка на его ласкательное: „ахъ ты, жуликъ“, —шепелявилъ: „ти самъ зюликъ“, прославлялъ ихъ необычайный умъ, мечталъ, что они покроютъ славой его имя. Но наступалъ школьный возрастъ и съ нимъ цѣлый рядъ неудачъ, переэкзаменовокъ и всевозможныхъ мученій. Безтолково веденныя и не особенно способныя дѣти учились вяло. Отецъ билъ ихъ безпощадно. Такъ было съ старшимъ сыномъ, который, ожесточенный, сбѣжалъ изъ родительскаго дома въ странствующую труппу акробатовъ и пропалъ безъ вѣсти; такъ было со старшей дочерью, которую онъ безуспѣш-

но клялся „сгноить“ въ гимназіи. Ее выключили, и онъ въ отместку выдалъ ее замужъ въ захолустье за глуповатаго парня, надъ которымъ, при рѣдкихъ посѣщеніяхъ, глумился всласть...

Теперь очередь была за Макаркой. Когда мальчикъ съ грѣхомъ пополамъ выдержалъ экзаменъ въ гимназію—отецъ подарилъ ему три рубля и заявилъ: „Ну, смотри у меня, умри, а будь докторомъ“. И потянулась для бѣднаго Макарки цѣлая вереница тяжелыхъ лѣтъ. Онъ былъ тихій, робкій, мечтательный мальчикъ, любилъ стихи, музыку, удачно подбиралъ на старенькомъ, купленномъ по случаю, фортепіано разныя мелодіи и даже рѣшился однажды намекнуть отцу о консерваторіи, но, получивъ лаконическій отвѣтъ, что и безъ него много „музыкантовъ“ въ Москвѣ, больше ужъ не заикался объ этомъ предметѣ. Существованіе Макарки распалось на двѣ половины: съ утра до трехъ часовъ онъ трепеталъ въ гимназіи, послѣ трехъ—трепеталъ дома. Ученіе ему не давалось. Онъ не питалъ ни малѣйшаго интереса къ гимназическимъ наукамъ. Греческій языкъ и латынь представлялись ему карой Божіей, воплощенной въ образѣ двухъ изверговъ-учителей. Особенно ненавидѣлъ онъ греческаго учителя—рыжаго, толстаго нѣмца, безбожно коверкавшаго русскій языкъ. Этотъ почтенный педагогъ любилъ поострить въ классѣ и предметомъ своего остроумія охотнѣе всего избиралъ жидковъ.

— Господинъ Кабалкинъ Мордко, — вызываетъ онъ, напримѣръ.—Мордко или Мошко? — переспрашиваетъ онъ какъ-бы въ недоумѣніи.

Макарка, весь пунцовый, молчитъ.

— А, мошетъ бить, ви Хаимъ или Шмуль, а по русску это выходитъ Евгеній, — продолжалъ глумиться учитель.

Макарка попрежнему безмолвствуетъ.

— Господинъ Мордко-Хаимъ-Шмуль, отшего ви молшить, какъ отравленній криса? Ушитель съ вами разговаривайть, а ви молшить? или ви пріѣхаль вчера изъ Бердичевъ и не умѣйтъ говорить по русску?

— Лучше васъ умѣю,— неожиданно выпаливаетъ Макарка.

Нѣмецъ подымается на каѳедрѣ, дрожа отъ гнѣва.

— Што ти сказалъ? Du, Taugenichts! Што ти смѣль сказать? Ви не уважайтъ нашальство! Du, Judenfratze...

Вышла цѣлая исторія. Учитель требовалъ исключенія Макарки изъ гимназіи. Когда объ этомъ казусѣ узналъ Абрамъ Марковичъ, онъ выпоролъ сына до крови и собственною персоной потащилъ его въ гимназію просить прощенья у разъяреннаго нѣмца. Нѣмецъ смиловался, но при переходѣ изъ четвертаго въ пятый классъ срѣзалъ Макарку на экзаменѣ. Макарка остался на второй годъ. Учился онъ изъ рукъ вонъ плохо. Онъ просиживалъ цѣлые часы надъ учебниками, ничего не видя, ничего не понимая, въ какомъ-то тупомъ отчаяніи, съ тяжелою тоской, давившей его дѣтское сердце. Локти его какъ-то сами собой упирались на замасленную, загнутую по угламъ греческую грамматику, на эти локти опускалась черноволосая голова Макарки и... онъ отдавался мечтамъ. Воображеніе уносило его далеко-далеко отъ окружающей дѣйствительности въ уютную, чистенькую квартирку. На окнахъ дешевенькіе цвѣты, клѣтка съ краснозобымъ снигиремъ; на полиняломъ диванѣ шитая гарусомъ подушка; въ переднемъ углу образокъ въ вѣнкѣ изъ бумажныхъ розъ. На стулѣ сидитъ женщина, съ добрымъ, преждевременно поблекшимъ лицомъ, и шьетъ что-то. Иголка быстро мелькаетъ въ ея проворныхъ пальцахъ. Рядомъ съ ней два мальчика — одинъ худой и жалкій — Макарка, другой русый и

румяный — ея сынъ — пишутъ, наклонившись надъ тетрадями.

— Дѣти, отдохните,—говоритъ женщина, — ишь заморились! Митя, прикажи самоваръ! Макарушка, куда ты? Погоди, съ нами чаю напьешься.

— Благодарю васъ, Аксинья Ивановна, мнѣ пора домой,—говоритъ Макарка, и такъ ему не хочется уходить изъ этого теплаго гнѣздышка... но онъ боится оставаться. Опоздаешь домой, начнется брань: гдѣ таскался...

Ахъ, какъ Макарка любилъ Аксинью Ивановну, какъ плакалъ, когда она переѣхала въ какой-то уѣздный городъ. И Митя тоже!... какой былъ славный мальчикъ, какой товарищъ! Никогда его жидомъ не называлъ и въ extemporale всегда помогалъ... А впрочемъ, ему не мудрено было быть хорошимъ—мать ласкаетъ, ободряетъ... Бывало, онъ скажетъ: „Мама, ну, какъ я срѣжусь", а она ему: „Богъ милостивъ, не срѣжешься, а случится грѣхъ, что же дѣлать! Посидишь еще годикъ"...

Былъ у Макарки еще товарищъ или, вѣрнѣе, другъ, передъ которымъ онъ благоговѣлъ,—студентъ Давидъ Блюмъ. Родители Давида, богатые люди, были старинные знакомые Макаркиныхъ родителей. Макарка съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ видѣть, съ какимъ подобострастіемъ его отецъ и мать относились къ Блюмамъ, какъ они готовились къ ихъ рѣдкимъ посѣщеніямъ, что не мѣшало имъ, конечно, за глаза бранить ихъ за непомѣрную гордость и важничанье. — „И чего они носъ дерутъ, — говаривала мать, — такіе же евреи, какъ и мы, тоже въ Шкловѣ родились, не въ Парижѣ"... Но Макарка не вѣрилъ матери. Онъ былъ влюбленъ въ домъ Блюмовъ, и ему казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы джентльменъ Блюмъ, у котораго дѣти послѣ обѣда такъ чинно цѣлуютъ руку, и его отецъ, раздающій на-

право и налѣво оплеухи — были одно и то-же. Нѣтъ, Блюмы—настоящіе аристократы. У нихъ такая чудесная квартира, такая чистая, вѣжливая прислуга, учителя, гувернантки... Дочки хоть и шалуньи, но такія прелестныя, ласковыя дѣвочки, особенно Лина... и такъ хорошо говорятъ по-французски... Совсѣмъ, совсѣмъ не похоже на евреевъ... Правда, Макарка смущался, когда въ дѣтскіе аппартаменты неожиданно входила мадамъ Блюмъ и, поговоривъ съ гувернанткой, скользила равнодушнымъ взглядомъ по его робкой фигуркѣ, точно онъ не живой мальчикъ, который такъ почтительно ей кланяется, а табуретъ или графинъ. То-ли дѣло Аксинья Ивановна! Та всегда встрѣчала его привѣтливою улыбкой: „Здравствуй, мой голубчикъ„!... Но вѣдь Аксинья Ивановна — простая акушерка, а мадамъ Блюмъ — такая важная, богатая дама!

За то Давидъ! Макарка обожалъ его. Это былъ его идеалъ. Какой онъ умный, образованный, честный... Какъ онъ говоритъ! какъ пишетъ! Какой онъ красавецъ! Макарка гордился имъ, былъ счастливъ малѣйшимъ знакомъ его вниманія. Ни тѣни зависти не питалъ онъ къ своему блестящему другу. О, напротивъ! Онъ отдалъ бы все, все, пожертвовалъ бы жизнью, чтобы видѣть его на вершинѣ славы, почестей... Особенно блаженствовалъ Макарка, когда, благодаря какому-нибудь торжественному событію, въ родѣ именинъ, его оставляли ночевать у Блюмовъ. Днемъ онъ бѣгалъ по порученіямъ всѣхъ членовъ семейства, въ томъ числѣ и своего друга, который гонялъ его за перчатками, галстуками, духами... За то ночи—ночи искупали все! Только, бывало, разъѣдутся гости, и онъ съ Давидомъ улягутся по кроватямъ — между ними начинались безконечныя бесѣды. Говорилъ конечно, Давидъ, а Макарка внималъ. Давидъ говорилъ о еврействѣ и о томъ, что молодежь еврейская должна

посвящать всѣ силы на служеніе своему несчастному, гонимому народу, что въ эпоху народнаго бѣдствія позорно думать о личной карьерѣ, личномъ счастіи... и еще много, много хорошаго говорилъ онъ. Макарка былъ пламенный патріотъ. Онъ весь дрожалъ, весь горѣлъ, слушая Давида, не сводилъ съ его лица восторженныхъ глазъ; онъ упивался его словами и чуть не плакалъ отъ умиленія, что такой возвышенный, такой безкорыстный человѣкъ удостоиваетъ его, бѣднаго Макарку, своей откровенности...

И ни разу не пришло ему въ голову усомниться въ Давидѣ; ни разу не задалъ онъ себѣ вопроса, насколько въ этихъ краснорѣчивыхъ тирадахъ правды и насколько онѣ—повтореніе того, что онъ нашептывалъ за ужиномъ хорошенькой барышнѣ; ни разу не поставилъ онъ мысленно своего героя въ неблагопріятную обстановку, подобную, напримѣръ, его собственной... И теперь, замечтавшись о немъ, Макарка забылъ свое горе, свои неудачи, забылъ о надвигающейся грозѣ... Раздавшіеся въ сосѣдней комнатѣ шаги заставили его разомъ очнуться. Это пришелъ отецъ—обѣдать. Макарка вспомнилъ, что онъ „не допущенъ", „не допущенъ на второй годъ"—и почувствовалъ, какъ у него по спинѣ забѣгали мурашки. „Что сказать отцу? Соврать? сказать, что еще не было совѣта? Нѣтъ, догадается"... Эхъ, кабы Давидъ тутъ былъ, выручилъ бы",—подумалъ онъ, хотя Давидъ никогда ни изъ чего его не выручалъ... А вдругъ отецъ не спроситъ,—мелькнуло смутной надеждой въ его душѣ. Онъ присѣлъ на кончикъ стула и ждалъ, какъ приговоренный, что вотъ сейчасъ, сію секунду — дверь раскроется и его поведутъ на расправу...

— Макарка! обѣдать!—прозвучалъ сиплый голосъ матери. Онъ не отозвался. Дверь скрипнула и въ отверстіе просунулась взъерошенная голова семилѣтняго Левушки.—Макарка, иди обѣдать,—прошепталъ онъ фальцетомъ и скрылся.

Макарка съ трудомъ поднялся. Семья ужъ была за столомъ. Левушка и Сеня хлебали изъ одной тарелки, задѣвая другъ друга ложками. Младшія дѣти сидѣли подлѣ матери. Абрамъ Марковичъ углубился въ ѣду, не обращая, повидимому, никакого вниманія на копошившуюся около него мелкоту. Макарка усѣлся за свой приборъ и принялся машинально глотать жиденькій супъ. Отецъ бросилъ на него изподлобья пристальный взглядъ.

— Вызывали тебя сегодня?—спросилъ онъ.

— Да,—тихо отвѣтилъ Макарка, не поднимая глазъ.

— Изъ чего?

— Изъ математики.

— Сколько?

— Тройка.

— Тройка!—презрительно повторилъ Абрамъ Марковичъ,—больше не могъ: голова-бы лопнула?

Макарка ничего не возразилъ, только еще ниже наклонился надъ тарелкой. Въ эту минуту онъ пламенно жаждалъ лишь одного, чтобы обѣдъ поскорѣе кончился, и ему удалось улизнуть въ свою комнату. Подали жаркое и кашу. Несмотря на полное отсутствіе аппетита, онъ уписывалъ съ такимъ усердіемъ свою порцію, точно три дня голодалъ. Онъ надѣялся, что такъ онъ будетъ менѣе подозрителенъ. И въ самомъ дѣлѣ, туча, казалось, на сегодня пройдетъ мимо. У Макарки совсѣмъ ужъ было отлегло отъ сердца, онъ съ облегченіемъ сталъ оглядываться вокругъ, какъ вдругъ отецъ опять обратился къ нему съ вопросомъ:

— Что, Макарка, — спросилъ онъ, — перейдешь въ этомъ году?—и странное дѣло, въ суровомъ голосѣ Абрама Марковича точно дрогнула просительная нотка.

— Не знаю, папаша,—робко прошепталъ Макарка.

Лицо Абрама Марковича моментально приняло столь знакомое его семьѣ деревянное выраженіе.

— То есть, какъ-же это ты не знаешь?—произнесъ онъ, отчеканивая каждое слово.—Кому же это нужно знать? Мнѣ, что-ли? Вѣдь я не спрашиваю у тебя, почемъ дрова, или кожа, или сколько звѣздъ на небѣ... Я спрашиваю, довольно-ли для такого болвана, какъ ты, сидѣть по два года въ одномъ классѣ?

Макарка, поблѣднѣвшій какъ полотно, нервно вертѣлъ пуговицы на своемъ мундирѣ и упорно глядѣлъ въ полъ. Отецъ подошелъ къ нему ближе.

— Ты чего молчишь, негодяй? Языкъ проглотилъ, оглохъ? Ты слышишь, что я съ съ тобой говорю?

— Слышу...

— А! слышишь? Слава Богу! Можетъ быть, ты удостоишь отвѣтить?

— Я не знаю, чего вы хотите,—растерянно пролепеталъ Макарка, озираясь какъ пойманный звѣрь.

Абрамъ Марковичъ иронически засмѣялся.

— Онъ не знаетъ, чего я отъ него хочу! Слышишь, Хана, какъ твой милый сынокъ разговариваетъ!—обратился онъ къ женѣ.—Онъ не знаетъ, чего я отъ него хочу! Сумасшедшій отецъ требуетъ, чтобы онъ сдѣлался профессоромъ, а онъ не можетъ! Бѣдняжка!—Абрамъ Марковичъ плотно придвинулся къ сыну.—Я тебя въ послѣдній разъ спрашиваю,—повторилъ онъ, схвативъ его за воротникъ:—выдержишь ты экзаменъ, или тебя выгонятъ вонъ?

Макарку вдругъ будто толкнуло въ голову и грудь.

„Все равно умирать,“—подумалъ онъ и, поднявъ свои черные, глубокіе глаза, казавшіеся еще чернѣе на его помертвѣвшемъ лицѣ, онъ тихо, но совершенно отчетливо вымолвилъ:

— Я не допущенъ.

— Что?!—вскрикнулъ Абрамъ Марковичъ, какъ ужаленный.

— Я не допущенъ,—такъ-же тихо и такъ-же внятно повторилъ Макарка.

На мгновеніе всѣ застыли. Еще мгновеніе,—и раздался оглушительный трескъ пощечины. Дѣти залились плачемъ и прижались къ матери. Она бросилась къ мужу, стараясь освободить изъ его бѣшеныхъ рукъ Макарку. Но онъ оттолкулъ ее однимъ взмахомъ кулака. Онъ билъ Макарку, какъ изступленный, по чемъ попало. Тотъ не издавалъ ни одного звука, ни одного стона, и только когда совершенно обезумѣвшій отецъ сталъ таскать его за волосы по полу, онъ не выдержалъ мученій и, поймавъ его палецъ впился въ него зубами.

— Ахъ ты щенокъ! кусаться! Ахъ ты мерзавецъ! Жена!—крикнулъ онъ,—зови дворника, мы сейчасъ его выпоремъ...

Макарка разжалъ зубы и однимъ прыжкомъ очутился у двери.

— Ступай вонъ, подлецъ, ступай вонъ!—прохрипѣлъ Абрамъ Марковичъ.—Если придешь назадъ—я тебѣ всѣ кости переломаю.

Макарка обратилъ къ нему свое истерзанное, избитое лицо:—Я васъ ненавижу,—крикнулъ онъ надорваннымъ, осипшимъ голосомъ и, раскрывъ дверь, исчезъ.

Макарка бѣжалъ, точно за нимъ гнался легіонъ демоновъ. Пробѣжавъ нѣсколько улицъ, онъ очутился въ какомъ-то глухомъ переулкѣ и, сообразивъ, что здѣсь его не поймаютъ, отановился перевести духъ. У забора какого-то строющагося дома возвышалась куча щебня. Макарка сѣлъ на эту кучу. Голова у него горѣла и кружилась, тѣло ныло отъ побоевъ. Онъ провелъ рукой по спутаннымъ волосамъ и тутъ только замѣтилъ, что ушелъ безъ шапки. Чувство оскорбленія, злобы, переполняло все его существо, душило его. Онъ еще не могъ разобраться въ хаосѣ волновавшихъ его ощущеній. Его охватила неудержимая, жгучая, чистофизическая потребность въ свою очередь сдѣлать больно, раздавить, убить‘ уничтожить... Кого?—отца и всѣхъ, всѣхъ... Весь міръ представлялся ему жестокимъ, неумолимымъ врагомъ, созданнымъ на его, Макаркину, погибель. Сдавленное обидой и негодованіемъ сердце билось и замирало въ его груди, какъ раненая птица. „Все кончено, все кончено,—шепталъ онъ, *послѣ этого* нельзя жить“. Ему стало страшно жалко самого себя, изъ глазъ брызнули слезы. Все его избитое тѣло заколыхалось отъ рыданій... Сырая вечерняя свѣжесть охлаждала его пылающую голову. Безвыходность положенія впервые предстала предъ нимъ, — и онъ содрогнулся.—Куда идти?... Къ кому обратиться... Къ Давиду? Нѣтъ, нѣтъ... зачѣмъ ему видѣть такого несчастнаго... Умереть!.. ничего больше не остается.... Но какъ?... броситься въ воду?... Макаркѣ вспомнился одинъ утопленникъ, котораго онъ видѣлъ,—синій, распухшій, съ стекляннымъ, неподвижнымъ взоромъ... Нѣтъ, это слишкомъ ужасно... Отравиться?—нечѣмъ... Вдругъ его точно озарило.... *Простудиться*. Да... это самое лучшее... Онъ подумалъ еще немного, потомъ всталъ и рѣшительнымъ шагомъ отправился обратно къ дому. Ворота были еще заперты.

Онъ осторожно проскользнулъ за дровяной сарай, гдѣ онъ зналъ, стояла кадка съ водой. Тутъ-же рядомъ стояла телѣга. Макарка влѣзъ въ нее, разулся, подобралъ штаны выше колѣнъ и опустилъ ноги въ кадку. По пяткамъ, потомъ все выше и выше точно забѣгали иголки. Макарка вздрогнулъ, но скрѣпился и еще глубже опустилъ ноги въ воду.

„Простужусь,—думалъ онъ,—простужусь и умру".— И злоба къ отцу все разросталась въ его душѣ. Отомстить ему хоть своей смертью... пусть радуется! Одного сына ужъ загубилъ, теперь другого. И зачѣмъ жить?!. Вѣчная ругань, никогда добраго слова не услышишь, цѣлый день будто въ котлѣ кипишь. Учиться не могу... гимназія эта—чистая каторга... Будетъ, намучился... Одну только мать и жалко, не сладко ей тоже... Ну, ничего! поплачетъ и забудетъ. Еще вѣдь цѣлая четверка остается на утѣшеніе и на съѣденіе.

У Макарки начали нѣмѣть ноги. Онъ ихъ вынулъ на минуту, но тутъ же разсердился на себя. — Струсилъ, подлецъ, — процѣдилъ онъ сквозь стиснутые зубы,— холодно стало, домой, на кроватку захотѣлось — такъ вотъ нѣтъ! Околѣвай, коли жить не умѣлъ...—и онъ съ остервененіемъ заболталъ ногами въ кадкѣ. А ноги коченѣли все больше. Онъ уже не чувствовалъ холода и вообще пересталъ чувствовать и думать о чемъ-либо. Безконечная усталость сковала его члены, глаза сами собой сомкнулись... Послѣднимъ проблескомъ воли онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы ихъ раскрыть, но утомленіе побѣдило. Онъ свалился, какъ снопъ, въ телѣгу и моментально заснулъ глубокимъ сномъ.

И приснился Макаркѣ сонъ. Онъ увидалъ большую, залитую огнями залу, сверкающую бѣлыми мраморными колоннами, наполненную нарядной публикой. На обитой краснымъ сукномъ эстрадѣ размѣстился оркестръ. Шумъ

смолкъ. На эстраду вышелъ пѣвецъ. И вотъ пронеслись первые звуки. О, какая чудная мелодія! Нѣжная и могучая, жалобная и торжествующая... Вся зала притихла, какъ одинъ человѣкъ, и жадно внимаетъ каждому звуку, вылетающему изъ груди пѣвца. И лицо у этого пѣвца—какъ у Макарки, только никто его не узнаетъ... а онъ поетъ все лучше... Царственно-прекрасная женщина, вся въ бархатѣ, цвѣтахъ и брилліантахъ, и худенькая, бѣдная Аксинья Ивановна—прильнули другъ къ другу какъ сестры и обѣ слушаютъ умиленныя, точно зачарованныя, пѣсню-молитву, поющую о вѣчной любви, для которой нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ... Во всей залѣ только одно лицо остается суровымъ и угрюмымъ—это лицо отца. Но Макарка теперь волшебникъ. Онъ ясно видитъ, какъ въ сердцѣ отца зіяетъ рана и изъ этой раны сочится теплая кровь. Эта кровь сочится за потерянныхъ дѣтей... Онъ потерялъ всѣхъ дѣтей, всѣ его покинули... Онъ одинокъ, одинокъ. И Макарка запѣлъ для него одного! Въ пѣснѣ послышался дѣтскій плачъ, и дѣтскія ласки, и смѣхъ... И рана въ сердцѣ отца стала исчезать, глубокія морщины разгладились у него на лбу, онъ поднялъ на Макарку радостные, просіявшіе глаза, онъ узналъ его и ужъ бросился къ нему съ восторженнымъ кликомъ... Но въ этотъ мигъ разверзлась страшная, мрачная бездна, Макарка полетѣлъ туда съ ужасающею быстротой и все, все пропало...

Макарку на разсвѣтѣ отыскалъ работникъ, шедшій за дровами въ сарай. Ему почудился чей-то голосъ, онъ оглянулся и увидѣлъ Макарку полусидѣвшаго въ телѣгѣ и оживленно жестикулировавшаго. Онъ подо-

шелъ къ нему, заговорилъ съ нимъ и, убѣдившись, что тотъ его не понимаетъ, подумалъ: „ужъ не рехнулся-ли хозяйскій сынъ“,—и побѣжалъ будить хозяйку. Когда Хана увидала Макарку, у нея подкосились колѣни. Онъ лежалъ, разметавшись въ телѣгѣ, съ голой грудью и ногами, и что-то быстро и невнятно бормоталъ. На его пылающихъ щекахъ виднѣлись слѣды слезъ.

— Ѳедоръ, неси его въ домъ, я тебѣ помогу,—приказала она работнику.

— И одинъ снесу,—возразилъ тотъ, взявъ мальчика въ охапку.—Ишь ты, какъ распалился, сердешный, аспидъ-то вашъ совсѣмъ заѣлъ паренька,—прибавилъ онъ откровенно.

Хана не отвѣчала и, вся въ слезахъ, поплелась за работникомъ. У крыльца они наткнулись на Абрама Марковича. Онъ собирался уходить, но, увидѣвъ эту группу, невольно остановился. Жена повернула къ нему искаженное, гнѣвное лицо.

— Радуйся,—проговорила она,—довелъ ребенка до могилы.

— Ладно, не подохнетъ,—отрывисто отвѣтилъ отецъ, но на суровомъ лицѣ его что-то дрогнуло, когда передъ его глазами промелькнули безсильно болтавшіяся Макаркины ноги. Эти бѣдныя, голыя ноги полоснули его по сердцу какъ ножомъ. Онъ прошелся нѣсколько разъ по двору; валявшіеся возлѣ кадки съ водой Макаркины сапоги объяснили ему безъ словъ въ чемъ дѣло. Онъ бросился въ конюшню, самъ заложилъ лошадь въ шарабанъ и во весь духъ помчался за докторомъ.

У Макарки открылся тифъ. Нѣсколько дней онъ безпрерывно бредилъ, никого не узнавая. Придя въ сознаніе, Макарка очень удивился, увидѣвъ себя въ своей комнатѣ, въ кровати. На столѣ горѣла лампа подъ бу-

мажнымъ колпакомъ. По стѣнамъ скользили какія-то тѣни. Мать наклонилась надъ нимъ.

— Макарочка, тебѣ лучше?—проговорила она, и ея сухая, загрубѣлая отъ работы рука поправила на его головѣ пузырь со льдомъ. Онъ вскинулъ на нее удивленный взглядъ, очевидно стараясь припомнить, что такое съ нимъ произошло. И вдругъ онъ вспомнилъ... Горѣвшее жаромъ лицо изобразило испугъ.

— Отецъ,—пробормоталъ онъ,—я боюсь его, зачѣмъ ты меня привела домой?..

— Отецъ не сердится,—сказала она,—онъ жалѣетъ, что погорячился, онъ тебя вѣдь любитъ, Макарчикъ...

— Оставь, оставь, — прошепталъ онъ, впадая въ забытье.

Прошло еще нѣсколько дней. Макарка больше не бредилъ, онъ былъ въ полномъ сознаніи, но страдалъ больше прежняго. Тифъ осложнился воспаленіемъ легкихъ. Пользовавшій его докторъ, смущенный такимъ оборотомъ болѣзни, предложилъ созвать консиліумъ. Пригласили двухъ знаменитостей, которыя, заставивъ домашняго врача прождать два часа сверхъ назначеннаго срока, наконецъ пріѣхали. Онѣ помяли бѣднаго Макарку на разные лады, выстукали его, выслушали, потомъ немножко поспорили между собою: одна знаменитость утверждала, что у больного обыкновенная чахотка, другая настаивала на просовидной бугорчаткѣ. Обѣ, однако, согласились, что субъектъ безнадеженъ. Когда объ этомъ объявили Абраму Марковичу, онъ затрясся, какъ листъ.

— Умретъ... скоро?—промолвилъ онъ, глубоко переводя духъ.

— Нѣтъ, онъ можетъ протянуть еще пять-шесть недѣль, даже два мѣсяца,—отвѣтилъ докторъ, стоявшій

за бугорчатку, пряча въ боковой карманъ двадцатипяти-рублевую бумажку.

Абрама Марковича точно ударили обухомъ по головѣ. Онъ отлично слышалъ медицинскій приговоръ, но не повѣрилъ ему, не могъ повѣрить.—Врутъ, врутъ они,—утѣшалъ онъ самого себя и побѣжалъ къ сыну, какъ бы желая убѣдиться во-очію, что доктора соврали. Макарка узналъ шаги отца. У него упало сердце и колючая боль въ груди, которая теперь никогда его не покидала, сдѣлалась до того невыносима, что онъ зажмурился и закусилъ губы. Отецъ присѣлъ на край кровати и осторожно взялъ его за руку. Макарка вздрогнулъ, раскрылъ глаза и встрѣтилъ прямо устремленный на него взоръ отца. И столько было въ этомъ взорѣ нѣжности, горя, страха, что у Макарки еще сильнѣе сжалось сердце,—но теперь ужъ отъ жалости къ отцу. Ввалившіяся глаза налились слезами, а сухія, истрескавшіяся губы прошептали:

— Прости меня, папаша.

— Не волнуйся, не волнуйся,—говорилъ отецъ, оправляя дрожащей рукой одѣяло,—выздоравливай только, все будетъ хорошо.

Странное дѣло! и голосъ у Абрама Марковича былъ не тотъ и лицо не то... Неужели-же Макарка не зналъ своего отца? Неужели онъ ошибся? Ему вдругъ представилась та минута, когда онъ, избитый, окровавленный, крикнулъ отцу: „я васъ ненавижу!“ Гдѣ эта ненависть? Она растаяла, испарилась отъ одной неожиданной ласки отца. Какъ онъ благодаренъ ему за эту ласку. Макарка схватилъ его руки и покрылъ ихъ поцѣлуями.

— Простите меня, папаша,—зашепталъ онъ опять,—я буду учиться день и ночь, я вѣдь и прежде не лѣнился, но мнѣ ничего не давалось... Я попробую еще разъ...

И Макарка такъ горько разрыдался, что только съ большимъ трудомъ удалось его успокоить.

Лѣто стояло въ полномъ разгарѣ. Макарка лежалъ въ своей постели и умиралъ — отъ обыкновенной чахотки, или отъ просовидной бугорчатки—не все-ли равно... Его окружала нѣжность, къ которой онъ совсѣмъ не привыкъ. Мать не отходила отъ него, но особенно поражалъ его отецъ. Доктора, лекарства, лакомства, дорогія вина... Абрамъ Марковичъ ничего не жалѣлъ. Каждую свободную минуту онъ проводилъ у кровати больного, разговаривалъ съ нимъ, измѣрялъ температуру, и только по тому, какъ дрожали его руки, Макарка могъ безошибочно судить, что жаръ увеличился. .—„Вѣрно, опять сорокъ",—думалъ онъ,— и ему гораздо больше было жаль отца, чѣмъ себя, и все яснѣе становилось ему, что онъ слишкомъ поторопился его осудить...

О гимназіи и всемъ, что предшествовало *той* ужасной ночи—не было помину. Въ домѣ царствовала тишина. Левушка и остальныя дѣти по цѣлымъ днямъ возились въ палисадникѣ и никто ихъ не бранилъ за бездѣльничанье. Иногда Макарка просилъ, чтобы ихъ привели къ нему. Они приходили, усаживались вокругъ его кровати и боязливо глядѣли на него—такой онъ былъ худой и необыкновенный. Онъ ласкалъ ихъ, отдавалъ имъ свои лакомства, прижималъ ихъ ручки къ своимъ багровымъ, горячимъ щекамъ... Дѣти молчали: имъ было не по себѣ въ этой комнатѣ, пропитанной запахомъ лекарствъ. Макарка замѣчалъ это, вздыхалъ и отпускалъ ихъ въ садъ.

— Ступайте, ступайте, дѣточки, играйте,—говорилъ онъ имъ съ грустной и нѣжной улыбкой.

Никто ни разу не слыхалъ отъ него ни одного стона, ни одной жалобы.

— Тебѣ хуже, Макарчикъ?—скажетъ ему мать, когда, обезсиленный мучительнымъ приступомъ кашля, онъ прислонится головой къ высоко-поднятымъ подушкамъ.

— Нѣтъ, мамочка, ничего, не безпокойся.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть Давида,—сказалъ онъ однажды отцу.—Ты ему не писалъ, что я боленъ?

— Я самъ ѣздилъ къ Блюмамъ. Они всѣ теперь на дачѣ; Давидъ былъ тутъ разъ, но ты въ это время спалъ.

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ меня вы не разбудили!—воскликнулъ Макарка съ невыразимой тоской.—Неужели я больше его не увижу?—прибавилъ онъ и, отвернувшись къ стѣнкѣ, заплакалъ.

— Не плачь, Макарчикъ, я тебѣ сегодня же привезу твоего друга,—утѣшалъ его отецъ.

Красивое, свѣжее лицо Давида Блюма изобразило сильнѣйшее изумленіе, жалость и даже страхъ при видѣ высохшаго, маленькаго личика Макарки, съ которымъ отъ радости сдѣлался такой припадокъ кашля, что онъ не могъ вымолвить ни одного слова. Наконецъ онъ успокоился, кашель стихъ, онъ взялъ въ обѣ свои худенькія, влажныя руки бѣлую, выхоленную руку Давида и произнесъ:

— Спасибо, что пріѣхалъ. Вотъ другъ... а то бы и не увидались.

— Не говори, голубчикъ, тебѣ вредно.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, пожалуйста, позволь мнѣ

съ тобой поговорить!—взмолился Макарка и значительно прибавилъ:

— Мнѣ нужно съ тобой поговорить.

— Вѣдь ты задыхаешься!

— Ничего, ты только наклонись ко мнѣ.

Давидъ почти приникъ къ подушкѣ.

— И какъ это ты такъ расхворался?—спросилъ онъ.

Съ остановками и перерывами Макарка разсказалъ исторію своей болѣзни.

— Видишь,—закончилъ онъ тяжелымъ шепотомъ,—я самъ во всемъ виноватъ.

— Ты?! Нѣтъ, не ты, а этотъ самодуръ, тятенька твой.

Макарка глубоко вздохнулъ.

— Вотъ, вотъ... я зналъ, что ты такъ скажешь, — произнесъ онъ горестно,—я потому и хотѣлъ тебя видѣть, чтобы попросить тебя... чтобы объяснить, что *онъ* совсѣмъ не такъ виноватъ. О, Давидъ! я теперь все, все понялъ... Нужно его пожалѣть, а не унижать презрѣніемъ. Иначе всѣ дѣти погибнутъ!—воскликнулъ онъ.

Давиду показалось, что у Макарки начинается бредъ.

— Богъ съ тобой, успокойся, какія дѣти?

— Да наши! — нетерпѣливо возразилъ Макарка. — Когда я умру, всѣ скажутъ, что отецъ меня уморилъ, будутъ на него смотрѣть какъ на звѣря... Онъ еще больше ожесточится..,и бѣдные Левушка, Соня, Лиза и Миша пропадутъ—и будетъ съ ними то же, что со мною. Заступиться некому, а когда они поймутъ, что отецъ не извергъ, что онъ просто не знаетъ, какъ сдѣлать лучше—будетъ поздно. Я теперь все понялъ. Развѣ онъ для себя желалъ, чтобы я былъ ученымъ? Ему хотѣлось, чтобы мнѣ жилось полегче, чтобы я не гнулъ съ утра до ночи спину какъ онъ, чтобы какой-нибудь

купчина не говорилъ мнѣ какъ ему;—вы, жиды съ отца родного рады рубашку снять. Онъ мечталъ, чтобы я былъ такой, какъ ты. Милый, милый! Нельзя-же обвинять его въ томъ, что онъ не понимаетъ, что я тебѣ—не ровня, что одному Богъ даетъ все, чтобы вознести его надъ толпой, а другой—весь вѣкъ проживетъ червякомъ.... Онъ видѣлъ, какъ твой отецъ гордится тобой, и ему, бѣдному, было больно, что я такой неблестящій.

Давиду вдругъ стало невыразимо стыдно передъ этимъ умирающимъ мальчикомъ. Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ въ теченіе многихъ лѣтъ принималъ какъ нѣчто должное его безпредѣльную любовь, его простодушное обожаніе. Онъ вспомнилъ, что въ сущности никогда не интересовался Макаркой—какъ Макаркой, никогда пальцемъ не пошевельнулъ для облегченія его тяжелой доли и любилъ въ немъ лишь терпѣливаго, благодарнаго слушателя, восторженнаго поклонника своей особы.

Все это разомъ промелькнуло передъ нимъ.

— Макарушка,—воскликнулъ онъ, и въ голосѣ у него послышались искренніи слезы. —Макарушка, да ты во сто разъ лучше меня и цѣлаго легіона такихъ молодцовъ, какъ я.

— Ну, зачѣмъ, зачѣмъ ты это говоришь? — застѣнчиво пролепеталъ Макарка.—Ты и я!—Онъ даже засмѣялся, но сейчасъ же опять принялъ серьезный видъ. —Ахъ, не въ этомъ дѣло. Я хочу просить тебя... Помнишь, Давидъ, сколько разъ ты говорилъ мнѣ о еврейскомъ народѣ, о томъ, какъ онъ несчастенъ, какъ давитъ его невѣжество, грубость... Ты говорилъ, что образованная еврейская молодежь должна работать для этихъ несчастныхъ. О, милый!—зашепталъ онъ дрожащими губами, и крупныя слезы покатились одна за другой изъ его прекрасныхъ черныхъ глазъ, — милый,

вѣдь мои маленькіе сестры и братья — тоже еврейскій народъ; не оставь ихъ, помоги имъ сдѣлаться людьми, если ты когда-нибудь меня хоть немного любилъ..

Голосъ Макарки оборвался. Онъ сильно закашлялся. Давидъ подалъ ему воды и успокоительныхъ капель.

— Еще одна просьба: — промолвилъ онъ—пріѣзжай вмѣстѣ съ сестрами на мои похороны. Онѣ славныя дѣвочки и я ихъ очень любилъ, особенно Линочку. Мнѣ кажется, что я почувствую, какъ вы на прощанье бросите горсть земли въ мою могилу. И не жалѣйте меня. Мнѣ вовсе не страшно умирать...

Нервы Давида не выдержали.

— Праведникъ ты, Макарушка, мученикъ!—говорилъ онъ, всхлипывая и припадая къ Макаркиной рукѣ.

Макарка умеръ тихо, точно заснулъ. Въ домѣ немедленно поднялся тотъ шумъ и гамъ, который неизбѣжно сопровождаетъ еврейскія похороны. Въ комнатѣ какъ-то удивительно скоро появились чужіе люди, стали бѣгать, разговаривать, распоряжаться; развязно подходили къ постели, гдѣ лежалъ, вытянувшись во весь свой небольшой ростъ, бѣдный Макарка, размахивали руками, соображали...

Безмолвный, блѣдный мальчикъ точно перешелъ въ ихъ собственность. Не успѣли оглянуться, какъ онъ ужъ лежалъ на полу, подъ чернымъ сукномъ, и въ изголовьи его ужъ печально колыхалось желтоватое пламя свѣчи, вставленной въ высокій серебряный подсвѣчникъ. Мать и отецъ громко плакали. Дѣти, прижавшись другъ къ другу, забились въ дальній уголокъ и глядѣли оттуда какъ спугнутыя птички. Тотъ, кто лежалъ подъ чернымъ сукномъ, внушалъ имъ какой-то

таинственный ужасъ. Они знали, что это Макарка, но это былъ ужъ не ихъ братъ, съ которымъ они возились, играли, дрались, который ихъ такъ нѣжно ласкалъ во время своей болѣзни, а что-то другое, неподвижное, величавое, безучастное и вмѣстѣ... страшное.

Пріѣхалъ Давидъ съ отцомъ и сестрами. Завидѣвъ ихъ, Хана зарыдала еще громче, какъ бы взывая къ этимъ свидѣтелямъ своего горя.

Старикъ Блюмъ серьезно и сосредоточенно остановился у порога. Къ нему подошелъ Абрамъ Марковичъ, отвелъ его въ другой конецъ комнаты и усадилъ въ кресло. У Давида дрожали губы, онъ старался совладать съ собою, но не смогъ и порывисто расплакался. Нѣмая фигура его скромнаго товарища казалась ему жертвой такой вопіющей, такой неумолимой безсмыслицы. Его сестра, высокая, тоненькая дѣвочка, въ изящномъ черномъ платьицѣ, видимо не знала что дѣлать. И жутко ей было, и плакать хотѣлось. Она вынула изъ круглаго картона огромный вѣнокъ изъ иммортелей и бѣлыхъ розъ и робко положила его къ ногамъ покойника. Ей очень хотѣлось поглядѣть на него, но она не смѣла. Съ одного бока сукно подвернулось и обнажило высохшую, маленькую, потемнѣвшую руку. Дѣвочка поглядѣла на нее и вспомнила, какъ Макарка изъ пятачковъ, которые выдавались ему на завтраки, накопилъ три рубля и купилъ ей серебряный наперстокъ къ именинамъ. Ея кроткое личико затуманилось, ей вдругъ стало всѣхъ ужасно жалко.

На дворѣ послышался стукъ въѣзжавшихъ дрогъ. Лѣсенка вся затрещала подъ напоромъ тяжелыхъ ногъ. Дверь распахнули настежь, и два человѣка втащили длинный черный ящикъ — общій гробъ, въ которомъ возятъ на кладбище всѣхъ евреевъ. При видѣ зловѣщаго ящика всѣ притихли. А чужіе люди дѣлали свое

дѣло. Они подхватили Макарку за голову и за ноги, положили въ ящикъ и прихлопнули крышкой... Все это было такъ просто, такъ обыкновенно и такъ ужасно горько... Давидъ приподнялъ гробъ съ одного конца съ другого и по бокамъ стали „священные братья".

— Не такъ держите,—сердито крикнулъ одинъ изъ нихъ на Давида,—подымайте выше!—Наконецъ, гробъ поставили на дроги, и печальная процессія тронулась. Въ наемной каретѣ ѣхала Хана съ какою-то пожилой женщиной, въ собственной—Блюмъ съ дочкой, Давидъ и Абрамъ Марковичъ шли пѣшкомъ. Было начало августа. День стоялъ ясный, солнечный. Путь лежалъ по оживленнымъ торговымъ улицамъ. Одни прохожіе останавливались съ любопытствомъ, другіе крестились и проходили мимо.

— Жида хоронятъ,—громко замѣтилъ какой-то разносчикъ.

Миновали заставу; грохоту стало меньше; показалась поросшая травой, немощеная дорога...

— Нѣтъ мнѣ счастья, — вдругъ произнесъ Абрамъ Марковичъ, до сихъ поръ угрюмо молчавшій.

Давидъ посмотрѣлъ на него.

— Нѣтъ мнѣ счастья,—повторилъ онъ,—такой сынъ —и умеръ.

— О, какой онъ былъ славный мальчикъ!—воскликнулъ Давидъ.

Абрамъ Марковичъ съ негодованіемъ посмотрѣлъ на него.—Славный!—проговорилъ онъ обиженно.—Это былъ геній! Его разговоры, его поведеніе... Душу, понимаете, душу онъ у меня вырывалъ своими разговорами.

Абрамъ Марковичъ утеръ клѣтчатымъ платкомъ слезы.

— У васъ остались еще дѣти,—сказалъ Давидъ, желая его утѣшить.

Абрамъ Марковичъ махнулъ рукой.

— Э!—проговорилъ онъ,—какое сравненіе!..

Дроги свернули на мостикъ, за которымъ виднѣлись бѣлыя кладбищенскія ворота. Процессію встрѣтилъ сторожъ, дюжій рыжій мужикъ, и помогъ отнести тѣло въ домикъ, спеціально назначенный для омовенія и послѣдняго туалета усопшихъ.

Давидъ съ сестрой пошли бродить по могиламъ. На нѣкоторыхъ высились мраморные мавзолеи съ горделивыми надписями, что тутъ, молъ, погребенъ первой гильдіи купецъ, блиставшій всевозможными гражданскими доблестями, а здѣсь почіетъ надворный совѣтникъ, докторъ медицины... Это была кладбищенская аристократія. Она занимала центръ кладбища. А тамъ, по окраинамъ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу, тѣсно налегая другъ на друга, ютилось цѣлое поле холмиковъ, осѣненныхъ сѣрыми каменными плитами и деревянными дощечками. О, эти деревянныя дощечки! Сколько пролитыхъ слезъ, сколько замученныхъ сердецъ укрылось подъ ними, сколько скорбныхъ повѣстей могли-бы они повѣдать міру!.. Тутъ же неподалеку вырыли могилу и Макаркѣ. На-скоро прочитавъ молитвы, опустили туда его тѣло, совершенно скрытое подъ широкимъ бѣлымъ саваномъ. Присутствующіе бросили на него по кому земли. Всѣхъ утомила тяжелая процедура похоронъ, каждый спѣшилъ поскорѣе уѣхать... Только мать, нагнувшись надъ зіяющей могильной пастью, смотрѣла, какъ она пожирала ея дѣтище, и тихо стонала. Надъ могилой уже поднялся бугорокъ. Всѣ разъѣхались, даже нищіе, получивъ щедрую милостыню, разбрелись во-свояси, а она все не трогалась съ мѣста.

Абрамъ Марковичъ взялъ ее за руку:

— Перестань, Хана,—сказалъ онъ,—это грѣхъ, ты *ему* не даешь покою...

И онъ почти насильно увелъ ее.

И остался Макарка въ гостепріимной, общей всѣмъ людямъ, „чертѣ осѣдлости". Старая, расщепленная ракита склонила къ нему позолоченную заходящимъ солнцемъ вѣтку, и птицы, слетѣвшись на красивый вѣнокъ изъ иммортелей и розъ, удивленно защебетали надъ нимъ свою вѣчную пѣсню...

